

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5

1973

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

Сентябрь — Октябрь

1973

ВОПРОСЫ
общая библиография
им. Н. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. В. Бабушкина

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов,
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. М. Дробижева, Г. Е. Марков, Л. Ф. Моногарова,
А. П. Окладников, Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Н. С. Полищук
(зам. главн. редактора), Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), К. В. Чистов

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

И. С. Гурвич

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ БЕРЕГОВЫХ ЧУКЧЕЙ И АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ ¹

За последние десятилетия в традиционном хозяйстве, материальной и духовной культуре, социальном составе малочисленных, отсталых в прошлом народностей Крайнего Севера наблюдаются значительные прогрессивные изменения. Они оказывают большое влияние на этническое развитие коренных обитателей тайги и тундры, на восприятие ими общесоветских элементов культуры, на сближение и слияние между собой этнографических и локальных групп в пределах отдельных народностей, на преодоление былых внутренних этнографических барьеров и т. д. В этих условиях особый интерес представляют судьбы культурного наследия этнографических групп, существующих в составе отдельных народностей Севера. Известный свет на характер современных этнокультурных процессов, развивающихся на Севере, на особенности размыwania небольших этнографических групп проливают данные о современной жизни береговых чукчей и азиатских эскимосов.

Значительная часть береговых чукчей и азиатских эскимосов сосредоточена на крайнем северо-востоке Чукотского полуострова, в Чукотском и Провиденском районах, являющихся основными центрами добычи морского зверя (см. карты).

Вследствие отдаленности от городов, земледельческих областей, в сложных ледовых условиях Арктики, затрудняющих морскую связь, коренное население этого региона вплоть до начала социалистических преобразований отличалось крайней отсталостью². Здесь бытовали архаические примитивные орудия производства — копья, гарпуны, каменные кувалды, сети из пластин китового уса и лахтачьих ремней, каменные скребки для выделки шкур. Охотники и их семьи вели суровую, полную лишений жизнь. Когда зверя было мало, береговые жители часто недоедали, а порой голодали. Тяжелые бытовые условия способствовали распространению кишечных, кожных и легочных заболеваний, трахомы.

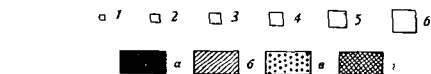
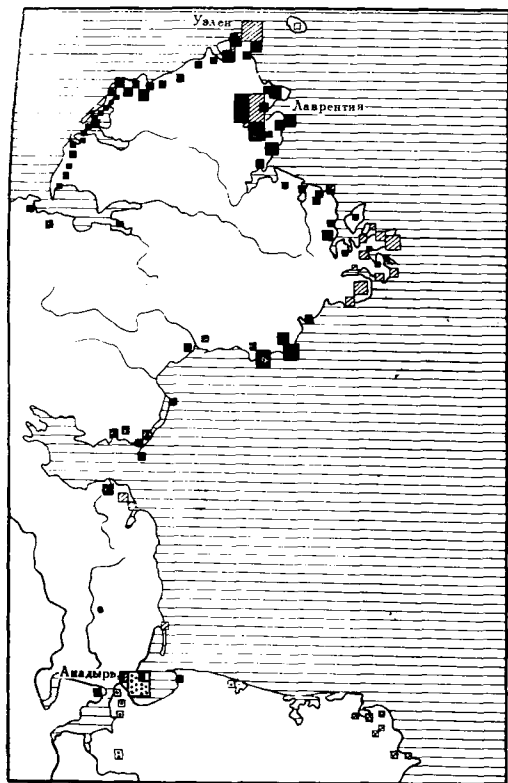
Социалистическое строительство на побережье Чукотки развернулось во второй половине 1920-х годов. В то время поселения береговых оседлых чукчей тянулись от Чаунской губы до Анадыря. Эта этнографическая группа чукотского народа состояла из 578 семей (2983 чел)³. По данным П. Е. Терлецкого, оседлые чукчи составляли 23,5% по отношению ко всем чукчам⁴.

¹ Статья написана по материалам, собранным летом 1972 г. Северо-восточным отрядом Северной экспедиции Ин-та этнографии АН СССР, работавшим в Чукотском и Провиденском районах Чукотского национального округа. В состав отряда входили: И. С. Гурвич, М. Я. Жорницкая, Т. М. Мастюгина, С. М. Юсим, А. Д. Маслов.

² В. Г. Богораз, Чукчи, т. I, Л., 1934; т. II, Л., 1939.

³ «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927)», Благовещенск, 1929, Приложение, стр. 27+31.

⁴ П. Е. Терлецкий, Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926 г.), Л., 1932, стр. 19.

Размещение чукотских и эскимосских поселений в Чукотском и Провиденском районах по данным переписи 1926—1927 гг.; число хозяйств: 1 — от 1 до 5, 2 — от 6 до 10, 3 — от 11 до 20, 4 — от 21 до 50, 5 — от 51 до 100, 6 — от 101 до 200; а — чукчи, б — эскимосы, в — русские, г — коряки

района, были преобразованы в промысловые совхозы. Мелкие поселения береговых чукчей и эскимосов в период укрупнения были покинуты. Образовались поселки, насчитывающие от 300 до 1000 жителей.

Большинство чукчей и эскимосов в Чукотском и Провиденском районах являются теперь рабочими и служащими совхозов. Лишь 174 чукотских и 7 эскимосских семей — члены колхоза им. Ленина (с. Лорино), одного из самых передовых колхозов Чукотки.

Переустройство экономики, образование больших поселений нарушили обособленность береговых чукчей и эскимосов. Усложнился этнический состав приморских районов Чукотки за счет пришлого, преимущественно русского населения, которое численно преобладает в район-

Эскимосские поселения располагались от Чукотского мыса до залива Креста. Согласно переписи 1926—1927 гг., в них проживало 1290 эскимосов⁵. Все эскимосы вели оседлый образ жизни.

В 1929—1930 гг. на берегах Берингова и Чукотского морей возникли первые советские артели морских зверобоев⁶. Это способствовало значительному подъему благосостояния берегового населения⁷. Последующая реконструкция хозяйства и культуры береговых чукчей привела к тому, что их колхозы окрепли и укрупнились. Значительных успехов добились и коллективные хозяйства оленых чукчей. В 1950-х годах колхозы береговых чукчей и эскимосов, специализировавшиеся на добыче морского зверя, и ближайшие оленеводческие колхозы объединились⁸. Береговые чукчи и азиатские эскимосы, с одной стороны, и тундровые чукчи-оленьеводы — с другой, стали членами единых укрупненных колхозов.

Сосредоточение в рамках больших колхозов зверобоев и оленеводов позволило более рационально увязать оленеводство с морским зверобойным промыслом. В 1968 г. прибрежные колхозы, за исключением колхоза им. Ленина Чукотского

⁵ «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края», стр. LVII.

⁶ «На Советской Чукотке», «Советский Север», 1932, № 3, стр. 1.

⁷ О социалистическом строительстве на побережье Чукотки см.: Е. П. Орлова, Азиатские эскимосы, «Изв. Всесоюзного географического общества», 1942, № 2; «Преображенный край», сб. статей, Магадан, 1956; Г. А. Меновщиков, Эскимосы, Магадан, 1959; И. С. Вдовин, Очерки истории и этнографии чукчей, М.—Л., 1965.

⁸ Э. Е. Селитренник, Некоторые вопросы колхозного строительства в Чукотском национальном округе, «Сов. этнография», 1965, № 1.

ных центрах. В большинстве приморских поселков пришлое население составляет 11—29%.

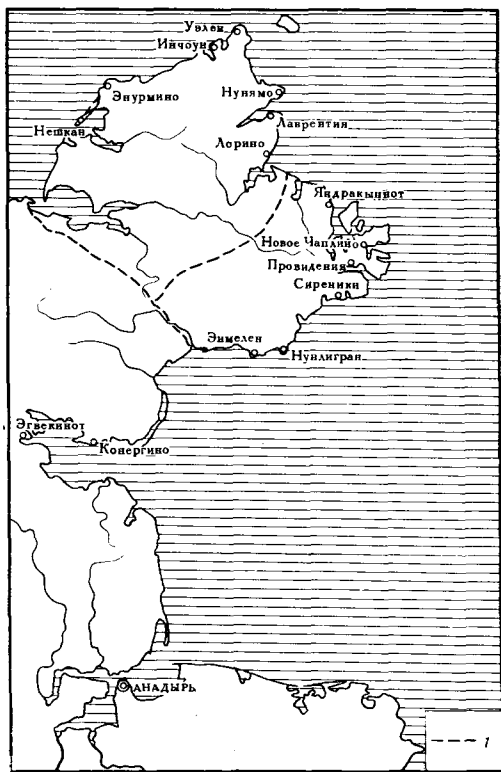
Коренное население этих приморских поселков теперь состоит не только из береговых чукчей и эскимосов-зверобоев, но также из тундровых чукчей-оленьеводов. Последние составляют среди коренного населения в пос. Нешкан 56% в Лорино — 34, в Инчоуне — 20, в Уэлене — 10, в Энурмино — 15, в Нунымо — 11%. В связи с этим участились браки между оленными и береговыми чукчами. В Лорино нами было выявлено 16 таких семей, в Нешкане — 14, в Инчоуне — 12 и т. д.

Общая численность потомков береговых чукчей в этих условиях может быть определена лишь приблизительно. Основная часть их обитает в Чукотском и Провиденском районах (по данным нашего опроса, в Чукотском районе — 1748 чел., в Провиденском — около 800 чел.).

В Чукотском районе живет сейчас 238 эскимосов, в Провиденском — около 600. Всего переписью 1970 г. было выявлено 1308 эскимосов, в том числе в пределах Чукотского национального округа 1149 чел. Таким образом, основная масса азиатских эскимосов проживает в районах древнего расселения этого народа. За последние десятилетия эскимосское население несколько расселилось по побережью. Так, из-за невозможности развернуть современное жилищное строительство в древнем эскимосском поселке Наукан, он был в 1959 г. оставлен, и науканские эскимосы переселились в ближайшие поселки с преобладающим чукотским населением. В Уэлене в 1972 г. проживало 67 эскимосов (12 эскимосских семей, 12 эскимосско-чукотских, 3 эскимосско-русских); в Нунымо — 81 эскимос (12 эскимосских, 11 чукотско-эскимосских, 2 русско-эскимосских семьи); в Лорино — 43 эскимоса (7 эскимосских, 5 эскимосско-чукотских, 1 русско-эскимосская, 1 татарско-эскимосская семья); в Нешкане — 11 эскимосов (1 эскимосская, 2 русско-эскимосские, 1 чукотско-эскимосская семья); в Лаврентии — 90 эскимосов (21 эскимосская, 10 эскимосско-русских семей). Таким образом, значительная часть эскимосов в Чукотском районе — члены смешанных в национальном отношении семей.

Иное положение наблюдается в Провиденском районе. В поселках Новое Чаплино и Сиреники преобладают однопациональные эскимосские семьи. Так, в пос. Новое Чаплино проживает 258 эскимосов (59 эскимосских семей и 20 русско-эскимосских и чукотско-эскимосских семей), в Сирениках — 243 эскимоса (53 эскимосских, 18 чукотско-эскимосских и эскимосско-русских семей).

В целом, хотя за последние десятилетия усилилось сближение между разными национальными группами северо-востока Чукотки, здесь преобладают однопациональные браки. Смешанные в национальном отно-

Размещение поселков в Чукотском и Провиденском районах в 1972 году: 1 — границы районов

Рис. 1. Охотник на байдарке

шении семьи — чукотско-эскимосские, эскимосско-чукотские, русско-чукотские, чукотско-русские, чукотско-эвенские, чукотско-украинские и др. — составляют в пос. Нешкан 5%, в Энурмино — 4, в Инчоуне — 6, в Уэлене — 11, в Лорино — 11, в Лаврентии (районный центр) — 30, в Сирениках — 16, в Новом Чаплине — 23%.

Традиции и производственные навыки береговых чукчей и эскимосов стойко сохраняются в поселках Чукотского и Провиденского районов. Большинство мужской молодежи из среды исконных береговых жителей отдает предпочтение добыче морского зверя, хотя

часть ее перешла на работу в оленеводство. Зверобойным промыслом в каждом прибрежном совхозе занимается 50—60 человек. Так, в совхозе «50 лет Октября» (центральная усадьба пос. Нешкан) добычу морского зверя ведут девять бригад по пять человек.

Добыча морского зверя считается в береговых поселках трудным, но почетным занятием. В состав зверобойных бригад, состоящих обычно из молодежи, входят и пожилые опытные охотники, так как традиционные производственные навыки в зверобойном промысле сохраняют свое значение и в наши дни. Охотники должны не только знать места, где обычно скапливаются звери, учитывать их повадки, но и предвидеть изменения погоды, уметь обращаться с мотором, современным оружием и инвентарем (нарезные ружья, ракетницы, морской компас, спасательные средства и т. д.), а также с традиционным охотничьим оружием (закидушки, гарпуны со съёмным наконечником, поплавки «пых-пых», копыя, ножи на длинных рукоятках для разделки туш; часть этого инвентаря изготавливается теперь промышленностью). Бытование традиционных орудий охоты объясняется не отсталостью техники добычи морского зверя, а их простотой, удобством и приспособленностью к специфике морского зверобойного промысла.

Морской промысел требует значительной выдержки, хладнокровия и, конечно, выносливости. Команды вельботов иногда по нескольку суток находятся в открытом море.

В распоряжении каждой бригады имеется моторный вельбот (обычно на вельботе теперь устанавливают два мотора). Помимо вельботов, в ряде поселков (Нешкан, Энурмино) зверобой используют и байдары — каркасные лодки, обтянутые моржовыми шкурами. На корме байдары устанавливают мотор. Байдары, по словам охотников, менее устойчивы и требуют большего ухода, чем вельботы. После использования байдару необходимо перевернуть, веслами выбить влагу, чтобы осушить обшивку, и установить на помосте. Однако они очень удобны для охоты в сложной ледовой обстановке: при сжатии льдами корпус байдар выталкивается на лед. В случае нужды охотники и сами могут без особого труда вытащить ее на лед, перенести через торосы. На байдаре легче пристать к берегу во время шторма, чем на вельботе. Грузоподъемность байдары около 4 т, тогда как вельбота — 1,5—2 т.

Искусство изготовления байдар теперь известно лишь пожилым охотникам. В с. Нешкан в 1972 г., незадолго до нашего приезда, была

Рис. 2. Группа уэленских охотников на нерп

изготовлена новая байдара. Остов ее, скрепленный лахтачьими ремнями, имеет 10 м в длину. Покрышка для этой лодки была сшита женщинами из четырех шкур двухлетних моржей. Обтягивали лодку мужчины. Срок службы такой обшивки обычно не превышает двух лет. Отдельные охотники для своих личных нужд изготавливают небольшие каркасные лодки до 4 м длиной, обшитые моржовыми шкурами. На них также устанавливают мотор. Малые байдары применяются для поездок на охоту, используются зимой для того, чтобы перебираться через разводья во время охоты на ледяном припае и т. д. (см. рис. 1).

Хозяйственный цикл современных морских зверобоев также близок к традиционному, так как зависит от природных условий. В мае бригады ведут подготовку вельботов и байдар к промыслу. Основным сезоном охоты являются три летних месяца — июнь, июль, август, когда берега очищаются от льдов. В этот период моржей, лахтаков, нерп добывают на плавающих льдах. Разделка туш производится на месте охоты. Затем мясо со льдины переносят в вельботы или байдары и доставляют в поселок. Добытых в открытой воде моржей команды вельботов буксируют к берегу. Туши вытягивают из воды трактором или вездеходом. Распространение моторов не только облегчило, но по существу революционизировало охоту на морского зверя. Отпала наиболее трудоемкая работа — гребля. В прошлом большая часть дорогого промыслового времени у охотников уходила на то, чтобы доплыть до места охоты и вернуться с добычей к берегу. Теперь эти операции значительно ускорились, что дало возможность сократить число охотников и в то же время интенсифицировать морской зверобойный промысел.

Механизированные средства транспорта и нарезное оружие позволяют немногим зверобойным бригадам обеспечить прибрежное население мясом морского зверя, заготовить его для звероферм и на корм ездовым собакам.

Часть продукции морского зверобойного промысла (внутренности, лапы, головы китов) используется на подкормку диких песцов. Широко утилизируется жир ластоногих. В каждом прибрежном совхозе, занимающемся морским промыслом, выстроены жиротопки. Применяются станки для отжима жира, транспортеры для подачи мяса. В настоящее время мясо и жир моржей, лахтаков, нерп хранят в ледниках. Однако еще несколько лет назад куски моржового мяса, не отделенные от шкуры, квасили — складывали в земляные четырехугольные ямы-погреб (4 × 3 м) глубиной до 1,5 м. По углам их вкапывали столбы, выступавшие над землей на полметра или на метр. Столбы соединялись балками, на них покоилась матица. Все сооружение затем обкладывали жердями, плахами или обшивали досками. Получался короб с двускатной крышей. В нее врезали раму с дверцей, служившей входом. Спускались в погреб по столбу с зарубками. Боковые стенки и крышу обкладывали дерном. Такие погреба обычно были у каждой семьи. В них хранили до 4 т мяса. Если зимой запасы мяса не удавалось использовать, то летом его выбрасывали, так как оно портилось.

В конце августа, когда начинается пора штормов, охота в открытом море прекращается. В сентябре производится добыча моржей на лежбище. Зверей колют копьями и здесь же разделяют. Охота на лежбище строго лимитирована. После промысла лежбище тщательно очищают.

Летом бригады зверобоев занимаются и разделкой китов, применяя набор традиционных орудий: плоские ножи на длинных рукоятках, женские ножи. Китов теперь по заявкам прибрежных совхозов добывает команда особого судна, оснащенного необходимой техникой. Тушу кита еще недавно вытягивало вручную все население поселка. В настоящее время это делается тракторами. Большую часть китового мяса заготавливают впрок. Его замораживают в ледниках; в некоторых семьях вялят на солнце.

Зимой охота на лахтаков и нерп производится на ледяном припаяе. На охоту выезжают в одиночку на собаках. Иногда два-три охотника промышляют сообща (рис. 2). Как любительский промысел практикуется добыча нерп из лунок (продухов) с помощью гарпуна. Обычно на нерпу ставят подо льдом сети. Для передвижения по мокрому вязкому снегу используют лыжи-ракетки. Если идут по гладкому льду, на меховые сапоги, чтобы они не скользили, надевают скобки с железными или стальными шипами.

На побережье Чукотского моря с места промысла до берега добытых нерп и лахтаков доставляют волоком. Санки из моржовых клыков (использовавшиеся эскимосами на побережье Берингового моря) здесь не употребляются, так как этому препятствуют торосы.

В летние месяцы зверобой зарабатывают по 500—600 руб., зимой месячный заработок колеблется в пределах 100—200 руб.

Большинство членов зверобойных бригад зимой занимается и добычей песка, расставляя капканы на морском побережье, около заранее разбросанной приманки, в устьях речушек и ручейков. В настоящее время для удобства охотников в местах песцового промысла выстроены избушки. К сезону охоты сюда на тракторах или вездеходах совхозы заблаговременно завозят продовольствие, инвентарь, уголь для печей. Обезд капканов производится на собачьих упряжках. Как правило, каждый охотник имеет от 6 до 10 ездовых собак. Корм для них (моржовое мясо и нерпичье или лахтачье сало) также доставляют совхозы. На собаках к жилью подвозят зимой из озер или речушек лед, дрова, но главным образом их используют для поездок на промысел. В каждом из совхозных поселков Чукотского района в зависимости от количества охотников насчитывается от 200 до 500 собак. Кормит собак обычно сам хозяин или члены его семьи. В связи с этим собак стремятся держать, как и в прошлом, поблизости от дома.

Рыболовство в большинстве совхозов Чукотского и Providенского районов не имеет товарного значения. Обычно летом около берега каждая семья ставит сеть. Уловы, однако, невелики. Зимой подо льдом в лунках ловят навагу для личного потребления. Она служит значительным подспорьем в зимнем рационе. Летом женщины и дети собирают дикорастущие ягоды, корни и съедобные травы. Подсобную роль в хозяйственной деятельности населения играет охота на гусей и уток.

Интересно отметить, что при охоте на птиц некоторые охотники используют весьма архаичные, но рациональные орудия промысла. Так, из пращи мечут камни в стаи гусей, с тем, чтобы загнать их в расставленные сети. Праща (выевый) состоит из продолговатой овальной полоски (выемаку), выкроенной из нерпичьей шкуры с пришитыми к ее концам ремнями. Один из этих ремней заканчивается кольцом, называемым наперсток (вэлывэн), а другой — клочком замши (питкиигын). Применяется и особый метательный снаряд (тинъит) для охоты на птиц. Он состоит из трех-четырех моржовых зубов (эплыкытэт), привязанных к шнуркам из жил по длине руки охотника. Свободные концы соединяют и укрепляют в ручке из перьев утки. Ручка позволяет легко обнаружить снаряд, благодаря ей он не тонет в воде.

Совхозы Чукотского и Providенского районов пытаются развивать и новые отрасли производства. Так, во всех хозяйствах организованы фермы голубых песцов. Однако суровые климатические условия побережья Чукотского и Берингова морей, отсутствие зеленых и рыбных кормов не способствуют развитию звероводства.

Новым для береговых чукчей и эскимосов является и оленеводство, получившее в приморских совхозах широкое развитие (см. рис. на обложке журнала). По данным местных статистических органов, в Чукотском районе 47 тыс. оленей, в Providенском — 26 тыс. (1972 г.). В оленеводстве занято 17,6% сельского населения Чукотского района.

Преобразуются на наших глазах и традиционные домашние промыслы. Тяжелый негигиеничный труд по ручной выделке оленьих шкур, сучению ниток из жил, в особенности по изготовлению подошв из лахтачьих кож, не привлекает оканчивающих школы молодых чукчанок и эскимосок. Он постепенно вытесняется механизированным трудом. В колхозе им. Ленина Чукотского района уже несколько лет работает мастерская, оборудованная разбивочными, строгальными и мездрильными станками, откаточным барабаном, рассчитанная на выделку 5000 оленьих шкур в год.

В мастерской применяются также машины для шитья меховой одежды, шапок. Работа в механизированной мастерской заинтересовала не только девушек, но и юношей со средним и неполным средним образованием. В мастерской трудятся более 70 человек. Месячные заработки на выделке шкур колеблются в пределах 250—400 руб., на шитье — 160—220 руб. Мастерские по механической обработке шкур и шитью одежды создаются в ряде приморских совхозов Чукотки. Это не только облегчит труд женщин, но и позволит полнее использовать имеющиеся оленьи шкуры. В Чукотском районе предполагается создать и специализированную мастерскую по изготовлению собачьей и оленьей упряжи, арканов и обуви из нерпичьих шкур. Во внутренних районах Чукотки существует большой спрос на эти изделия.

Таким образом, домашнее ремесло береговых чукчей также постепенно обобществляется, перестраивается и механизуется.

Все изложенное позволяет заключить, что традиционное хозяйство береговых чукчей и эскимосов, определяемое природными условиями Чукотки, в советский период приобрело иной, современный облик. Морской зверобойный промысел удалось в значительной степени перестроить, внедрить в эту отрасль промыслового производства технику.

Рис. 3. Поселок Уэлен

Прибрежное хозяйство увязано с оленеводством и с рядом новых для Севера видов сельского хозяйства.

За последние десятилетия коренным образом изменились бытовые условия жизни берегового населения. В 1957 г. в селениях береговых чукчей и эскимосов развернулось большое строительство. Яранги были заменены одно- и двухквартирными домами. В селениях Нешкан, Уэлен старые яранги были разрушены, жители пос. Энурмино превратили яранги в сараи для собак. Стационарные яранги береговых чукчей и эскимосов представляли собой четырехугольные, продолговатые или закругленные у задней стены каркасные постройки⁹. Стены состояли из 12—14 столбов, врытых в землю и соединенных между собой обвязкой из толстых жердей, служивших опорой для остова низкой двускатной закругленной крыши. В центре яранги вкапывали столб, поддерживавший основную матицу. Пространство между вертикальными столбами остова, матицей и обвязкой заполняли жердями или плахами. Крышу обтягивали моржовыми шкурами, и стены обкладывали дерном. К входу в ярангу обычно пристраивался невысокий тамбур.

Переход в дома по существу был целой революцией в жизни береговых чукчей. Изменились не только мебель, утварь, но и одежда и пища населения. Все прибрежные поселки электрифицированы. Население широко пользуется электроприборами. В быт вошли не только электроплитки, но и электроутюги, и обогреватели. В связи с отсутствием леса, топливом в поселках Чукотского и Провиденского районов служит завозной уголь. За последние годы большая часть школ, детских садов, интернатов и больниц переведена на центральное водяное отопление, строятся 12—18-квартирные двухэтажные дома из бруса и железобетона с водопроводом, канализацией и центральным отоплением. Застройка крупных поселков, таких как Нешкан, Уэлен, Лорино, ведется по планам, составленным землеустроительными организациями (рис. 3). Создание больших сельских поселений потребовало решения многих сложных

⁹ По словам наших информаторов, землянки исчезли четыре-пять поколений назад.

инженерных задач, в частности водоснабжения, дорожного строительства, укрепления берегов. В ряде поселков, таких как Конергино, Лаврентия, созданы водозаборные сооружения, подающие воду из ближайших водоемов. В других поселках воду населению доставляют в автоцистернах.

В поселках береговые и оленные чукчи, так же, как и пришлое население, носят современную одежду городского покроя, преимущественно покупную. Молодежь стремится следовать моде. Большим спросом пользуются куртки и пальто из синтетических материалов, вязанные свитера, кофты. В большинстве семей помимо обыденной домашней и рабочей одежды как у взрослых, так и у детей имеется набор праздничной одежды — костюмы, платья, платки, блузки, рубашки. Летом на промысле широко используют не только брезентовые плащи, утепленные штормовки, резиновые сапоги, но и камлейки, и брюки традиционного покроя, только сшитые из клеенки. Легкие и удобные камлейки из моржовых кишок теперь почти не используются, так как изготовление их требует значительных затрат времени и сил. Охотники-зверобой и оленеводы высоко ценят непромокаемые летние сапоги из нерпичьей кожи с лахтачьими подошвами. Национальная чукотско-эскимосская меховая одежда и обувь в наши дни находит широкое применение в качестве зимнего промыслового костюма (рис. 4). Но нередко во время долгих скитаний по морю на вельботах охотники и летом надевают меховые кухлянки и брюки.

Переход в современные дома сказался не только на одежде, но и на пище береговых чукчей и эскимосов. Ее стали готовить не на костре или жирнике, а на керосинках, керогазах, электроплитках. Однако повседневная пища берегового населения сохраняет много традиционных особенностей. По-прежнему в питании большое место занимает моржовое, нерпичье и лахтачье мясо, нерпичий жир. Деликатесом считается жареная или вареная нерпичья печень. В сыром виде едят китовую кожу. Так как во всех поселках есть ледники, большинство семей отказались от употребления копальхена — квашеного моржового мяса.

В качестве приправы к мясу морского зверя используют листья щавеля и других дикорастущих, а также корни. Зимой употребляют в небольших количествах строганину — мороженое сырое мясо и рыбу. В прошлом редким лакомством считалось оленьё мясо, его ели по праздникам. Кусочки вяленой оленины сохраняли в каждой семье для жертвоприношений. В настоящее время оленьё мясо поступает в береговые поселки не только зимой, но и летом. Однако береговые жители предпочитают мясо морского зверя.

В современный рацион входят и привозные продукты — сахар, соль, сливочное и растительное масло, яичный порошок, сгущенное молоко, консервы, крупы. Осенью морским путем в береговые поселки доставляются свежий картофель и капуста. В магазины время от времени поступают свежие фрукты. Во всех поселках имеются хлебопекарни.

Рис. 4. Охотник, береговой чукча в промысловом костюме

Следует отметить изменение вкусов населения. Старшее поколение чукчей и эскимосов предпочитало пресные лепешки хлебу, почти не употребляло соли, с отвращением относилось к квашеным и маринованным овощам, острым приправам и специям. В последнее время эти продукты широко используются в большинстве семей. Едят теперь обычно сидя на стульях за столом. Однако пожилые люди предпочитают есть, а особенно пить чай, сидя на полу на оленьих шкурах за низким столиком.

Изменился и производственный быт оленеводов, значительно облегчен их труд.

В распоряжении оленеводческих бригад теперь имеется современная транспортная техника — вездеходы и тракторы с тракторными саними. В связи с этим облегчились перекочевки, улучшилась связь бригад с центральными усадьбами. На тракторах и вездеходах совхозы завозят в тундру на маршруты кочевий для пастухов-олленеводов продовольствие, оборудование, топливо, подкормку для оленей.

После объединения оленеводческих колхозов с прибрежными оленеводы стали широко использовать собак для транспорта. На собаках зимой пастухи выезжают из стойбищ, где располагается бригада, на дежурство к стаду, так как оленей выпасают обычно в 10—20 км от стоянки. Собаки используются и для поездок в поселок, на охоте — для объезда капканов. Корм для собак оленеводческими бригадами выделяют совхозы. Оленьи упряжки используются для зимних передвижений около стада.

Зимой и летом члены производственных оленеводческих бригад поддерживают регулярную радиосвязь с поселками при помощи портативных радиостанций «Гроза» или «Недра». В экстренных случаях, например для вывоза больных, совхозы направляют в бригады вертолеты.

Обычно пастухи работают в бригадах вместе со своими женами, которые исполняют обязанности работниц яранги. Такая должность была специально учреждена совхозами. В их обязанность входит приготовление пищи, сушка и починка одежды и обуви, уход за жильем. В безлесной приморской тундре широко используются традиционные разборные чукотские яранги. В зимний период в связи с сокращением перекочевок число пастухов в бригадах уменьшается. Оленеводы много времени проводят в поселках.

В настоящее время Чукотка — район сплошной грамотности. В связи с этим интересно напомнить, что в 1926—1927 гг. процент грамотных среди береговых чукчей был около 4,6, а среди тундровых — 0,7. Среди эскимосов, обитавших в сравнительно крупных поселках грамотных было больше: 21,0% среди мужчин, 2,8% — среди женщин¹⁰.

Реконструкция хозяйства, создание современных поселков, потребность в новых профессиях привели к тому, что среди чукчей и эскимосов появились механики, мотористы, водители катеров, вельботов, трактористы, строители, плотники, столяры, штукатуры и монтеры. Эти специальности молодежь приобретает в Провиденском сельскохозяйственном производственно-техническом училище. Здесь же готовят и оленеводов, которые одновременно овладевают специальностью радиста, механизатора и киномеханика.

Начальное образование дети, как правило, получают в родных селах. В поселках с населением до 400 человек открыты начальные школы, в более крупных — восьмилетние школы. Завершают среднее образование дети в районных центрах. Здесь работают средние школы с интернатами. После окончания восьмилетних школ часть детей чукчей и эскимосов продолжают образование в Анадырском педагогическом училище,

¹⁰ П. Е. Терлецкий, Указ. раб., стр. 20.

в Магаданском медицинском училище, в Магаданском горном техникуме, а после средней школы некоторые поступают в институты. Во всех береговых поселках теперь появились чукчи и эскимосы учителя, воспитатели, медицинские работники, механизаторы, библиотекари, счетные работники со средним и высшим образованием. Так, в Нешкане из среды чукчей и эскимосов в 1972 г. работали 2 человека с высшим образованием и 10 со средним специальным, в Уэлене — 3 с высшим и 5 со средним, в Нуямо — 1 с высшим и 5 со средним, в Сирениках — 3 с высшим и 15 со средним, в Лаврентии — 11 с высшим и 13 со средним.

Заслуживает внимания языковая ситуация, сложившаяся в Чукотском и Провиденском районах. В известной мере она характерна и для других районов Чукотского национального округа. Большинство чукчей теперь двуязычно. Былой языковой барьер между чукчами и эскимосами, с одной стороны, и русскими, с другой, преодолен. Родной язык используется преимущественно в домашней обстановке, тогда как русский — в общественной жизни. Эскимосы, проживающие в чукотских поселках, помимо родного языка, порой владеют не только русским, но и чукотским. Так, при опросе оказалось, что в Уэлене из 67 эскимосов 13 владеют тремя языками, в Лорино из 54 — 13, в Лаврентии из 90 — 12.

Наши наблюдения показали, что в чукотских береговых поселках лица старше 50 лет, в особенности женщины, часто владеют только чукотским языком. Из проведенного нами опроса среди коренного населения следует, что такие лица составляют в Уэлене 11, в Нешкане 13, в Энурмино 21 %. Дети дошкольного и младшего школьного возраста обычно лучше знают русский язык, чем язык своих родителей — чукотский или эскимосский. Нередко дети сначала овладевают русским языком, а затем уже чукотским. По существу русский язык для них является родным. Такое положение сложилось сравнительно недавно, около 10 лет назад, когда во всех поселках были открыты детские сады и ясли. Здесь совместно воспитываются дети местного и приезжего населения (см. рис. 5). Большинство обслуживающего персонала говорит по-русски. В связи с этим дети чукчей и эскимосов с ранних лет овладевают русским языком. Молодые родители чукчи и эскимосы для того, чтобы их дети лучше знали русский язык, часто говорят с ними исключительно по-русски. Поэтому школьники — дети чукчей и эскимосов часто с трудом объясняются на родном языке своих родителей. Встречаются семьи, где старшее поколение (дед, бабушка) говорит только по-чукотски, глава семьи, его жена и их старшие дети — по-чукотски и по-русски, а младшие дети только по-русски. В этих случаях старшие члены семьи объясняются с младшими через «переводчика» — того, кто знает и чукотский, и русский языки.

Чтобы избежать разобщенности поколений, принимаются специальные меры: в детских садах введены часы чукотского, а там, где преобладают эскимосы, эскимосского языка; чукотский и эскимосский языки

Рис. 5. В Уэленском детском саду

преподают в подготовительном, первом, втором и третьем классах начальной школы. Выпущены соответствующие учебники.

На чукотском языке издаются книги, окружная газета, ведутся радиопередачи. В связи с этим, по словам учителей чукотского языка, чукотская лексика значительно пополнилась новыми терминами. Однако в разговорном языке молодого поколения преобладают упрощенные конструкции. Исчезает женский говор чукотского языка.

В новых условиях многие архаические и экзотические обычаи ушли в прошлое. Так, по словам наших информаторов, 10—15 лет назад исчез обычай наносить на лицо татуировку девочкам в возрасте 7—12 лет в семьях береговых чукчей и азиатских эскимосов¹¹. Более того, он стал рассматриваться самим населением как нарушение общественных норм. Примечателен такой случай, имевший место несколько лет назад в Энурминском сельсовете Чукотского района; взрослый брат девочки, которой по настоянию бабушки была нанесена татуировка, подал жалобу в суд.

Некоторые молодые женщины чукчанки и эскимоски для удаления татуировки сделали соответствующие косметические операции.

Попутно отметим, что исчезли своеобразные мужские прически. Еще недавно некоторые мужчины из числа береговых чукчей брили головы, но оставляли на макушке клок волос, кружок из волос или косичку.

Исчезло представление о магической роли ногтей и волос. В недавнем прошлом во избежание несчастий их тщательно собирали и сжигали. Еще в 50-х годах, когда детей в интернатах стригли, то, по просьбе родителей, им отдавали волосы, и дети увозили их домой.

Значительные изменения произошли в семейной обрядности. Перестал практиковаться обычай отработки за жену в хозяйстве тестя. Отработка длилась в прошлом от месяца до нескольких лет; это обычно объяснялось тем, что тесть должен был узнать и проверить хозяйственные навыки своего будущего зятя. В 50-х годах в отдельных семьях, как дань этому обычаю, жених до брака жил некоторое время в яранге невесты. После переселения в современные поселки и этот пережиток исчез. По объяснениям стариков, в новых условиях нет нужды таким путем испытывать трудолюбие и характер жениха, так как все живут поблизости и судить о достоинствах будущего зятя можно и без обряда переселения.

Заключение брака отмечается семейным торжеством и угощениями. Так в наши дни празднуют и рождение ребенка.

В связи с тем что теперь чукчанки и эскимоски рожают в больницах, традиционные родильные обычаи в значительной мере ушли в прошлое.

Имя ребенку обычно дает бабушка или кто-нибудь из пожилых родственников новорожденного. В некоторых семьях сохраняется поверие, что в новорожденном возвращается к жизни душа недавно умершего родича, и ребенка называют его именем. В последние годы детям дают преимущественно русские имена. Если дают дополнительно чукотское имя, то оно используется в качестве домашнего.

Под влиянием окружающего пришлого населения ономастическая система чукчей и эскимосов претерпела значительные изменения. Просмотр посемейных книг береговых поселков показал, что лица, родившиеся до 30-х годов, имеют только имя, оно же служит им и фамилией.

Более молодые, родившиеся в 30-х — 40-х годах, свое чукотское имя используют как фамилию и имеют официальное дополнительное имя, обычно русское. Их потомство использует чукотское или эскимосское имя отца как фамилию, а его русское имя как отчество. Чукотские имена в качестве отчества не применяются. Использование имени главы семейства в качестве фамилии всей семьи привилось не всюду, так как

¹¹ Иногда татуировали и лица мальчиков.

Рис. 6. Национальный чукотско-эскимосский ансамбль «Эргырон» («Рассвет»)

мужское имя, например Кайнын — медведь, характерное для мужчины, не подходит к женщине, так же как Нутенаут — «полевая женщина» — к мужчине (если глава семьи женщина). В связи с этим во многих семьях и в настоящее время у каждого члена семьи сохраняется своя фамилия (она же личное чукотское имя).

Как известно, в прошлом береговые чукчи и эскимосы мертвых вывозили или выносили в тундру и оставляли на поверхности земли. Вокруг мертвого обычно выкладывали овал из камней, считавшийся ярангой покойника. Тут же оставляли небольшой запас еды, гарпун, копье, выбивалку для снега и т. д. В 1930-х годах стали хоронить в гробах, их вывозили в тундру и обкладывали камнями. Теперь около поселков возникли кладбища — хоронят в земле. Однако, как и в прошлом, для умерших шьют специальную верхнюю погребальную одежду, мехом наружу, преимущественно из белых оленьих шкур. Погребальная одежда мужчины состоит из кухлянки с капюшоном, меховых брюк, коротких меховых сапог и рукавиц, а женщины — из керкера, сапог, рукавиц и матерчатой камлейки. Перед погребением одежду обычно разрезают. Мертвого, по правилам древнего ритуала, перед захоронением как бы сопровождают в дальнюю дорогу, около него уговаривают, беседуют, развлекаются.

Иными стали формы использования досуга. В последние годы во многих семьях появились магнитофоны, радиоприемники, проигрыватели, музыкальные инструменты. Многие жители береговых поселков увлекаются чтением. В некоторых семьях имеются велосипеды, мотоциклы, моторные лодки. Среди чукчей и эскимосов появились фото- и кинолюбители.

Молодежь обычно два-три раза в неделю посещает кино. В клубах регулярно устраиваются вечера современных танцев. В дни праздников исполняются и традиционные подражательные чукотско-эскимосские танцы — пантомимы. Во всех приморских селах имеются самодеятельные танцевальные коллективы, исполняющие под аккомпанемент бубнов и пение самобытные выразительные танцы «Чайки», «Ворона» и др.

Особой популярностью на побережье пользуются Уэленский и Нунавмский самодеятельные ансамбли.

На основе древней хореографической культуры береговых чукчей и эскимосов возник первый профессиональный ансамбль Чукотского национального округа «Эргырон» («Рассвет») (рис. 6). Консультантом ансамбля, солистом, исполнителем и автором ряда танцев стал науканский

эскимос Нутэтеин. За свою деятельность он был удостоен звания заслуженного работника культуры РСФСР. Включенные в программу ансамбля сценические танцы, созданные по традиционным фольклорным хореографическим мотивам чукчей и эскимосов, поэтически отражают жизнь охотников и оленеводов, окружающий их животный мир и суровую природу. Благодаря выступлениям ансамбля в Москве и других городах нашей страны, а также по телевидению, чукотско-эскимосские танцы стали известны широкому кругу советских людей, интересующихся искусством народов Сибири.

Профессиональным стало и костерезное искусство береговых чукчей и эскимосов. В 1931 г. в Уэлене была создана мастерская, объединившая нескольких местных граверов и резчиков. Их работы, демонстрировавшиеся в 1930-х гг. на всесоюзных и международных выставках, получили восторженную оценку. Мастерской была оказана помощь со стороны профессиональных художников. За советский период гравировка на моржовых клыках обогатилась новыми сюжетами, разнообразной и сложной стала миниатюрная скульптура, появились многофигурные композиции. В настоящее время Уэленская костерезная мастерская, играющая важную роль не только в жизни Чукотского района, но и всего округа, объединяет мастеров-резчиков чукчей и эскимосов. В ней трудятся три заслуженных художника РСФСР — Тукай, Эмкуль и Сейгутегин.

Традиционная культура приморского населения Чукотки оказала небольшое воздействие на формирование молодой чукотской и эскимосской литературы. Уроженцем с. Уэлена является известный писатель-чукча Ю. Рыхеу. Из группы чаплинских эскимосов выдвинулся безвременно скончавшийся талантливый поэт, летчик по профессии Ю. Анко.

Таким образом, культурно-бытовой уклад приморского населения Чукотки уже претерпел значительные изменения. И хотя это население размывается как особая этнографическая группа, ее традиции и культура продолжают оказывать сильнейшее влияние на современную чукотскую культуру в целом. Отдельные самобытные элементы культуры береговых чукчей и эскимосов в преобразованном виде входят и в общесоветскую культуру.

THE ETHNIC-CULTURAL EVOLUTION OF THE COASTAL CHUKCHI AND THE ASIATIC ESKIMOS

The article deals with the present-day ethnic evolution of the sedentary Coastal Chukchi and the Asiatic Eskimos, with the changes in their economy and everyday life that have taken place in recent decades. According to the author, modern Chukchi culture has been strongly influenced by the traditions of the Coastal Chukchi and the Eskimos. Certain specific cultural elements proper to these ethnographic groups, such as walrus bone carving or imitative dancing, have become professionalized and have gained recognition over the whole country.

М. С. Бутинова

ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАННИХ ФОРМ РЕЛИГИИ В МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЯХ

Для научно-атеистической пропаганды важное значение имеет анализ причин и условий, вызвавших на известных ступенях развития человеческого общества появление религиозных представлений, а также рассмотрение вопроса о происхождении и ранних формах религии. В. И. Ленин писал: «Наша программа вся построена на научном и, притом, именно материалистическом мировоззрении. Разъяснение нашей программы необходимо включает поэтому и разъяснение истинных исторических и экономических корней религиозного тумана. Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма...»¹. В Программе КПСС подчеркивается необходимость «терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений»².

Для атеистического воспитания трудящихся очень много могут сделать наши этнографические, исторические и краеведческие музеи, располагающие ценнейшими подлинными материалами, проливающими свет на происхождение и ранние формы религии. Большинство музеев успешно справляется с этой трудной, но важной задачей; их экспозиции имеют необходимую атеистическую направленность. Однако не все музеи уделяют должное внимание пропаганде атеизма; некоторые из них не в полной мере используют для этой цели свои большие возможности.

В исторических и краеведческих музеях тема происхождения религии может стать одной из основных в разделах о первобытнообщинном строе. Большое значение для ее раскрытия имеют археологические материалы. Во всех краях и республиках страны планомерно ведутся археологические раскопки, доставляющие нашим музеям богатые коллекции подлинных памятников истории. Археологические материалы эпохи палеолита и неолита (орудия труда, предметы быта, остатки древних поселений, жилищ и др.) дают представление о социально-экономических условиях жизни первобытных людей, о низком уровне развития их материального производства. Эти памятники наглядно подтверждают положение В. И. Ленина о бессилии первобытного человека в борьбе с природой, которое являлось основной причиной возникновения религии в доклассовом обществе. Необходимо только иметь в виду, что бессилие это было не абсолютным, а относительным; в противном случае первобытный человек не смог бы противостоять силам окружающего мира и был бы сломлен.

Археологические памятники — один из основных источников и для характеристики древнейших религиозных верований и обрядов. Они да-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 145.

² «Программа КПСС», М., 1962, стр. 261.

ют представление о возникновении и развитии погребального культа. О некоторых магических обрядах. Особое значение имеют здесь материалы древних захоронений. Известно, какой огромный интерес для религиоведения представило открытие в 1938 г. погребения неандертальского мальчика в пещере Тешик-Таш (Узбекистан). Академик А. П. Окладников, открывший и исследовавший указанный памятник, считал возможным говорить о наличии здесь элементов погребального культа³. Неандертальские погребения и некоторые другие археологические памятники этого периода позволили многим крупнейшим ученым (А. П. Окладников, П. И. Борисковский, В. К. Никольский и др.) отнести время возникновения зачатков религии к эпохе мустье. Правда, вопрос этот в науке до сих пор остается дискуссионным. Но совершенно очевидно, что в его решении главная роль принадлежит данным археологии.

Развитие погребального культа хорошо прослеживается на памятниках позднего палеолита и последующих эпох. Фонды многих музеев располагают богатым погребальным инвентарем из древних захоронений. Примером памятников такого рода является погребение ребенка на стоянке Мальта около Иркутска. Погребение обнаружили под полом жилища; оно было накрыто сверху каменными плитами. В могиле нашли ожерелье, бляху и изображение птицы из бивня мамонта. Другим примером может служить палеолитическое погребение на р. Сунгирь. В 1969 г. Северная палеолитическая экспедиция Ин-та археологии АН СССР под руководством О. Н. Бадера раскопала около Владимира уникальное палеолитическое погребение. Вместе со скелетами двух подростков (в возрасте 8—9 и 12—13 лет) в могильной яме обнаружено большое количество разнообразных вещей: бусы, браслеты, кольца, иглы, булавки для застегивания одежды, а также оружие — копья, дротики, костяные кинжалы. Все предметы сделаны из бивня мамонта, в том числе и копья двухметровой длины. Погребение густо засыпано красной охрой. По-видимому, первобытные люди положили все эти вещи в могилу для того, чтобы они могли служить умершим после смерти. Наличие в палеолитических, неолитических и более поздних погребениях орудий труда, украшений, предметов быта указывает на развитие погребального культа, на стремление людей обеспечить покойника всем необходимым в загробной жизни. Подобные материалы помогают осветить в экспозициях один из сложнейших вопросов истории религии — возникновение веры в загробную жизнь.

Постепенное развитие и усложнение погребального культа на протяжении ряда эпох — палеолита, неолита, бронзы и раннего железа — весьма обстоятельно показано в археологической экспозиции Ленинградского Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР. Здесь представлен подлинный инвентарь многих погребений: Мальты и Городцовской стоянки (эпоха палеолита), Оленеостровского могильника и Базаихи (эпоха неолита), Андроновских могильников (эпоха бронзы), Ананьинского могильника (эпоха раннего железа) и др. В отделе экспонируются также материалы могильника Уэлен на Чукотке (раскопки М. Г. Левина, Д. А. Сергеева и С. А. Арутюнова): реконструкция парного захоронения и подлинный погребальный инвентарь — гарпуны, ножи, тесла, а также скульптурные изображения людей и животных⁴.

Для экспозиции раздела о первобытнообщинном строе ценными экспонатами являются скульптурные изображения женщин, найденные археологами на некоторых позднепалеолитических стоянках (Костенки, Мальта, Елисеевичи и др.). Статуэтки сделаны из кости и камня; иногда изображения женщин выгравированы на кости и камне. Относительно их

³ А. П. Окладников, *Утро искусства*, Л. 1967, стр. 26.

⁴ «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Отдел антропологии и археологии (краткий путеводитель по экспозиции)», М.—Л., 1964, стр. 16—31.

значения, как известно, существуют разные точки зрения. Образ женщины в искусстве той эпохи, вероятно, «был необходимой для примитивного мышления, „осязаемой“, понятной всем конкретно-образной формой осознания единства коллектива», «важнейшим средством утверждения и развития общественной психологии, представляя исторически оправданную первобытную концепцию бытия, в которой диалектически переплеталось рациональное и мистическое»⁵.

Для характеристики первобытного искусства, а также его связи в ряде случаев с древними магическими обрядами важное значение имеют памятники пещерной и наскальной живописи эпохи палеолита и неолита. Ученые, исследовавшие живопись наших далеких предков, полагают, что в ряде случаев она имела культовый характер. Подобную трактовку дает, например, академик А. П. Окладников наскальным рисункам Каменных островов на Ангаре⁶. Под его руководством экспедиция Института археологии АН СССР исследовала и зафиксировала большое число различных изображений (лосей, рыб, сцен охоты и др.), выполненных на отвесных скалах Каменных островов древними охотниками Сибири. Часть рисунков участники экспедиции спилили и передали в музей Иркутска, Москвы, Ленинграда⁷. Несомненно, такие уникальные памятники первобытного искусства украсят экспозицию любого музея. Они позволяют в какой-то мере раскрыть мировоззрение первобытного человека, характер и смысл древнейших магических обрядов.

Очень интересна позднепалеолитическая живопись Каповой пещеры. В 1960—1964 гг. Северная палеолитическая экспедиция Ин-та археологии АН СССР под руководством О. Н. Бадера изучала живопись Каповой пещеры в Бурзянском районе Башкирии. В труднодоступной части пещеры, на расстоянии 300 м от входа, красной охрой нанесено свыше трех десятков изображений животных — мамонта, лошади, носорога. По мнению исследователей, Каповая пещера была, видимо, первобытным святилищем⁸. Материалы Каповой пещеры (копии, репродукции) уже нашли свое место в экспозициях многих музеев — Музея антропологии и этнографии АН СССР, Музея антропологии МГУ, Государственного исторического музея и др. Необходимо отметить, кстати, что эти музеи умело используют свои экспозиции для пропаганды научного атеизма.

В разделах позднепалеолитического искусства музеи знакомят своих посетителей и с широко известными находками в пещерах Западной Европы (живописными и скульптурными изображениями зверей в пещерах Нио, Тюк д'Одубер, Фон-де-Гом, Монтеспан, Ляско и др.). В некоторых пещерах животные изображены ранеными, с вонзенными в их тела копьями и дротиками. Тщательное изучение большого фактического материала позволило ученым предположить, что подобные пещеры могли служить для первобытных людей местом совершения религиозных церемоний, а изображение раненых животных на стенах пещер было одним из обрядов охотничьей магии⁹. Страстное желание первобытных охотников овладеть добычей, при ненадежности реальных средств для достижения цели (чувство «бессильного вожделения», по выражению К. Маркса), заставляло людей верить в возможность добиться желаемого с помощью колдовских приемов. Пещерная и наскальная живопись в то же время отражала трудовой опыт первобытных людей, их практические знания и наблюдательность.

⁵ А. Д. Столяр, О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания (к постановке проблемы), Сб. «Ранние формы искусства», М., 1972, стр. 66.

⁶ «Наскальные рисунки Каменных островов на Ангаре (по материалам выставки в Иркутском художественном музее)», Иркутск, 1960, стр. 8, 9.

⁷ Там же, стр. 4, 14.

⁸ О. Н. Бадер, Каповая пещера. Палеолитическая живопись, М., 1965, стр. 22.

⁹ А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 61, 72 и др.

Археологические материалы о религиозных верованиях и обрядах первобытных людей очень важны для атеистической пропаганды. Они служат убедительным доказательством несостоятельности богословского утверждения, будто первой формой религии являлось единобожие,— утверждения, пользовавшегося до недавнего времени поддержкой ряда буржуазных ученых (теория прамотеизма).

Ранние формы религии можно показать в экспозиции не только на археологических, но и на этнографических материалах. Каждый из этих источников имеет свои преимущества и свои недостатки. Археологические памятники относятся к значительно более древним периодам человеческой истории, чем этнографические, и в этом их особая ценность. Но чем древнее эти памятники, тем труднее они поддаются интерпретации. Часто их смысл становится понятным только при сопоставлении с определенными этнографическими данными. Этнографические материалы более выразительны и бесспорны, но они относятся к сравнительно поздним этапам развития человеческого общества, а о начальных его стадиях представления дать не могут. Поэтому в экспозиции желательно по возможности использовать оба источника, если фонды музея и экспозиционная площадь это позволяют.

Благодарным материалом для характеристики ранних религиозных верований и обрядов являются коллекции культовых предметов, собранные у племён, которые еще не так давно находились на разных стадиях первобытнообщинного строя (коренное население Австралии, Океании, Северной и Южной Америки, Африки). Вошедшие в религиоведение понятия тотемизма, фетишизма, анимизма и др. сложились на основе этнографического исследования именно этих племён. Известно, что классические материалы о тотемизме собраны в Австралии, о фетишизме — в Африке, о культе предков — в Африке и Океании и т. д. Правда, коллекции, характеризующие культуру этих племён, имеются всего лишь в нескольких музеях страны (Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде, Музей антропологии при Московском университете, Музей истории религии и атеизма в Ленинграде).

Достаточно полно использует в этом плане свои богатые возможности Музей антропологии и этнографии АН СССР. В каждом из его многочисленных отделов, посвященных культуре и быту разных племён и народов земного шара, представлены и материалы по религии. Так, в экспозиции отдела «Народы Австралии и Океании» (она построена в основном на уникальных коллекциях Н. Н. Миклухо-Маклая, И. Ф. Крузенштерна, Ю. Ф. Лисянского, О. Е. Коцебу, Джемса Кука и других путешественников) дается характеристика тотемизма и вредоносной магии у австралийцев, культа предков у папуасов и меланезийцев, культа вождей у полинезийцев и т. д. В отделе выставлены интересные подлинные экспонаты — австралийские чуринги и «палочки смерти», меланезийские маски членов тайных мужских союзов, мумифицированные головы маорийских вождей и т. п.¹⁰

В отделах, показывающих культуру коренного населения Северной и Южной Америки, посетитель может познакомиться с религиозными верованиями и обрядами индейских племён: с тотемизмом у тлинкитов, с земледельческими культами у ирокезов и племён пуэбло, с анимистическими представлениями и шаманством у многих племён Америки. Основу экспозиции, как и во всех отделах музея, составляют редкие подлинные вещи (деревянные шлемы тлинкитских воинов с изображениями родовых тотемов; ритуальные головные уборы и накидки тлинкитов, надевавшиеся во время тотемических плясок; одежда и атрибуты шаманов; плетенные из кукурузной соломы маски ирокезов, связанные с земледельческим

¹⁰ «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Австралия и Океания (краткий путеводитель по экспозиции)», М.—Л., 1964, стр. 7—20.

культом, и др.)¹¹. Материалы по ранним формам религии экспонируются и в других отделах (Африка, Индонезия и др.).

Значение всех этих материалов для пропаганды научного атеизма трудно переоценить. В ранних верованиях и культах их связь с условиями экономической и социальной жизни людей особенно очевидна. Это позволяет поставить на материалах экспозиций вопрос о сущности религии, которая, по определению Энгельса, «является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»¹².

В отдельных случаях для углубленного раскрытия происхождения какого-то религиозного обряда историческим и краеведческим музеям, не располагающим подобными коллекциями, можно использовать (в экспозиции второго или третьего плана) копии или фотографии данных предметов, положив в основу отдела свои местные подлинные материалы. Однако вряд ли можно признать удачной практику некоторых музеев, пытавшихся создать отдельные атеистические комплексы или даже целые отделы за счет фотокопий и муляжей, сделанных, например, с экспонатов Музея истории религии и атеизма. В подобных случаях одновременно нарушаются два музейных правила: общее для всех музеев — показывать прежде всего подлинные экспонаты, и правило краеведческих музеев — показывать главным образом то, что отражает жизнь и культуру народа данного края.

Ранние формы религии в экспозициях музеев можно представить также на материалах традиционных верований и культов народов дореволюционной России. Некоторые из этих народов до Великой Октябрьской социалистической революции находились на довольно низком уровне общественно-экономического развития, которому соответствовал и архаичный характер их религиозных представлений. Согласно официальным данным, эти народы исповедовали христианство или ислам; в действительности они продолжали сохранять свои старые традиционные верования. В каждом крае и республике по данной тематике имеется свой конкретный материал, несомненно, хорошо известный музейным работникам. Так, в районах Сибири, Севера и Дальнего Востока значительное место в экспозиции совершенно правильно уделяется показу промысловых культов. Народы этих областей в прошлом занимались в основном охотой и рыболовством — вот почему промысловый культ был здесь очень развит. Люди поклонялись духам-хозяевам тайги, рек, моря, приносили им жертвы, устраивали в их честь специальные праздники; верили, что исполнение магических обрядов, ношение амулетов обеспечат успешный промысел.

В этнографических коллекциях многих музеев имеются разнообразные предметы, относящиеся к промысловому культу: изображения духов-хозяев; ритуальная одежда, изготовлявшаяся у некоторых народов для праздника в честь этих духов (например, у чукчей и эскимосов для праздника Кэреткуна); ритуальная посуда, употреблявшаяся при жертвоприношениях; многочисленные амулеты, связанные с промыслом, и др. Подобные культовые предметы желательно экспонировать в том разделе, где показываются условия жизни этих народов, их охотничье хозяйство, охотничье оружие, которое, несмотря на все свое совершенство, не давало людям обеспеченного существования. Это помогает понять испытывавшееся людьми чувство постоянной зависимости от окружающей природы, порой перераставшее в чувство беспомощности и бессилия. Таким образом, здесь, как нам кажется, правомерно вернуться к вопросу о причинах, порождающих религию.

¹¹ «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Америка (краткий путеводитель по экспозиции)», М.—Л., 1964, стр. 14—28.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 328.

У народов Сибири и Севера очень широкое распространение в прошлом имело шаманство; оно было здесь по существу преобладающей формой религии, поэтому в экспозициях музеев данных областей его раскрытию должно быть уделено особое внимание. Подлинные экспонаты — костюмы шаманов, их атрибуты (бубны, колотушки, изображения духов-помощников и пр.) дают возможность рассказать о целом комплексе верований и обрядов, связанных с шаманством. Здесь не следует пренебрегать даже деталями: так, подвески на шаманском костюме, изображающие различных животных и птиц, дают представление о вере людей в духов-помощников шамана; некоторые рисунки на бубнах — о космологических представлениях этих народов и т. д. Данный экспозиционный комплекс хорошо дополняют фотографии, изображающие шаманов во время камланий, могилы шаманов, считавшиеся культовыми местами, и др. Можно познакомить посетителей с магнитофонными записями камланий.

Удачное экспозиционное решение тем о промысловых культах и шаманстве найдено в Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград). В отделе, посвященном народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, показывается, как суровые природные условия и колониальная политика царского правительства способствовали сохранению здесь в прошлом архаичных форм хозяйства, общественного строя и религии. Известная беспомощность перед окружающим миром рождала у этих народов представления о сверхъестественных силах и стремление повлиять на них магическими действиями. В экспозиции выставлены изображения духов-хозяев у ненцев, эвенков, нанайцев; здесь же экскурсовод рассказывает, что для достижения удачи в промысле духам приносили в жертву пищу, украшения, монеты. Представление о семейно-родовом культе, характерном для народов Сибири, посетитель получает у этнографической реконструкции «Чум эвенка-охотника конца XIX в.». Макет костра, помещенный в центре чума, дает возможность рассказать о почитании у эвенков «хозяйки очага», которая считалась покровительницей семьи, женщин и детей, а также о вере людей в «хозяина чума». Если культ «хозяйки очага» являлся своеобразным отражением в религии эпохи материнского рода, то почитание «хозяина чума» было уже связано с утвердившимся отцовским родом¹³. Перед нами снова яркий пример того, как в религии отражаются общественные отношения людей, их реальная жизнь. Поэтому все эти материалы хорошо используются музеем для раскрытия сущности религии.

В экспозиции отдела показываются также костюм, атрибуты шамана и пр. Здесь экскурсовод останавливается на представлениях народов Сибири о душе, о мире духов, о способности шамана «общаться» с ними. Иллюстративный материал и соответствующие тексты характеризуют классовую сущность шаманства, особенно в первые годы Советской власти. Во время экскурсии по отделу экскурсовод постоянно проводит аналогии между религиозными верованиями народов Сибири и христианством. Так, показывая шаманский жезл с колокольцами, употреблявшийся при камлании, он говорит и о роли колокольного звона в обрядах христианства. Характеризуя промысловый культ, в том числе обычай сжигать багульник или можжевельник для привлечения духов, экскурсовод проводит параллель с курением ладана в христианстве и т. д.¹⁴.

Но промысловый культ и шаманство характерны в основном лишь для определенного круга народов. В музеях большинства краев и областей, население которых в прошлом занималось земледелием, тему дохристи-

¹³ С. А. Авижанская, Опыт использования этнографических материалов в научно-атеистической пропаганде, Сб. «Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок», М., 1972, стр. 87.

¹⁴ Там же, стр. 87, 88.

анских верований и обрядов можно, по-видимому, в какой-то степени раскрыты на аграрных культах. В исторических отделах, где показывается остальное хозяйство дореволюционной деревни — земледелие с его примитивной техникой и пр., — становится очевидной та же зависимость человека от сил природы, что и у таежных охотников и рыболовов Севера и Сибири. «Корни древнейших аграрных обрядов, — пишет С. А. Токарев, — очень близки, иногда почти тождественны корням охотничье-рыболовческих обрядов... Эти корни заключаются в таком же — если не большем — бессилии первобытного земледельца перед природой, как и бессилие первобытного охотника»¹⁵. Конечно, уровень развития народов дореволюционной России никак нельзя сравнивать с уровнем развития первобытных земледельцев, но зависимость людей от окружающей природы и здесь была достаточно большой. На этой основе у многих народов возникла вера в духов земли, урожая; появились различные магические обряды, цель которых — повлиять на силы природы и обеспечить урожай. С помощью соответствующих вещевых и иллюстративных материалов наиболее характерные из этих верований и обрядов могут быть показаны в экспозициях исторических отделов музеев.

Аграрные культы получили очень широкое распространение у русских, украинцев, белорусов, народов Поволжья, Кавказа и др. Некоторые народы Кавказа почитали божества земли и плодородия; в честь этих божеств совершались общинные моления и приносились жертвы. Почти повсеместно исполнялись магические обряды вызывания дождя, обряды для обеспечения хороших всходов и др. У осетин, например, праздник Нового года был связан с земледельческим культом. В Государственном музее этнографии народов СССР, в разделе, посвященном культуре осетин XIX — начала XX в., экспонируется обрядовое новогоднее печенье, которое изготовлялось и употреблялось крестьянами с целью обеспечить урожай (большая лепешка изображала солнце, маленькие — соху, корзинку для хлеба и пр.)¹⁶. У чувашей основные религиозные праздники и обряды также были связаны с земледелием. Начинались они около Нового года (время зимнего солнцестояния), важнейшие приурочивались ко времени весеннего сева и летних уборочных работ. В обрядах отчетливо сохранялись следы почитания матери-земли; они совершались жителями всей деревни в определенных местах — в лесу, роще, овраге и т. д. Праздники сопровождались жертвоприношениями скота, купленного для этой цели на общинные деньги. В музеях Чувашии хранятся многочисленные подлинные экспонаты, связанные с земледельческим культом.

Связь с земледельческим культом отчетливо видна и в старых праздниках мари: в празднике сохи, отмечавшемся в мае, и летнем празднике солнцестояния (сюрем). В них участвовали жители одной или нескольких деревень; обряды совершались в священных рощах под руководством выборных жрецов — картов¹⁷. Вещевой материал, относящийся к данным праздникам, можно было собрать в марийских деревнях еще несколько лет тому назад. Экспедиция Музея истории религии и атеизма под руководством В. Н. Шердакова в 1968 г. привезла из Марийской республики интересную коллекцию ритуальных предметов, связанных с этими обрядами: костюм мари-карта; надевавший жрецом во время молений в священной роще; трубу (сюрем-пуч), с помощью которой верующие созывались на моление; полотенца, оставлявшиеся людьми в священных рощах в качестве жертвоприношений; музыкальный инструмент, употреблявшийся во время обряда жертвоприношения; ритуальную посуду — чашу

¹⁵ С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие, М., 1964, стр. 379—380.

¹⁶ С. А. Авижанская, Указ. раб., стр. 90, 91.

¹⁷ «Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов», М.—Л., 1931, т. II, стр. 179—182.

для поливания жертвенных животных, сосуды для жертвенной пищи и разливания пива на молениях. Подобные коллекции представляют большую ценность. С их помощью в музеях можно создать экспозиционные комплексы, характеризующие древние верования и культы народов дореволюционной России. Организуя собирательские экспедиции, музеи должны, очевидно, предусматривать поиски подобных экспонатов. Помимо аграрных культов, собирателям необходимо обратить также внимание на обряды, связывавшиеся в прошлом и с другими видами производственной деятельности, например скотоводством, пчеловодством.

Многие этнографические, исторические и краеведческие музеи имеют материалы по знахарству, которое в прошлом было широко распространено у всех народов дореволюционной России. Известно, что знахарство является одной из ранних форм религии. Его особая стойкость и живучесть объясняются тем, что оно с самого начала тесно переплелось с народной медициной, располагавшей многими рациональными и довольно эффективными лечебными средствами и приемами. У некоторых народов Севера и Сибири знахарство частично соединилось с шаманством, поэтому освещать данные вопросы можно в одном разделе. Характеризуя знахарство, желательно показать средства, использовавшиеся в его практике для лечения больных, что позволит раскрыть его антинаучный характер. Важно обратить внимание посетителей музея на корни данной формы религии — бессилие людей перед болезнями. Это позволит еще раз вернуться к вопросу о причинах появления религии. Непонимание людьми сущности заболеваний приводило к тому, что часто болезни олицетворялись в образах определенных духов. В различных краеведческих музеях Севера и Сибири есть скульптурные изображения духов различных болезней — ревматизма, туберкулеза и др. Примером могут служить чукотские изображения духов туберкулеза и водянки, экспонированные в Музее истории религии и атеизма. Эти предметы вызывают всегда большой интерес у экскурсантов. У русских духи лихорадки («трясовицы») олицетворялись раньше в образах 7 или 12 сестер — Трясухи, Знобухи, Желтухи, Ломухи и др.; сами имена их говорят о симптомах болезни. Гравюры с изображением «трясовиц», а также литографии подобного содержания имеются в фондах многих музеев.

В религии народов Кавказа, Поволжья и Сибири важную роль в прошлом играл культ предков, характерный в основном для стадии патриархально-родового общества. Он основывался на вере в то, что духи умерших предков могут во всем покровительствовать своим живым сородичам, но за это требуют почитания и жертвоприношений. Выразительными экспонатами по этой теме служат изображения предков. В экспозиции Музея истории религии и атеизма представлены, например, следующие предметы; деревянные фигурки предков у нанайцев, изображения супругов-предков у бурят, сделанные из овчины и др. Семейно-родовой культ предполагал «кормление» предков — поминальные обряды, жертвоприношения. Они показаны в экспозиции с помощью соответствующих иллюстраций и подлинных экспонатов — ритуальной посуды, утвари и пр. Так, у белорусов на празднике «дзядов» употреблялась не только ритуальная посуда, но и специальные столики для кормления предков.

Упомянутые здесь верования и обряды не исчерпывают, разумеется, всех ранних форм религии, которые в виде пережитков долгое время сохранялись у народов России. Здесь в качестве примера взяты только наиболее широко распространенные. Научные сотрудники каждого музея, могут отразить в экспозиции те религиозные представления и обряды, которые существовали в прошлом у населения их края или области. Основательно проведенное предварительное научное исследование данных вопросов поможет выявить и включить в экспозицию необходимый материал. Для усиления атеистической направленности экспозиции можно использовать не только культовые предметы (дав им соответствующую

щую интерпретацию), но и экспонаты, на первый взгляд к религии прямого отношения не имеющие. Например, демонстрируя в соответствующем отделе старые земледельческие орудия труда, в частности соху, следует, очевидно, здесь же поместить иллюстративный материал об обряде опахивания деревни при эпизоотии (в тех областях, где этот обряд практиковался). В тексте необходимо подчеркнуть, что он отражал бессилие людей перед болезнями, недостаток реальных средств борьбы с ними.

Другой пример: показывая русскую народную одежду дореволюционной деревни, необходимо обратить внимание посетителя на то, что некоторые ее детали и украшения выполняли магические функции: «обереги» на паневе, рога на женских головных уборах (кичках) и др. (В данном случае, экскурсоводу уместно, нам кажется, провести аналогию с фетишистскими элементами в христианской религии: ношение нательных крестов и ладанок преследует по существу ту же цель — оградить верующего от всех бед и несчастий). В далеком прошлом некоторые украшения жилищ, например изображения животных и птиц на крышах домов, служили одновременно «оберегами»; впоследствии они стали выполнять чисто декоративные функции. С семейно-родовым культом у осетин было связано почитание домашнего очага, надочажной цепи и опорного столба жилища — предметов, имевших в первую очередь утилитарное значение. Приведенных примеров достаточно, чтобы понять необходимость еще раз внимательно посмотреть в фондах весь имеющийся материал и выявить предметы, которые могут найти свое место в атеистической пропаганде музея.

Отдельные пережитки древнейших религиозных верований и обрядов иногда продолжают сохраняться вплоть до настоящего времени — почитание рощ, деревьев, источников; вера в знахарство; ношение амулетов; любовная магия и др. Музейным работникам особенно важно установить, какие из этих пережитков продолжают сохраняться у населения их края сейчас, и там, где возможно, собрать относящийся к данной тематике материал, прежде всего вещей. Где же, как не в музеях, должен он храниться? Подлинные вещи и фотографии, собранные по данной теме, можно использовать в стационарных экспозициях и на выставках. Наряду с пережитками христианства, ислама и других религий, представленными, как правило, в музейных экспозициях, всегда интересно показать и конкретные пережитки древних верований и обрядов, объяснив при этом их сущность и происхождение. Вполне вероятно, что само раскрытие генезиса данных явлений отчасти лишит их в глазах верующих людей ореола таинственности, сверхъестественности и тем самым в известной мере будет способствовать преодолению веры в них.

Что по данной тематике могут собрать музеи в настоящее время? Судить об этом можно хотя бы по тем материалам, которые привезены за последние годы экспедициями Музея истории религии и атеизма. Экспедиции в Якутию (1968 г.) и Бурятию (1971 г.) выявили, что там еще кое-где сохраняется почитание деревьев. В Якутии, в Ольдетском наслеге Усть-Алданского района, до сих пор почитается огромное дерево, стоящее посредине поля, вдалеке от проезжих дорог. Человек, у которого начались в жизни неприятности, отправляется к дереву и приносит сюда в качестве жертвы какую-либо вещь, веря, что после этого у него все наладится. На дереве и около него участники экспедиции нашли тряпочки, чайник, монеты и разные другие предметы, в том числе даже рабочие инструменты — топоры, молотки. Другое почитаемое дерево находилось около проезжей дороги у с. Танда (Усть-Алданский район); оно также было увешано разнообразными приношениями¹⁸. В Бурятии, недалеко от пос. Кырена Тункинского района,

¹⁸ «Отчет о командировке в Якутскую АССР», Рукописный отдел Музея истории религии и атеизма (МИРиА), ф. 1, оп. 1, д. 614, стр. 17.

члены экспедиции видели большую березу с висящими на ней разноцветными лоскутками материи и пучками конских волос. Дерево стоит недалеко от проезжей дороги, ведущей в горы. Люди, едущие туда на лошадях и машинах, останавливаются иногда у дерева и оставляют под ним различные вещи — хлеб, конфеты, монеты и др. Соблюдают этот обычай и буряты, и русские¹⁹. Участники экспедиций сфотографировали в обследованных районах несколько почитаемых деревьев и привезли интересные экспонаты.

В Бурятии и Якутии кое-где продолжают сохраняться представления о духах-хозяевах гор, тайги, рек, озер, а также остатки промыслового культа. В Закаменском районе Бурятии один охотник сообщил сотрудникам музея, что, отправляясь на промысел, люди иногда обращаются с просьбами об удаче к «хозяину тайги» и приносят жертвы огню²⁰. В Якутии, по словам информаторов, еще в 1960-х годах существовал кое-где такой обычай: охотник, отправляясь на охоту, а рыбак — на рыбалку, для обеспечения успеха должны были на том месте, где они остановились, разжечь костер и принести жертву огню²¹. До настоящего времени в отдельных домах можно встретить и охотничьи амулеты; два таких амулета — крыло птицы и лапки белой куропатки (они вешались на стену жилища в начале охотничьего сезона) — привезли сотрудники музея из Усть-Алданского района Якутии.

Предметы шаманского культа в настоящее время собирать очень трудно, так как шаманство почти полностью исчезло. Однако в некоторых районах Сибири и Севера есть еще люди, которые гадают, лечат больных. В Бурятии члены экспедиции Музея истории религии и атеизма встречались с тремя такими людьми; о других получили сведения от информаторов. Интерес для исследователя представляют и шаманские погребения, являвшиеся всегда культовыми местами. И сейчас в Якутии старики иногда отказываются указать местонахождение шаманских погребений, считая, что это может разгневает духа шамана и тот наслет на виновного и его близких болезнь и другие несчастья. Одно шаманское захоронение (воздушное, в колоде) было обнаружено экспедицией Музея в местности Кур-оттах Батагайского наслега Усть-Алданского района. Оно было в плохом состоянии; большая часть одежды и украшений не сохранилась, но куски кожи от нижней части одежды, расшитые бисером, удалось все же привезти. Из Ольтетского наслега Усть-Алданского района были получены и «шаманские птицы» — деревянные резные изображения птиц, олицетворявшие духов-помощников шамана. Таким образом, отдельные предметы шаманского культа, вероятно, можно еще собрать и в настоящее время.

Опыт экспедиционной работы показал, что предметы шаманского культа сравнительно легче получить от шаманов, отказавшихся от своей религиозной практики. Помогает в таких случаях и заверение, что все эти вещи представляют интерес для науки и будут экспонированы в музее. Исключительно ценные материалы о шаманстве, анимистических представлениях, погребальном культе и других религиозных пережитках у нанайцев и ульчей собрали в 1972 г. участники экспедиции в Хабаровский край²². Ими привезена и большая коллекция: одежда и бубен шамана, изображения духов-покровителей (резные деревянные фигуры медведей и тигров), разнообразный погребальный инвентарь и др. —

¹⁹ «Отчет об экспедиции в Бурятскую АССР», Рукописный отдел МИРиА, ф. 1, оп. 1, д. 630, стр. 10, 11.

²⁰ Там же, стр. 12.

²¹ «Отчет о командировке в Якутскую АССР...», стр. 14.

²² «Отчет об экспедиции в Хабаровский край», Рукописный отдел МИРиА, ф. 1, оп. 1, д. 629, стр. 1—3.

всего 68 предметов²³. В нанайском селе Дада удалось записать на магнитофон беседу с бывшим шаманом.

Экспедиции могут дать в распоряжение музеев также значительные материалы о сохранении различных видов магии. Так, сотрудниками Музея истории религии и атеизма в Омутнинском районе Кировской области в 1968 г. было изучено состояние религиозности в горнозаводском поселке Песковка. Оказалось, что из всех верований и обрядов здесь дольше всего сохранялись различные виды магии. В поселке сотрудников музея познакомили с двумя женщинами, пользовавшимися репутацией «колдуний». Одной из них приписывалась способность «опить» любого человека. Другая считалась «специалистом» по любовной магии. От этой «колдуньи» (по прозвищу Санька-Зырянка) был получен «заговоренный» пояс из куска рыбацкой сети, насчитывавший 40 узелков. Считалось, что он обладает способностью предохранять женщин от вредоносной магии. Из того же поселка привезен и другой амулет — гусиное перо с находящейся в нем ртутью; зашитое в красную тряпочку, оно прикалывалось булавкой к нижнему белью женщины — чтобы удержать мужа²⁴.

Различные амулеты, служившие средствами предохранительной магии, собраны экспедициями музея в республиках Средней Азии. В 1968 г. из Бухары привезен семейный «оберег» (хозариспанд), до настоящего времени изредка встречающийся у узбеков. Он представляет собой стержень, к которому прикреплены в виде подвесок семена различных пустынных растений и тряпочки. Такие обереги вешались над дверью жилища с целью оградить семью от дурных намерений входящих, если таковые у них были. В том же году несколько амулетов получено в Ошской области Киргизии, среди них коготь беркута, который, согласно поверьям, охранял человека от всего дурного, от злых духов. Его носили и беременные женщины, чтобы роды были легкими. Коготь пришивался к внутренней стороне одежды подмышкой. Амулетами служили также перья беркута; их носили в основном дети, считалось, что они сохраняют ребенку жизнь и предохраняют его от злого глаза. Сотрудники музея приобрели интересный экспонат — детскую тибетейку с перьями беркута²⁵.

Чтобы сделать научно-атеистическую пропаганду действенной, надо учитывать современное состояние религиозности, разнообразные ее проявления, в том числе и наличие в сознании людей пережитков древнейших верований и обрядов. Их существование в настоящее время свидетельствует об особой живучести и консервативности религиозных представлений. Показывая происхождение и сущность религиозных верований и обрядов, их антинаучный характер, экспозиции и выставки музеев будут способствовать преодолению религиозных пережитков в сознании людей, помогая тем самым делу коммунистического воспитания трудящихся.

MUSEUM EXPOSITIONS AND THE PROBLEM OF THE ORIGINS OF RELIGION

Many of our country's museums possess rich archaeological and ethnographic collections whose expositions may play an important part in elucidating the origins and early forms of religion. Archaeological materials from the palaeolithic and neolithic ages

²³ Там же, стр. 4.

²⁴ «Отчет о командировке в Омутнинский район Кировской области», Рукописный отдел МИИА, ф. 1, оп. 1, д. 617, стр. 4—9.

²⁵ «Полевой дневник экспедиции в Киргизскую ССР», Рукописный отдел МИИА, ф. 1, оп. 1, д. 615, стр. 4—10.

(tools, utensils, reconstructions of ancient dwellings and settlements) give an idea of the social-economic structure of primitive society, of man's impotence in his struggle with nature which at that stage of social evolution became one of the factors leading to the rise of religion. Archaeological relics (ancient burials, certain late palaeolithic art objects, etc.) permit us to trace the evolution and growing complexity of the burial cult, of magical hunting rituals. Ethnographical collections amassed from tribes that have only recently still remained at one or another phase of the primitive communal stage of development (e. g. the aboriginal populations of Australia, Oceania, North and South America, etc.) also form valuable exhibits serving to characterize early forms of religion. For this purpose many museums also make use of materials on the traditional beliefs and cults of the peoples of pre-revolutionary Russia. The study of the origins and early forms of religion are important for the propaganda of scientific atheism.

Г. П. Белорукова

ЛЕСНЫЕ РАБОЧИЕ КОМИ АССР

(ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ)

Ленинская национальная политика КПСС с первых дней образования Советского государства обеспечила равное и свободное развитие всех народов страны, в том числе и ранее отсталых. «Всемирная история еще не видела во взаимоотношениях десятков национальностей и народностей столь нерушимого единства интересов и целей, воли и действий, такого духовного родства, доверия и взаимной заботы, какие постоянно проявляются в нашем братском союзе»¹.

В условиях развитого социализма в процессе совершенствования социальной структуры рабочего класса (и всего общества) происходит усиление социальной однородности. Этот процесс не исключает внутреннего разнообразия, усложнения социальной структуры². Многомерность социальной структуры рабочего класса обуславливает внимание к социально-культурным, образовательным, социально-демографическим группам, которые входят в его состав и становятся все более общественно-значимыми³.

Особое место среди неосновных дифференцирующих признаков занимают этнические. В многонациональной Советской стране «национальные факторы играют и в обозримом будущем будут играть видную роль в нашей жизни, во многом определяя особенности нашего пути к коммунизму»⁴. Как же соотносится этническая дифференциация со становлением социальной однородности нашего общества?

В зависимости от характера объекта изучения подход к исследованию поставленной проблемы может быть двояким.

I. Объектом исследования могут стать этносы, части этносов, совокупности этносов. А так как этническое развитие определяется особенностями развития социальной структуры этносов, то важнейшей задачей является изучение классовых и внутриклассовых различий в пределах этнических образований.

II. Могут изучаться классы, слои, группы, на социальное развитие которых накладываются отпечаток особенности этнического развития входящих в их состав этнических совокупностей. В этом случае можно говорить об этнических особенностях классовых и внутриклассовых

¹ «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. М., 1972, стр. 13.

² «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 72—76; «Проблемы изменения социальной структуры советского общества», М., 1968; «Классы, социальные слои и группы в СССР», М., 1968; О. И. Шкаратан, Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР, М., 1970; С. Л. Сенявский, В. Б. Тельпуховский, Рабочий класс СССР (1938—65), М., 1971.

³ См. например: Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, Социальное развитие рабочего класса СССР, «Вопросы философии», 1972, № 2; их же, Человек после работы, М., 1972.

⁴ Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1, стр. 3.

групп и считать целесообразным изучение роли этих особенностей в процессе совершенствования социальной структуры.

Мы взяли второй из двух вышеназванных объектов исследования⁵. Это — рабочие одной отрасли промышленности одного определенного региона — лесные рабочие Коми АССР. Поскольку между лесозаготовительными предприятиями региона нет существенных различий в уровне механизации основных работ, в условиях труда, быта рабочих и т. п., можно говорить о принципиальной однотипности социально-производственных особенностей лесных рабочих всей республики и считать их, в этом смысле, относительно однородной социальной группой. С другой стороны, выделенная группа имеет разнородный этнический состав. Это дает возможность поставить некоторые вопросы, имеющие отношение к проблеме этнических особенностей конкретных социальных групп.

Мы, конечно, не стремились изучать влияние этнических факторов на все (хотя бы даже только основные) виды внутренней социальной дифференциации. Это практически невозможно. Наша задача ограничена рамками культурной дифференциации и, конкретно, того ее аспекта, который касается преимущественно сферы потребления культуры — современной, так называемой «городской», культуры. Вместе с тем, выяснялось влияние этнических факторов и на некоторые культурные характеристики. В обоих случаях нас интересовал характер влияния следующих факторов: 1) национальной принадлежности, 2) этнической среды.

Начавшись лишь после Октября, промышленное развитие республики Коми шло быстрыми темпами и превратило бывшую отсталую окраину царской России в один из крупных индустриальных районов страны. Лесная промышленность занимает в экономике Коми АССР одно из ведущих мест: она дает 20,4% валовой продукции всей промышленности, в ней работают 38,4% всех занятых в промышленности республики⁶. Лесные рабочие, таким образом, — один из наиболее многочисленных отрядов рабочего класса. Кроме того, лесозаготовительная промышленность начала развиваться в Коми АССР раньше других отраслей, следовательно, лесозаготовители — один из первых, сложившихся раньше других, отрядов рабочего класса.

В настоящее время в республике имеется несколько десятков крупных лесозаготовительных предприятий — леспромхозов, в которых занято свыше 40 тыс. рабочих⁷. Каждое предприятие расположено вблизи разрабатываемых лесных массивов, рабочие живут в 4—6 лесных рабочих поселках, из которых один является основным, остальные, глубинные, именуются обычно лесопунктами (соответственно названию цехов лесозаготовительного предприятия). В последние годы в Коми АССР их насчитывается свыше 200. В них проживает почти каждый третий сельский житель республики. Более 9/10 лесозаготовителей сосредоточено в пунктах с числом жителей свыше 500 чел. Обычно эти поселки относятся к сельским (несельскохозяйственным) поселениям. В большинстве случаев они значительно удалены от крупных культурных центров.

За несколько десятилетий, прошедших с начала социалистической индустриализации, лесная промышленность Коми АССР коренным

⁵ Исследование осуществлено по материалам массового выборочного изучения рабочих, проведенного в 1970—1971 гг. Опрошено свыше 1300 чел. в 30-ти лесных рабочих поселках Коми АССР.

⁶ «Коми АССР за 50 лет», Сыктывкар, 1971, стр. 43. Данные относятся только к лесозаготовительной промышленности (лесозэксплуатации) без учета деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности.

⁷ В это число входят промышленно-производственные рабочие, занятые на основных лесозаготовительных операциях (лесосечных работах, вывозке, нижнескладских и вспомогательных работах).

Показатели социальной и демографической структуры этнических групп рабочих
(в %, кроме показателя 4)

Наименование показателей	Этнические группы								
	Русские			Коми			Прочие		
	все русские	русские зоны А	русские зоны Б	все коми	коми зоны А	коми зоны Б	все прочие	прочие зоны А	прочие зоны Б
1. Рабочие в возрасте:									
до 30 лет	27,9	23,7	31,8	22,6	20,0	23,1	32,3	27,0	39,2
30—39 лет	39,6	38,7	39,4	46,9	43,9	48,1	38,2	41,9	33,3
40 и более лет	32,5	37,6	28,8	30,5	36,1	28,8	29,5	31,1	27,5
2. Рабочие-женщины	21,8	26,6	17,1	32,3	33,3	31,9	24,7	27,8	20,1
3. Квалифицированные рабочие	47,7	47,4	48,0	48,7	56,2	46,3	48,8	54,9	41,5
4. Средний уровень обра- зования рабочих (в клас- сах)	6,7	6,4	7,0	5,9	6,4	5,7	6,2	5,5	6,8

образом изменилась. Она является теперь механизированной индустриальной отраслью с постоянными кадрами рабочих, с довольно высоким уровнем социально-производственного развития. Однако по ряду причин он здесь ниже, чем во многих других промышленных отраслях. Количество лесных рабочих, занятых неквалифицированным и мало-квалифицированным трудом, еще очень велико.

В большинстве своем рабочие-лесозаготовители происходят из семей крестьян или рабочих, связанных с сельской местностью. По нашим данным, лишь 30,2% опрошенных рабочих родились и выросли в районе их нынешнего проживания. Более половины приезжих рабочих жили раньше за пределами Коми АССР. Благодаря этому здесь сложились многонациональные рабочие коллективы.

Национальный состав исследованных нами коллективов следующий: русские — 40,5%, коми — 30,7%, украинцы, белорусы, немцы, чувашы, татары и т. д. (взяты вместе) составляют — 28,8%. Национальный состав всего населения лесных поселков почти тот же⁸. Задачи исследования требовали выяснения социальной и демографической группировки внутри национальных групп. Установлено, что ни демографические, ни социально-профессиональные показатели в разных национальных группах существенно не различаются (см. табл. 1). В этих условиях проблема влияния признаков этнической структуры на социально-культурные и этнические характеристики становится, естественно, более доступной для изучения.

Дифференциация, создаваемая разным уровнем освоения современной культуры, определяется в исследовании по таким направлениям: в плане ориентации обследуемых, во-первых, на средства массовой коммуникации (радио, кино, периодическая печать, книги); во-вторых, на характер содержания получаемой культурной информации (информация общественно-политическая, научная и научно-техническая, эстетическая, информация семейно-бытового и развлекательного характера); в-третьих, на некоторые виды общественно-значимой деятельности: в производственной сфере (участие в социалистическом соревновании, рационализаторской и изобретательской работе), общественно-политической

⁸ Для сравнения укажем национальный состав всего населения Коми АССР: русские — 53%, коми — 29,6%, другие национальности — 17,4% (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года).

(общественная работа), культурно-просветительной и эстетической (художественная самодеятельность)⁹.

Широко освоены всеми группами средства массовой коммуникации. Практически нет ни одного рабочего, не пользующегося радио: 72,8% из них имеют собственные радиоприемники, 42,6% — радиоточки; 87,6% всех опрошенных смотрят кинофильмы, 84,3% — читают газеты, 70,9% — читают книги. Значительно меньшее количество рабочих смотрит телевизионные передачи, поскольку жители некоторых отдаленных районов Коми АССР еще не имеют возможности принимать телевизионные программы.

Наиболее популярны, как выяснилось, передачи и статьи на общественно-политические темы: информационные материалы о своей республике и своем районе, о нашей стране и зарубежных государствах. Особый интерес проявляется к специальным выпускам и статьям для работников лесной промышленности. Почти так же популярны передачи и статьи бытового и развлекательного характера (беседы о воспитании, спортивные передачи, происшествия). Несколько меньше интересуются рабочие художественными передачами¹⁰. Научно-техническая тематика для них наименее привлекательна.

Что касается читательских интересов рабочих, то они сосредоточены главным образом на художественной литературе.

Сравнительно много рабочих-лесозаготовителей участвует в общественно-значимой деятельности (71,4% — в социалистическом соревновании производственных бригад). Среди рабочих 11,8% — рационализаторы и изобретатели; 18,4% рабочих занимаются общественной работой, 4,9% участвуют в художественной самодеятельности.

Культурные ориентации, проявляющиеся в реальном поведении опрашиваемых, не отличаются сколько-нибудь значительно от того варианта, который выявлен способом создания проективной ситуации. Это свидетельствует об их относительной устойчивости.

Таковы общие культурные характеристики изучаемой социальной группы. Однако в соответствии с поставленной выше проблемой мы попытались исследовать специфику проявления этих характеристик в связи с некоторыми этническими факторами, в первую очередь, в связи с фактором национальной принадлежности.

При рассмотрении тех же характеристик в разрезе этнических групп, составляющих изучаемую социальную группу (то есть соотнося их с фактором национальной принадлежности), устанавливается полное принципиальное сходство по всем рассматриваемым показателям. Выявленные различия незначительны. К тому же эти различия могут быть объяснены наличием очень небольших отклонений в величине показателей основных социальных характеристик (см. табл. 1). Последние, как было предварительно выяснено, влияют на уровень развития культурных ориентаций, играя роль довольно сильно действующих факторов¹¹. То, что русские читают книги чаще и что у них наблюдается несколько большая тяга к общественно-политической, научной и технической литературе, объясняется не фактором национальной принадлежности, а скорее — несколько более высоким уровнем их образо-

⁹ Тому или иному признаку и его устойчивости дается количественная характеристика (в процентном отношении ко всей группе или ее подразделению). Показатели культурных признаков в дальнейшем называются культурными (социально-культурными) характеристиками группы.

¹⁰ Имеются в виду литературные передачи, концерты эстрадной и народной музыки. Самый высокий интерес вызывает народная музыка.

¹¹ В качестве основных социальных факторов, влияющих на развитие культурных и этнических характеристик, выступают факторы социально-профессиональной принадлежности, образования, пола и возраста, а также социально-территориальные факторы. Другие социальные факторы в нашем исследовании не анализировались, либо рассматривались частично.

вания. Характерно, что интерес к художественным передачам (литературным, концертам народной и эстрадной музыки), менее подверженный (как выяснилось) воздействию образовательных различий, не имеет по этническим группам рабочих даже незначительных отклонений.

Таким образом, национальная принадлежность как один из признаков этнической структуры социальной группы не может значительно повлиять на уровень развития культурных характеристик.

Вместе с тем, можно с уверенностью сказать, что в этнокультурном процессе важнее учитывать более сложный показатель — этническую среду. Изучение лесных рабочих проведено по двум группам районов, различающимся по этническому составу населения. Первая группа — экспериментальная (в дальнейшем мы будем называть ее «группа А», проживающая, соответственно в «зоне А») выделена в центральной промышленно-развитой части Коми республики, в районах Княжпогостском и Усть-Вымском. Здесь этнический состав рабочих-лесорубов таков: русские — 45,6%, коми — 17,5%, прочие национальности — 36,9%. Вторая — контрольная (в дальнейшем «группа Б», проживающая в «зоне Б») дислоцируется в Усть-Куломском и Койгородском районах, значительно отдаленных от крупных промышленных и культурных центров. В этой зоне преобладает уже не русское население, а коми, доля русских и прочих по сравнению с «зоной А» ниже: русские составляют 36,4%, коми — 41,1%, прочие — 22,5%.

Изменение этнической среды должно, по-видимому, более отчетливо сказаться на коми, приобретающих в контрольной группе ярко выраженную «свою» среду как в пределах изучаемой социальной группы, так и в пределах поселка и района.

Однородные этнические компоненты в обеих группах по основным социальным признакам существенно не различаются (см. табл. 1), хотя небольшие отклонения все же заметны. Например, профессиональная структура русских в группах А и Б неизменна, у коми же и прочих в группе Б увеличивается доля неквалифицированных работников. Имеются различия и в образовательном уровне национальных групп по зонам.

Два «этнических района» различаются и так называемыми культурными условиями. Это обстоятельство затрудняет выявление воздействия этнической среды, но не делает его невозможным. Зная, во-первых, основное направление и характер изменений культурных характеристик в связи с переходом от более урбанизированной зоны (А) к менее урбанизированной (Б) и, во-вторых, принципиальное сходство основных социальных условий (сходство демографической, поселенческой и социально-профессиональной структур, путей формирования кадров, уровня миграции, примерно равный период существования предприятий, см. табл. 2), можно предполагать, что при появлении значительных отклонений в показателях по группам А и Б (по крайней мере в случаях появления обратных тенденций или сильного изменения абсолютного значения показателей) сказывается влияние этнической среды (или какого-либо иного этнического фактора, усиленного этнической средой). Имеет значение и то, что признак национальной принадлежности, как установлено выше, влияя на культурные характеристики сам по себе не оказывает.

Результаты анализа распределения показателей культурных характеристик в различающихся этнических средах (см. табл. 3) говорят о том, что этническая среда оказывает некоторое воздействие на уровень культурного развития рабочих.

При переходе от группы А к группе Б увеличивается интерес к чтению книг и снижается — к чтению газет. Эта тенденция наблюдается во всех национальных группах, но в группах русских и прочих она выражена особенно отчетливо. Например, количество русских,

**Сравнение этнических районов по некоторым основным социальным характеристикам
(в %, кроме показателя 4)**

Наименование показателей	Этнические районы		
	обе зоны*	зона А	зона Б
1. Население, проживающее в поселках размером более 500 чел.	91,4	94,8	90,5
Рабочие, проживающие в одном поселке не менее 5-ти лет	26,6	25,7	27,3
6—10 лет	21,4	23,2	19,8
более 10 лет	52,0	51,1	52,9
2. Рабочие в возрасте до 30 лет	27,6	24,3	30,3
30—39 лет	41,1	40,9	41,2
40 и более лет	31,3	34,8	28,5
3. Квалифицированные рабочие	48,4	51,7	45,9
4. Средний уровень образования (в классах)	6,3	6,1	6,4
5. Национальный состав рабочих:			
русские	40,5	45,6	36,4
коми	30,7	17,5	41,2
прочие	28,8	36,9	22,4
6. Национальный состав населения поселков:			
русские	35,8	46,9	30,3
коми	34,3	13,8	46,7
прочие	26,5	36,0	19,8
Не указали национальности	3,4	3,3	3,2

* Показатели по обеим зонам есть показатели выборочной совокупности, представленные для всей лесозаготовительной промышленности Коми АССР.

регулярно читающих книги, при переходе к менее урбанизированной зоне увеличивается в 1,3 раза, возрастает также количество нерегулярно читающих, вследствие чего число нечитающих уменьшается в 1,9 раза. У прочих национальностей те же показатели соответственно увеличиваются и уменьшаются в 1,5 раза. Количество русских, не читающих газет, увеличивается в группе Б по сравнению с группой А в 1,9 раза, прочих — в 2,1 раза. У коми же переход к менее урбанизированной зоне сопровождается менее значительным изменением этих показателей.

Различия в показателях регулярности чтения книг русскими и прочими, возникшие под воздействием социально-культурных условий, усилены, по-видимому, еще и несколько более высоким образовательным уровнем русских в зоне Б по сравнению с зоной А. Но тогда «ожидаемое» снижение показателей у коми должно быть очень резким, так как их образование в зоне Б не только не выше (как у русских и прочих), но даже ниже, чем в зоне А (см. табл. 1). Действие социально-профессиональных и демографических факторов в данной ситуации, как мы знаем, исключено, а фактор образования в этом случае должен вызвать обратную тенденцию.

По-видимому, рассматриваемые изменения складываются под влиянием дополнительных факторов. Принимая во внимание, что экспериментальная и контрольная группы различаются, главным образом, своими этническими условиями, — можно считать, что это, вероятно, этнические факторы. В частности, мы предполагаем здесь воздействие фактора этнической среды.

**Культурные ориентации рабочих в зависимости от национальности и этнической среды
(в %)**

Наименование показателей ориентации	Этнические группы в этнических районах											
	Этнические районы											
	обе зоны				зоны А				зона Б			
	все ра- бочие	рус- ские	коми	прочие	все ра- бочие	рус- ские	коми	прочие	все ра- бочие	рус- ские	коми	прочие
1. Посещают клуб												
регулярно	52,6	54,8	51,7	50,0	32,9	35,3	25,7	33,7	67,9	74,1	60,4	71,1
изредка	32,9	33,0	29,9	36,4	48,4	47,7	42,9	44,0	21,5	18,2	25,3	20,0
не посещают	14,5	12,2	18,4	13,6	19,7	17,0	31,4	17,3	10,6	7,7	14,3	8,9
читают газеты												
регулярно	62,3	64,7	56,8	67,9	71,8	74,7	69,0	74,9	54,6	55,2	53,1	57,0
изредка	22,0	21,5	22,2	19,1	17,9	16,4	15,5	16,2	25,4	26,9	24,5	25,0
не читают	15,7	13,8	21,0	14,0	10,3	8,9	15,5	8,9	20,0	17,9	22,4	18,0
читают книги												
регулярно	53,4	60,9	51,0	45,4	45,3	52,1	43,7	37,6	59,8	69,7	53,7	56,0
изредка	17,5	16,4	14,5	21,5	20,8	18,4	18,5	24,1	14,8	14,6	13,1	18,0
на читают	29,1	22,7	34,5	33,1	33,9	29,5	37,8	38,3	25,4	15,7	33,2	26,0
2. Предпочитают информа- цию общественно-политиче- ского содержания												
научного и технического	30,7	31,1	26,6	34,1	34,5	34,3	34,3	36,4	22,4	23,3	20,9	25,1
эстетического	8,9	9,7	6,7	10,1	10,9	11,3	9,1	11,3	6,0	6,7	4,9	6,7
семейно-бытовые и развлека- тельные темы*	17,4	17,4	17,7	17,2	16,9	17,9	22,9	15,3	14,4	14,3	13,5	15,3
3. Участвуют в социалисти- ческом соревновании	20,3	32,0	15,0	23,7	25,9	26,5	25,1	25,6	12,9	14,4	9,6	16,6
заныты рационализаторством	71,1	76,6	60,3	74,5	82,4	82,5	70,8	86,3	62,3	70,8	56,9	58,5
	11,8	10,9	11,8	13,4	12,2	10,0	9,7	15,3	11,5	11,5	12,2	10,5

* На эти вопросы отвечали не все опрошенные.

Этническая среда («своя» среда для коми) может усилить ценностное значение этнических особенностей, за счет чего «задерживается» предполагаемое (по характеру действия основных факторов) снижение некоторых культурных показателей.

Так, при переходе от А к Б регулярность чтения газет снижается, но в различных этнических группах это снижение идет различными темпами. Анализируя наиболее вероятные причины этого явления, приходим к выводу, что в данной ситуации наиболее сильное воздействие, казалось бы, должен оказывать образовательный фактор (другие социальные факторы в этом случае, как выясилось, не очень существенны). Однако в действительности изменение показателей, характеризующих чтение газет, не соответствует изменению образовательного уровня: наибольшее снижение образовательного уровня отмечается у коми в зоне Б, но для этой группы совсем не характерен наиболее низкий интерес к периодической печати. Скорее наоборот: при переходе от А к Б интерес к газетам в группе коми снижается определенно замедленными темпами по сравнению с группами русских и прочих, несмотря на то, что в зоне Б средний уровень образования русских и прочих выше, а возраст несколько моложе, чем в зоне А.

Мы думаем, что в данном случае, как и в предыдущем, скорее всего определяющее влияние оказывает этническая среда, усиливающая у коми в Б интерес к периодической печати за счет их интереса именно к национальным изданиям (местной печати, в особенности той, что

издается на языке коми). Проверив это предположение, мы выяснили, что почти все рабочие-коми, которые выписывают газеты и журналы, выходящие на языке коми, проживают в этническом районе Б (22% всех опрошенных коми выписывают газеты и журналы, выходящие на коми: из них 1% проживает в зоне А, 21% — проживает в зоне Б).

Теперь попытаемся сравнить ориентации рабочих на определенные виды культурной информации, получаемой через радио, печать, телевидение. Здесь нет существенных отклонений в показателях. Интерес коми, русских и прочих к общественно-политическим, научно-техническим и др. передачам и статьям выражен в сходных числовых данных. Изменения величин этих показателей в зависимости от степени урбанизации района происходят в этногруппах тоже по существу одинаково. Исключение составляет лишь интерес к эстетической информации. Отклонение состоит, во-первых, в том, что числовые показатели, характеризующие отношение к художественным передачам, у русских и прочих как в А, так и в Б, практически неизменны (ср. их по другим видам информации), а у коми в Б они резко снижаются по сравнению с А; во-вторых, в том, что, значительно снизившись, они остаются у коми в Б на том же уровне, что у русских и прочих в этой же зоне. Характерно, что показатель интереса к художественным передачам у коми в А наиболее высокий (ср. с соответствующими показателями русских и прочих). Еще отметим, что те социальные факторы, влияние которых анализировалось в нашем исследовании, оказались в данном случае несущественными: отношение к художественным передачам (в нашем варианте) подвержено очень слабому воздействию образовательных, социально-профессиональных, социально-демографических различий.

Здесь, как кажется, мы снова видим влияние этнической среды. В районе, где коми составляют самый малый по численности компонент в этническом составе населения, они имеют несколько меньшие возможности получения и восприятия культурной информации своего «национального» характера из непосредственного этнического окружения и возмещают это повышенным интересом к передачам специфически «национального» характера. А художественные передачи (в нашем варианте) являются более, чем другие, «этнически окрашенными».

В районах с различной этнической средой замечены также некоторые особенности в отношении рабочих к рационализаторской деятельности и к общественной работе.

Территориальный фактор на отношение к рационализаторской работе не влияет (суммарные распределения участвующих в рационализаторском движении в зонах А и Б одинаковы). Между тем, в национальных группах переход от А к Б сопровождается некоторыми изменениями, а именно: среди коми количество занятых рационализаторской работой увеличивается, среди прочих — уменьшается. Предполагаемое воздействие на эти изменения образовательных и социально-профессиональных факторов, которые в данной ситуации наиболее значимы, должно было бы привести к обратным результатам. Вместо ожидаемого снижения показателей в связи с некоторым спадом уровня образования и доли квалифицированных рабочих-коми в Б интересующие нас характеристики заметно повышаются. Вместо ожидаемого повышения или хотя бы стабилизации уровня участия прочих в рационализаторской работе при переходе к Б, — напротив того, наблюдается снижение.

Почему коми активнее участвуют в рационализаторском движении (кстати, и в общественной работе) именно в Б? Почему прочие, наоборот, более активны в А, а русские одинаково активны как в А, так и в Б? Ответить на эти вопросы пока трудно, но думается, что это не простая случайность. Следует обратить внимание на то, что коми более активны именно в «своей» этнической среде, а прочие — в том районе,

где их численно больше. Приведенные примеры позволяют высказать гипотезу об относительной активности этнической среды.

Проблема «социальное и этническое» многогранна, и ее изучение предполагает различные подходы к ней и многообразные способы фиксации исходных эмпирических данных. Нас интересовали следующие вопросы: какова в условиях социальной однородности приверженность разных этнических групп к специфически этническим характеристикам? Отличается ли она одинаковой степенью развития и устойчивости в разных этнических группах? Влияет ли этническая среда на степень развития этих характеристик?

С помощью материалов, характеризующих отношение опрашиваемых 1) к родному языку и его употреблению, 2) к бракам с представителями иной национальности, 3) к определению национальности детей в семьях, где супруги имеют разную национальную принадлежность, мы пытались получить сведения, которые могли бы дать представление об этнических ориентациях лесных рабочих.

Абсолютное большинство рабочих назвало родным языком язык своей национальности (99,2% русских, 95,8% коми, 76,2% прочих). В случаях несовпадения родного языка и национальной принадлежности родным назван чаще всего русский язык: у коми — 2,7%, у прочих — 22,4%.

В то же время большинство рабочих нерусской национальности, которые не назвали русский язык родным, очень широко пользуется им в повседневной жизни. Распространение русского языка охватывает все сферы общения: производственную, общественную, семейно-бытовую, хотя и в разной степени. В производственной сфере им пользуются 99,6% русских, 94,4% прочих, 62,8% коми. В отличие от русских и прочих, коми часто употребляют на работе два языка (родной и русский), а 11,3% из них — только родной.

В семейно-бытовом общении коми и прочие пользуются языком своей национальности гораздо больше: 59,3% коми говорят дома лишь на языке коми; 14,8% коми в равной мере применяют коми и русский язык; примерно одна четверть коми перешла полностью на русский язык. Большинство представителей прочих национальностей говорят дома на русском языке, и лишь 13,8% из них пользуется языком своей национальности.

Очень различно употребление родного языка в районах с неодинаковой этнической средой. В составе экспериментальной группы (зона А) имеется лишь 4,7% коми, пользующихся на производстве только родным языком, только русским пользуются 72,5%. В контрольной группе (зона Б, где коми составляют большинство) родной язык на производстве употребляют 13,6%, а русский — 59,5% коми (остальные используют оба языка). Характерно, что при этих различиях коми язык остается родным для большинства из них. Прочие национальности как в экспериментальной, так и в контрольной группах применяют в производственном общении в основном только русский язык. Изменение состава этнической среды сильнее отражается на языке семейного общения.

В «своей» среде коми в 3 раза реже пользуются одним русским языком и в 2,5 раза чаще только родным языком. Снижается и доля употребляющих в равной мере оба языка (коми и русский). Несколько неожиданными оказались результаты воздействия изменившейся этнической среды на употребление родного языка прочими. Уменьшение их доли в составе контрольной группы, казалось бы, должно усилить присущую им особенность: переход значительной части на русский язык в семейном общении. Но вопреки ожиданию они применяют только русский язык реже, а только родной — чаще чем в эксперименталь-

ной группе. Вероятно, усложнение внешней языковой ситуации (широкое использование и русского, и коми языков в зоне Б) способствовало некоторому оживлению интереса к языку их национальности.

Влияние национальной принадлежности и этнической среды на отношение к родному языку и к его употреблению, таким образом, очевидно. Наиболее устойчиво оказывают предпочтение родному языку представители русской и коми национальностей. У прочих же национальностей наблюдается тенденция к языковой ассимиляции. Лишь небольшая их часть сохраняет приверженность к употреблению родного языка, остальные полностью перешли на русский.

Этнические ориентации прочих отличаются большей изменчивостью, чем ориентации русских и коми, и по некоторым другим параметрам. Прочие менее «эндогамны»¹² в условиях данной среды, чем коми и русские. Если у коми и русских преобладают однонациональные браки, то у прочих — разнонациональные.

Усиление «своего» этнического компонента в составе этнической среды у русских и у коми увеличивает долю однонациональных браков, ослабление — снижает. В экспериментальной группе, где коми составляют меньшинство, соотношение количества однонациональных и разнонациональных браков у них почти одинаково, в контрольной — однонациональные браки превышают разнонациональные в 3,7 раза. Русские в экспериментальной группе (они здесь преобладают) заключают однонациональные браки в 1,9 раза чаще, чем разнонациональные. Прочие национальности в обеих группах имеют практически не изменяющееся соотношение показателей однонациональной и смешанной брачности. И в экспериментальной и в контрольной группах они в 1,7—1,8 раза чаще состоят в браке с представителями не своей национальности.

Национальная принадлежность и этническая среда оказывают влияние также на определение национальности детей в семьях, где родители принадлежат к разным национальностям. Особо показательным в данной ситуации является выбор для детей национальности, не совпадающей с национальностью ни одного из родителей, а также случаи затруднения в ответе на данный вопрос¹³.

Русские затрудняются в ответе или выбирают «третью» национальность реже других (только 6% всех ответивших русских). У коми этот показатель в 3 раза выше, у прочих — более чем в 5 раз. В изменившемся варианте этнической среды русские отвечают на этот вопрос точно так же. Коми при переходе в «свою» среду вдвое реже затрудняются ответить на вопрос и вдвое чаще выбирают свою национальность.

Таким образом, в условиях социально-однородной смешанной этнической среды этнические ориентации не теряют своей значимости и отличаются довольно высокими и сравнительно устойчивыми показателями.

Изложенные материалы позволяют высказать некоторые замечания об отдельных чертах этнокультурных процессов в среде рабочих лесной промышленности Коми АССР.

Социально-культурные характеристики лесных рабочих отличаются сравнительно высоким уровнем развития. Они находятся в значительной зависимости от социально-профессиональных, образовательных и демографических различий. Надо отметить, что границы культурной дифференциации не обязательно совпадают с теми, которые создаются основным внутриклассовым делением (социально-профессиональными различиями). Это явление, уже отмеченное в литературе¹⁴, находит

¹² Ю. В. Бромлей, *Этнос и эндогамия*, «Сов. этнография», 1969, № 6.

¹³ Речь идет о выборе родителями национальной принадлежности для своих несовершеннолетних детей.

¹⁴ Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, *Социальное развитие рабочего класса СССР*, стр. 16.

подтверждение и в наших материалах. От этнических различий в известной мере зависит культурная дифференциация. Опираясь на приведенные в этой статье данные, можно сделать ряд выводов.

Фактор национальной принадлежности сам по себе не оказывает какого-либо влияния на степень освоения культуры в условиях рассматриваемой нами конкретной социально-этнической среды.

Фактор же этнической среды (который следует рассматривать как более сложный этнический фактор, соединяющий в себе воздействие этнической территории, языка, культуры и т. д.) является активным. Этническая среда может несколько усилить или ослабить отдельные социально-культурные различия, слагающиеся под воздействием основных социальных различий. Это способствует появлению некоторого своеобразия в социально-культурных внутриклассовых различиях.

Характерной особенностью этнокультурного развития лесных рабочих Коми АССР является то, что сходство социально-культурных характеристик этногрупп не «снимает» различий в их этнических ориентациях. Последние находятся в значительной зависимости также от состава этнической среды.

В то же время сходство уровней социально-культурного развития различных этнических групп рабочих создает дополнительные условия для роста межнациональных черт культуры, для культурного и этнического сближения наций.

FOREST INDUSTRY WORKERS IN KOMI ASSR: ETHNOCULTURAL PROCESSES

The article gives an idea of certain aspects of present-day ethnocultural processes among forest industry workers in the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic; these workers form a large part of this Republic's working class. Various social-cultural and ethnic characteristics are shown within the framework of a society that is socially homogeneous but ethnically heterogeneous. The author attempts to examine the changes in these characteristics and their differences according to national affiliation and ethnic environment. Analysis of statistical data shows a certain influence of the ethnic environment both over social-cultural development and over changes in ethnic characteristics proper, such as language.

Н. Н. Чебоксаров

К ЭТНИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЮЖНОГО КИТАЯ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ПРОВИНЦИИ ГУАНДУН)

Памяти старшего товарища и дорогого друга — Георгия Францевича Дебца — посвящает автор настоящую работу

Этническая антропология стран зарубежной Азии, в частности Китая, всегда входила в широкий круг научных интересов Г. Ф. Дебца. Многих вопросов, связанных с этой темой, он касался еще в своих довоенных работах, посвященных древней краниологии Сибири¹. Работая над антропологией Китая, автор настоящей статьи постоянно обращался за консультацией к Г. Ф. Дебцу и всегда получал от него ценные советы, которые во многом помогли разобраться в сложной истории расового состава населения всей Восточной Азии². В 1945 г. вместе с М. Г. Левиным и автором настоящей статьи Г. Ф. Дебц руководил массовым антропологическим обследованием японцев, результаты которого были опубликованы значительно позднее³. В 1947 г. Г. Ф. Дебц в разных пунктах советского Дальнего Востока изучал корейцев — уроженцев Северной Кореи⁴. В приложении к капитальной монографии по этнической антропологии Камчатской области, где были опубликованы эти материалы, он поместил таблицу краниологических данных о народах зарубежной Азии (включая северных и южных китайцев, тибетцев, корейцев и японцев); несмотря на то, что таблица эта была составлена по литературным источникам, она и в наши дни остается одной из лучших сводок по краниологии современного населения Китая и соседних стран⁵.

Перу Г. Ф. Дебца принадлежит несколько содержательных научно-популярных очерков по этнической антропологии Передней и Южной

¹ Г. Ф. Дебц, Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита, «Русский антропологический журнал», 1930, т. 19, вып. 1—2; его же, Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя, «Антропологический журнал», 1932, № 2; ср. его же, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. IV, М., 1949, стр. 42, 43, 53—83, 119—151, 199—214.

² Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев, «Сов. этнография», 1947, № 1; его же, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. II, М., 1947, стр. 24—73.

³ М. Г. Левин, Этническая антропология Японии, М., 1971, стр. 3, 4.

⁴ Г. Ф. Дебц, Антропологические исследования в Камчатской области, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVII, М., 1951, стр. 8.

⁵ Там же, стр. 242—245.

Азии, опубликованных в сборнике «Происхождение человека и древнейшее расселение человечества» (1951), а также в томах серии «Народы мира»⁶. Большое значение для систематики рас зарубежной, в частности Восточной и Юго-Восточной Азии, имела также составленная Г. Ф. Дебецем карта «Человеческие расы мира» с объяснительным текстом к ней, который представляет собой оригинальный исследовательский этюд⁷. В 1964—1966 гг. Г. Ф. Дебеч собрал богатейшие полевые материалы по антропологии Афганистана, охватившие 49 локальных групп различных иранских, тюркских и других народов. Материалы эти были опубликованы в специальных брошюрах и в журнале «Советская этнография», а затем доложены на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио в сентябре 1968 г.⁸ После возвращения из Афганистана Г. Ф. Дебеч продолжал оказывать автору настоящей статьи всемерную дружескую помощь в его работе над проблемами этнической антропологии Восточной и Южной Азии и вместе с ним собирался продолжить начатые в 1964 г. полевые исследования в Индии⁹. Неожиданная смерть помешала этим планам Георгия Францевича.

Материалы, положенные в основу предлагаемой работы, были собраны нами во время работ весной 1958 г. Гуандунской этнографо-антропологической экспедиции. По принятой советскими антропологами расово-антропологической программе были обследованы восемь локальных популяций: 1) китайцы (хань) группы кэцзя уезда Ляньнань на севере Гуандуна; 2) китайцы окрестностей г. Гуанчжоу; 3) китайцы о. Хайнань (в районе городов Санья и Тунчжа); 4) хуэй Гуанчжоу; 5) хуэй Хайнаня, по происхождению связанные с чамами Индокитая; 6) яо уезда Ляньнань; 7) мяо о. Хайнань и 8) ли того же острова¹⁰.

Кэцзя (хакка), считающие себя потомками переселенцев XIV—XVI вв. из бассейна Янцзы, говорят на особом диалекте, близком к китайским диалектам группы гань. Китайцы и хуэй Гуаньчжоу пользуются диалектом, принадлежащим к южнокитайской группе юэ, а китайцы и хуэй Хайнаня — диалектом Амоя (Сямыня), входящим в другую группу южнокитайских диалектов (минь)¹¹. У хайнаньских хуэй, кроме того, сохраняются следы языка чамов, входящего в индонезийскую группу аустронезийской семьи. Яо Ляньнаня и мяо Хайнаня пользуются диалектами языковой группы мяо-яо, которую многие лингвисты сближают с мон-кхмерскими языками. Интересно, что язык хайнаньских мяо близок не к диалектам других групп мяо, а скорее к диалектам яо. Язык ли, наконец, относится к тайским (чжуан-дунским). Так как в формировании южнокитайских диалектов групп юэ и минь прослеживаются некийские субстратные элементы, унаследованные от аборигенных народов юга Восточной Азии, а мяо-яоские и тайские языки (в частности, язык ли) обнаруживают связи с мон-кхмерскими и индонезийскими языками, то весьма вероятно, что в глоттогенезе всех диалектов Гуандуна (и Южного

⁶ Г. Ф. Дебеч, Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVI, М., 1951, стр. 355—370; его же, Антропологический состав населения Южной Азии, «Народы Южной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1963, стр. 45—50.

⁷ Г. Ф. Дебеч, Человеческие расы мира (карта). Расовый состав мира (текст), «Атлас народов мира», М., 1964, стр. 8—9, 118—123.

⁸ Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Афганистане, «Сов. этнография», 1967, № 4; G. F. Debetz, Recherches anthropologiques en Afghanistan, VIII Congrès international des anthropologues et des ethnologues (Tokyo, September, 1968), М., 1968.

⁹ N. N. Cheboxarov, A. A' Zoubov, Essential problems of India's ethnical anthropology, «XXVIII International congress of orientalisks (Canberra, January, 6—12, 1971)», М., 1970.

¹⁰ И. и Н. Чебоксаровы, Полевые этнографические работы в Китайской Народной Республике (1957—1958), «Сов. этнография», 1959, № 5.

¹¹ М. В. Софронов, Лингвистические проблемы в китайском обществе, «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 1.

Китая в целом) значительную роль играл южноазиатский, или аустрийский (в широком смысле слова) субстрат¹².

Очевидная для всякого, кто побывал на юге Китая, принадлежность населения Гуандуна к тихоокеанским монголоидам¹³ непосредственно вытекает из характерного для всех обследованных нами популяций сочетания таких общемонголоидных признаков: как преобладание тугих и прямых волос, слабое развитие третичного волосяного покрова, уплощенность лицевого скелета, сильное выступание скул, узкий или средний разрез глазных щелей, часто приподнятое положение их наружных углов, значительное развитие эпикантуса и складки верхнего века, невысокое, часто «расплывчатое» переносье и т. п. со сравнительно небольшой абсолютной шириной лица, очень сильной пигментацией волос и радужины глаз, тенденцией к широконосоности, альвеолярному прогнатизму, прохейлии и утолщенности губ. Однако эта общая характеристика не исключает необходимости более детального расового анализа различных этнических общностей населения Гуандуна. Такой анализ целесообразно вести, по крайней мере сначала, в пределах материалов, собранных нами в Китае в 1958 г., так как они обеспечивают возможность непосредственного сравнения отдельных групп, исследованных автором на протяжении небольшого отрезка времени по единой методике.

Вероятно, всем, кто будет внимательно рассматривать сводную таблицу, приведенную к нашей статье, бросится в глаза, что хуэй Гуанчжоу по многим расодиагностическим признакам высокой таксономической ценности занимают крайнее положение в амплитуде межгрупповых вариаций, часто заметно отличаюсь от других популяций Гуандуна. Так, у гуанчжоуских хуэй наиболее высок процент мягких волос, сравнительно сильно развита борода, максимально преобладание горизонтально расположенных глазных щелей, сравнительно слабо выражены эпикантус и складка верхнего века, наиболее значительны по гуандунскому масштабу горизонтальная профилировка лица, высота переносья, наклон осей носовых отверстий, доля их овальных форм, средний балл профиля верхней губы, минимальны оба носовых указателя, носо-бровное расстояние и толщина губ.

Все перечисленные особенности гуанчжоуских хуэй проще всего объяснить как результат внедрения в монголоидную расовую среду европеоидных компонентов. Это предположение тем более вероятно, что в состав южнокитайских хуэй еще в период династии Тан (VII—X вв.) вошли потомки от браков арабских иммигрантов с китайскими женщинами, к которым позднее (главным образом в XVII в.) примешались пришедшие с севера вместе с маньчжурскими войсками новые группы мусульман, несомненно включавшие европеоидные расовые компоненты¹⁴.

Некоторые морфологические особенности, ясно проступающие у гуанчжоуских хуэй, прослеживаются в менее выраженной форме также у их хайнаньских соплеменников. Так, для хуэй Хайнаня характерны такие признаки, как довольно большая доля мягких волос, повышенный по гуандунскому масштабу рост бороды; сравнительно слабо развитый эпикантус, максимальная среди обследованных нами популяций ширина глазных щелей, низкие носовые указатели (особенно при измерении высоты носа от переносья), малое носо-бровное расстояние, относительно большой наклон осей носовых отверстий. Все это может указывать на то, что в состав хайнаньских хуэй входили те же европеоидные компоненты,

¹² М. В. Софронов, Указ. раб., стр. 154.

¹³ Н. Н. Чебоксаров, Основные проблемы этнической антропологии Дальнего Востока, «Вопросы истории Советского Дальнего Востока», Владивосток, 1965, стр. 37—50.

¹⁴ И. и Н. Чебоксаровы, Указ. раб., стр. 127.

что и в состав хуэй Гуанчжоу. Главную роль в этом процессе сыграло, надо думать, переселение на Хайнань из Гуанчжоу отдельных групп мусульман, среди которых было много ахунов, знавших арабский язык и письменность; именно они стали у хайнаньских хуэй — простых рыбаков — служителями культа.

Вопрос о том, какие именно европеоидные компоненты вошли в состав гуандунских хуэй, вряд ли может быть полностью разрешен на базе одних только антропологических материалов, собранных нами на юге Китая. Несомненно, что среди арабских переселенцев танского периода преобладали южные европеоиды (меланохрои) с интенсивно пигментированными волосами и радужной глаз. К числу меланохроев принадлежали, вероятно, и более поздние европеоидные группы, проникшие в Гуандун с севера в XVII—XVIII вв. Можно предполагать, что они были аналогичны темным южным европеоидам, вошедшим в состав хуэй Северного Китая и дунган Средней Азии¹⁵.

Косвенным подтверждением этих гипотез является то, что европеоидные черты в облике гуандунских хуэй не связаны со сколько-нибудь заметной тенденцией к депигментации. Интересно, что у хуэй Гуанчжоу найдены не только максимальные для гуандунских популяций средние баллы высоты переносья и поперечного профиля спинки носа, но также максимальные доли выпуклых форм этой спинки, опущенных оснований носа, высоких его крыльев, резко выраженных носовых борозд, часто сливающихся с носо-губными. Иными словами, у хуэй нередко встречается форма носа, известная в научной литературе под названием «арменоидной» и характерная для многих меланохройных популяций Восточного Средиземноморья, Кавказа, Передней и Средней Азии. А ведь именно из этих стран должны были первоначально выйти арабо- и ираноязычные группы, в конечном счете достигшие Китая и принесшие туда ислам. Отметим еще, что невысокий головной указатель хуэй Гуанчжоу (даже по сравнению с соседними хань), сближающий их с обследованными нами в 1945 г. дунганами шортюзинской группы на юге Казахстана, говорит о возможности участия в формировании хуэй как Северного, так и Южного Китая относительно длинноголовых европеоидов восточносредиземноморского (ориентального) облика, которые и в настоящее время широко распространены среди арабских и иранских народов¹⁶.

Для более детального определения расовой структуры гуандунских популяций целесообразно сравнить их по диагностическим признакам с китайскими студентами, обучавшимися в СССР, особенно с уроженцами южных и юго-восточных провинций Китая, в число которых входят и выходцы из Гуандуна¹⁷. При таком сравнении надо иметь в виду, что студенты и народы Гуандуна хотя и обследовались по одной методике, принятой московскими антропологами, но изучались разными лицами и в разное время (студенты — в 1925—1926 гг., а гуандунцы — в 1958 г.). Следует учитывать также различный возраст сопоставляемых серий; впрочем, возрастные различия не должны быть большими, если учесть значительное преобладание молодежи в большинстве гуандунских групп. Наконец, нельзя оставить без внимания и совершенно различный состав китайских студентов и обитателей Гуандуна: первые представляют собой сборные совокупности, включавшие людей, происходящих из

¹⁵ Н. Н. Чебоксаров, Дунганская экспедиция, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», III, 1947; его же, К антропологии Семиречья, Там же, XV, 1952.

¹⁶ См., например, Г. Ф. Дебец, Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии; его же, Антропологические исследования в Афганистане; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971, стр. 112—119; М. Г. Абдушелишвили, Антропологический генозис аборигенного населения Кавказа, Сб. «Человек (эволюция и внутривидовая дифференциация)», М., 1972, стр. 226—232.

¹⁷ Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев, стр. 33.

различных, часто удаленных один от другого районов Китая, вторые же являются популяциями в точном смысле этого слова, так как состоят из уроженцев немногих соседних поселений, жители которых давно связаны между собой перекрестными браками.

Если учесть все эти обстоятельства, которые вполне могли обусловить некоторую методическую несравнимость в определении отдельных (главным образом описательных) признаков, все же будет очевидно большое сходство собственно китайских (ханьских) популяций Гуандуна с обучавшимися в СССР китайскими студентами из южных провинций. По многим важнейшим разграничительным признакам первого порядка гуандунские китайцы отличаются от уроженцев других южных провинций в том же направлении, как эти последние — от уроженцев более северных провинций. Так, у обследованных нами кэцзя, хань Гуанчжоу и Хайнаня по сравнению с южными группами студентов чаще встречаются мягкие волосы, интенсивнее развит третичный волосяной покров, во много раз выше процент черных глаз (№ 1 по схеме Бунака), слабее выражен эпикантус, уже и ниже лицо, выше носовой указатель, чаще встречаются круглые и «бобовидные» носовые отверстия, ниже кожная часть верхней губы, более утолщены губы. Иными словами, многие характерные особенности тихоокеанских монголоидов, отмеченные нами у южных китайцев вообще, выступают у гуандунских хань наиболее отчетливо. Географически и морфологически переходное положение южных монголоидов между восточными монголоидами и австралоидами, вряд ли объяснимое одной только метисацией тех и других, получает в наших гуандунских материалах новое фактическое обоснование¹⁸.

К тому же выводу о существовании постепенных и многообразных переходов между тихоокеанскими монголоидами и австралоидами приводит нас анализ расовых особенностей малых народов Гуандуна — яо Ляньнаня, мяо и ли Хайнаня. У всех этих популяций при общем южно-монголоидном облике прослеживаются определенные австралоидные черты. В наиболее концентрированном виде они выражены у ли и в несколько меньшей степени — у хайнаньских мяо. По сравнению со всеми остальными популяциями Гуандуна обе эти группы отличаются наименьшими вертикальными и широтными размерами лица, резкой абсолютной и относительной широконосостью, самым низким переносьем, плоским поперечным профилем спинки носа, наиболее поперечным расположением осей носовых отверстий, максимальной долей их круглых форм, выраженным альвеолярным прогнатизмом, нередко вздутыми губами. Все эти признаки, хорошо заметные даже при визуальном знакомстве с хайнаньскими мяо и особенно с ли, сочетаются у тех и других с сильно выраженной гипоморфностью, которая выражается в небольших абсолютных величинах почти всех диаметров головы и лица, в преобладании прямых форм лба, чрезвычайно слабым развитии надбровья, очень высокой доле вогнутых спинки носа, приподнятых кончиков и оснований и т. п.

Конечно, речь идет не о принадлежности малых народов Гуандуна к австралоидным расам, а только о выраженности у них некоторых австралоидных особенностей, которые сочетаются с общим южномонголоидным обликом. Для дальнейшего расового анализа гуандунских популяций и правильного понимания их переходных монголоидно-австралоидных черт большой интерес представляет сравнение наших серий с различными группами населения Центрального Вьетнама, обследованными вьетнамским антропологом Нгуен Динь Хоа, который проходил аспирантскую подготовку в МГУ под руководством Я. Я. Рогинского и в сборе

¹⁸ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, стр. 139—146; А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Антропология и этнография о происхождении китайцев, «Расы и народы», 3, 1973, стр. 89—114; ср. также А. А. Зубов, Этническая одонтология, М., 1973, стр. 182—188.

Народы Гуандуна в сравнении с южными китайцами и некоторыми популяциями ДРВ

Признаки	Группы											Народы Вьетнама (Нгуен Динь Хоа)				
	Китайцы (Чебоксаров)			Народы Гуандуна (Чебоксаров)								кинх	май	монг-конг	ван-кыеу	кхуа
	южные провинции	юго-го-сточные провинции	юго-за-падные провинции	китай-цы Лянь-наня (кэцзя)	китай-цы ок-рестностей Гуан-чжоу	китай-цы Хай-наня	хуэй Гуан-чжоу	хуэй Хай-наня	яо Лянь-наня	мяо Хай-наня	ли Хай-наня					
Число исследованных	136	230	125	105	105	109	103	54	112	57	122	213	130	125	161	176
Рост	163,6	162,9	165,0	162,8	163,2	162,7	162,0	163,5	157,5	158,1	161,3	158,3	152,5	155,6	155,7	157,4
Форма волос, % прямых	93,8	94,5	98,4	98,9	94,1	95,4	95,8	92,0	98,2	98,2	95,0	100,0	92,3	96,0	93,8	90,3
Цвет глаз, М (0—4)	2,05	2,01	2,02	2,01	1,90	1,49	2,00	1,96	2,03	1,81	1,44	2,35	2,40	2,24	2,68	2,53
Рост бороды, М (1—5)	1,25	1,23	1,10	1,41	1,38	1,35	1,74	1,37	1,48	1,25	1,28	1,05	1,02	1,03	1,02	1,03
Продольный диаметр головы	187,2	187,1	188,8	185,8	187,1	179,2	187,1	184,3	188,8	185,9	180,4	186,5	182,3	182,0	183,4	179,1
Поперечный диаметр головы	152,3	154,3	150,4	149,9	151,4	153,7	150,6	151,4	149,9	145,5	144,8	151,6	145,0	146,1	145,2	150,0
Головной указатель	81,8	82,6	79,5	80,8	81,0	85,7	80,6	82,2	79,4	78,4	80,4	81,3	79,6	80,6	79,4	83,6
Наименьшая ширина лба	106,1	107,0	105,7	105,9	107,8	103,2	105,9	105,6	106,6	104,2	101,3	106,0	104,1	104,9	105,4	107,3
Горизонтальная профилировка лица: М (1—3)	1,38	1,29	1,42	1,19	1,12	1,18	1,36	1,20	1,31	1,12	1,23	1,47	1,60	1,80	1,74	1,69
Физиономическая высота лица	184,8	187,4	181,7	183,0	188,6	185,7	188,8	188,8	187,5	181,0	183,7	183,7	174,1	180,1	181,61	179,6
Морфологическая высота лица	128,2	130,3	125,1	125,6	127,3	124,2	128,2	124,6	127,1	118,8	119,7	119,6	110,3	113,8	115,7	116,4
Скуловой диаметр	140,4	141,9	139,9	139,0	140,0	139,4	137,6	138,3	140,5	136,7	137,5	140,3	141,1	138,0	138,1	141,3
Физиономический лицевой указатель	76,1	75,9	77,0	75,6	74,4	75,3	73,0	73,6	75,0	75,5	75,0	76,4	81,3	76,8	76,2	78,9
Морфологический лицевой указатель	91,4	92,0	89,5	90,4	90,9	89,0	93,3	90,3	90,6	86,9	87,1	85,4	78,3	82,6	83,6	82,3
Нижнечелюстной диаметр	106,3	107,4	105,0	108,8	110,0	107,3	106,3	108,0	108,7	104,4	105,6	104,9	105,3	104,2	105,5	106,6
Эпикантус: % наличия	96,9	98,7	89,3	43,8	46,2	46,8	27,5	27,8	35,7	36,8	36,1	27,3	13,6	26,5	21,1	10,8
Эпикантус: М (0—3)	1,63	1,93	1,21	0,67	0,56	0,60	0,33	0,30	0,49	0,53	0,44	0,45	0,16	0,34	0,33	0,13
Складка века: М (0—3), Р	1,12	1,46	0,80	1,49	1,40	1,59	1,27	1,35	1,53	1,35	1,34	0,88	0,56	0,66	0,65	0,44
Складка века: М (0—3) D	0,75	1,06	0,55	1,62	1,53	1,69	1,49	1,50	1,82	1,69	1,49	1,14	0,67	0,72	0,69	0,54
Высота носа I	59,7	61,1	59,2	53,0	55,0	56,3	54,6	54,9	53,1	52,3	52,8	54,3	50,6	52,5	52,3	52,9
Высота носа II	—	—	—	46,3	47,4	46,8	48,0	49,0	46,3	43,4	43,6	47,6	43,8	44,9	46,2	46,3
Ширина носа	37,7	37,0	38,0	36,8	37,6	37,9	37,1	37,8	37,5	37,5	39,2	37,9	39,0	38,5	38,5	39,3
Носовой указатель I	64,0	61,4	64,3	69,7	68,8	67,8	67,8	68,1	71,1	71,9	74,4	69,9	76,8	73,7	73,7	74,5
Носовой указатель II	—	—	—	80,0	79,7	81,1	77,4	76,4	82,3	86,9	90,5	79,5	89,1	85,8	83,1	85,2
Высота переносия, М (1—3)	1,27	1,28	1,37	1,73	1,62	1,55	1,75	1,50	1,61	1,33	1,77	1,10	1,06	1,07	1,07	1,11
Общий профиль спинки носа, М (1—4)	—	—	—	2,09	2,04	1,94	2,35	1,91	1,94	1,79	1,72	2,16	1,63	1,69	1,87	2,46
Высота верхней губы	—	—	—	15,4	15,8	15,3	17,4	14,6	15,5	14,6	15,1	14,5	13,9	14,0	14,5	15,0
Толщина обеих губ	—	—	—	19,9	18,9	20,4	17,1	19,3	18,7	19,9	21,2	20,7	19,7	19,2	19,4	19,4

полевых материалов применял ту же методику, что и мы. Нгуен Динь Хоа собрал по полной программе московских антропологов материалы по нескольким территориальным группам: собственно вьетам (кинь), мыонгам, май, которые относятся к горным вьетам с сильно выраженными мон-кхмерскими элементами в языке и культуре, и трем мон-кхмероязычным популяциям — монг-конг, ван-кыеу, кхуа, входящим в группу бру¹⁹.

Нгуен Динь Хоа совершенно справедливо относит изученные им группы к южным монголоидам, но в то же время отмечает, что монголоидные особенности выражены у этих групп в разной степени и сочетаются с некоторыми австралоидными признаками. Наиболее монголоидными среди популяций Центрального Вьетнама оказались, как и следовало ожидать, вьеты, которые по общему расовому облику очень напоминают наши гуандунские группы, особенно малые народы Хайнаня. У май, монг-конг, ван-кыеу и в меньшей степени у кхуа австралоидные черты выражены более ярко как по сравнению с вьетами, так и по сравнению с гуандунскими популяциями, не исключая мяо и ли. Вместе с тем черты эти оказываются у малых народов Центрального Вьетнама как бы рассеянными: так, например, относительная широконосость наиболее выражена у май, ослабление эпикантуса и складки верхнего века — у кхуа, а тенденция к относительно сильной горизонтальной профилировке лица — у монг-конг. Такое мозаичное распределение важных диагностических признаков в морфологически и географически промежуточных популяциях наблюдается обычно в группах, расовый облик которых сложился не в результате метисации, а в самом процессе формирования первичных ареальных подразделений человечества.

Интересно подчеркнуть, что Нгуен Динь Хоа, говоря о сочетании у разных народов Вьетнама (и всей Юго-Восточной Азии) монголоидных и австралоидных черт, также склоняется к мысли о том, что комбинация эта не может быть объяснена только метисацией. «Таким образом, — пишет он, — можно предположить, что в раннем неолите (и тем более раньше) были широко распространены среди населения Индокитая различные переходные формы, от которых могли произойти гораздо раньше, с одной стороны, веддо-индонезийцы и другие „негроавстралоидные“ формы, с другой же — южные варианты монголоидного типа, сохранившиеся до нашего времени в составе аборигенов различных областей этой территории»²⁰. Не останавливаясь подробно на сложной проблеме происхождения переходных монголоидо-австралоидных популяций Юго-Восточной Азии, отметим только, что ареал распространения этих популяций охватывает не только Индокитай (и Индонезию), но и весь Южный Китай между Циньлином и Южно-Китайским морем²¹.

Высказываясь в пользу гипотезы о древних генетических связях между монголоидами и австралоидами, нельзя в то же время отрицать большой роли смешения между теми и другими в конкретной истории расового состава населения Китая и соседних стран. Можно с высокой степенью вероятности предполагать, что большая монголоидность китайцев Гуандуна по сравнению с малыми народами этой провинции объясняется тем, что в состав первых в значительном количестве вошли восточномонголо-

¹⁹ Нгуен Динь Хоа, Антропологический состав некоторых этнических групп Центрального Вьетнама, Автореферат канд. дис., М., 1963; Nguyen Dinh Khoa, Essai sur les caractéristiques anthropologiques des Viet, «*Nghiên cứu lịch sử*» (Études historiques), № 113, 1968, стр. 52—61; его же, Composition ethnique de quelques groupements minoritaires de la Haute Région de Quang-binh, Там же, № 121, 1969, стр. 41—49; его же, De la relation Viet-Muong basant sur les documents anthropologiques, Там же, № 125, 1969, стр. 47—59 (три последние работы — на вьетнамском яз.).

²⁰ Нгуен Динь Хоа, Антропологический состав некоторых этнических групп Центрального Вьетнама, стр. 9.

²¹ А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 108, 109.

идные группы, передвижение которых из бассейна Хуанхэ к югу началось, вероятно, еще во II тысячелетии до н. э. Большая же австралоидность хань Гуандуна по сравнению со всеми другими группами китайцев, исследованными советскими антропологами, зависит, надо думать, от того, что в их состав вошло китаизированное аборигенное население, которое могло быть в глубокой древности источником формирования как австралоидных, так и монголоидных рас и в дальнейшем сохранило в рассеянной форме австралоидные признаки.

Если принадлежность всех исследованных нами популяций Гуандуна к тихоокеанским монголоидам (с европеоидной примесью у хуэй) не вызывает никаких сомнений, то разграничение в Южном Китае их северных и южных групп оказывается очень затруднительным и условным. Конечно, малые народы Гуандуна, в особенности ли и хайнаньские мяо, могут считаться характерными представителями южноазиатской переходной расы, связывающей монголоидов с австралоидами. Однако у ляннаньских яо и всех групп гуандунских хань, не говоря уже о хуэй, особенно этой расы выражены слабее и наблюдается переход к восточным монголоидам, признаки которых с максимальной яркостью выражены, как мы знаем, у населения Северного Китая, Маньчжурии и Корен. По сравнению с аборигенами Гуандуна, их китайские соседи представляются восточномонголоидными, тогда как, по сравнению со своими более северными соотечественниками, сами хань Южного Китая выглядят южномонголоидными, визуально часто напоминая вьетов, малайцев и другие народы Индокитая и Индонезии. По существу весь Китай к югу от водораздела между Хуанхэ и Янцзы представляет собой обширную зону постепенного и мозаичного перехода от северной ветви тихоокеанских монголоидов к их южной ветви, которую в свою очередь надо рассматривать как географический и морфологический мост от монголоидов в целом к австралоидам²².

Попробуем теперь определить место, занимаемое популяциями Гуандуна, среди тихоокеанских монголоидов Южного Китая и соседних стран. Сравнивая исследованных нами в 1958 г. китайцев Ляннаня, Гуанчжоу и Хайнаня со студентами (обучавшимися в СССР в 20-х гг.) из юго-восточных и юго-западных провинций Китая²³, видим, что по одним признакам ханьские популяции Гуандуна приближаются к юго-восточной сборной студенческой группе, а по другим — к юго-западной (см. таблицу). Первое положение справедливо, например, для роста, продольного диаметра головы, нижнечелюстной ширины, горизонтальной профилировки лица, положения кончика и основания носа, а второе — для поперечного диаметра головы, головного указателя, скуловой ширины, физиономической и морфологической высоты лица, обоих лицевых указателей, высоты носа, носового индекса, степени развития эпикантуса, наклона лба, выраженности надбровья, высоты переносья, степени наклона осей носовых отверстий.

Создается, таким образом, впечатление, что китайцы материковой части Гуандуна по общему расовому облику занимают промежуточное положение между своими юго-восточными и юго-западными соотечественниками, приближаясь все же по большинству диагностических признаков ко вторым несколько больше, чем к первым. На такое направление расодиагностических связей указывает, в частности, сочетание у кэцзя, хань и хуэй Гуанчжоу невысоких головных индексов, низкого и узкого лица, ослабленного эпикантуса, повышенного переносья и сравнительно хорошо моделированной спинки носа. Комбинация эта характерна для восточ-

²² Там же, стр. 95.

²³ Материалы об этих сборных группах в сжатом виде публикуются в настоящей статье впервые.

ногималайского расового типа, выделенного автором у китайцев Сычуани и Юньнани, а также у соседних с ними тибето-бирманских народов, в первую очередь у ицзу (носу). Вместе с тем значительная уплощенность лица и сильное выступание скул в сочетании с брахикефалией сближают хань и хуэй Хайнаня (а отчасти и окрестностей Гуанчжоу) с популяциями восточных провинций КНР (Цзянси, Аньхой, Цзянсу), в которых преобладают относительно короткоголовые монголоиды, близкие к расовым типам «таи-малайской» группы²⁴. Наличие в составе китайцев Гуандуна различных монголоидных компонентов не должно нас удивлять, так как по своему происхождению ханьское население этой провинции гетерогенно: оно включает потомков ранних переселенцев с севера циньского и ханьского периодов (III в. до н. э.— III в. н. э.), сильно смешанных с абортинными боюэ, говорившими на тайских языках, а также гораздо более поздних (средневековых) выходцев из бассейна Янцзы и Ганьцзяна (кэцзя) и из района Сямыня на юге Фуцзяни (большинство хайнаньских хань)²⁵. Надо также иметь в виду, что крайняя брахикефалия хайнаньских хань, по крайней мере частично, может быть объяснена искусственной деформацией головы у детей (по собственным наблюдениям автора).

Из национальных меньшинств Гуандуна очень своеобразными расовыми особенностями обладают ляннаньские яо. При общем южномонголоидном облике они отличаются от соседних китайцев (кэцзя) заметно более низким ростом, большим продольным диаметром и соответственно пониженным головным указателем, резко профилированным в горизонтальном направлении лицом и менее выступающими скулами, ослабленным эпикантусом, несколько более высоким носовым индексом, большим процентом выпуклых спинков носа, более горизонтальным расположением его основания и кончика. Все эти признаки сближают яо с восточнымалайским расовым типом юго-западных китайцев и ицзу, обладающим некоторыми «американоидными» чертами. В сравнении с ляннаньскими яо (также в сравнении со всеми группами хань и хуэй) национальные меньшинства Хайнаня — ли и мяо — характеризуются при ярко выраженном южномонголоидном облике общей гипоморфностью, очень малыми абсолютными размерами всех диаметров головы и лица, мезокефалией, абсолютной и относительной широконосостью, частым поперечным расположением ноздрей и круглой их формой, резко выраженной прохейлией, утолщенными губами. Из всех исследованных нами популяций Гуандуна ли и мяо оказываются наиболее «австралоидными». Характерные для них относительно длинноголовые и широконосые южномонголоидные компоненты с австралоидными чертами входят, очевидно, в обширную группу типов, распространенную у многих других народов Южного Китая (например, у гаошань о. Тайвань), а также Индокитая, Индонезии и Филиппин. Для обозначения этой обширной группы типов часто используется термин «индонезийская раса», который мы находим, например, у Оливье, Ха Ван Тана и Нгуен Динь Хоа. Ввиду того, что термин «индонезийский» часто употребляется в этноязыковом или политическом смысле, автор настоящей работы предложил назвать ту же группу расовых типов «филиппино-индонезийской»²⁶.

Очевидно, что сложность популяционно-расовой структуры населения Гуандуна (как и Южного Китая в целом) отражает сложность его этни-

²⁴ Н. Н. Чебоксаров, Антропологический состав населения, «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1965, стр. 81—85.

²⁵ И. и Н. Чебоксаровы, Полевые этнографические работы в Китайской Народной Республике, стр. 126, 127; Р. Ф. Итс, Этнографическая история юга Восточной Азии, Л., 1972, стр. 181—190; М. В. Софронов, Указ. раб., стр. 154—156.

²⁶ G. Olivier, Sur la classification anthropologique des Indonésiens d'Indochine, «Congrès de l'Association Française pour l'Avancement de Sciences», Luxembourg, 1953; Ha Van Tan, On the problem of Indonesian type in the primitive age in Vietnam, Hanoi, 1962.

ческой истории. При многовековом продвижении из области своего формирования в бассейне Хуанхэ в южном направлении китайцы (хань) впитывали значительное количество монголоидно-австралоидных расовых компонентов, преобладавших среди древних аборигенных племен, говоривших, как и их современные потомки, на тайских, мяо-яоских, мон-кхмерских и индонезийских языках. Эти языки, по новейшим лингвистическим данным, обнаруживают генетическое родство друг с другом и могут быть вместе со сходными языками Индокитая, Северо-Восточной Индии, Индонезии, Филиппин и Океании объединены в «аустрическую» макросемью²⁷. «Несмотря на большое хозяйственно-культурное и антропологическое разнообразие народов, говорящих на различных языках этой семьи, все они (кроме индийских и океанийских этносов) могут быть включены в юго-восточноазиатскую историко-этнографическую провинцию и оказываются сопряженными с южномонголоидными популяциями, которые относятся к нескольким расовым группам: филиппино-индонезийской, таи-малайской, отчасти также к восточномалайской и др. Южный Китай вплоть до его «китаизации», завершившейся (и то не полностью) только в конце средних веков, также относился к юго-восточноазиатской историко-этнографической провинции. Вполне понятно поэтому, что большинство южнокитайских (в частности, гуандунских) ханьских популяций гораздо больше напоминают соседние с ними некитайские народы, чем своих соотечественников из более северных районов КНР»²⁸.

Используя полученные нами данные и учитывая палеоантропологические материалы позднего палеолита, мезолита, неолита, бронзового и железного веков, можно констатировать, что расовая неоднородность как самих китайцев, так и соседних с ними некитайских народов Восточной Азии непрерывно увеличивалась с глубокой древности до наших дней вследствие миграций и этнических контактов, которые всегда сопровождались биологической метисацией. Расселение китайцев и родственных им по происхождению тибето-бирманских народов было связано главным образом с расширением ареала восточных монголоидов в южном направлении вплоть до Индокитая, а в новейшее время и еще дальше — до Малайзии и Индонезии. На всей этой огромной территории (включающей и Гуандун) восточномонголоидные популяции взаимодействовали с различными группами южных монголоидов, на основе которых формировались и расселялись тайские, мяо-яоские, мон-кхмерские и индонезийские этносы, игравшие очень значительную роль в социально-экономической, этнокультурной и популяционно-расовой истории всего населения Южного Китая, включая самих китайцев. Огромное морфологическое, одонтологическое, дерматоглифическое и серологическое сходство южных китайцев с их некитайскими соседями отражает этот длительный исторический процесс, сопровождавшийся постоянными контактами между популяциями разного происхождения²⁹. Недаром Г. Ф. Дебеч, обладавший острым научным предвидением, на упомянутой выше карте «Человеческие расы мира», опубликованной еще в 1964 г., отнес большую часть Южного Китая, а также весь Индокитай, Индонезию, Филиппины, Японию, Микронезию и Полинезию к зоне распространения переходных форм между монголоидными и океанийско-экваториальными (по нашей терминологии, «австралоидными») расами³⁰.

²⁷ С. Е. Яхонтов, Глоттохронология и китайско-тибетская семья языков, «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964.

²⁸ А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 108.

²⁹ Там же, стр. 109.

³⁰ Г. Ф. Дебеч, Человеческие расы мира (карта).

TO THE ETHNIC PHYSICAL ANTHROPOLOGY OF SOUTHERN CHINA

(based upon field data from Kwangtung Province)

In his article dedicated to the memory of the prominent Soviet anthropologist G. F. Debets the author describes the raciomorphological peculiarities of eight populations of Kwangtung province in the South of China; the investigation was carried out in 1958. The small nationalities of this province, the Li and Miao of Hainan Island, as well as the Yao of Liennan District belong to the southern branch of the Pacific Mongoloids possessing some manifest Australoid features. The Han Chinese in the vicinity of Kuangchow and Hainan also belong to the Southern Mongoloids, but in their composition some Eastern-Asiatic components can be traced; these have penetrated to the south of China from its north, from the basins of the Hwang Ho and Yangtze rivers since the beginning of our era. The Hwei of Kwangchow are very close to their Han Chinese neighbours but differ from them in having a strong Europeoid admixture ascending to Arab and probably Iranian mediaeval migrants. Among the Hwei of Hainan an Europeoid admixture is also present, but much stronger are the Southern Mongoloid peculiarities stemming from the Chams who migrated to Hainan several centuries ago. On the whole, the racial composition of the population of Kwangtung reflects its complicated ethnic history in which a great role was played by the aboriginal peoples of this area speaking languages of the Thai and Miao-Yao branches.

О ФОЛЬКЛОРНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЭПИЗОДОВ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ДРАМЫ «ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН» И ЕЕ СХОДСТВЕ С НАРОДНЫМ ТЕАТРОМ АНГЛИИ

С тех пор, как в печати в конце XIX в. появилась русская народная драма «Царь Максимилиан», она постоянно возбуждала любопытство фольклористов и театроведов. Делались неоднократные попытки выяснить историю ее возникновения. Однако, несмотря на большую распространенность этой драмы в прошлом по всей территории Европейской России и несомненную популярность в народе, наши сведения о ее бытовании до середины XIX в. крайне скудны.

Частично это объясняется отсутствием ранних текстов. Один из старейших списков драмы относится примерно к 1818 году¹. Явно литературное происхождение некоторых эпизодов пьесы заставило большинство исследователей искать ее источники в письменной литературе, а не в фольклоре. Естественно, это несколько заслонило значение драмы, как произведения чисто фольклорной театральной традиции.

За последние 70 лет выдвигались разные теории о возможном литературном прототипе «Царя Максимилиана». В. Каллаш² связывал эту драму с житийной литературой, в особенности с «Житием св. Никиты». Другие усматривали в ней фольклоризованную версию школьной драмы религиозного содержания. Например, В. Н. Всеволодский-Гернгросс³ и П. Н. Берков⁴ вероятным ее источником считали «Венец славнопобедоносный великомученику Дмитрию» (Дмитрия Ростовского). Основанием для этих предположений послужили сцены религиозного конфликта, которыми начинается народная драма. П. О. Морозов⁵ и его последователи обратили внимание на другие стороны драмы, а именно, на изображение придворной среды и рыцарских поединков, на появление в некоторых вариантах богов Марса и Венеры. Это, а также определенные стилистические черты, были, по их мнению, свидетельством влияния популярных в XVIII в. инсценировок так называемых рыцарских или авантюрных повестей.

Конечно, во всех этих теориях есть доля правды, но надо относиться к ним крайне осторожно. Так, нужно учитывать, что условности житийной литературы сами по себе очень однообразны. Черты сходства драмы

¹ Н. Н. Виноградов, Народная драма «Царь Максимилиан и его непокорный сын Одольф», «Известия Отделения русского языка и словесности» (далее «Известия ОРЯС»), т. X, кн. 2, 1905, стр. 301—338.

² В. В. Каллаш, К истории народного театра: «Царь Максимилиан», М., 1899, стр. 3 (отдельный оттиск из «Этнографического обозрения», кн. XXXIX, М., 1898).

³ В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Русская устная народная драма, М., 1959, стр. 102.

⁴ П. Н. Берков, Вероятный источник народной пьесы о Царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе, «Труды Отдела древней русской литературы» (далее «Труды ОДРЛ»), XIII, М.—Л., 1957.

⁵ П. О. Морозов, Очерки из истории русской драмы XVII—XVIII ст., СПб., 1888.

«Царь Максимилиан» с произведениями житийной литературы, в частности с «Житием Никиты» и «Венцом Дмитрию», несомненно есть, но в деталях они совсем разные, и нет причины говорить здесь о прямом воздействии их на «Царя Максимилиана». Теория о школьной драме вызывает сомнение уже по одному тому, что все дошедшие до нас варианты «Царя Максимилиана» написаны раешным стихом. В XVIII в. этот стих использовался почти исключительно в фольклоре или юмористической рукописной литературе, тогда как большинство религиозных школьных драм было написано силлабическим стихом, хотя и не всегда чистым. Если бы «Царь Максимилиан» был обязан своим происхождением какой-нибудь забытой драме школьного репертуара, было бы естественно ожидать, что ее следы сохранялись в стиховой организации текста. Есть и другая существенная разница между народной драмой и агиографическими произведениями (жизнеописаниями святых). В таких произведениях обычно преследуют героя, обращенного в христианство, за то, что он принял новую веру и отверг старую, языческую. В народной драме наоборот, хотя и не во всех вариантах, Адольф — сын Максимилиана придерживается старой христианской веры своих прадедов. Именно за это его и казнят. Царь-преследователь сам стал язычником только по требованию иноземной царевны, на которой он недавно женился⁶. При таком нарушении традиционных условий трудно верить, что какой-то церковный текст лежит в основе «Царя Максимилиана».

П. О. Морозов, конечно, прав, когда отмечает текстуальное и стилистическое сходство со школьной драмой вообще. Несомненно, текст «Царя Максимилиана», каким мы его знаем теперь, составлен в период, когда драматический стиль позднего школьного репертуара был, вероятно всего, через городской демократический театр, известен простому народу. Ведь в народной драме мы имеем дело не с одним органическим целым, а с большим количеством слабо связанных между собой сцен, восходящих к различным источникам, как к литературным, так и фольклорным. Поэтому здесь не может быть и речи об единственном источнике.

Существует еще одна теория И. Л. Щеглова-Леонтьева⁷, который первым увидел в «Максимилиане» отражение исторических событий. В конфликте Адольфа и его отца он нашел параллель с религиозно-политическим конфликтом царевича Алексея и Петра Великого. Г. А. Мартеньянов, развивая эту идею, привел разные, не очень убедительные доказательства⁸.

В «Царе Максимилиане» есть много элементов, которые восходят к гораздо более раннему периоду, чем эпоха Петра I. Эти древние элементы пьесы представляют для нас главный интерес, так как именно они позволяют установить связь между русским народным театром и фольклорной театральной традицией других европейских стран.

Английская народная драма «Святой Георгий» или «Галгакус», как ее называли в Шотландии, самая близкая «Царю Максимилиану». Несмотря на относительную древность некоторых ее частей, она впервые появилась в печати только в 1788 г. Вплоть до начала XX в. пьеса регулярно ставилась во многих деревнях Англии; этот спектакль был главным событием всего зимнего цикла обрядовых и внеобрядовых увеселений. Ряженных охотно принимали и угощали в усадьбах и на фермах окрестных жителей. Даже в наши дни время от времени вос-

⁶ См., например: Н. Е. Ончуков, Северные народные драмы, СПб., 1911, стр. 8; И. С. Абрамов, Царь Максимилиан, святочная комедия, СПб., 1904 (отдельный оттиск из «Известий ОРЯС», 1904, т. IX, кн. 3); В. Костин, Царь Максимилиан, «Этнографическое обозрение», кн. XXXVII, № 2, М., 1898; Н. Н. Виноградов, Народная драма «Царь Максимилиан», «Сборник ОРЯС», СПб., 1914, т. XC, кн. 7, стр. 167—188.

⁷ И. Л. Щеглов-Леонтьев, О народном театре, М., 1895, стр. 141—143.

⁸ Г. А. Мартеньянов, Комедия о «Царе Максимилиане», «Исторический вестник», т. CXXXVI, № 5, СПб., 1914.

крешают любимую драму, но в большинстве случаев это уже работа любителей.

Когда мы сравниваем английскую драму с русской, первое, что бросается в глаза, это наличие в обоих циклах так называемого «рыцарского противоборства». В ряде сцен национальный герой-воин вызывает на поединок и побеждает нескольких вражеских рыцарей, которые хотят разорить страну. В «Царе Максимилиане» такой герой — Аника-воин. В этом образе сочетаются и фольклорные и литературные элементы. Сцена «Аника-воин и Смерть», в которой герой в конце концов погибает, очевидно, взята из средневековой повести «Прение живота со смертью». Аника встречается во многих народных легендах и духовных стихах, где он обычно изображается как храбрый воин. Но иногда Аника выступает и в роли разбойника и грабителя монастырей. В английской народной драме герой-воин именуется по-разному. В большинстве вариантов он — св. Георгий, традиционный покровитель Англии. Иногда он король Георгий, король Альфред или король Уильям, но его характер и роль не меняются.

Известное влияние на раннюю историю английской драмы имело, вероятно, малоизвестное теперь произведение Ричарда Джонса «Знаменитая история семи защитников христианского мира». Первая часть его была опубликована в 1596 г. Возможно, оттуда и вошел в народную драму св. Георгий. Влияние этого произведения особенно ощущается, в некоторых вариантах традиционных для Англии и Шотландии танцев с мечами. В этих танцах вместе со св. Георгием участвовали другие христианские святые: св. Андрей (Шотландия), св. Патрик (Ирландия), св. Давид (Уэльс), св. Яков (Испания), св. Дени (Франция), св. Антоний (Италия) и др. Танец начинался с того, что св. Георгий представлял публике действующих лиц. Затем святые с помощью разных сложных фигур и условных жестов мечами должны были продемонстрировать свое мужество в борьбе против язычников. Св. Георгий, как особый покровитель англичан, часто был героем и других популярных драматических зрелищ в древней Англии. Например, в средние века в день св. Георгия устраивались костюмированные процессии по городу, во время которых инсценировалась его легендарная борьба с огненным змеем. Часто ставили и мистерии на ту же тему.

Вся эта религиозная и литературная окраска появилась, разумеется, гораздо позднее, прикрыв древние слои драмы.

Во всех вариантах «Святого Георгия» действие начинается с того момента, когда главный герой выходит в центр сценической площадки. Он сначала представляется публике, хвастаясь своими подвигами и храбростью, и, наконец, вызывающим тоном приглашает противников на борьбу с ним⁹.

Его вызов принимают рыцари и князья из дальних стран. Каждый, в свою очередь, восхваляет себя перед битвой и грозит смертью противнику.

Обменявшись проклятиями и угрозами, рыцари и князья, убежденные в своей непобедимости, по очереди вступают в бой со св. Георгием или королем Георгием¹⁰. Один за другим падают сраженные им иноземные рыцари, так же как падают от руки Аники Король Мамай, Черный Араб и Змиулан.

В русском и в английском текстах вступительные монологи героев и вся обстановка сцен поединков во многом совпадают. Даже в образах воинов обнаруживается сходство. Черный князь рая (или Турецкий

⁹ St. Pigott, *Mummers plays*, «Folklore», vol. XL, London, 1929, p. 263.

¹⁰ J. M. Manly, *Specimens of the pre-Shakespearean drama*, Boston, 1897, vol. 1, p. 293; R. J. E. Tiddy, *The Mummers' Play*, Oxford, 1923, p. 175, «Notes & Queries», London, 1924, vol. CXLVI, pt. 2, p. 454.

рыцарь, как его называют в других вариантах) соответствует Черному Арабу из «Царя Максимилиана». Все у них черное: черное одеяние и черное лицо или черная маска. Это не случайное сходство. Во время зимних святок в России, как и в других странах, ряженые чернили себе лицо сажей или жженой пробкой. В танцах с мечами в Англии, Испании и Португалии также участвовали черные фигуры. Их называли «маврами», поэтому некоторые исследователи объясняли традиционные поединки танцующих как художественную интерпретацию сражений между христианами и черными язычниками. Однако в наши дни фольклористы с этим толкованием не соглашаются. Они склонны видеть в черных «маврах» отражение более древнего обычая: в старину люди верили в предохранительную силу огня, которая была заключена не только в самом огне, но и в том, что ему сопутствовало, особенно в золе или саже. Заметим кстати, что в Англии праздник Первого мая, когда обычно разыгрываются танцы с мечами, в старину был днем чернолицых трубочистов, которые якобы приносят счастье.

В традиционные английские танцы с мечами, кроме танцев-поединков с условной мимикой, входили такие элементы, как казнь гротескного двуполого существа «Бетти», и комические проказы такого же, как и в русских обрядовых игрищах, ритуального коня hobby horse. Эти танцы очень древнего происхождения. По мнению английского театроведа Е. К. Чемберс, они восходят по меньшей мере к временам Тацита. Позже, в средневековье, они вошли в репертуар странствующих музыкантов-актеров и с тех пор заняли видное место в английских народных увеселениях.

В народной драме «Святой Георгий» после победы героя вызывали врача, чтобы воскресить врагов. Комический образ врача имеет аналог в «Царе Максимилиане». И своей внешностью, и своим характером, и важной ролью в драме английский доктор Браун (есть у него и другие имена) удивительно напоминает русского «лекаря, из-под каменного моста аптекаря».

Английский врач, как и русский, всегда сохранял псевдопрофессиональный вид. Оба они были одеты в черный костюм и цилиндр и имели при себе черную сумку со всевозможными инструментами, лекарствами и пилюлями. Обязательной принадлежностью врача и в Англии, и в России были огромные очки, условный знак их учености и профессионального статуса.

Комическая роль этих героев в обеих народных драмах проявляется при осмотре больного и в предлагаемых методах лечения. Доктор Браун, например, умеет лечить всякие выдуманные болезни. Он знает даже секрет омоложения старух.

Русский лекарь также заявляет:

«Болятки вынимаю,
Чиры вставляю,
Старых на молодых переделываю»¹¹

Когда английский врач осматривает больного, он нащупывает пульс не в обычном месте, а в носу или на ноге¹². Методы лечения у него крайне оригинальные. Он вырывает у больного зуб, чтобы вылечить его от подагры и рассказывает, что однажды вылечил сороку от зубной боли, отрезав ей голову и бросив ее тело в канаву¹³. В способах лечения ему не уступает и русский лекарь, который предлагает старому гробокопателю:

«Болит твоя голова,
Остричь ее догола,

¹¹ Н. Н. Виноградов. Народная драма «Царь Максимилиан», стр. 187.

¹² R. J. E. Tiddy, Указ. раб., стр. 146.

¹³ Там же, стр. 182.

Однако врач в английской драме должен не только сместить публику. У него есть и другая, гораздо более серьезная роль. Побалагурив, он приступает к оживлению умерших воинов. Это делается при помощи особого лекарства или магии.

В одном варианте из Беркшира, например, читаем, что врач окропил трупы животворящим элексиром «Элекампане»¹⁵.

Очень часто применяли и следующий способ «лечения». Заранее вставляли в рот «пациента» большой коровий или лошадиный зуб. Потом врач притворялся, будто вырывал этот зуб, что якобы способствовало оживлению умершего¹⁶.

Эта сцена возвращения мертвых к жизни — исконная в народных драмах рассматриваемого цикла.

Роль лекаря в большинстве сохранившихся вариантов «Царя Максимилиана» менее разработана. Фактически она ограничивается несколькими шуточными сценами с гробокопателем Маркушкой. Эти сцены в значительной степени восходят к комическим монологам городского демократического театра XVIII в.

Есть, однако, основание предполагать, что на более ранней ступени развития русской народной драмы лекарю отводилась та же роль, что и его английскому коллеге. В варианте Р. М. Волкова, например, король Мамай убивает в поединке самого царя Максимилиана. Появляется лекарь, который старается оживить его.

Доктор: «Подай живительных духов!»

(фельдшер приносит нужное лекарство)

Доктор: «Спрысни, сбрызни, на мороз поставь
и будет здрав».

Когда фельдшер окропляет Максимилиана каплями, последний как будто пробуждается от глубокого сна¹⁷.

Подобные сюжеты можно найти и в других русских народных драмах. А. Смирницкий, описывая народный спектакль «Трон», рассказывает, как врач вместе со своим фельдшером вылечил сраженных рыцарей. Рецепт очень простой: каждого приподнимали за плечи, трясли, похлопывали рукой по голове и быстро подымали. Вылеченные потягивались, словно очнувшись от сна¹⁸.

В одном варианте драмы «Машенька» все разбойники падают мертвыми после того, как их проклял Атаман. Сожалея потом о своей жестокости, он призывает «духа», который дует на мертвецов, пытаясь оживить их. Однако это не помогает и Атаман прибегает к услугам монаха; тот начинает читать из «священной книги». При словах: «Все товарищи, ближние воживотворятся жизнью!» — разбойники встают¹⁹.

Эти повторяющиеся элементы, т. е. ритуальная смерть с последующим воскресением, традиционны для драматических игр и танцев народов многих европейских стран. В танцах с мечами в северной Англии, например, часто происходит сцена мнимой казни: сначала танцующие образуют большой круг, в центре которого становится на колени их жертва —

¹⁴ В. Костин, Указ. раб., стр. 111.

¹⁵ St. Pigott, Указ. раб., стр. 267—268.

¹⁶ См., например, R. J. E. Tiddy, Указ. раб., стр. 177.

¹⁷ Р. М. Волков, Царь Максимилиан, «Русский филологический вестник», т. LXVIII, Варшава, 1912, стр. 355.

¹⁸ А. Смирницкий, К вопросу о вырождении вертепной драмы, «Известия Одесского библиографического общества», Одесса, 1913, т. II, вып. 5.

¹⁹ В. Н. Добровольский, Машенька. Материалы для истории народного театра, «Этнографическое обозрение», кн. XLVI, ч. 3, М., 1900.

двуполое существо Бетти. После серии сложных условных движений, танцующие особым образом скрещивают свои мечи вокруг шеи Бетти. Потом все вместе одним быстрым движением отнимают мечи. Это создает иллюзию, что Бетти обезглавлена.

Особый интерес представляет записанный в конце XIX в. у влахов вариант народной драмы: «Карагезы старались всячески рассмешить публику. Иногда они издевались над «невестами». Это конечно раздражало «женихов». Женихи обычно нападали на карагезов, били их и иногда убивали. Тогда наступала очередь врача. Он входил с различными лекарствами (с чесноком, с двумя — тремя луковицами, пригоршней золы, завернутой в бумажку), и сразу брался за работу. Сначала он шупал пульс пациента, потом осматривал подошвы его ног, чтобы узнать, действительно ли перестало биться сердце. После этого другой карагез тащил труп за ноги по земле и совершал над ним разные проделки, нередко довольно циничные. Наконец, покойник оживал и вскакивал на ноги»²⁰.

В «Царе Максимилиане» есть два комических образа — лекарь и гробокопатель. Оба эти персонажа принадлежат к общеевропейской фольклорной традиции. Многие атрибуты внешности и костюма гробокопателя свидетельствуют о древнем происхождении этого образа. Носит он овчину, шерстью наружу, весь он взлохмаченный, с длинной бородой, и, самое важное, — у него на спине горб. Подобные комические фигуры были известны в театре многих европейских стран с древних времен. Даже в древнегреческом театре мима одной из постоянных комических масок был горбатый клоун «Доссемус». Любопытно, что древнегреческие клоуны в театре мима обычно носили имена «Марикос» или «Марикас» что связано, очевидно, с древнегреческим термином «морос», которым обозначали шутов или клоунов²¹. Не оттуда ли и имя русского гробокопателя «Марко», «Маркушка»?

В английских народных драмах мы также находим горбатого клоуна. Зовут его по-разному. То он «Красный Джек», то «Веселый Джек», то «Большая голова». Часто это Вельзевул, горбатый чертенок с лицом, измазанным сажей²².

Персонажей, подобных старому гробокопателю из «Царя Максимилиана», можно найти не только в Европе, но и в России. Нетрудно обнаружить известное сходство с ним ритуальных масок, встречающихся в обрядовых играх-комедиях. В одной из игр «Кызинка и хозяин», описанной В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, хозяин ряженой козы, как и гробокопатель, одет в «вывернутую шубу и шапку» и горб у него из соломы²³. Русские обрядовые игры весеннего цикла тоже имели своего горбуна. Так иногда рядили Семика. Он был одет в лохмотья и имел совершенно безобразный вид. Не только внешние признаки — горб и овчина — связывают старого гробокопателя с обрядовой традицией. Есть в этом образе подчеркнута эротическая сторона, которая роднит его с животными и чучелами, половые признаки которых имели определенное значение в обряде. Иногда гробокопателя изображали с фаллосом, и его игра нередко имела довольно непристойный характер.

Святочные обрядовые животные, такие как коза и медведь, прыжками, танцами и веселыми проделками должны были «обеспечить» изобилие и счастье (кстати, медведя тоже часто представляли горбатым). В близких к ним чучелах, фигурирующих в весенних и летних обрядах,

²⁰ A. J. B. Wace, *Mumming plays in the Southern Balkans*, «Annual of the British School at Athens», 1912—1913, vol. XIX, p. 255.

²¹ A. Nicoll, *Masks, mimes and miracles*, London, 1931, p. 28.

²² В одном из вариантов «Царя Максимилиана» тоже был смешной чертенок, который издевался над другими действующими лицами и всем мешал. См.: А. И. Мякутин, *Царь Максимилиан, «Песни оренбургских казаков»*, т. 4, СПб., 1910.

²³ В. Н. Всеволодский-Гернгросс, *Игры народов СССР*, М.—Л., 1933, стр. 86—87.

воплощалось страстное желание народа разбудить и обновить плодотворную силу природы. Очевидно, гробокопатель имел первоначально какую-то определенную функцию в обряде.

Сходство между «Царем Максимилианом» и английским циклом народных драм не ограничивается тематикой и образами. Даже в приемах сценической игры обнаруживается много общего.

Народная драма «Царь Максимилиан» занимала центральное место в репертуаре русского солдатского театра. Это наложило на нее свой отпечаток. Солдатские мотивы проявляются прежде всего в костюмах действующих лиц. Все «серьезные» персонажи, в том числе сам царь Максимилиан, сын его Адольф, скороход-фельдмаршал, Аника-воин и иностранные рыцари неизменно были одеты в военную форму. Мундир царя Максимилиана напоминал генеральский. На нем были эполеты и очень много орденов, через левое плечо — широкая лента голубого, красного или зеленого цвета. Брюки у царя были тоже военные, с лампасами, на ногах — сапоги. Завершали костюм деревянный меч и корона из картона.

В костюмах рыцарей и воинов было меньше украшений. Иногда народные актеры использовали настоящие мундиры, не обращая никакого внимания на сохранение единообразия в стиле. Поэтому в одном и том же представлении можно было видеть обмундирование не только различных полков, но и различных исторических периодов. Другими словами, народные актеры не стремились создать определенный социальный или исторический колорит, а просто старались сохранить условную военную традицию.

Как уже отмечалось, не все действующие лица «Царя Максимилиана» были в военной форме. Некоторые (гробокопатель, лекарь, старуха, жена Маркушки) носили обычную, современную одежду. Такое смешение типов костюмов можно объяснить различным происхождением образов «Царя Максимилиана». Разнобой в одежде соответствовал внутренней логике народной драмы. Ведь для народной драмы ни прошлое, ни будущее не имеют никакого значения. Важно лишь настоящее. Присутствовавшие на народных спектаклях привыкли к такой условности жанра и принимали как должное, что в одной и той же драме сосуществовали персонажи не только различного происхождения, но и различных исторических эпох. Такая условность характерна и для народной драмы других стран. В английскую драму «Святой Георгий», например, в первой половине XIX в. вошел Наполеон, ставший одним из противников Георгия.

Как и в «Царе Максимилиане», в английской народной драме «Святой Георгий» использовался условный военный костюм. В Лондоне в 1964 г. в «Обществе любителей английских народных песен и танцев» мне удалось посмотреть фильм, где было снято одно представление этой пьесы в маленьком селе Симондсбери (в графстве Дорсет). В качестве актеров выступала группа молодых людей, обучавшихся у стариков, в молодости хорошо знавших народную драму. В этом варианте пьесы, как и в «Царе Максимилиане» все «серьезные» персонажи были в военной форме: красных, белых или синих мундирах, брюках с лампасами. У всех воинов были весьма оригинальные шлемы, похожие на дурацкий колпак (очень высокие, конусообразные). На мундирах английских рыцарей (так же как и русских) — ордена и розетки, через плечо перекинута такая же широкая лента. В фильме сам св. Георгий был в белом мундире с красной лентой через плечо, с эполетами из красной и черной бумаги. Украшения на шлеме тоже были черного и красного цвета, на ногах — высокие черные сапоги. Такие костюмы типичны для английских народных актеров²⁴. От костюмов русских актеров они отличались конусооб-

²⁴ Ср. примечания к тексту в следующих двух вариантах «Св. Георгия», где дается полное описание костюмов: 1) вариант из Глоустершира (Gloucestershire); R. J. E. Tiddy, Указ. раб., стр. 180—184; 2) вариант из Хемпшира (Hampshire); Там же, стр. 185—188.

разными шлемами, которые истари считались характерными для английских рыцарей.

Неопытному зрителю приемы сценической игры и постановки в русских народных драмах, особенно в «Царе Максимилиане», вероятно, показались бы довольно странными. В действительности же они во многом диктовались условиями, в которых вынуждены были работать народные актеры. Народные труппы не имели никакого постоянного театрального здания. Некоторые из них иногда для своих представлений нанимали на короткое время комнаты или амбар, но чаще всего они играли в кухне барского дома или в жилой комнате крестьянской избы. Если представление повторялось в разных деревнях, то актерам, естественно, приходилось играть каждый раз в другом помещении. В таких условиях применять декорации было невозможно. Бутафория и реквизит тоже сильно ограничивались. Единственный необходимый бутафорский предмет — трон царя Максимилиана — можно было соорудить и на месте из двух больших стульев.

Настоящей сцены для представления тоже не было, только расчищенное место в середине комнаты, по трем сторонам которой располагались зрители. Из-за отсутствия кулис народные актеры должны были придумать особые способы выхода на сценическую площадку. Чаще всего они образовывали вокруг трона полукруг или выстраивались двумя рядами по обеим сторонам трона. Каждый актер выходил оттуда в центр сценической площадки и туда же возвращался.

Монологи в «Царе Максимилиане» декламировались нараспев очень громким монотонным голосом. Во время выступления актер обычно расхаживал взад и вперед по сцене:

«Гусарин вынимает шашку и, расхаживая взад и вперед говорит...»²⁵

«Адольф удаляется тихим шагом, расхаживая взад-вперед по комнате, поет...»²⁶

Актер сопровождал свои слова различными внушительными жестами: махал саблей, топал ногами или бил тупым концом копья по полу:

«Посол (также топая ногою и взмахивая саблей), говорит...»²⁷

«Аника (бьет копьём по полу три раза): Трах, трах, трах!»²⁸

Методы постановки и сценическая игра в английских народных драмах мало отличались от русских. Английские актеры играли в таких же помещениях, как и русские, тоже без декораций и бутафории. В примечаниях к одному варианту английской народной драмы «Робин Гуд» читаем следующее: «Публика стояла или сидела вдоль стен, тогда как играющие занимали середину комнаты. Актеры расхаживали вокруг этой арены и били по полу своими посохами»²⁹.

Интересное описание одного представления «Святого Георгия» можно найти в знаменитом романе Томаса Харди «Возвращение на родину» («The Return of the Native»). Героиня романа, переодетая мальчиком, принимает участие в спектакле в роли рыцаря. Никто, разумеется, кроме актера, которого она заменила, не знает, что она женщина; женские роли как в английском, так и в русском народном театре, всегда исполняли мужчины. В описании ее выступления очень ярко вырисовываются традиционные методы игры народных актеров. Она расхаживала взад и вперед и ударяла своим мечом по посоху, который держала в руках.

Пьесы английского цикла «Святой Георгий» оканчивались обращением актеров к публике с просьбой оплатить их труд деньгами или угоще-

²⁵ И. С. Абрамов, Указ. раб., стр. 20.

²⁶ А. И. Мякутин, Указ. раб., стр. 287.

²⁷ «Русская народная драма XVII—XX веков», М., 1953, стр. 144.

²⁸ «Белорусский сборник», вып. 5, Киев, 1891, стр. 279.

²⁹ R. J. E. Tiddy, Указ. раб., стр. 248.

нием. Обычно это делалось посредством какой-нибудь стихотворной формулы, которую читал один из комических персонажей.

Такое окончание соответствует и концовке произведений многих жанров русского фольклора. В русской народной драме, например, в заключение иногда произносились такие слова:

Вот почтеннейшая публика,
Занавеска закрывается,
И приставленье все кончается,
А ахтерам с вас на чай полагается³⁰.

Нет никаких оснований видеть прямую связь между «Царем Максимилианом» и «Святым Георгием». Однако, совершенно очевидно, что и русская, и английская народная драма представляют собой две хорошо сохранившиеся и высоко развитые стороны одной и той же фольклорной драматической традиции, истоки которой, очевидно, следует искать в системе древних обрядов.

**ON THE FOLKLORE ORIGINS OF CERTAIN EPISODES
IN THE RUSSIAN POPULAR DRAMA «TSAR MAXIMILIAN»
AND ITS SIMILARITY TO THE ENGLISH POPULAR THEATRE**

The author carries out a comparative analysis of the subject-matter, the imagery, the modes of scenic performance, and the peculiar features of the stage properties in the Russian and English popular dramas: «Tsar Maximilian» and «Saint George». She comes to the conclusion that there is no ground for regarding these dramas as directly connected with one another. Both the Russian and the English popular dramas represent two well preserved and highly developed aspects of the same folklore dramatic tradition. Its sources should evidently be sought in ancient ritual traditions.

³⁰ «Русская народная драма XVII—XX веков», стр. 199.

М. К. Саложникова

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ

Периодизация первобытнообщинного строя, разработанная Л. Г. Морганом, в некоторых аспектах устарела. Об этом неоднократно уже писалось. Но попытки создания новой периодизации пока нельзя признать вполне удачными. Ни одна из предложенных схем не стала общепризнанной, в том числе и последние — Ю. И. Семенова¹, Н. А. Бутинова² и И. Зелльнов³. Причины этих неудач кроются, как мне кажется, в неправильном выборе основного критерия.

Лучше всего это можно показать на разборе указанных выше работ. Рассмотрим схему периодизации, предложенную Ю. И. Семеновым. Он делит первобытную историю на три эпохи:

1. Эпоха первобытного человеческого стада, или эпоха формирования человеческого общества.

2. Эпоха существования и развития родового коммунистического общества, которую он разделяет на две фазы:

а) фаза родовой коммуны, или первобытного коммунизма;

б) фаза семейно-кланового коллектива, или семейно-кланового коллективизма.

3. Эпоха трансформации родового общества в классовое⁴.

В основу предлагаемой схемы, как пишет Ю. И. Семенов, положено изменение всей системы производственных отношений в целом, а не исчезновение или появление тех или иных отдельных производственных отношений (стр. 82).

Так как в настоящей работе рассматривается периодизация первобытнообщинного строя, то будут затронуты только две последние эпохи.

Первую фазу второй эпохи — фазу первобытного родового коммунизма — автор характеризует следующими производственными отношениями: родовая собственность на основные средства производства и предметы личного пользования. Личной собственности нет. Распределение носит уравнилельный характер и неразрывно связано с процессом потребления (стр. 84—85). Производственный коллектив в силу дисэкономического и дислокального брака полностью совпадал с родом, а производственные отношения полностью совпадали с родовыми (стр. 84).

¹ Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1965, № 5, стр. 74—93.

² Н. А. Бутинов, Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты), В кн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968, стр. 89—155.

³ Ir. Sellnow, Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte, Berlin, 1961.

⁴ Ю. И. Семенов, Указ. раб. (далее при разборе этой работы ссылки на нее даются в тексте).

Критической точкой, толчком для перехода ко второй фазе, автор считает появление минимального прибавочного продукта (стр. 85). К этому же периоду автор относит появление парной семьи и переход к унитарному поселению супругов, в результате чего производственный коллектив уже не совпадает полностью с родом, а производственные отношения — с родовыми (стр. 87). Основные средства производства остаются в коллективной собственности, но не всего производственного коллектива, а лишь его ядра, состоящего из лиц, принадлежащих к одному роду. Это, по мнению автора, способствовало формированию собственности, обособленной от коллективной, у тех индивидов, которые не входили в ядро семейно-кланового коллектива (стр. 89). У каждой парной семьи появляется своеобразное подсобное хозяйство. Личная собственность, которая формируется в этот период, к его концу приобретает черты частной (стр. 89). Возникает обмен сначала между родами, «затем между индивидами, принадлежащими к разным родам, что подготовило и сделало возможным его проникновение и во внутрь самого коллектива» (стр. 85). Возникает неравенство в количестве вещей, находившихся в личной собственности, неравенство между возрастными группами и полами, неравенство в распределении (стр. 89). В данной работе Ю. И. Семенов не поясняет, в чем заключалось неравенство в распределении, но в статье «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому» он говорит, что распределение было по труду, т. е. было таким, при котором учитывался вклад в создание общественного продукта. Вначале учитывалось просто наличие вклада, затем степень его соответствия возможностям человека, и, наконец, все больше учитывались размеры вклада⁵. В целом автор характеризует вторую фазу как начало разложения родового коммунизма (стр. 89).

Критической точкой, знаменующей переход к третьей эпохе — эпохе превращения родового общества в классовое, является начало систематического и регулярного производства прибавочного продукта (стр. 89—90).

Для этой эпохи автор считает характерными следующие производственные отношения: общинное землевладение с частным семейным пользованием (стр. 91); личная собственность развивается в частную (стр. 90), и, видимо, это превращение завершается в пределах данного периода, так как автор находит, что у тлинкитов, хайда и цимшиян была развита частная собственность (стр. 80). О характере распределения в этот период Ю. И. Семенов не говорит, но можно заключить, что в распределении уже серьезно нарушен принцип равенства, так как резко усилилась имущественная дифференциация (стр. 90).

Появляется рабство, выделяется рабовладельческая верхушка, происходит социальное расслоение и среди сородичей, и среди соплеменников (стр. 92). В эту же эпоху возникают большие семьи, которые синтезируются из парных, но в дальнейшем снова распадаются на малые, однако уже не парные, а моногамные (стр. 90). «Отдельные семьи (большие или малые), являющиеся основными хозяйственными ячейками, входят в состав более крупных экономических объединений, которые принято именовать соседскими или сельскими общинами и которые мы будем называть просто общинами» (стр. 90—91). Хозяйства больших семей выступают по отношению друг к другу как частные (стр. 90).

Начальная стадия существования первобытного общества относится к периоду, для которого мы не располагаем этнографическими параллелями, а данных археологии, освещающих в какой-то степени общественные отношения этого времени, очень мало. Поэтому естественно, что для реконструкции общественного строя этого периода приходится прибегать

⁵ Ю. И. Семенов, Проблема перехода от материнского рода к отцовскому, «Сов. этнография», 1970, № 5, стр. 60.

к гипотезам, на которых целиком и построена характеристика первой фазы второй эпохи схемы Ю. И. Семенова.

Часть характеристики второй фазы также основана на гипотезах. Нам неизвестно, когда сформировалось понятие личной собственности и сформировалось ли оно одновременно с понятием коллективной собственности или позднее. И если эти понятия сформировались одновременно, то существование личной собственности не является отличительной чертой второй фазы. То же относится к парной семье, время появления и происхождение которой нам неизвестны. И нельзя считать установленным, что парная семья возникла позднее, чем род. Многие придерживаются противоположного мнения.

О существовании межгруппового обмена в верхнем палеолите свидетельствуют археологические данные⁶. Но опять же неизвестно, возник ли он раньше родовой организации или позже. К числу отличительных признаков второй фазы Ю. И. Семенов относит также несопадение производственного коллектива с родом и производственных отношений с родовыми. Но это утверждение основано на гипотезе об изначальноности дислокального брака, а следовательно, и это отличие носит чисто гипотетический характер. А между тем автор относит перечисленные выше различия к числу признаков начинающегося разложения первобытного общества (стр. 89).

Вызывает возражение применение термина «распределение по труду» к данному периоду. Распределение по труду — это принцип распределения при социализме, который подразумевает строгий учет количества и качества труда, учет различий между квалифицированным и неквалифицированным трудом, равенство между полами. Применение этого термина к первобытности неправомерно.

Следует добавить, что и некоторые другие утверждения автора вызывают недоумение. Так, непонятно, как могла возникнуть обособленная собственность у индивидов, не входящих в ядро производственного коллектива, и на что она распространялась? В чем видит автор проникновение обмена во внутрь самого коллектива? В чем заключаются изменения в характере индивидуальной собственности, которые к концу периода придают ей черты частной?

В характеристике третьей эпохи также имеются спорные положения. Здесь явно сказывается недостаточная теоретическая разработка проблемы общины, о чем справедливо писал М. К. Кудрявцев в своей книге «Община и каста в Хиндустане», где он говорит, что у нас нет ни полной ясности в определении самого понятия «община», ни исчерпывающей классификации общин, ни удовлетворяющей нас периодизации⁷. Обособленные хозяйственные коллективы этого периода Ю. И. Семенов называет большими семьями, а многие другие авторы — домовыми или семейными общинами. Но дело здесь не в названиях, а в том, к какой категории социальных общностей относит тот или иной автор эти коллективы. Если относить их к категории общин, то неправильным становится и определение их собственности на землю как частной семейной.

Взяв за основу выделения эпох и фаз перестройку всей системы производственных отношений, автор фактически отступает от этого принципа. Он нигде не указывает характера разделения труда, а в характеристике третьей эпохи не рассматривает даже отношений распределения.

Н. А. Бутинов делит историю первобытного общества на три основных этапа, лишь несколько видоизменяя схему Моргана.

Первый этап, по периодизации Моргана, соответствует средней и высшей ступени дикости, по археологической — верхнему палеолиту и мезо-

⁶ Г. П. Григорьев, Верхний палеолит и происхождение Homo sapiens, М., 1968, стр. 156—157; Ю. В. Кухаренко, Археология Польши, М., 1969, стр. 29.

⁷ М. К. Кудрявцев, Община и каста в Хиндустане, М., 1971, стр. 13.

литу⁸. Характерными для этого этапа являются присваивающее хозяйство, естественное разделение труда (стр. 129), бродячий или полуоседлый образ жизни (стр. 125, 128), отсутствие или слабое развитие родовой организации (стр. 116), нестабильный состав общины (стр. 128, 129), которую Н. А. Бутинов называет «кровой» и определяет как до-родовую. В ней имелись лишь зачатки родовой организации, и ядро ее состояло либо из группы мужчин-ровесников, считавших себя братьями, либо из женщин-ровесниц, считавших себя сестрами, либо (чаще всего) из группы мужчин и женщин, считавших себя братьями и сестрами. Это ядро было окружено «оболочкой», состоявшей из мужей и жен, не связанных с членами ядра кровным родством (стр. 116). Кровая община построена не на вертикальном (через поколения), а на горизонтальном (в рамках одного поколения) родстве. Все члены ядра считают себя сиблингами (братьями и сестрами), и символом их кровного родства является тотем, который тоже считается сиблингом (стр. 117). Кровая община экзогамна (стр. 132).

Второй этап соответствует, по периодизации Моргана, низшей ступени варварства, по археологической — неолиту (стр. 155). В этот период складываются такие виды хозяйства, как развитые охота и рыболовство (стр. 137), происходит переход от присваивающего хозяйства к производящему — земледелию и скотоводству. На рубеже этого периода (с переходом от высшей ступени дикости к низшей ступени варварства) возникает родовая община (стр. 117).

Родовая община в отличие от кровной более стабильна по составу (стр. 141). Она так же, как и кровная община, экзогамна и состоит из ядра и оболочки, но в отличие от кровной общины все члены ядра связаны родством с общим предком вертикально, через восходящие поколения и только по одной линии: либо через женщин (если брак матрилокальный), либо через мужчин (если брак патрилокальный) (стр. 141). Община становится больше по размерам.

На этой же стадии постепенно «формируется новая социальная единица — племя как объединение родовых общин. Появляется вождь племени, совет племени» (стр. 143). В конце этой стадии намечаются первые признаки выделения и обособления племенного вождя и вождей родовых общин, превращение родовых различий в различия сословные и кастовые (стр. 143).

Третий этап по археологической периодизации соответствует позднему неолиту и металлу. «По периодизации Моргана и Энгельса — это средняя ступень варварства, т. е. период, предшествующий возникновению раннеклассовых государств, и высшая ступень варварства, характеризующаяся появлением ранних государств-городов» (стр. 143). Происходят значительные сдвиги в производительных силах (выделение ремесла, появляется прибавочный продукт), которые обуславливают развитие обмена, появление частной собственности, имущественной и социальной дифференциации, зависимых и рабов (стр. 145). Для этого этапа характерным типом общины является «гетерогенная» община, которая состоит из нескольких домовых общин, неравных по имущественному и социальному положению (стр. 148, 149).

Три основных этапа в схеме Н. А. Бутинова представлены тремя типами общин — кровной, родовой и гетерогенной. Тип общины — его основной критерий.

Главный недостаток схемы периодизации, предложенной Н. А. Бутиновым, заключается в том, что выбранный им критерий не соответствует поставленной цели. Н. А. Бутинов ставил перед собой задачу дать периодизацию первобытнообщинного строя, который, как и всякий

⁸ Н. А. Бутинов, Указ. раб., стр. 155 (далее при разборе этой работы ссылки на нее даются в тексте).

другой общественный строй, определяется совокупностью производственных отношений. Н. А. Бутинов не только не использует производственные отношения в качестве основного критерия для определения этапов развития первобытного общества, но и вообще уделяет им очень мало внимания. В характеристике первого этапа он ограничивается упоминанием о том, что разделение труда было по возрасту и полу (стр. 129). Заканчивая раздел, посвященный этапу родовой общины, он вскользь говорит, что в конце этого периода «намечаются первые признаки выделения и обособления племенного вождя и вождей родовых общин» (стр. 143). И только в характеристике третьего этапа он рассматривает вопросы собственности, распределения и разделения труда.

Если же племена, отнесенные Н. А. Бутиновым к первым двум этапам его схемы, рассматривать с точки зрения производственных отношений, то можно обнаружить некоторые несоответствия. Калифорнийские индейцы и огнеземельцы отнесены Н. А. Бутиновым к первому этапу (стр. 128). У калифорнийских индейцев майду были вожди — у северных выборные, у южных наследственные⁹, т. е. имелись лица, постоянно выполняющие организационные функции и занимающие в системе производства особое место. У южных майду вождь пользовался некоторыми привилегиями в распределении. Он сам выбирал свою долю от убитых животных, иногда молодые охотники отдавали ему всю свою добычу¹⁰. Появление лиц, постоянно выполняющих организационные функции, — это уже отделение умственного труда от физического, правда, в зачаточном виде, так как вожди майду не были освобождены от трудовой деятельности. Выделения ремесла у майду не было. Единственным ремеслом, в котором они достигли большого совершенства, было плетение, а им занимались женщины, мужчины выполняли только простые работы¹¹. У огнеземельцев ни выборных, ни наследственных вождей не было, разделение труда было только половозрастным¹², и, следовательно, все различия в распределении обуславливались только естественными причинами, а не положением отдельных лиц или групп лиц в системе производства.

Папуасские племена, как широко и разносторонне представляющие родовую общину, Н. А. Бутинов относит ко второму этапу (стр. 139). А между тем среди них имеются племена, которые по производственным отношениям отличаются друг от друга. Так, например, у бонгу ни выборных, ни наследственных вождей не было¹³, в то время как у племен роро были наследственные вожди, т. е. уже имелось в зачаточном виде общественное разделение труда внутри общины¹⁴.

Таким образом, в схеме Н. А. Бутинова племена, различающиеся по характеру разделения труда (майду и огнеземельцы в первом этапе, и бонгу и роро — во втором), попадают в один этап. Различия в производственных отношениях для определения стадии развития общественного строя имеют большее значение, чем сходство типов общины.

И. Зельнов делит историю первобытности на четыре периода: ранний, средний, поздний и период разложения первобытнообщинного строя.

1. Ранний период — это период элементарного производства при общественной собственности на естественные источники средств существования и коллективном их использовании. Представления о собственно-

⁹ A. L. Kroeber, Handbook of the Indians of California, Washington, 1925, p. 399.

¹⁰ R. B. Dixon, The Huntington Expedition. The Northern Maidu, «Bulletin of the American Museum of Natural History», vol. XVII, part III, № 9, 1905, p. 224; A. L. Kroeber, Указ. раб., стр. 399.

¹¹ R. B. Dixon, Указ. раб., стр. 227.

¹² А. Зубов, Люди Огненной Земли, М., 1961, стр. 24, 29; «Народы Америки», II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1969, стр. 384.

¹³ Н. А. Бутинов, Папуасы Новой Гвинеи, М., 1968, стр. 177.

¹⁴ Там же, стр. 140.

сти только начинают формироваться, и правила распределения не дифференцированы и подчинены задаче поддержания жизни всего коллектива¹⁵.

«Элементарным» производством И. Зельнов называет производство ради удовлетворения самых элементарных потребностей (стр. 116).

2. Средний период характеризуется непосредственным (direkte) общественным производством при общественной собственности на естественные источники средств существования, коллективном и индивидуальном использовании этих источников и индивидуальной собственности на отдельные орудия труда личного пользования (стр. 116). Все различия в распределении обусловлены только естественными причинами. Существует межплеменный обмен, но общественного разделения труда не возникает, так как обмен в этот период не является экономической необходимостью (стр. 115).

«Непосредственным» общественным производством И. Зельнов называет производство, при котором нет индивидуальных производителей, отношения обмена еще не имеют значения и естественные источники средств существования используются под контролем общества. Это коллективное хозяйство, которое ведется для поддержания жизни всего коллектива без промежуточного звена в виде обмена (стр. 117).

3. Поздний период был периодом «опосредствованного» (indirekte) общественного производства при индивидуальном и общественном присвоении продуктов труда и общественной собственности на важнейшие средства производства и индивидуальной на различные орудия труда. В поздний период преобладает индивидуальное производство, особенно в ремесле, но и в области земледелия и скотоводства индивидуальное производство имеет немаловажное значение, что приводит к индивидуальному присвоению продуктов труда (стр. 117).

«Опосредствованным» общественным производством И. Зельнов называет производство, при котором обмен уже имеет значение и общество уже отчасти утрачивает контроль над производством (стр. 117). В этот период создаются все предпосылки для разложения первобытнообщинного строя (стр. 117).

4. Период разложения первобытнообщинного строя характеризуется господством опосредствованного общественного производства при индивидуальном и частном присвоении продуктов труда. На землю и недра во многих случаях сохраняется общественная собственность, но некоторые важнейшие средства производства, например, скот и орудия для обработки металла, становятся частной собственностью. Продукты труда в некоторых случаях также становятся частной собственностью, т. е. используются как средство для эксплуатации чужого труда. Семья и отдельные лица еще больше, чем раньше, выступают как отдельные производители (стр. 117).

В качестве основного критерия периодизации И. Зельнов берет развитие производительных сил в их взаимодействии с производственными отношениями, так как считает, что следует исходить из всего способа производства (стр. 112).

В характеристиках отдельных периодов И. Зельнов совершенно правильно отмечает постепенную утрату обществом контроля над производством, но, к сожалению, не раскрывает связи этого явления с отношениями собственности.

Опираясь на общепризнанное определение частной собственности как собственности, полученной посредством эксплуатации чужого труда, Зельнов пытается решить вопрос, являлись ли верховные вожди на островах Полинезии частными собственниками. «До тех пор,— пишет

¹⁵ Иг. Sellnow, Указ. раб., стр. 116 (далее при разборе этой работы ссылки на нее даются в тексте).

она,— пока находящееся в руках вождя богатство используется еще преимущественно в общественных нуждах, нельзя говорить об эксплуатации» (стр. 478) и, следовательно, о частной собственности. «Только в том случае, когда это богатство использовалось в первую очередь для обращения в зависимое состояние других, или, другими словами, для содержания верхнего социального слоя, можно считать, что переход к частной собственности уже совершился» (стр. 479). И на этом основании И. Зелльнов утверждает, что на Гавайях, Таити и Тонга верховные вожди являлись собственниками контролируемого ими богатства (стр. 477).

В том случае, когда собственность, субъектом которой является какой-либо общественный институт (самостоятельный, самоуправляющийся общественный организм — от объединения общин до государства, церковь, монастырь и т. п.), основана на эксплуатации, для нее нет специального названия. Иногда ее продолжают называть общественной (что по существу неправильно), но чаще по субъекту собственности — племенная, государственная, церковная и т. д. Но она не является частной собственностью, так как частная собственность — это собственность частного лица, которое владеет и распоряжается собственностью от своего лица, а не от имени какой-либо организации или института. В случае общественной собственности всего важнее установить, в чьих руках находится верховное право распоряжения и, следовательно, контроль над производством.

Так, у австралийцев, которых И. Зелльнов относит к среднему периоду, верховное и неограниченное право распоряжения естественными источниками средств существования находилось в руках локальной группы, а точнее, у совокупности всех взрослых мужчин, на собраниях которых обсуждались все важные дела, касающиеся локальной группы¹⁶. Естественными источниками средств существования пользовались все члены общины без каких-либо ограничений или привилегий. Здесь право распоряжения не отделено от права использования и права владения.

Распределение также находилось под контролем общества. Охотничья добыча распределялась по определенным правилам, за выполнением которых следило общество. Для распределения растительной пищи обычно не бывало каких-либо определенных правил, но те семьи, в которых женщины были либо больны, либо находились во временной изоляции по случаю родов или траура, обеспечивались растительной пищей другими женщинами в порядке выполнения долга взаимопомощи, за выполнением которого также следила община¹⁷.

На примере папуасов можно проследить, изменяется ли что-либо существенно с переходом к земледелию. Угодия по собирательству, охотничьи и рыболовные распределяются у них так же, как и у австралийцев¹⁸. Право собственности на землю, а также верховное право распоряжения землей принадлежало общине; части общины (если община была разделена на хозяйственные коллективы) имели в наследственном владении определенные участки земли, отдельные малые семьи — во временном владении участки обработанной земли¹⁹. Только в тех общинах, в которых имелись обособленные хозяйственные коллективы, функции распоряжения были частично переданы вождям²⁰.

¹⁶ В. Р. Кабо. Каменные орудия австралийцев, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXX, 1962, стр. 67; D. Thomson, *Economic Structure and Ceremonial Exchange Cycle in Arnhem Land*, Melbourne, 1949, p. 11.

¹⁷ A. W. Howitt, *The native Tribes of South-East Australia*, London, 1904, p. 756 sq.

¹⁸ Н. А. Бутин ов, Папуасы Новой Гвинеи, стр. 103—108.

¹⁹ Там же, стр. 101.

²⁰ Там же, стр. 137—138, 141.

Община сохраняет также и контроль над распределением. Охотничья добыча, мясо домашних свиней и собак распределялись по определенным правилам, за соблюдением которых следила община. Продукты земледелия поступали в распоряжение семьи, но при устройстве праздников и церемоний каждая семья обязана была вносить свою долю²¹. Распределение остается равнообеспечивающим, т. е. таким, при котором все различия обусловлены только естественными причинами²². И только в тех общинах, где были вожди, в некоторых случаях они пользовались преимуществами.

С дальнейшим усложнением структуры самостоятельного общественного организма усложняются и отношения собственности. На островах Полинезии общественный организм представлял собой уже не простое объединение равноправных производственных коллективов, а целую систему соподчиненных социальных общностей, сложность которой была неодинаковой на отдельных островах. Так, на островах Тонга большие семьи объединялись в «матакали», несколько «матакали» — в «хаа», несколько «хаа» — в область, последние же были объединены под управлением верховного вождя²³. У маори на Новой Зеландии структура общественного организма была менее сложной. Там большие семьи «ванау» объединялись в «хапу», несколько «хапу» — в племя²⁴. На Новой Зеландии вожди могли наложить табу на любой участок на вновь открытой или вновь приобретенной земле, и никто уже не мог занять этот участок²⁵. Вождь племени являлся высшим судьей племени во всех делах, касающихся земли и имущества²⁶. На островах Тонга каждый вождь в области, ему подчиненной, мог согнать с земли по своему произволу простых общинников и поселить на их место других²⁷. В руки вождей поступали продукты и ремесленные изделия, собранные у населения либо в виде «подарков», как это имело место на Новой Зеландии²⁸, либо в виде натуральных налогов, собираемых более или менее регулярно, как это было на островах Тонга: ежегодно на празднике первых плодов, затем в виде приношений примерно два раза в месяц, и кроме того, в любое время, если возникала надобность в дополнительных запасах по случаю войны, похорон «священного» короля туй-тонга, приезда гостей и т. п.²⁹. В руках вождей было право наложения табу на источники пищи³⁰. Право распоряжения здесь уже не принадлежит совокупности членов общества, а только его высшему слою, представителем которого был верховный вождь.

Но право распоряжения ни верховного вождя, ни тем более подчиненных вождей не было неограниченным. Оно контролировалось как сверху (права подчиненных вождей зависели от их места на иерархической лестнице), так и снизу. Власть верховного вождя была ограничена обычаями и влиянием подчиненных вождей высших рангов, которые в случае недовольства верховным вождем или глубоких разногласий с ним могли убрать его³¹. Деятельность глав больших семей контролиро-

²¹ Там же, стр. 117; В. М. Бахтa, Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество, В кн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968, стр. 306—310.

²² В. М. Бахтa, Указ. раб., стр. 314.

²³ I. Sellnow, Указ. раб., стр. 330 и след.

²⁴ «Народы Австралии и Океании» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1956, стр. 696—697.

²⁵ P. Buck, The Coming of the Maori, 1950, p. 380.

²⁶ «Народы Австралии и Океании», стр. 701.

²⁷ M. D. Sahlins, Social Stratification in Polynesia, Washington, 1958, p. 23; R. W. Williamson, Social and political systems of Central Polynesia, Cambridge, 1924, vol. 3, p. 266.

²⁸ «Народы Австралии и Океании», стр. 699.

²⁹ R. W. Williamson, Указ. раб., т. 3, стр. 118, 348—349.

³⁰ Там же, стр. 325—326.

³¹ R. W. Williamson, Указ. раб., т. 3, стр. 117.

валась совокупностью членов большой семьи. Имелись и народные собрания, функции и права которых были различными на разных островах. Так, на Тонга народные собрания только оповещались о принятых решениях, выступать на них могли лишь вожди и особые ораторы³². На Новой Зеландии в народных собраниях при обсуждении поднятых вопросов могли принимать участие все присутствующие мужчины³³.

Подводя итог сказанному, мы видим, что степень контроля общества над производством во многом зависит от разветвленности и сложности структуры общественного организма, что, в свою очередь, зависит от степени его централизации. Тенденция к централизации может быть обусловлена как непосредственно требованиями производства (например, при ирригационном земледелии необходимостью контроля над всей системой ирригации), так и опосредованно, например стремлением получать необходимое сырье или высококачественные изделия в виде налогов, а не путем межплеменного обмена, который по мере развития производительных сил и разделения труда между общественными организациями играет все большую роль. Важное значение для отношений собственности имела также сложность структуры самого общества, которая зависит от степени разделения труда по видам внутри общества, т. е. насколько полно выделилась та или иная отрасль производства, от числа этих отраслей и их значимости в системе производства, а также насколько полно монополизированы другие виды деятельности людей, например область положительных знаний, религии и пр., так как от этого зависит степень обособления социальных групп и зависимости одних социальных групп от других.

При рассмотрении изменений, происходящих в области распределения, И. Зелльнов отмечает только количественные изменения — расширение сферы индивидуального присвоения, в то время как с появлением вождей, т. е. лиц, постоянно выполняющих организационные функции, возникает потенциальная возможность привилегий в распределении, обусловленных не только возрастом и полом, но и местом, занимаемым в системе производства, в ряде случаев эта возможность претворяется в действительность.

Недооценивает И. Зелльнов и значение выделения ремесла. Она считает, что с появлением групп лиц, живущих своим ремеслом, ничего существенно нового ни в отношениях собственности, ни в отношениях распределения не возникает, так как ремесленники владели своими орудиями на правах личной собственности и вознаграждались за свой труд, как это бывало и на ранних стадиях развития (стр. 480). Пример островов Полинезии, пишет И. Зелльнов, хорошо показывает, что наличие групп лиц, занятых только своим ремеслом (строительство домов, строительство лодок, татуировка), еще не создает основания для действительного общественного разделения труда, поскольку они не работали на рынок и не были объединены в какие-либо союзы (стр. 306). По мнению И. Зелльнов, только на островах Самоа, где имелись объединения ремесленников, уже появилась основа для действительного общественного разделения труда в то время как на других островах Полинезии это были только предварительные ступени (стр. 307).

Но на ранних стадиях развития обмен трудом между лицами, хорошо владеющими данным видом ремесла, и лицами, которые владели им хуже, не был необходимым. С выделением ремесла этот обмен трудом становится уже вынужденным. И были ли ремесленники объединены в какие-либо союзы или нет, они уже представляли особую социальную

³² Там же, т. 2, стр. 475, 476; Те Ранги Хироа (П. Бак), Мореппаватели солнечного восхода, М., 1959, стр. 234.

³³ E. Best, The Maori as he was, Wellington, 1952, p. 97, 98.

группу со своими особыми интересами, отличными от интересов других членов общества.

Выбрав в качестве основного критерия взаимозависимость производительных сил и производственных отношений или, как она уточняет в заключении, «весь комплекс социально-экономических отношений» (стр. 476), И. Зелльнов фактически использует несколько вспомогательных критериев. В результате характеристики периодов становятся расплывчатыми и границы между ними определены нечетко. В среднем периоде межгрупповой обмен существует, но не имеет значения, в позднем и в периоде разложения первобытнообщинного строя — уже имеет. В среднем периоде имеется индивидуальное присвоение продуктов труда (стр. 157), в позднем тоже имеется, но оно приобретает большее значение.

Причины неудач прежних схем периодизации И. Зелльнов видит в их односторонности. Но ошибка заключалась не в этом, а в том, что в качестве основного критерия брались либо признаки, не соответствующие поставленной цели (тип общины в схеме Н. А. Бутинова), либо сложные явления (перестройка всей системы производственных отношений в схеме Ю. И. Семенова и весь комплекс социально-экономических отношений в схеме И. Зелльнов) и фактически использовалось несколько критериев.

Попытаемся расчленить историю первобытного общества на периоды, исходя из изменений только одного элемента производственных отношений — разделения труда. В этнографических описаниях мы встречаемся с тремя формами разделения труда — разделение труда по полу и возрасту, отделение умственного труда от физического в зачаточном виде (появление лиц, постоянно выполняющих организационные функции) и разделение труда по его видам (выделение ремесла). Характеристики выделенных периодов следует составлять по данным конкретных племен.

Так, характеристику первого периода мы получим, используя наши сведения о таких племенах, как, например, полярные эскимосы, огнеземельцы, австралийские племена курнаи, камиларои и племена Арихемленда, пигмеи, у которых разделение труда существовало только по полу и возрасту.

Самостоятельный, самоуправляющийся общественный организм у всех этих племен представляет собой немногочисленную локальную группу. Оформленного управления нет, есть только лица, пользующиеся влиянием в силу своих личных качеств.

Производительные силы характеризуются следующими показателями. Технология производства очень проста и не требует специализации отдельных отраслей. Процесс производства тоже прост, и нет необходимости в лицах, постоянно выполняющих организационные функции. Тип и уровень хозяйства различны. Австралийцы, огнеземельцы и пигмеи ведут довольно примитивное присваивающее хозяйство, у эскимосов — развитой морской промысел.

Форма разделения труда позволила нам объединить эти племена в одну группу. Все различия в распределении обусловлены только естественными причинами — полом, возрастом и способностями. Основные средства производства находятся в общественной собственности, право распоряжения и пользования не разделены и принадлежат совокупности всех членов общины, следовательно, и контроль над производством находится в их же руках.

Для характеристики второго периода можно использовать данные таких племен, как калифорнийские индейцы помо и майду и папуасские племена кутубу и роро.

У майду и помо самостоятельным, самоуправляющимся обществен-

ным организмом было объединение небольшого числа поселений ³⁴. У кутубу и роро — одно поселение, разделенное на обособленные хозяйственные коллективы ³⁵. У всех этих племен имелись наследственные или выборные вожди.

Производительные силы характеризуются следующими показателями. Технология производства проста и не требует специализации отдельных отраслей, т. е. нет выделения ремесла. Процесс производства несколько усложняется из-за наличия обособленных хозяйственных коллективов, так как уже требуется согласование вопросов, касающихся всего общественного организма, вследствие чего появляется необходимость в лицах, постоянно выполняющих организационные функции. У калифорнийских индейцев развитое присваивающее хозяйство, у папуасских племен — мотыжное земледелие.

Наряду с разделением по полу и возрасту у них уже имеется отделение умственного труда от физического, правда, в зачаточном виде. Обязанности лиц, постоянно выполняющих организационные функции (вождей и глав обособленных хозяйственных коллективов), просты и не требуют освобождения от производственного труда, но все же они занимают особое место в системе производства; это сказывается на отношениях распределения и на отношениях собственности. Хотя распределение в основном сохраняет равнообеспечивающий характер, но вожди пользуются некоторыми привилегиями. Основные средства производства остаются в общественной собственности, но появляется обособленная собственность отдельных хозяйственных коллективов, право распоряжения частично передано вождям и главам производственных коллективов.

Переходя к рассмотрению третьего периода, следует сразу же сказать, что выбранный критерий четко отделяет его от предшествующих периодов, но не определяет его верхнюю границу, так как в объем понятия «общество с разделением труда по видам» входит не только период превращения доклассового первобытного общества в классовое, но и все последующие классовые формации.

Для иллюстрации этого периода можно использовать полинезийские племена, стоящие на различных стадиях классообразования.

Структура общественного организма у полинезийских племен самая различная — от трехступенчатой у маори до пятиступенчатой на островах Тонга.

Производительные силы характеризуются следующими показателями. Технология некоторых отраслей ремесла усложняется настолько, что требует специализации. Это строительство домов, изготовление лодок, резьба по дереву, татуировка. Ремесленники-специалисты имелись на Тонга, Таити, Гавайях и многих других островах Полинезии. Вследствие усложнения структуры общества и организации производства появляется иерархически построенная группа лиц, выполняющих административные функции, часть этих лиц освобождена от производственного труда.

Существенно изменяются и производственные отношения. Теперь особое место в системе производства занимают не только отдельные лица, но и группы лиц — иерархически построенный верхний социальный слой, ремесленники, рядовые общинники, рабы. Ремесленники на ряде островов Полинезии представляли собой если не обособленную, то во всяком случае обособляющуюся группу со своими особыми интересами, которые они защищали. На островах Самоа строители домов и лодок были объединены в союзы ³⁶. При строительстве домов значитель-

³⁴ R. B. Dixon, Указ. раб., стр. 223; A. L. Kroeber, Указ. раб., стр. 228, 396.

³⁵ Н. А. Бутинов, Папуасы Новой Гвинеи, стр. 106, 137, 140.

³⁶ Те Ранги Хироа, Указ. раб., стр. 236; R. W. Williamson, Указ. раб., т. 2, стр. 377—378.

ная часть оплаты производилась еще во время строительства, и если строители были недовольны оплатой и угощением, они немедленно уходили, и объединение строителей следило, чтобы другие плотники не брались за окончание постройки. Это правило строго соблюдалось, и никто не решался его нарушить³⁷. На Маркизских островах также никто не мог закончить брошенную работу³⁸. Все это свидетельствует о зарождении чувства социальной солидарности.

Право распоряжения отделено от права пользования, общество удерживает контроль над производством, но в разной степени на разных островах. Некоторые члены общества лишаются даже возможности реализовать свое право пользования, например манахуне на Таити, часть которых не имела своей земли и жила на землях раатира³⁹, и рабы, которые имелись на ряде островов. Обмен трудом между лицами, занятыми простым трудом, и лицами, владеющими сложным трудом или занимающимися умственным трудом, становится вынужденно необходимым. Между образовавшимися социальными группами устанавливаются отношения зависимости и подчинения. И сами эти группы не едины, так как и внутри них существуют имущественные различия.

Не приводит ли применение предложенного критерия периодизации к противоречию с общим социологическим законом обязательного соответствия производственных отношений уровню производительных сил, так как в полученной схеме в один и тот же период попадают племена с различными уровнями производства? Уровень производства может повышаться, не вызывая коренных изменений в производственных отношениях, до определенного предела, пока не возникает необходимость в изменении характера разделения труда. Но эта необходимость может быть вызвана не только непосредственно требованиями производства, но и быть опосредована другими факторами, например увеличением плотности населения, что может привести к необходимости организованного распределения угодий или организации их охраны. Когда же возникает эта необходимость в изменении формы разделения труда, то в коллективе производителей появляются сначала отдельные лица, а затем и группы лиц, занимающие в системе производства особое место, которое на этом этапе развития общества и определяет их отношение к средствам производства и получаемую долю общественного богатства, другими словами, вступает в силу закон общественного разделения труда. «Родовой строй, — писал Ф. Энгельс, — отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы»⁴⁰.

Выбранный критерий периодизации позволяет выделить только основные периоды истории первобытного общества — период существования первобытнообщинного строя и период формирования предпосылок разложения первобытнообщинного строя, а также четко отделить их от периода превращения первобытного доклассового общества в классовое, который, как справедливо считает Ю. И. Семенов, уже не относится к первобытнообщинной формации.

Для разделения этого переходного периода на стадии уже нужны другие критерии. Производственные отношения этого периода значительно усложняются, и здесь потребуются их тщательное исследование,

³⁷ G. Turner, *Samoa a Hundred Years ago and Long before*, London, 1884, p. 159; R. W. Williamson, *Указ. раб.*, т. 2, стр. 378; Те Ранги Хироа, *Указ. раб.*, стр. 236.

³⁸ R. Linton, *Marquesan Culture*, В кн. A. Kardiner, *The Individual and His Society*, 5-th ed., N. Y., 1949, p. 145—146.

³⁹ R. W. Williamson, *Указ. раб.*, т. 2, стр. 391—392; E. Handy, *History and Culture in the Society Islands*, Honolulu, 1930 (Bernice P. Bishop Museum Bull., № 79), p. 7.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 21, стр. 169.

систематика, классификация и определение таксономических единиц. На необходимость проведения такой работы совершенно справедливо указывал К. К. Зельин в книге «Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период»⁴¹. В настоящее время мы даже не располагаем объективными критериями для определения границы между племенным строем и государством.

Предложенный принцип периодизации, безусловно, нуждается в доработке. Характеристики выделяемых периодов необходимо составлять по данным большого числа конкретных племён и включать в них большее число показателей, как-то: тип населённых пунктов и жилищ (которые археологи недостаточно обоснованно связывают однозначно с общественным строем), формы и локальность брака, положение женщин, способ поддержания общественного порядка, роль общественного мнения и формы его изъяснения; нужно подробно рассмотреть виды разделения труда между общественными организмами и т. п., а также выявить те особенности в развитии, которые обуславливает данный тип хозяйства. Но такая работа не под силу одному человеку, это дело коллектива, а материала для ее проведения более чем достаточно, так как наука располагает теперь обширным этнографическим материалом.

ON THE PROBLEM OF PERIODIZATION OF PRIMITIVE SOCIETY

A brief critical survey is given of the most recent attempts at distinguishing the successive stages in the history of primitive society: those made by Yu. I. Semionov, by N. A. Butinov, and by Ir. Sellnow. A new principle for distinguishing the historical periods is proposed. One of the elements in relations of production has been chosen as the main criterion of periodization, namely the form taken by the division of labour. This criterion permits us to distinguish the major periods in the history of primitive society; the period corresponding to division of labour by sex and age; the period in which conditions began to be formed for the disintegration of pre-class society; the division of labour by sex and age is supplemented by a rudimentary separation of intellectual from physical labour; the period of transition from pre-class to class society. The periods thus distinguished are described by data characterizing actual tribes: these are grouped according to the above criterion.

⁴¹ К. К. Зельин, М. К. Трофимова, *Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период*, М., 1969, стр. 11 сл.

А. А. Суколов

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ И УСТАНОВКИ НА МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНТАКТЫ

В рамках проводимого Институтом этнографии АН СССР изучения факторов оптимизации социально-культурных процессов важную роль играет конкретный анализ межэтнических контактов.

Одним из важных вопросов этносоциологии является вопрос о том, какие факторы влияют на отношение к личным межэтническим контактам в различных сферах общения. В частности, ставится задача выяснить, какую роль играют сами контакты, влияют ли они на межэтнические установки и если да, то на какие и каким образом. Важно знать, взаимосвязаны ли установки на различные сферы контактов между собой или они относительно независимы? И наконец, ученые должны исследовать, как влияют некоторые социальные факторы на характер межэтнических ориентаций. В нашей статье рассмотрение данных проблем основано на материалах опроса работающего молдавского населения г. Кишинева.

В дальнейшем мы будем придерживаться следующего плана изложения: кратко определив понятия этнического окружения и этнических установок, проанализируем связь этих двух групп переменных и коснемся отдельных социальных факторов, влияющих на этнические установки.

Мы будем различать этническую среду (возможность межэтнических контактов) и этническое поведение (совокупность сфер общения, в которых индивид реально сталкивается с лицами и элементами культуры другого этноса). Человек читает, смотрит телевизор, встречается на работе, по месту жительства с различными людьми. Имеется та или иная вероятность, что в каждой из этих сфер он может вступить в контакт с людьми или элементами культуры другой этнической группы. Совокупность этих вероятностей и будет характеризовать этническую среду¹. Поскольку в определенных контактных сферах человек сам выбирает, с представителями и элементами какой культуры вступать в отношения, эти сферы превращаются в факторы этнического поведения. Например, национальный состав региона, в котором живет человек, есть, как правило, фактор этнической среды, с учетом которого можно определить абстрактную вероятность вступления в дружеский контакт с лицом другой национальности. Если такой контакт возможен, то наличие (или отсутствие) у человека друзей другой национальности есть фактор этнического поведения, так как зависит от выбора самого человека. Дру-

¹ Очевидно, можно ввести классификацию этнических сред, основанную на различных вероятностях контакта в различных сферах общения.

гими словами, под этническим поведением следует понимать наиболее устойчивые моменты поведения индивида как представителя этнической группы. Межэтнические контакты могут быть личностными и опосредствованными (например, через средства «массовой коммуникации»). В дальнейшем нас будут интересовать только личностные контакты.

Классификация этих контактов различна для различных типов обществ. Так, в зарубежной эмпирической социологии при исследовании межэтнических и межрасовых отношений принято выделять три основные сферы контактов: по месту жительства, на работе, в различных общественных организациях (клубы, партии, комитеты и т. д.)². В советском обществе, где интернационализм давно уже стал неотъемлемой частью мировоззрения, этническое поведение характеризуют также межнациональные браки, доля которых значительно выросла. Это положение подтверждается проводимыми в СССР конкретными исследованиями межнациональных контактов. Поэтому к трем упомянутым сферам (соседские, рабочие, по интересам) мы добавляем сферу родственных контактов.

Подход советских и американских социологов к проблеме выявления установок на межнациональные личностные контакты различен. Для измерения этих установок в зарубежной социологии обычно используется так называемая «шкала социальной дистанции». Приводим описание этой шкалы по книге Р. Пенто и М. Гравитца «Методы социальных исследований» (М., 1972). В этой шкале предпринята попытка установить степень терпимости («толерантности») ³ опрашиваемых лиц, например по отношению к представителям разных рас и национальностей.

Так, выясняется, согласен ли респондент иметь представителей определенной расы:

- 1) близкими по браку;
- 2) личными друзьями в своем клубе;
- 3) жителями своей улицы;
- 4) своими сослуживцами;
- 5) гражданами своей страны;
- 6) только в качестве туристов.

При этом предполагается, что к этому вопроснику приложим формальный аппарат одномерной модели ⁴ шкалограммного анализа. Имеется в виду, что если респондент согласен иметь людей другой национальности в качестве родственников, то он тем более склонен к контактам во всех остальных сферах. Если он высказывается против контактов в родственных отношениях, но за дружеский контакт с представителями других национальностей, то он также остается сторонником общения во всех остальных, менее «личностных» сферах. Другими словами, всех респондентов по степени расположенности к личностным межнациональным контактам можно разделить на несколько групп (в данном случае их семь: от выбравших все пункты до не выбравших ни одного). При этом по мере убывания расположенности к контактам следующая группа выбирает из приведенного списка на один пункт меньше. Отпадение выбранных сфер контактов должно происходить в том порядке, в котором они приведены в списке. При выполнении этих условий оказывается возможным однозначное построение одномерной ранговой шкалы распо-

² См. R. Williams, *Strangers next door*, Chicago, 1964.

³ «Толерантность» — от англ. *tolerance* — терпимость.

⁴ Понятие «одномерности» есть частный случай более общего понятия «размерности» или «количества измерений», одного из центральных в современной математике. Если совокупность интересующих нас предметов сравнивается по одному свойству, значит мы пользуемся одномерной моделью. Например, внутри 60-х годов XX в. можно провести сравнение по среднегодовой температуре. Если же таких свойств несколько (например, температура, давление, количество ясных дней и т. д.), используется многомерная модель.

ложенности к личностным контактам. Структура получающихся при этом варианте ответов представлена на схеме 1.

Подобная схема шкалирования неприменима при исследованиях, проводимых в СССР, по двум причинам. Во-первых, как уже указывалось выше, в социалистическом обществе практически отсутствуют расовые предрассудки, касающиеся личностных межнациональных контактов, и поэтому подобная шкала не обладала бы достаточной «различительной способностью»: почти все респонденты оказались бы в самом «контактном», интернациональном ранге шкалы. Это наше мнение вполне подтверждается исследованиями национальных отношений в СССР⁵.

Во-вторых, ранжирование различных сфер контактов на единой шкале предполагает высокий уровень статистической зависимости между признаками-вопросами, отражающими ориентацию на контакты в различных сферах общения. Однако, как мы покажем ниже, согласно полученным данным, у значительной части населения ориентации на семейные и производственные межэтнические контакты взаимонезависимы⁶. Только в группе специалистов высшей квалификации эта связь статистически значима. Поэтому мы рассматриваем каждую из переменных, отражающих отношение к межэтническим контактам, отдельно, не сводя их к единой шкале, отражающей расположенность к контактам, как это делают зарубежные исследователи.

Прежде чем переходить к изложению результатов, стоит отметить их определенную ограниченность. Во-первых, выборка носила локальный характер. Во-вторых, не проводились специально социологические и социально-психологические исследования данной проблематики. Институт этнографии АН СССР ставит перед собой более общие задачи. Поэтому, в частности, представлялось невозможным изучение всех сфер межэтнических контактов. В опросный лист включены только вопросы об отношении к работе в многонациональном коллективе и к межэтническим бракам. Полный список возможных сфер регулярных личностных контактов предполагает также вопросы об отношении к дружеским и соседским контактам. Важно, кроме того, учитывать нерегулярные контакты (в общественных учреждениях, на улицах и т. д.), но мы не проводили анализ этой сферы. В связи с этим излагаются не окончательные выводы, а скорее выдвигаются содержательные гипотезы.

Общий объем выборки по работающему молдавскому населению г. Кишинева составил 612 человек, что дает ошибку не более 5% с вероятностью не менее 0,9. Данная выборка составляет часть общей выборки по Молдавской ССР⁷. В использованную нами подвыборку вошли 130 человек, занимающихся неиндустриальным (не связанным с крупным промышленным производством) физическим трудом, 284 рабочих индустриального труда, 102 служащих на должностях, требую-

	1	2	3	4	5	6
I	+	+	+	+	+	+
II		+	+	+	+	+
III			+	+	+	+
IV				+	+	+
V					+	+
VI						+
VII						

Рис. 1. Структура вариантов ответов, соответствующих требованиям шкалограммного анализа; I—VII—номера вариантов ответов; I—6.— номера сфер общения

⁵ См.: Л. М. Дробижева, Социально-культурные особенности личности и национальные установки, «Сов. этнография», 1971, № 3; А. И. Холмогоров, Интернациональные черты советских наций, М., 1970

⁶ То же мнение высказала Л. М. Дробижева на основе исследования в ТатАССР. См.: Л. М. Дробижева, Указ. раб.

⁷ Подробнее см.: Ю. В. Арутюнян, В. С. Кондратьев, Об осуществлении в Молдавской ССР исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», «Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1971 г.», вып. II, М, 1972.

ших среднего специального образования, и 96 руководителей и специалистов с высшим образованием⁸. На подвыборку налагались два содержательных ограничения. Во-первых, мы проводили расчеты только для молдавского населения. Это связано с тем, что многие вопросы, характеризующие этнические ориентации, имеют разное значение для людей коренной национальности и более мелких национальных групп. Поэтому, по-видимому, необходимо специальное рассмотрение ориентаций внутри этнических групп, не принадлежащих к коренному для данного региона населению. Во-вторых, мы анализировали ответы только работающего населения, поскольку включение людей пенсионного возраста значительно сужает круг анализируемых признаков (например, вопросы, связанные с работой).

Для расчета зависимости между переменными использовался коэффициент сопряженности Юла Q^9 , который характеризует следующую зависимость: каким образом выбор ответа на один вопрос влияет на вероятность выбора определенного ответа на другой вопрос. Для пояснения приведем вымышленный пример. Если мы не знаем, как человек ответил на вопрос об отношении к работе в многонациональном коллективе, то эмпирическая частота ответа о благоприятном отношении к межнациональным бракам равна 0,8. Если мы знаем, что для респондента национальный состав коллектива не имеет значения, то возможны три варианта: 1) внутри группы выбравших эту категорию ответа частота интернационально ориентированных на брачные контакты выше, чем для всей выборки (например, 0,9); в этом случае связь между признаками положительна; 2) внутри благожелательно ориентированных на межэтнические производственные контакты доля благоприятно ориентированных на семейные контакты равна их доле во всей выборке (0,8); в этом случае признаки статистически независимы; 3) доля склонных к межнациональным бракам ниже их доли во всей выборке (0,7); связь между признаками отрицательна. Этот коэффициент предельно прост и одновременно дает интересующую нас информацию: о направлении связи (положительное — отрицательное), значимости связи и относительной силе связи между различными парами признаков.

В дальнейшем нас будет интересовать зависимость силы связи между различными «контактными» переменными, с одной стороны, «установочными» — с другой, в различных социально-профессиональных группах. Соответственно этому мы выберем графическую форму представления материала. Рассмотрение указанных связей по группам практически означает введение новой шкалы — типа социально-профессиональной группы (см. рис. 2).

Связь между ответами, отражающими ориентации на личные межэтнические контакты в сферах семейного и производственного общения, становится статистически значимой только в группе работников с высшим образованием. Для остальных же групп такая связь практически отсутствует. Возможно, это объясняется тем, что в группе работников с высшим образованием отношение к контактам в сфере труда переносится и на межнациональные контакты в сфере брака. Однако доля этой группы во всей выборке невысока (0,15), и сам показатель связи Q для этой группы находится почти на границе значимости. Видимо, ориентации на контакты в каждой из этих двух сфер мало зависят друг от друга, а значит, две рассматриваемые установки находятся под влия-

⁸ Классификация социально-профессиональных групп представляет собой некоторое упрощение схемы, предложенной Ю. В. Арутюняном в его работе: Ю. В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения, М., 1972.

⁹ «Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации», М., 1968, стр. 156.

нием различных факторов. Рассмотрим, как же влияет этническая среда и этническое поведение на каждую из них.

Знаменательно, что установки на личностные контакты в многонациональном коллективе не зависят от всех рассматриваемых нами факторов этнической среды и этнического поведения во всех социально-профессиональных группах. Вероятно, сама по себе частота контактов не относится к числу основных факторов, которые обуславливают установку. Нам трудно судить о влиянии прошлых этнических контактов рес-

Рис. 2. Изменение связи (Q) между установками на родственные и производственные межэтнические контакты по типам социально-профессиональных групп: А — специалисты с высшим образованием; Б — специалисты со средним специальным образованием; В — квалифицированные рабочие; Г — низкоквалифицированные рабочие

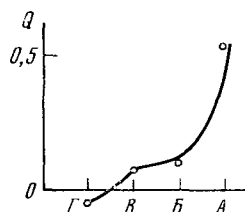
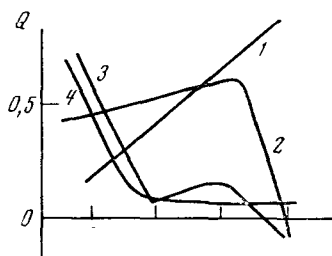

Рис. 3. Связь установки на межэтнические браки с элементами этнического поведения по типам социально-профессиональных групп: 1 — величина ассоциации Q между установкой на браки и наличием друзей другой национальности; 2 — величина Q между установкой на браки и национальностью ближайшего друга; 3 — величина Q между установкой на браки и национальностью супруга; 4 — величина Q между установкой на браки и наличием родственников другой национальности

пондента: Обнаруживается лишь слабая положительная ассоциация этой ориентации со школой, в которой обучался респондент (русская, молдавская или смешанная). Значит, для объяснения характера установок на личностные контакты в многонациональном коллективе требуется привлечение других факторов. Следует исходить из центрального положения марксистско-ленинской теории нации о социальных факторах как определяющих национальные отношения. Для объяснения явления в социальных науках, как правило, требуется анализ целой системы факторов. Не претендуя в данной статье на полноту решения проблемы, выделим одну из сторон общественной жизни, оказывающую влияние на отношение к работе в многонациональном коллективе. Это общая удовлетворенность человека его работой и отдельными аспектами ситуации на производстве: зарплатой, условиями труда, условиями для роста квалификации и продвижения, престижем профессии. Влияние этих факторов различно в разных социальных группах, но связь установок на межэтнические контакты с удовлетворенностью работой неоспорима. Чем более респондент удовлетворен своей работой, тем менее вероятно, что национальный состав рабочего коллектива имеет для него значение. Факт значимой связи установки на межэтнические контакты и удовлетворенности работой объясняется, видимо, тем, что неудовлетворенность собственным положением в обществе переносится в сферу межэтнических отношений¹⁰. Этот психологический феномен «перенесения» хорошо известен в социологии¹¹. Исследование показывает, что такое перенесе-

¹⁰ Ю. В. Арутюнян. Конкретно-социологическое исследование национальных отношений, «Вопросы философии», 1969, № 12.

¹¹ См.: Дж. Симпсон и Дж. Милтон Ингер, Социология расовых и этнических отношений, сб. «Социология сегодня», М., 1965, стр. 443.

ние часто не зависит даже от действительного наличия какой-либо сложной ситуации на производстве.

Установки на межнациональные браки ближайших родственников связаны с совершенно другими элементами этнической среды и поведения. Фактор удовлетворенности работой не оказывает на эту установку такого сильного влияния, как на отношение к контактам в коллективе. Зато отчетливо прослеживается связь этой установки с отдельными элементами этнической среды и поведения.

На схеме 3 показаны изменения ассоциации между различными элементами среды и поведения с установкой на смешанные браки по социально-профессиональным группам. Эти зависимости представлены графически. Мы видим, что влияние ближайших дружеских и родственных контактов с людьми другой национальности на отношение к межнациональным бракам оказывается различным в разных социально-профессиональных группах. Влияние родственных контактов более существенно для группы малоквалифицированного физического труда (Г). Эти же сферы общения имеют значительно меньшее значение для специалистов с высшим образованием. Это видно из того, что кривые, характеризующие величину ассоциации установки на родственные контакты с наличием родственников другой национальности и национальностью супруга (супруги) респондента, выше границы значимости только в группе Г (рабочие малоквалифицированного труда). Кривая же, отражающая связь установки на межэтнические браки с национальностью ближайшего друга, существенно падает только для группы специалистов с высшим образованием. Если отношение к межэтническим бракам в группе Г не зависит от наличия друзей другой национальности, то во всех остальных группах дружеские межэтнические контакты положительно влияют на отношение к таким бракам. Данный результат, на наш взгляд, отражает тот факт, что по мере включения человека в современное производство, в современный ритм жизни все большее влияние на установки оказывают широкие круги знакомств, возникающие на производстве, в соседском общении, контактах по интересам.

В общем можно предположить, что установки на межэтнические браки находятся под гораздо более сильным влиянием непосредственного межэтнического общения (особенно в «неформальных кругах», дружеских, семейных), чем установки на работу в многонациональном коллективе. Эти две установки находятся под преимущественным влиянием разных групп факторов, и они сближаются лишь в некоторых социальных группах при определенных условиях. Выявить, каковы эти группы и условия — задача для будущего анализа.

При этом речь идет не об односторонней связи, а о взаимозависимости между установками и поведением. Кроме того, если даже существует «превалирующее» направление связи, то для его выявления требуются специальные экспериментальные исследования с достаточно хорошо контролируемыми переменными.

Е. Н. Данилова

СЕМЬЯ И ПАТРОНИМИЯ В СИСТЕМЕ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ АБАЗИН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Абазины — небольшой по численности народ Северо-Западного Кавказа¹, мало исследованный в этнографическом отношении.

В данной статье дается характеристика семьи и патронимии у абазин на основе полевых материалов, собранных автором во время этнографических экспедиций в Карачаево-Черкесскую автономную область. Привлечены также архивные материалы.

У народов Северо-Западного Кавказа в XIX в. продолжала существовать сельская территориальная община как основной структурный элемент их общественной организации. Абазинская сельская община имела несколько названий: «кыт» (ср. с абхазским «акыта»), «квей» и арабское «джамаат». Наиболее древним названием было, очевидно, «кыт». Таким же термином обозначался у абазин и аул. У многих народов Кавказа название сельской общины идентично названию аула. Так, абхазское «акыта», адыгское «куадж», осетинское «кау», карачаевское и азербайджанское «эль»² и т. д. — это и названия селения и территориальной общины. Низшей самостоятельной социальной единицей сельской общины была семья, формы которой изменялись с развитием общества, ибо «семья, — как указывал К. Маркс, — представляет собой продукт общественной системы»³.

Что же представляла собой семья абазин (*тгIачва*) в исследуемый период? Основной формой семьи в абазинской сельской общине во второй половине XIX в. стала малая индивидуальная семья, хотя большая семья продолжала существовать, причем сохранность ее у разных народов Северного Кавказа зависела от конкретных условий социально-экономического развития. В статье главное внимание уделяется характеристике большой семьи у абазин.

Абазинская большая семья называлась *тгIачва-ду* (букв. «большая семья»), у горных абазин-шкаровцев — *тахчваду*⁴. Существовали и дру-

¹ По данным переписи 1971 г., абазин насчитывается 22,9 тыс. чел. («Ставропольская правда», 23 мая 1971 г.). В середине XIX в. абазин было свыше 60 тыс. чел., но во время махаджирского движения в 1850—1880 гг. более 35 тыс. абазин (по официальным сведениям) переселилось в Турцию. В пределах СССР основная часть абазин живет в Карачаево-Черкесской автономной области.

² Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы; Сухуми, 1965, стр. 395; В. К. Гарданов, Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.), М., 1967, стр. 285; З. Н. Ванеев, Из истории родового быта Юго-Осетии, Тбилиси, 1955, стр. 97; В. П. Невская, Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в., Черкесск, 1960, стр. 137.

³ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, стр. 37.

⁴ Абазины делились на две группы — *тапанта* (*тIанIанта*) и *шкарау* (*шхъарау*), каждая из которых состояла из шести более мелких подразделений. В XIX в. эти подразделения были уже не родовыми, а локальными группами абазин. К тапантинцам принадлежали: *лоовцы* (*лзу*); *бибердовцы* (*бибард*), *дударуковцы* (*дударыкъва*), *джантемировцы* (*джэнтмыр*), *кычевцы* (*кълыч*), *кычевцы* (*къыч*); к шкаровцам — *башилбаевцы* (*бысылбай*, *мысылбай*), *тамовцы* (*там*), *баговцы* (*багъ*), *баракаевцы* (*баракъай*), *кизилбековцы* (*къзылбэк*), *шахгиреевцы* (*чэгъарэй*).

гие названия для большой семьи абазин: *унагIважв* (букв. «старая семья», ср. с адыгским *унэгъожь* — «старая семья») ⁵, *чуанк йацтачаз* — «евшие из одного котла».

У абазин число больших семей во второй половине XIX в. было еще значительным. В Центральном государственном военно-историческом архиве Москвы сохранились списки жителей некоторых абазинских аулов. Вот что дал анализ посемейных списков одного из аулов князей Лоовых, составленный в 1865 г. ⁶ В списке перечислена 91 семья-домохозяйство. Каждая из них включала семью владельца (представителя свободного сословия) и семейства крепостных крестьян — *лыгов* (если они имелись у данного владельца). Всего в этом списке насчитывалось 534 мужчины и 498 женщин (вместе с крепостными), т. е. 1032 человека. Из них представители зависимых сословий — *унавы* и *лыг* — составляли 333 чел., т. е. приблизительно $\frac{1}{3}$ населения аула. Нас интересуют семьи лиц свободных сословий (аха, агмиста, анхаю и азатов), так как только они считались полноправными членами сельских общин.

Приблизительно $\frac{1}{3}$ семей лиц свободных сословий (29 из 91) были большими семьями. Они состояли главным образом из родителей и их женатых сыновей («отцовская большая семья»), либо из нескольких женатых братьев («братская большая семья»).

Как видим, процент больших семей довольно большой, но они были немногочисленны, в среднем от 7 до 20 человек. Например, семья Кочана Кбпсергенова состояла из трех брачных пар: отца и матери, двух женатых сыновей с детьми, неженатых сыновей, трех незамужних дочерей, вдовы умершего сына с детьми — всего 17 человек ⁷. Семья Хожи Цекова состояла из 12 человек: трех женатых братьев, одного неженатого, их сестер ⁸ и т. д. Таков был обычный состав семьи у абазин в конце XIX в., хотя другие архивные документы и полевые материалы дают нам сведения о существовании в этот период и более многочисленных семей (30—60 человек). Так, в семье башильбаевского старшины Джамбота Етлукова в 50-х годах XIX в. насчитывалось 35 человек: вместе жили 8 брачных пар ⁹; в семье башильбаевца Идриса Ганифанова — 32 человека (6 брачных пар) ¹⁰. Семья Тлисовых состояла из 49 человек, семья Апсовых — из 60 человек ¹¹ и т. д.

Но, очевидно, к концу XIX в. таких многочисленных семей оставалось уже немного. Уменьшение количественного состава большой семьи служит одним из показателей изменений, происходивших в семейной общине, одним из свидетельств ее распада. Однако процесс этот продолжался в течение длительного периода, и большая семья даже на последнем этапе своего существования устойчиво сохранялась в абазинском обществе.

При исследовании вопроса о причинах, способствовавших длительному сохранению больших семей, следует учитывать характер традиционного хозяйственного уклада. При комплексном хозяйстве (а для абазин характерно было сочетание отгонного скотоводства и земледелия), когда требовалось значительное число работников для перегона скота с одних пастбищ на другие, дальние, а также для проведения земледельческих работ, существование многочисленной семьи было экономически выгодно.

⁵ М. А. Меретуков, Семейная община у адыгов, «Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского ин-та», Майкоп, 1970, вып. XI, стр. 252.

⁶ «Центр. гос. военно-ист. архив» (далее ЦГВИА), ф. 14257, оп. 3, д. 505, лл. 10—26.

⁷ Там же, л. 25.

⁸ Там же, л. 10—26.

⁹ Там же, д. 486, л. 145, 148 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Полевые материалы Северо-Кавказской этнографической экспедиции МГУ (далее СКЭЭ МГУ), 1970—1971 гг., тетр. 10, стр. 17.

В ряде исследований отмечалось, что большая семья сохранялась наиболее устойчиво именно у тех народов, для которых была характерна отгонная система скотоводства. Так, например, Ю. И. Мкртумян на армянских материалах показал, «что в тех районах, где практиковалась отгонная система содержания скота, создавались реальные предпосылки для сохранения больших семей»¹².

В абазинской семье существовала строгая иерархия: все члены семьи подчинялись ее главе (отцу или старшему брату), младшие — старшим, женщины — мужчинам.

Отец (*аба*), а после его смерти старший брат (*ацца-ду*) руководили большой семьей. Они обладали большой властью и правами по отношению к остальным членам семьи. «Власть родительская, — отмечал Ф. Торнау, побывавший в ряде абхазских и абазинских аулов, — неограниченна. Отец не отвечает ни перед кем за жизнь своего ребенка»¹³.

Глава семьи распределял работу между членами семьи, проверял ее исполнение, совершал закупки для семьи, заключал договоры и пр. В семье соблюдалось строгое половозрастное разделение труда. Домашней работой занимались только женщины, а скотоводческим хозяйством и земледельческими работами — мужчины. Например, Хамид Кужев из аула Старо-Кувинский рассказывал: «Нас у отца было 5 сыновей. Жили в одном доме. Один пас овец, другой — коров, трое в поле работали. Два моих брата только в поле работали, а я 23 года пас овец»¹⁴.

Среди женщин старшей в доме всегда была свекровь. Ее называли *акважва* (букв. «госпожа»). А после ее смерти эта роль возлагалась на жену старшего брата *атацца-ду* (старшая невестка), даже если по возрасту она была моложе остальных невесток.

Глава семьи представлял свою семью в семейно-родственном коллективе — *тухуме* и в общине — *кыт*. Он участвовал в общесельских и тухумных сходах, имел право выбирать аульную администрацию, защищал интересы своей семьи. И часто не только экономическое положение семьи или ее многочисленность, но и личные качества главы семьи определяли отношение общества к данной семье и взаимоотношения ее с другими семьями.

Коллективная собственность, совместное производство и потребление — это три неотъемлемые черты большой абазинской семьи. «Общее согласие укрепляет дом (быт, семью), общее питание вкусное», — говорится в одной из абазинских пословиц.

Многолюдная большая семья жила в разных домах, но в одном дворе. Две-три брачные пары занимали обычно один дом, он назывался *атыдзы-ду* (большой дом)¹⁵, где за каждой парой закреплялась отдельная комната — *мхлара* (комната молодоженов).

Большая семья считалась коллективным собственником всего семейного имущества. Крепостные крестьяне (*лыги*) и рабы (*унав*) до отмены крепостного права, скот, постройки, орудия труда, различная утварь — все это считалось собственностью целой семьи. Имущество (скот, деньги, вещи), заработанное на стороне (при отходах на заработки, в основном сезонные, которые в пореформенное время практиковались все шире, или заработки ремесленников), также становилось семейной собственностью.

Преимущественным правом распоряжения семейной собственностью пользовался глава семьи — отец. В его власти было продать или купить, подарить или отдать в долг что-либо из семейной собственности, лишить наследства детей. В 1867 г. жители Дударуковского аула жаловались

¹² Ю. И. Мкртумян, Скотоводство и быт населения в армянской деревне в XIX веке, «Сов. этнография», 1968, № 4, стр. 27.

¹³ Ф. Торнау, Воспоминания кавказского офицера, «Русский вестник», 1864, № 9, стр. 59.

¹⁴ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 9, стр. 32.

¹⁵ В настоящее время термином *атыдзы-ду* у абазин называется зимний дом.

начальнику Кубанской области на то, что дети штабс-капитана Дударукова «занимаются распахкой земли и сенокосением на земле Дударуковского аула и проживают в самом ауле», хотя их отец имел 1000 десятин земли, пожалованной ему царским правительством в вечное пользование. Асламбек Дударуков, узнав об этом, сообщил, что детей к себе не возьмет, так как они в свое время выжили у него из повиновения и «делали ему дерзости», за что он лишил их наследства¹⁶.

В братских неразделенных семьях воля и власть старшего брата, главы семьи, не были столь неограниченными, как власть отца в отцовской большой семье. Интересен для исследования отношений внутри братской неразделенной семьи документ, в котором зафиксированы взаимоотношения двух братьев Саралыпа и Эдыка Лоовых, совладельцев общего имущества, доставшегося им после смерти отца¹⁷. Им принадлежали крепостные крестьяне и рабы — всего 74 души, 1500 баранов и 300 коз, хозяйственные и надворные постройки и различные вещи¹⁸.

Саралып и Эдык Лоовы добровольно согласились на общее владение имуществом «при всем народе Лоова аула, в присутствии почетных стариков и князей фамилии Лоовых с их эфендием». Судя по этому документу братья жили в разных домах, но должны были «сидеть вместе, в одной кунацкой, как братья. Есть и пить вместе. Также их жены должны быть вместе как родные сестры»¹⁹.

Ни один из братьев не имел права распоряжаться единолично имуществом без совета другого, не мог отпустить на волю крестьянина без общего согласия; все товары, покупавшиеся для семейства, «должна разделить на две равные части жена старшего брата, а меньшего выберет, какую захочет из двух частей»²⁰. Все, что купил, нашел или приобрел и принес в дом один брат, становилось собственностью и другого брата. «Если кто из них найдет где-нибудь какую-либо вещь,—говорилось в «Договоре»,—он может подарить оное, пока он в дороге. Когда же придет домой, не смеет дарить без совета брата».

Таким образом, оба брата-сонаследники имели формально одинаковые права не только на ту часть имущества, которая была унаследована ими от отца, но и на то движимое или недвижимое имущество, которое было приобретено одним из них.

На деле старший брат в силу своего старшинства часто без совета и без уведомления младшего брата совершал различные сделки. Так, Саралып без ведома Эдыка отпустил на волю за выкуп целое семейство крепостных крестьян, купил у узденя Шолоха Трамова лошадей, отдав за две лошади 100 баранов, и т. д.²¹

Уже в договоре указывалось: «Все имеющееся у них из вещей должно храниться в доме старшего брата»²², что ставило братьев в неравное положение по отношению к их общему имуществу.

Естественно, что младшие братья стремились выделиться и вести самостоятельное хозяйство; старшие же, напротив, всеми силами старались сохранить семью нераздельной.

Приведенные выше материалы характеризуют взаимоотношения между братьями в семье высшего сословия — *аха*. К сожалению, у нас нет столь же подробных сведений о взаимоотношениях внутри неразделенных семей свободных крестьян — *анхаю*. Однако несомненно, что и в семьях *анхаю* и *азатов* (вольноотпущенников) наблюдалась подобная же тенденция к выделу младших братьев из состава больших братских

¹⁶ Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК), ф. 774, оп. 1, д. 324, л. 1—2.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 3, д. 284. Это дело относится к 40-м годам XIX в.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 3, д. 284, л. 242.

¹⁹ Там же, л. 252—252 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 244—244 об.

²² Там же, л. 252—252 об.

семей. И если в знатных фамилиях устойчивое бытование большой семьи объяснялось желанием сохранить в целостности ее имущество, то в бедных семьях разделу препятствовали, чтобы не распылять рабочую силу. Это особенно важно было в условиях комплексного хозяйства — отгонного скотоводства и пашенного земледелия.

Во второй половине XIX в. раздел больших семей стал обычным явлением, причем, как правило, братские неразделенные семьи были менее устойчивы и распадались быстрее. В. П. Невская, исследовавшая карачаевскую семейную общину, также отмечает, что «случаи раздела семей чаще всего происходили после смерти отца»²³. В этом случае имущество между братьями делилось поровну, а дом обычно доставался старшему брату. Так же было и у адыгов, осетин²⁴ и других народов Северного Кавказа. Например, при разделе семьи Батирбиевых в ауле Кувинский в 1897 г. дом остался старшему брату Тлоху, однако он помогал остальным братьям построить дома. Весь скот поделили поровну, но младшие братья из своей доли дали старшему по нескольку овец в знак уважения²⁵.

Раздел братской большой семьи (сразу после смерти отца либо спустя некоторое время) — это один из обычных путей дробления больших семей. Другой путь — это отделение старшего сына после женитьбы. Отец выделял ему скот, землю, помогал построить дом. Для разделившихся семей существовали особые термины, например *унагIвашIцы* («недавно выделившееся хозяйство»), *кIвыдазлара* («жить отдельно»).

Во второй половине XIX в. с увеличением частнособственнических тенденций, вызванных социально-экономическим развитием этого края, большие семьи начали распадаться более быстрыми темпами и малая семья стала господствующей формой семьи в сельской общине. Процесс распада больших семей ускорился благодаря разделу земли по дымам (домохозяйствам), осуществленному в 1860—1870-х годах и практиковавшемуся в некоторых аулах (например, в Кумско-Абазинском) особенно долго.

Семья была основной производственно-экономической ячейкой сельской общины. Совместный труд в рамках большой семьи был значительно эффективнее, чем в малой. Количество рабочих рук в семье уменьшилось, а комплексный хозяйственный уклад, оставаясь прежним, требовал усилий многих людей. То, что раньше было по силам одной многочисленной семье, оказывалось непосильным для малой семьи. Поэтому на первых порах теснейшие связи между отдельными небогатыми семьями в области хозяйственной жизни сохранялись и принимали формы объединений по совместному выпасу скота, обработке земли и пр. Например, Темиров Яхья (аул Абазакт) для выпаса овец объединялся со своими четырьмя братьями, хотя после смерти отца братья жили раздельно; семь братьев Баловых (аул Псаучье-Дахе) также объединялись для выпаса скота; Нипа Абдурахман (аул Старо-Кувинский) предпочитал выпасать скот совместно со своими братьями, жившими отдельно²⁶, и т. д. С дроблением больших семей удельный вес производственных объединений в сельской общине возрос.

Однако тесные связи между родственными семьями сохранялись не только в области организаций трудовой деятельности, гораздо прочнее они оказались в других областях — бытовой и идеологической. Широкие

²³ В. П. Невская, Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX веке, «Из истории Карачаево-Черкессии, Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института», вып. 6, Ставрополь, 1971, стр. 202.

²⁴ З. Д. Гаглюева, Семейная община у осетин, «Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института», Цхинвали, 1969, стр. 113.

²⁵ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 9, стр. 33.

²⁶ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 3, стр. 49, 55; тетр. 9, стр. 24.

родственно-семейные коллективы — патронимии еще и во второй половине XIX в. играли определенную роль в сельской общине абазин.

Патронимическая организация у различных народов Северного Кавказа изучена неодинаково. У отдельных народов, например осетин, карачаевцев, абхазов²⁷ и др., патронимия изучена лучше, в то время как, например, у ногайцев, абазин исследование патронимических отношений почти не проводилось.

Л. И. Лавров отмечал только, что у абазин сохранялось деление на патронимии и большие семьи²⁸.

Абазинская патронимия в XIX в. чаще всего обозначалась заимствованным иранским словом *тухум* (*ткъвым*), что значит «семья». Но у абазин существовали и свои названия для семейно-родственной группы. Наряду с термином *ткъвым* употреблялся, правда гораздо реже, термин *ажвла*, *жвла* (семья). Еще реже применялся термин *абанпара* (ср. с абхазским *абипара* — «сыновство по отцу»). При определении близкого родства корень *абанпара* входит составной частью в слово, обозначающее поколение. Например, *гIванабанпара* — второе поколение; *хынабанпара* — третье поколение; *пщынабанпара* — четвертое поколение; *хвынабанпара* — пятое поколение; *цынабанпара* — шестое поколение; *бжьынабанпара* — седьмое поколение²⁹. Очевидно, термин *абанпара* — наиболее древнее абазинское обозначение семейно-родственной группы. Об этом свидетельствует и его близость к абхазскому *абипара*. Но, повторяем, в XIX в. для обозначения семейно-родственного коллектива у абазин широко применялось иранское название *тухум*.

До 1860 гг., т. е. до переселения горных абазин в предгорные районы, у абазин существовали две формы патронимии: рассеянная патронимия и патронимические общины. Обе формы были выделены З. Н. Ванеевым при изучении осетинской патронимической организации *фыдыфырт* (отца сын)³⁰. Рассеянная патронимия была характерна для горных абазин — абазин-шкаровцев. Например, в донесениях царских офицеров в период Кавказских войн часто упоминаются «хутора» в землях кизилбековцев и башилбаевцев, расположенные поблизости один от другого³¹. Очевидно, каждый такой «хутор» представлял собой патронимическое небольшое поселение. Полевые материалы подтверждают, что в прежнее время существовали аулы, населенные лишь родственными семьями-однородными. Так, в середине XIX в. недалеко от Кумско-Абазинского аула находилось поселение Чамбовых. Муса Тлисов из аула Апсуа сообщил, что когда-то все Тлисовы занимали один аул — Цишба³².

В сельской общине, состоявшей из патронимий, которые жили отдельными поселками, семейно-родственные группы были относительно самостоятельными и обособлены. В такой общине родственные связи на первых порах преобладали над неродственными, территориальными.

Вследствие переселения абазин в предгорные районы и укрупнения аулов во второй половине XIX в. рассеянный тип патронимии исчез. Основной формой сельской общины стала патронимическая община, семейно-родственная группа которой занимала в ауле отдельный квартал. Кровнородственные связи в патронимической общине разрушались быстрее, чем в патронимических поселках-хуторах.

Итак, сельская община *абазин-кыт* во второй половине XIX в. состояла из ряда семейно-родственных групп — *тухумов*, живших в пределах

²⁷ З. Н. Ванеев, Указ. раб.; В. П. Невская, Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX в.; Ш. Д. Инал-Ипа, Очерки по истории брака и семьи у абхазов, Сухуми, 1954.

²⁸ Л. И. Лавров, Абазинцы, «Кавказский этнографический сборник», т. I, 1955, стр. 7.

²⁹ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 9, 10.

³⁰ З. Н. Ванеев, Указ. раб., стр. 46—47.

³¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6652, л. 4, 7 и другие документы.

³² Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 10, стр. 13 об.

одного аула. У абазинская сельская община (*акыга*) также состояла из ряда патронимий (*абипара*); карачаевская община (*эль*) распадалась на *атаулы* (букв. «от отца»)³³ и т. д.

Были ли абазинский *тухум* самостоятельной производственно-экономической ячейкой сельской общины наряду с семьей? Если говорить о второй половине XIX в., то на этот вопрос следует ответить отрицательно. Как правило, семья, а не семейно-родственная группа была собственником основных средств производства, имущества; она была также основной хозяйственной ячейкой общества. Можно лишь говорить о сохранявшихся патронимических связях, оказывавших влияние на структуру и разные стороны жизни сельской общины. Правда, отдельные семьи, составлявшие *тухум*, сохраняли некоторое хозяйственное единство. Это хорошо видно при исследовании земельных отношений в абазинской сельской общине и особенно в период, предшествовавший реформе³⁴. В абазинской сельской общине накануне земельных преобразований 1860—1870-х годов можно отметить различные формы земельных отношений: наряду с сохранявшимся общинным землевладением на необрабатываемые угодья существовали различные формы присвоения обрабатываемых земель — земельная собственность, земельное владение и земельное пользование. Причем все эти формы присвоения обрабатываемых земель были характерны не для отдельного частного лица, а для группы родственных семей-*тухума* либо для отдельной семьи (большой или малой). Например, семейно-родственная группа Кужевых из аула Псыж совместно владела сенокосным участком; он назывался «балка Кужевых». Строгого распределения участков среди семей Кужевых не было: каждая из них косила столько, сколько ей было необходимо. Балкой «Дулак-икор» недалеко от Кумско-Абазинского аула владел *тухум* Пшуновых; около ст. Бекешевской есть балка Джандубаевых — «Джаныт-байкор» — бывшее владение фамилии Джандубаевых³⁵ и т. д.

В то же время во второй половине XIX в. основной землевладельческой единицей была уже отдельная семья, а не *тухум*. Однако в сознании абазин сохранялись представления о кровнородственных связях, пусть даже фактически почти угасших. Недаром после земельных преобразований 60—70-х годов, проведенных царским правительством, и введения переделов общинной земли (пахотной и сенокосной) сохранялось стремление однофамильцев иметь участки рядом, и если при жеребьевке это не всегда удавалось, то разрешался обмен участками³⁶.

С проникновением в абазинский аул капиталистических отношений и с разрушением натурального хозяйства экономические связи между отдельными семьями *тухума* все более ослабевали.

Итак, абазинский *тухум* во второй половине XIX в. не был самостоятельной производственно-экономической единицей сельской общины. Как же и в чем сохранялись и проявлялись особенно ярко *тухумные* связи в абазинской общине?

Прежде всего они проявлялись при расселении: осознание единства происхождения заставляло однофамильцев селиться рядом, в одном ауле, в одном квартале. Квартал, заселенный однофамильцами, назывался у абазин *кIядыгв* или *хабль*³⁷. В исследуемое время более распро-

³³ Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 404; В. П. Невская, Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX в., стр. 211.

³⁴ Подробнее о земельных отношениях в абазинской сельской общине см.: Е. Н. Данилова, Земельные отношения в абазинской сельской общине в предреформенный период, «Вестник Московского государственного университета» (история), 1973, 3.

³⁵ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 10, стр. 12—13; тетр. 4, стр. 26.

³⁶ Там же, тетр. 4, стр. 26, 33, 36 и сл.

³⁷ У адыгов термином *хабль*, так же как и у абазин, обозначался патронимический квартал, а в древние времена — патронимическое поселение (см.: В. К. Гарданов,

страненным был термин *хабль*. Внутри патронимического квартала все дворы были соединены между собой. В изгородях имелись особые лазы, и можно было свободно переходить из одного двора в другой, не выходя за пределы тухумного квартала. Точно такие же лазы существовали в черкесских и абхазских селениях³⁸. Расселение внутри аула родственными кварталами — наиболее устойчивая черта патронимических отношений.

Старейший по возрасту член тухума считался его тамадой, старшим семейно-родственным коллективом — *ахIба*, а его жена была старшей среди женщин. В компетенцию *ахIба*, входило разрешение споров между отдельными семьями тухума или отдельными патронимическими кварталами-*хаблями*; с ним советовались по бытовым вопросам, например где построить дом, когда устроить свадьбу и пр. Старший должен был организовать помощь бедным родственникам. Он был как бы хранителем тухумных традиций. И сейчас в абазинских аулах сохраняется обычай в важных вопросах советоваться с самым старшим мужчиной или с самой старшей женщиной фамилии. Но никакими особыми правами среди членов семейно-родственного коллектива старейший не обладал.

Наличие общесемейного знака собственности — тамги (*дамыгъа*) также является одной из черт патронимических связей и свидетельством более тесных хозяйственных контактов в патронимии в прошлом. Во второй половине XIX в. фамилия, как правило, имела единую тамгу, но отдельные семьи договаривались между собой, как каждая из них будет клеймить свой скот (скажем, одна семья ставила клеймо на правую ляжку лошади, крупного рогатого скота, другая — на левую и т. д.). Однако в то же время существовали уже и семейные тамги. Они представляли собой обычно разновидность общетухумной тамги или начальную букву родоначальника семьи. Некоторые абазинские фамилии, например Хатковы, Айсановы, Молхозовы, Шановы и др., имели несколько разновидностей своей семейной тамги. Тамга хранилась обыкновенно в семье старшего представителя семейно-родственной группы и считалась семейной реликвией. Ш. Д. Инал-Ипа упоминает об абазине Р. Х. Хутове, переселившемся в Абхазию из аула Краснодарский. В числе других вещей он привез с собой свою тамгу. По словам Хутова, «неизвестно, кто и когда заимел ее в роду, но как родовая реликвия она уже давно переходит из поколения в поколение. Ею метили свой скот только члены данной родственной группы и за целое состояние не уступили бы никому другому»³⁹.

Знак собственности ставился на различные предметы — посуду, прилодку дома. Семейная тамга наносилась и на надмогильные камни при захоронении кого-либо из членов тухума.

Каждая семейно-родственная группа имела свой участок на кладбище, где хоронились представители только данного тухума. Во время похорон кого-либо из членов тухума единство и тесная связь родственных семей проявлялись особенно ярко. На похороны непременно собирались все родственники, они оказывали материальную и моральную поддержку семье, которую постигло горе. На несколько дней родственники и соседи освобождали членов этой семьи от различных домашних и хозяйственных забот — ухаживали за скотом, готовили пищу и т. д.

Одна из наиболее устойчивых черт патронимической организации — ее экзогамия. Однофамильцы ни в коем случае не могли вступить в брак.

Патронимические отношения проявлялись и в существовании единых

Общественный строй адыгских народов, стр. 282). У абхазов словом *ахабла* обозначали территорию, занимаемую братством — *аешыара* (см.: Ш. Д. Инал-Ипа, Очерки по истории брака и семьи у абхазов, стр. 186). Этимология слова *хабль* до сих пор окончательно не выяснена.

³⁸ И. Аджинджал, Жилища абхазов, Сухуми, 1957, стр. 13.

³⁹ Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 223.

запретов у многих патронимических групп. Так, семейно-родственная группа у абазин имела единый запретный день — *мышражв*. В этот день нельзя было выполнять определенные виды работ. Происхождение запретных дней, как установила Л. Х. Акаба по абхазским материалам⁴⁰, в большинстве случаев связано с культом молнии. Например, в тухуме Кунижевых (аул Псыж) запретным днем для всех семей был вторник. По тухумным преданиям, именно в этот день во время грозы погибли от шаровой молнии двое детей одной из семей Кунижевых. И с тех пор вторник стал запретным днем для всех Кунижевых этого аула⁴¹. Некоторые тухумы имели по несколько запретных дней.

Бедным семьям тухума оказывалась материальная помощь в разных случаях жизни. Например, если у кого-нибудь из членов тухума не хватало на калым, то двое старейших членов этого тухума собирали недостающую часть со всех членов родственной группы. Так, Закария Айсанов заплатил за свою жену калым в 12 коров, которых ему помогли приобрести его родственники⁴². При уплате «цены крови», когда существовала кровная месть (*щахахра*), участвовали все однофамильцы; мстить за убитого должен был весь тухум.

В абазинской сельской общине широко практиковалась также взаимопомощь. Этот обычай называется *члхлхв* (букв. «делать в долг»). Обычай приглашать на *члхлхв* был широко распространен при самых разных видах работы, и отказ от приглашения считался оскорблением. Во второй половине XIX в. *члхлхв* превратился преимущественно в соседскую взаимопомощь. Однако сохранился целый ряд обычаев, которые свидетельствуют о том, что некогда *члхлхв* был одним из видов родственной взаимопомощи.

Необходимо подчеркнуть, что во второй половине XIX в. все большее значение в общине приобретали соседские отношения. Так, в различного рода празднествах — свадьбе, праздниках, связанных с рождением ребенка, — принимали участие уже не только родственники, но и соседи.

Возрастающая роль соседских отношений нашла отражение и в абазинском фольклоре. Абазинские пословицы: «Лучше по одному родственнику иметь в каждом ауле, чем аул, полный родными» или «Твой сосед и твое сердце (оба одинаковы)»⁴³ и др. — косвенное свидетельство этого процесса.

Таким образом, патронимические отношения в сельской общине абазин во второй половине XIX в. еще сохранялись. Но патронимия как определенная форма общественной организации к этому времени утратила свою самостоятельность, сохраняя лишь отдельные черты хозяйственной, общественной и идеологической общности. Условно патронимию второй половины XIX в. можно назвать бытовой формой социальной организации.

В абазинской сельской общине второй половины XIX в. кровнородственные связи интенсивно угасали, заменяясь связями другого типа — соседскими. Этот процесс был обусловлен не только социально-экономическим развитием абазин в XIX в., но и целым рядом чисто внешних причин: переселением большей части абазинского народа в Турцию, выселением из горных районов в плоскостные, расселением абазинских семей по разным аулам, укрупнением сельских общин.

⁴⁰ Л. Х. Акаба, О некоторых религиозных пережитках у абхазов, «Современное абхазское село», Тбилиси, 1967, стр. 34.

⁴¹ Полевые материалы СКЭЭ, МГУ, 1970—1971 гг., тетр. 10, стр. 44.

⁴² Там же, тетр. 5, стр. 20.

⁴³ Т. Табулов, Абазинские пословицы, «Труды Карачаево-Черкесского НИИ», вып. 2, Ставрополь, 1954, стр. 312, 318.

З. А. Широкова

ТУНИКООБРАЗНЫЕ ПЛАТЬЯ ТАДЖИКОВ ГОРНОГО ТАДЖИКИСТАНА

Материал для данной статьи собирался нами в Дарвазе (горная местность по правому берегу р. Пяндж в принимаемых условно границах между устьями рек Ванча на востоке и Оби-ниоу на западе), в Вахио (долина р. Хингоу), в Каратегине (горная местность по долине р. Сурхоб и ее притокам), в Кулябской группе кишлаков (долины рек Оби-ниоу, Ях-су, Кизыл-су), а также в кишлаках по среднему течению Вахша (Туткаул, Нурек) в Гиссарской долине (долина реки Варзоб и кишлак Каратаг) и в бассейне верхнего Зеравшана до г. Пенджикента включительно. При написании статьи были использованы полевые материалы, собранные в 1952—1968 гг., и музейные коллекции.

Обследованные районы в основном заселяют таджики¹. Территория современного горного Таджикистана в прошлом делилась на две культурные области: Согд — на севере, в бассейне Зеравшана, Тохаристан — на юге, в бассейне верхней Амударьи. Пережитки различий в культурных традициях севера и юга прослеживаются и в наши дни².

Мы ставили перед собой скромную задачу — описать выявленные на обследованной территории формы туникообразных платьев и по мере возможности показать их ареалы и последовательность смены одного вида другим.

В конце XIX — начале XX в. на территории горного Таджикистана были распространены туникообразные платья среднеазиатского типа, называвшиеся *курта*. По основным принципам покроя они одинаковы для всего Таджикистана и для народов Средней Азии в целом. Одно полотнище складывается поперек, образуя перед и спину, без шва на плечах; перпендикулярно к нему (без вырезной проймы) пришиваются прямые или суженные к концам рукава. Под мышкой почти всегда вшивается ластовица *кулфак*, чаще в форме небольшого треугольника, реже в форме ромба.

В бока вшиваются боковины — клинья *тирез*, чаще всего имеющие форму вытянутой трапеции с прямым углом, косыми сторонами они пришиваются спереди и сзади к основному полотнищу (рис. 1, 1), а прямые стороны приходятся на бока. При раскрое стараются придерживаться принципа экономии ткани. Прямые рукава кроются из сложенного вдвое поперек полотнища ткани или сшиваются из несколькихточей, если это узкая, кустарная материя. Рукава, суженные к кисти, кроют также из прямоугольного куска материи, сложенного поперек, но его складывают вдвое так, чтобы края ткани сходились посередине (рис. 1, 2, а—б). Затем сложенный материал перегибают по косой линии (рис. 1, 2 в—г) и получают два рукава, с одного конца (у кисти) узкие, а с другого (у основания) широкие.

Боковые клинья также кроют из одного куска материи, сложенного вдвое и разрезанного по косой линии (рис. 1, 3, а—б). Иногда материал

¹ Подробнее см.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 528—530 и карта.

² Там же, стр. 534.

складывают вдвое так же, как и при раскрое сужающихся к кисти рукавов, и тоже разрезают по косой линии. В отличие от рукавов при раскрое клиньев материал всегда складывают вдоль полотнища ткани.

При общем единстве покроя туникообразные женские платья в Таджикистане имели свои локальные отличия.

Платья женщин Дарваза. Самые старые выявленные нами формы платьев туникообразного покроя зарегистрированы в нижних кишлаках Дарваза (Ёгид, Зыгар). Там основное полотнище платья (*кад*) делали узким, шириной в одну тощ кустарной материи,³ т. е. в 28—30 см, — это даже несколько меньше нормальной ширины плеч женщины. При этом делались узкие вверх клинья (10 см), которые сильно расширялись у основания (25—35 см). Это приводило к тому, что платье было облегающим в плечах, прилегающим в талии и расклешенным в подоле (рис. 2, 1; рис. 3). По покрою эти платья приближаются к платьям памирских таджиков; однако они более узкие и короткие (103—110 см длиной), с более короткими рукавами⁴. При появлении фабричных тканей покроем платья и его размеры не изменились, ширина основного полотнища в этом случае составляла половину или даже несколько меньше половины тощи, независимо от узора ткани; остался прежним и размер клиньев. Рукава были очень широкие у основания (30—40 см) и узкие (10—13 см) у кисти. Судя по собранным нами материалам, а также по материалам С. П. Русяйкиной и А. К. Писарчик, раньше рукава были значительно длиннее руки и на расстоянии 20—25 см от конца на них делали поперечные разрезы *чобук*, в которые продевались руки во время домашней работы. С. П. Русяйкина отмечает, что в XIX — на-

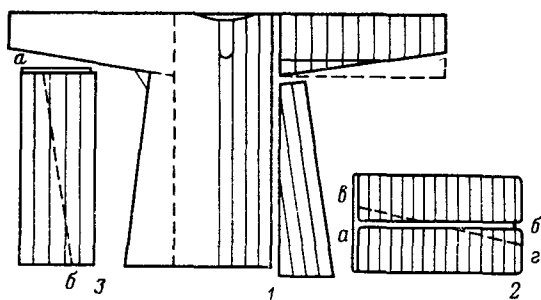

Рис. 1. Покрой туникообразного платья: 1 — общий вид раскроя платья; 2 — раскрой узкого рукава; 3 — раскрой бокового клина платья

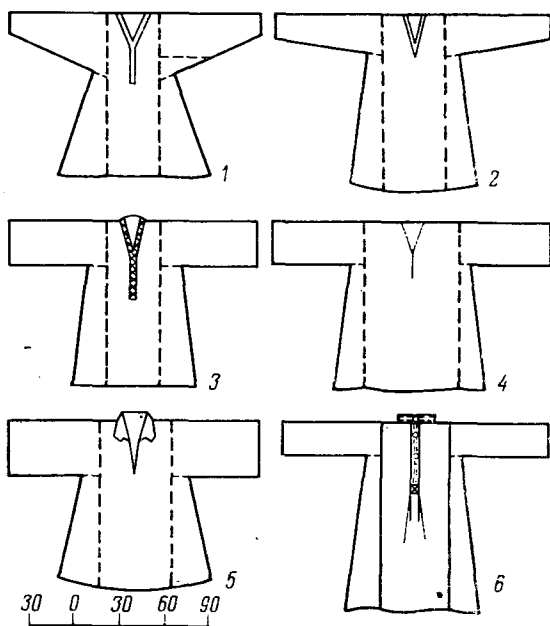

Рис. 2. Виды туникообразных женских платьев: 1 — платье из нижних кишлаков Дарваза (Ёгид, Зыгар); 2 — старинное платье из центральных кишлаков Дарваза (Калаи-Хумб, Умарак); 3 — современное платье из центральных кишлаков Дарваза; 4 — платье из Куляба; 5 — платье из Кара-тегина; 6 — платье из Зеравшана

³ Самая широкая кустарная ткань, встреченная нами, имела ширину 35 см.

⁴ Сообщение Л. Бахтоваршоевой. Для примера приведем данные об измеренном нами платье из Шугнана; оно имело длину 120 см, ширину основного полотнища — 44 см.

чале XX в. бытовали праздничные женские рубахи, на узких рукавах которых на уровне кисти или чуть выше имелись дополнительные поперечные разрезы чобук, украшенные вышивкой⁵, и приводит рисунок одной такой вышивки из фондов МАЭ (№ 954—17), которая обычно уже в готовом виде нашивалась поверх разреза. Позднее в платьях разрезов на рукавах уже не делали, однако вышивка сохранялась, причем на ней разрезы стали изображаться в виде двух окруженных мелким орнаментом параллельных черных полос, сохранивших название «чобук».

Мы зафиксировали длину рукавов примерно 65 см, т. е. до середины ладони.

Женские платья в центральных кишлаках Дарваза (Калаи-Хумб, Умарак) были более широкими, чем в нижних кишлаках, поэтому когда шили из кустарной материи, то сшивали полторы точки: получалось полотнище в 40—43 см. Такой же ширины (иногда несколько уже) его делали и из фабричных тканей. Рукава были не так резко сужены. Если в нижних кишлаках ширина рукавов у кисти составляла примерно 1/3 ширины их основания, то здесь это соотношение приближалось к 1/2. В платьях более позднего времени появились и совершенно прямые рукава — 30 см шириной. Боковые клинья платьев тоже расширялись меньше, чем в нижних кишлаках — 10-13 см вверху и 20-25 см внизу (рис. 2, 2-3; рис. 4).

В верхних кишлаках Дарваза (кишлак Пшихарв) пожилые женщины наряду с широкими платьями носили и более узкие. По сообщению самых старых информаторов, прямые широкие рукава заимствованы из Калаи-Хумба, в старину и здесь носили платья из домотканной хлопчатобумажной ткани полотняного переплетения — *карбос*, с суженными на конце рукавами.

По сведениям, собранным С. П. Русайкиной, до присоединения Дарваза к Бухаре (1877 г.) таджички Дарваза носили рубахи широкие в плече и сильно суженные в талии, с длинными, резко суживающимися книзу рукавами, так что кисть руки едва проходила, т. е. платья того покроя, который мы застали только в нижних кишлаках Дарваза⁶.

Таким образом, можно сказать, что до присоединения к Бухаре по всему Дарвазу бытовали узкие в талии платья с узкими на конце рукавами⁷. Только с появлением в Калаи-Хумбе бухарского бека и его «двора» был заимствован и новый покрой женских платьев — широкий, с широкими и длинными рукавами; поэтому в самом Калаи-Хумбе изменение

⁵ С. П. Русайкина, Народная одежда таджиков Гармской области, «Среднеазиатский этнографический сборник», т. II. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 47, 1959, стр. 186 и рис. 16; ср. памирское *куроб*, см.: Н. Н. Ершов, З. А. Широкова, Альбом одежды таджиков, Душанбе, 1969, табл. 35 и 41 и объяснения к таблицам. Интересно, что такие же разрезы в старину встречались и на рукавах женских рубах-долгорукавок у русских (см.: Н. П. Гринкова, Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике, «Сов. этнография», 1935, № 1, стр. 75), а также у татар; (см.: Н. П. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1953, стр. 242). Аналогичные разрезы отмечены и на рукавах верхней одежды. Встречаются они и на женских халатах памирских таджиков. См. главу, написанную А. К. Писарчик, в кн.: М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. II, Сталинабад, 1958, стр. 410; Н. Н. Ершов, З. А. Широкова, Указ. раб., табл. 34 и 45. Продольные прорезы делали на рукавах старинных мужских халатов казахов. В прорезы продевали руку, когда надо было ее освободить, так как концы рукавов были узкие и их трудно было засучить. См.: И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Казахская национальная одежда. XIX—начало XX в., Алма-Ата, 1941, стр. 47.

⁶ С. П. Русайкина, Национальная одежда и орнамент таджиков Гармской области, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1949, VI, стр. 32; ее же. Народная одежда таджиков Гармской области, стр. 187.

⁷ Платья с узкими внизу рукавами бытовали не только в горных районах, но и на равнине. По сообщению А. К. Писарчик, в Нурате в первой половине XIX в. концы рукавов женских платьев были такими узкими, что через них с трудом проходила рука. Материалы, любезно сообщенные нам Е. М. Пешеревой, свидетельствуют о том, что в Бухаре в старину рукава тоже были узкие у кисти, а бытовавшие там в первой четверти XX в. широкие рукава — явление вторичное.

фасона женских платьев произошло значительно раньше, чем в прочих кишлаках Дарваза.

Платья женщин Куляба. Покрой женских платьев в Кулябе в конце XIX — начале XX в. уже находился под значительным влиянием бухарской моды⁸. После присоединения Куляба к Бухарскому ханству (1870 г.) и появления там бухарских чиновников местные женщины восприняли этот покрой от бухарских женщин как более модный. В Кулябе основное полотнище состояло из двух точек кустарных тканей, что составляло примерно 60 см или даже несколько больше, т. е. оно значительно превышало ширину плеч женщины. Длина рукавов равнялась ширине стана и выкраивалась из двух точек кустарных тканей (положенных поперек). В большинстве измеренных нами платьев рукава были сравнительно широкими (25—30 см). При этом разница между шириной рукавов у стана и у кисти составляла всего 1—2 см (рис. 2, 4; рис. 5). Однако есть основания считать этот фасон более поздним. Встречаются платья, датированные концом прошлого века, где разница была больше, — 5 см⁹.

В 1925 г. М. С. Андреевым в долине р. Яхсу (кишлак Питауди) наряду с платьями, имеющими широкие прямые рукава — 25—30 см, было приобретено одно платье из карбоса с рукавами, широкими (38 см) у стана и скошенными к кисти (26 см)¹⁰, а в кишлаке Сибкопа были куплены концы рукавов, на которых, как и на дарвазских вышивках, нашиваемых на рукава, были вышиты две черные полосы, имитирующие разрезы. Однако очень узкие рукава (шириной менее 15 см), какие встречались в Дарвазе, в Кулябе зафиксированы не были.

В нарядных кулябских платьях конца XIX — первой половины XX в. наблюдается еще большее увеличение ширины основного полотнища и длины рукавов, т. е. еще большее приближение к бухарской моде.

⁸ Ш. Юсупов, Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX века, Душанбе, 1964, стр. 32.

⁹ Фонды Ин-та истории АН ТаджССР, КП 9—86.

¹⁰ Музей искусств в Ташкенте, № 14—164.

Рис. 3. Женский костюм из нижних кишлаков Дарваза

Рис. 4. Костюм женщины из центральных кишлаков Дарваза

Рис. 5. Костюм женщины из Куляба

Рис. 6. Костюм женщины из Каратегина

Боковые клинья в большинстве измеренных нами платьев расширялись книзу примерно в два раза (10—12 см вверху и 18—27 см внизу), и лишь в одном платье ширина боковых клиньев вверху и внизу была почти одинаковой — 13 и 13,5 см¹¹.

Платья женщин Каратегина. В Каратегине, по нашим источникам (сообщения информаторов и найденные нами платья, сшитые из фабричных тканей в 30-х годах; более ранних нам разыскать не удалось), так же как в Дарвазе и Кулябе, до 20-х годов XX в. ощущалось влияние бухарской моды. Все измеренные нами платья по покрою приближаются к бухарскому, но не так широки, как в Кулябе. Ширина основного полотнища достигала 45—55 см, т. е. зачастую была меньше ширины полотнища фабричной материи. Платья, сшитые позже, в 50-е годы, делали обычно также умеренно широкими. Однако, как в старину, так и в последние десятилетия, парадные, свадебные платья были иногда очень широкими: в полную точь фабричной материи (до 65 см).

Длина рукавов чаще была равна одной точи фабричной материи (60—65 см)¹². Рукава прямые, очень широкие (шире, чем во всех остальных районах) — 30—35 см. В нарядных платьях ширина рукава была больше 40 см (рис. 2, 5; рис. 6).

Боковые клинья, как и в платьях кулябских таджичек, расширялись примерно в два раза — от 10—13 см вверху до 21—24 см внизу.

По длине каратегинские платья доходили примерно до середины икры. По сведениям по-

¹¹ Фонды Ин-та истории АН ТаджССР, КП 9—364.

¹² В некоторых горных районах (Куляб, Каратегин, Дарваз и Гиссар) иногда носили несколько платьев, надевая их одно на другое. Нижнее обычно бывало белым, верхние — цветными. Чтобы концы рукавов нижнего платья (особенно вышитые) были видны, рукава верхних делались иногда короче нижних — длиной 55—58 см.

жилых женщин, в старину их делали несколько длиннее, но очень длинных платьев (за исключением свадебных) в Каратегине мы не зафиксировали. Однако так как платья были очень широкими, они обычно отвисали по бокам, поэтому создавалось ложное впечатление о длине самих платьев.

С. П. Русаяйкина отмечала, что еще в XIX в. в Каратегине бытовали женские платья дарвазского покроя. Чаще всего так кроились свадебные рубахи для невест¹³.

В Таджикабаде в 1957 г. пожилые женщины осуждали очень широкие рукава на платьях молодых, потому что поднятая рука в таком рукаве сразу же обнажается¹⁴. По-видимому, когда эти женщины были молодыми, рукава их платьев также были умеренной ширины.

С каратегинскими и кулябскими платьями схожи платья женщин Каратага и Варзоба.

М. С. Андреев писал в 1927 г. относительно костюма женщин Варзоба: «Рубаха носится ими очень широкая и довольно короткая, на четверть только ниже колена»¹⁵.

В Каратаге парадные туникообразные платья иногда кроили так же, как и бухарские платья позднего времени, без боковых клиньев. Такой покрой возможен при очень широких тканях (кустарные шелковые материи в таком случае сшивали в две точки). Сложив материал поперек вдвое и отмерив сверху ширину рукава, под ним вырезали клинообразный кусок ткани, сходящий к подолу на нет. Таким образом получался расширяющийся книзу стан платья и часть рукава, который затем надставляли до нужной длины¹⁶.

Платье женщин верховьев Зеравшана. Здесь мы располагали в основном платьями 20-х годов нашего века, сшитыми из фабричных материй или кустарных тканей, и лишь в одном из центральных кишлаков верховьев Зеравшана — Зосун нам удалось приобрести старинное платье, относящееся примерно к началу XX в.¹⁷

Все эти платья сделаны умеренно широкими — 45—50 см, обычно меньше точки фабричной ткани. Рукава длиной в одну полную точку фабричной материи были на четверть длиннее руки (от 60 до 75 см). Ширина рукавов, одинаковая по всей длине, меньше, чем в каратегинских и кулябских платьях позднего времени. Чаще всего она равняется одной четверти, т. е. 20 см с небольшим (рис. 2, 6; рис. 7). По сведениям пожилых женщин, раньше шириной рукавов была еще меньше. Во время нашего обследования в Матче и некоторых боковых долинах верховьев Зерав-

Рис. 7. Платье женщины из Зеравшана (обычно женщины носят головные платки)

¹³ С. П. Русаяйкина, Народная одежда таджиков Гармской области, стр. 187.

¹⁴ Записано А. К. Писарчик.

¹⁵ М. С. Андреев, Краткий отчет о работе этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г., в кн. «По Таджикистану», вып. I, Ташкент, 1927, стр. 23.

¹⁶ См.: Н. Н. Ершов; З. А. Широкова, Указ. раб., табл. 41.

¹⁷ Фонды Ин-та истории АН Тадж. ССР, КП 338—1.

шана были встречены у пожилых женщин платья с суживающимися на конце рукавами. Два из них нами приобретены. Платье из кишлака Рог (Матча) имеет рукава шириной 30 см у стана и 22 см на конце, а платье из Магнана — рукава шириной 32 см у стана и 24 см на конце¹⁸. Кроме того, в фондах МАЭ (Ленинград) имеются три женских платья из кустарной хлопчатобумажной материи (два из Искандеркульской волости и одно из Матчи)¹⁹, приобретенных экспедицией АН СССР в 20-е годы. Платья имеют суженные к кисти рукава (26—30 см у стана и 15 см у кисти). Все это позволяет предположить, что рукава старинных платьев таджиков верховьев Зеравшана, так же как памирских, дарвазских и кулябских таджиков, суживались к кисти.

Женские платья, приобретенные в 20-е годы и хранящиеся в фондах МАЭ, по длине приближаются к дарвазским (109—114 см). В верховьях Зеравшана в период, когда проводилось наше обследование, платья были длинными, почти до шиколотки. Длина платьев для женщин среднего роста составляла 120—130 см, для высоких — 135—140 см.

Боковые клинья расширялись книзу примерно в два раза, иногда даже несколько больше: от 9—11 см сверху до 22—24 см внизу.

Итак, более поздние по времени платья женщин верховьев Зеравшана, за исключением платьев для пожилых, встреченные нами в некоторых отдаленных кишлаках, повсюду были сравнительно узкими, с умеренно широкими рукавами, ровными по всей длине. Они заметно отличались от более широких и более коротких платьев Куляба и Каратегина.

Местный покрой сложился под иным влиянием, чем покрой женских платьев Куляба, Каратегина, Каратага и Варзоба. Основными городами, с которыми поддерживалась торговая связь кишлаков в верховьях Зеравшана, были Ходжент (Ленинабад) и Ура-Тюбе, где женщины носили неширокие платья, а также Самарканд, где женские платья также были уже, чем в Бухаре.

Виды воротов. Платья туникообразного покроя отличались и отличаются друг от друга главным образом покроем ворота или его отделкой. Название платья может определяться материалом, из которого оно сшито (*куртаи шохи* — шелковое платье, *куртаи алвон* — платье из кумача) или какой-нибудь характерной деталью, например, вышивкой — *куртаи гулдузи* (*гулдузи* — вышивка), но чаще всего название определяется все же по типу ворота.

В конце XIX — начале XX в. туникообразные платья в горном и равнинном Таджикистане имели два типа ворота: 1) в виде вертикального разреза на груди, без пришивного воротника, и 2) в виде горизонтального разреза по плечам. Платья с воротом первого типа назывались *куртаи пешкушо* (от *пеш* — перед и *кушо* — основа настоящего времени глагола *кушодан* — открывать, т. е. платье, открытое спереди); *куртаи пешак*, *куртаи пешчокак* (*чок* — разрез, т. е. платье с разрезом спереди); *якчока* (*як* — один, *чок* — разрез); *куртаи камарча*, *куртаи куба* (*камарча* — букв. завязка, застежка), т. е. платье с завязывающимся воротом; *куба-кант*, т. е. платье с воротом, отделанным кантом). Платья с воротом в виде горизонтального разреза назывались *куртаи китифак*, *куртаи китфак* (от *китф* — плечо); *куртаи тавк* (*тавк* — ожерелье); *куртаи муллои*, *куртаи муллоча* (от *мулло* — мулла), так как с таким воротом шили всегда рубашки для мулл.

Платья с вертикальным разрезом на груди раньше всегда носили замужние женщины, имеющие детей, с горизонтальным разрезом — девушки и молодые женщины в первые годы замужества. Для кормления детей распарывали немного боковые швы стана или делали по бокам разрезы, которые обшивались по краю цветным кантом или тесьмой.

¹⁸ Фонды Ин-та истории АН Тадж.ССР, КП 338—105 и КП 404—23.

¹⁹ Фонды МАЭ (Ленинград), № 3633—240, 3633—241, 3339—253.

О существовании указанных различий в воротах девичьих и женских платьев в Каратегине и Дарвазе сообщал в 1903 г. А. А. Семенов²⁰. В 20-х годах девичьи рубашки с горизонтальным воротом были зафиксированы в долине р. Сурхоб Е. М. Пещеревой²¹. По Варзобу эти же сведения приводит в 1927 г. М. С. Андреев²². Резкую грань, соблюдавшуюся между девичьим и женским костюмом в старину в Кулябе, отмечает А. К. Писарчик²³.

С конца прошлого века картина начала существенно меняться. Обязательное различие между женским и девичьим костюмом стало постепенно стираться, хотя может быть несколько медленнее, чем это происходило в равнинном Таджикистане²⁴, и неравномерно по разным кишлакам. Материалы, собранные А. К. Писарчик в Кулябе в 1948 г., свидетельствуют о стирании резких граней между девичьими и женскими костюмами уже как об одной из характерных черт современного женского кулябского костюма²⁵. То же явление наблюдала С. П. Русяйкина в Каратегине и Дарвазе в 1946—1947 гг.²⁶.

Во время нашего обследования платья с горизонтальным воротом сохранились лишь в нижних кишлаках Дарваза, как, например, в Зыгаре. В 1956 г. А. К. Писарчик видела здесь платья китифак как на девушках, так и на пожилых женщинах.

В 1954—1956 гг. в кишлаке Зыгар сохранялись девичьи и женские платья из кустарных хлопчатобумажных тканей с вышитыми нагрудниками. Нагрудники со сплошной вышивкой предназначались только для девичьих платьев, а вышитые двумя полосами *пешак* — для женских. Лет 70—100 назад, по словам женщин, такие украшения бытовали значительно шире. В 1898 г. А. А. Бобринским в долинах рек Хингоу, Ванч и Пяндж была приобретена целая коллекция вышитых девичьих и женских нагрудников²⁷. В 1954 г. нами был приобретен в кишлаке Умарак (близ Калаи-Хумба) девичий нагрудник, вышитый, по определению наших информаторов, около 35 лет назад (примерно в 1920 г.); следовательно, в это же время, видимо, бытовали и соответствующие платья с воротом китифак. Образцы платьев с воротом китифак были приобретены нами в Кулябе, Каратегине, Зеравшане и Ягнобе. Повсюду это уже были отдельные экземпляры. Платья китифак зафиксированы нами также и на пожилых женщинах в кишлаках Куглик (Средний Каратегин) и Чилдара (бассейн р. Хингоу), однако нам не удалось собрать здесь сколько-нибудь подробных сведений о них. Как видим, горизонтальный ворот исчезает из костюма девушек; однако он продолжает повсеместно сохраняться в детской одежде.

Туникообразные платья с воротом в виде вертикального разреза на груди (*пешчокак*) встречаются до сих пор в Кулябе, Каратегине, Дарвазе, Каратаге, но их функция изменилась. Носят их в качестве верхнего платья не только пожилые, но иногда и молодые женщины, в Кулябе, Каратегине и Дарвазе — даже девушки. Таким образом, мы

²⁰ А. А. Семенов, Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина, и Дарваза, М., 1903, стр. 30.

²¹ Е. М. Пещерева, Домашняя и семейная жизнь. в кн. «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 24, М.—Л., 1954, стр. 54—56.

²² М. С. Андреев, Краткий отчет о работе этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г., стр. 23.

²³ А. К. Писарчик, Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г., «Изв. Таджикского филиала АН СССР», № 15, Сталинабад, 1949, стр. 92.

²⁴ Е. М. Пещерева, Указ. раб., стр. 141.

²⁵ А. К. Писарчик, Кулябская этнографическая экспедиция, стр. 92.

²⁶ С. П. Русяйкина, Народная одежда таджиков Гармской области, стр. 182.

²⁷ Экспонаты, приобретенные А. А. Бобринским, хранятся в ГМЭ (Ленинград); из этой коллекции четыре вышитых нагрудника для девичьих рубах описаны С. П. Русяйкиной (см.: С. П. Русяйкина, Народная одежда таджиков Гармской области, стр. 18).

Видим здесь уже полное исчезновение возрастных различий в одежде. В качестве нижнего такие платья сохраняются преимущественно у пожилых женщин. В верховьях Зеравшана, как и на севере Таджикистана, платья с таким воротом наблюдаются лишь в костюме пожилых женщин и в обрядовой, преимущественно траурной, одежде.

Туникообразные платья со стоячим воротником. Сравнительно более заметные изменения в туникообразных платьях наметились к концу XIX — началу XX в., когда появились платья со стоячим воротником. Эти изменения коснулись жителей не только горного, но и равнинного Таджикистана, как и всего оседлого равнинного населения Средней Азии. Большинство исследователей связывает появление туникообразной рубахи со стоячим воротником с татарским или русским влиянием²⁸. В районах горного Таджикистана распространение туникообразных платьев со стоячим воротником шло крайне неравномерно. В Дарвазе, Каратегине, Кулябе, Каратаге платья со стоячим воротником бытовали, но очень недолго. Наиболее характерны такие платья для дарвазского кишлака Егид и верхних кишлаков Каратегина — Нушор, Пильдони миёна. В верхних же дарвазских кишлаках Курговад и Пшихарв их не удалось обнаружить. В Туткауле (Куляб) около 30—35 лет назад платья со стоячим воротником были заимствованы из Дангары, однако очень быстро вышли из моды. О платьях со стоячим воротом упоминали женщины старшего поколения в Каратаге — здесь шили с таким воротом нижние платья. Среднее поколение его уже не знало. В долине р. Варзоб платья со стоячим воротником не были отмечены вовсе.

В верховьях Зеравшана платья со стоячим воротником первоначально были принадлежностью костюма молодых женщин. Сейчас, пожалуй, это один из самых распространенных фасонов в кишлаках Зеравшана. В более отдаленных кишлаках такие платья носят все, от девочек до пожилых женщин; в кишлаках же центральных районов и поселках городского типа это одежда пожилых. В платьях старых женщин сохраняется и традиционный тип вертикального разреза ворота. В некоторых центральных кишлаках (особенно близ Пенджикента) часто можно встретить старых женщин (70 лет), которые никогда платьев со стоячим воротником не носили. В детстве и молодости (до замужества) они носили платья с горизонтальным воротом, после свадьбы — с вертикальным, а потом, когда стали входить в моду платья со стоячим воротником, им по возрасту было уже неудобно переходить к новым модным фасонам.

Неравномерность распространения платьев с высоким воротником в горном Таджикистане, возможно, связана с различными культурными влияниями на разные регионы. Если на севере (Зеравшан) было сильнее русское и татарское влияние, то в центральном и нижнем Дарвазе, верхнем Каратегине, возможно, существовали и свои местные культурные связи. Называется стоячий воротник в разных кишлаках по-разному: *казоки* — Дарваз, Нурек; *гарани* — Дарваз; *куйнак* (узбекск. рубашка) — Каратегин, Зеравшан; *буга* (от *буг кардан* — букв. душить) — Зеравшан, кишлаки Рашнаи поен, Зосун; *иттико* (испорченное узбекское *итяка* — собачий ворот) — Зеравшан, кишлак Пастигав; *ёка*, *ёканок*, *яко* (во-

²⁸ Е. М. Пешерева отмечает, что в Ленинабадской обл. (кишл. Кыстакоз) платья со стоячим воротником появились во второй половине XIX в., после прихода в край русских (см. ее работу «Домашняя и семейная жизнь», стр. 141); у оседлых узбеков, в б. Туркестанском крае (сначала в городах, а потом и в селениях) стоячий воротник стал входить в моду к концу XIX — началу XX в. Он был известен под названием татарского — *нугай ёка*. После присоединения Киргизии к России, к концу XIX — началу XX в., изменился покрой женского платья-рубахи: его начали шить со стоячим воротником (см. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, М., 1963, стр. 249—250). Однако проникновение платьев со стоячим воротником на юг Киргизии к концу XIX в. К. И. Антипина связывает с влиянием населения восточного Туркестана (уйгуров Кашгара), см.: К. И. Антипина, Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, Фрунзе, 1962, стр. 240—241.

рот) — Зеравшан; *ёлки* (загрибок?) — Зеравшан, кишлак Рог; *гирди гулу* (*гирд* — круг, окружность, *гулу* — горло, глотка).

Платья со стоячим воротником с оборкой. Разновидностью платьев со стоячим воротником являются платья со стоячим воротником, отороченным плссированной оборкой *пар-пар* и называемые соответственно *казокиш пар-пар*. Такой воротник преимущественно делали на нижнем платье.

Раньше всего платья такого фасона появились в крупных центральных кишлаках. Так, в Варзобе в costume молодых женщин они были известны уже в 20-е годы²⁹. Распространение нового фасона в Каратегине, Кулябе, долине Варзоба шло, по-видимому, под влиянием Бухары.

Во время нашего обследования такие платья были особенно распространены в нижних кишлаках Варзоба, Кулябе (Туткаульская группа кишлаков), средних и нижних кишлаках Каратегина, в нижних и центральных кишлаках Дарваза — Калаи-Хумбе, Умараке. Выше Калаи-Хумба по Пянджу, например, в кишлаке Курговад, их носили очень мало, а в кишлаке Пшихарв, в самом верхнем из обследованных экспедицией в 1954 г., ученые не зафиксировали их вовсе. В некоторых кишлаках, как например, Зидды (верхний Варзоб), их начали шить только в начале 60-х гг., когда в нижних кишлаках мода на них начала уже проходить.

Для верховьев Зеравшана платья со стоячим воротником, отделанным оборкой пар-пар, не были характерны, но наши информаторы отмечали, что в старину их шили в Пенджикенте, кишлаках близ Пенджикента и некоторых других крупных центральных кишлаках Зеравшана.

Все сказанное выше позволяет сделать следующие выводы.

1. В конце XIX — начале XX в. на территории горного Таджикистана носили женские платья туникообразного покроя, который, однако, имел различные локальные модификации. Прежде всего в совершенно особую группу выделяется дарвазский тип платья: с узким основным полотнищем, прилегающее в талии и расклешенное внизу, сравнительно короткое, с длинными, резко суживающимися от основания к концу рукавами, с поперечным разрезом ниже локтя. По покрою он сходен с платьями памирских таджиков. Это, по нашим данным, самый старый по времени покрой, который был распространен по всему горному Таджикистану, очевидно, в первой половине XIX в. и имел, конечно, свои локальные особенности по районам. Наличие сходных черт в платьях равнинных таджиков сел. Нур-Ата, а также г. Бухары³⁰ позволяет предполагать, что в старину покрой этот был, вероятно, распространен среди таджиков не только в горном Таджикистане, хотя сейчас его бывшие ареалы скольконбудь точно установить трудно.

Широкие в стане платья, с широкими, прямыми, ровными по всей длине рукавами на всей обследованной нами территории — явление более позднее. В Каратегине, Дарвазе и Кулябе этот покрой появился после присоединения к Бухаре, под влиянием покроя бухарских платьев. Время появления его в Зеравшане неясно. Здесь мода складывалась в основном под влиянием Ура-Тюбе и Самарканда. Судя по нашим материалам, платья нового вида с прямыми, хотя и менее широкими, чем в Бухаре, рукавами в центральных кишлаках Зеравшана бытовали уже в начале XX в. В более отдаленных кишлаках узкий рукав делали еще кое-где в 20-е годы, а в costume пожилых он сохранялся до наших дней.

Новый покрой в каждом из рассмотренных нами районов имел свои характерные местные особенности. Кулябские платья отличаются

²⁹ М. С. Андреев, Краткий отчет о работе этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. (рис. 17, между стр. 24 и 25).

³⁰ В имеющихся сведениях о платьях этого покроя в Нурате и Бухаре нет упоминания о поперечном разрезе ниже локтя.

наиболее широким основным полотнищем (около 60 см), и рукавами по длине равными ширине стана, шириной от 24 до 34 см. Каратегинские платья имеют более узкое основное полотнище, чем кулябские; рукава такой же длины, что и кулябские (около 60 см), но более широкие — от 30 до 41 см. Платья этих районов делали несколько длиннее дарвазских, обычно до середины голени. Женские платья верховьев Зеравшана, умеренные по ширине основного полотнища и ширине рукавов, всегда были очень длинными, доходившими почти до щиколотки.

2. Ширина ткани никогда существенно не влияла на покрой. Основное полотнище туникообразных платьев кроили как из полных, так и неполных точек кустарных и фабричных тканей, не обращая внимания на рапорт рисунка. Учитывать при раскрое узор ткани стали в основном только в последнее время.

3. Платья туникообразного покроя, помимо ширины основного полотнища и рукавов, отличались друг от друга формой ворота, причем первоначально существовала связь формы ворота с возрастными группами.

Более заметные изменения в национальном женском костюме наметились после присоединения Средней Азии к России благодаря расширению и развитию рыночных связей, усилению контактов с другими народами. В туникообразных платьях эти изменения коснулись в основном ворота, смена форм которого происходила неравномерно в разных районах.

В целом по всем признакам выделялись два культурных комплекса: каратегино-дарвазско-кулябский и зеравшанский; здесь, видимо, сказались различия культурных традиций южного и северного Таджикистана в прошлом.

Во время нашего обследования большинство женщин носило туникообразные платья, сохраняя в основном все прежние пропорции. Между тем среди молодежи намечалась совершенно определенная тенденция — делать их короче и уже и заменить их платьями другого покроя — на кокетке, с рукавом с вырезной проймой.

Х. Ю. Мухитдинов

СТАТУЭТКИ ЖЕНСКОГО БОЖЕСТВА С ЗЕРКАЛОМ ИЗ САКСОНОХУРА¹

Городище Саксонохур расположено в Южном Таджикистане, в 7 км севернее районного центра Пархар. Во время археологических работ, проводившихся в 1966—1967 гг. под руководством Б. А. Литвинского, выявлено два комплекса: дворцово-храмовый, расположенный в северо-восточной части городища, и ремесленный — в юго-восточной.

Тщательная археологическая фиксация элементов позволила детально наметить стратиграфию ремесленно-гончарного квартала. Нижний слой — ранняя керамическая мастерская с остатками построек и четыре обжигательные печи — на основе обнаруженных материалов датируется греко-бактрийским временем (III—II вв. до н. э.). Этот слой сверху прикрывают остатки сооружений второго хозяйственно-жилого комплекса, который датируется II—I вв. до н. э. Третий слой — гончарная мастерская кушанского времени. От этого горизонта сохранились остатки пяти обжигательных печей, топочные камеры которых углублены во второй горизонт, при этом во многих местах нарушена планировка комплекса. Время существования гончарной мастерской — I—II вв. н. э.

Четвертый слой — слой вспаханной почвы, который разнообразным материалом датируется II—III вв. н. э. Терракотные изделия обнаружены во всех вышеупомянутых горизонтах. При раскопках найдено 30 статуэток и форм для их изготовления².

В нижнем горизонте (III—II вв. до н. э.) найдено семь женских статуэток, причем четыре из них непосредственно в культурном слое, три — подъемные. Среди скульптурок выделяются три. Каждая из них изображает стоящую женщину, одетую в длинное, ниспадающее до пят платье, на котором имеется рисунок в виде вертикальных и косых линий, имитирующих, видимо, растительные побеги.

В согнутых в локте руках у середины груди — круглое зеркало с боковой ручкой. Детали платья одинаковы и восходят к единому прототипу.

Одна из этих терракот — статуэтка богини с зеркалом (рис. 1) — представляет собой плоскую фигурку (головка у нее отбита) светлого цвета, покрытую таким же ангобом. Отгиснута она в одностворчатой форме. Высота фигурки — 9, ширина плеч — 3,9, объем талии (видимо, за-

¹ Мы приносим благодарность Б. А. Литвинскому за разрешение включить в текст статьи, неопубликованные им материалы по этнографии и истории религии.

² О раскопках городища Саксонохур см.: Б. А. Литвинский, Археологические работы Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР, сб. «Археологические открытия в 1966 году», М., 1967; его же, Археология Таджикистана за годы Советской власти, «Сов. археология», 1967, № 3; его же, Памятники Южного Таджикистана, «Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Каталог выставки», Душанбе, 1968; Х. Ю. Мухитдинов, Гончарный квартал Саксонохура, «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», 1968, № 3 (52); его же. Терракоты Саксонохура, в кн.: «Международная конференция по истории археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов советских ученых», М., 1968; Б. А. Литвинский, Х. Ю. Мухитдинов, Античное городище Саксонохур, «Сов. археология», 1969, № 2; Х. Ю. Мухитдинов, Разведки в Пархарском районе в 1964 г., сб. «Материальная культура Таджикистана», вып. 2, Душанбе, 1971.

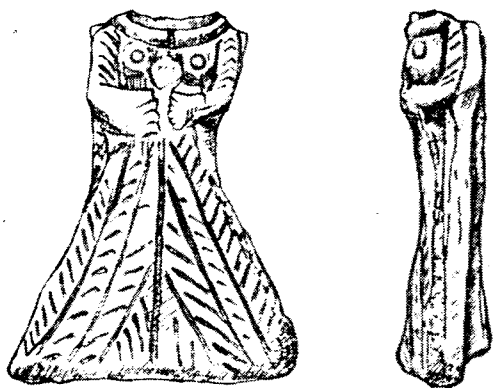

Рис. 1. Терракотовая статуэтка женского божества с зеркалом греко-бактрийского времени (найдена при раскопке городища Саксонохура)

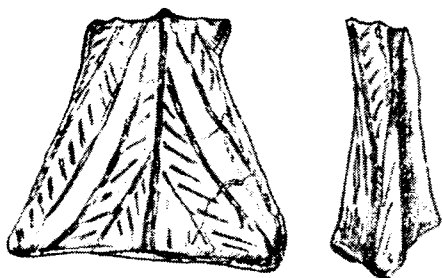

Рис. 2. Фрагмент статуэтки женского божества греко-бактрийского времени из Саксонохура

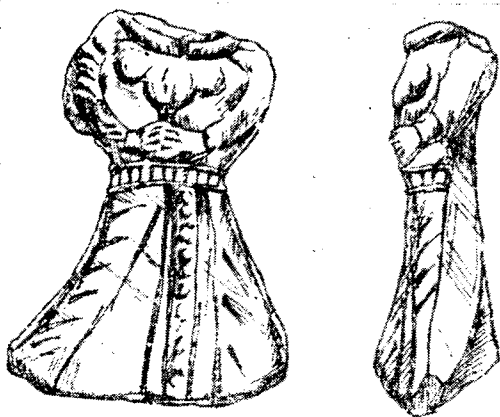

Рис. 3. Женская статуэтка кушанского времени, найденная недалеко от раскопа

уженной) — 3 см. У шейного выреза платья — широкая, утолщающаяся к концам гривна.

Нижняя половина скульптурки раструбообразно расширяется, достигая в самом широком месте 6,7 см. В вертикальном сечении тыльная часть выпуклая, а основание несколько выступает вперед. В верхней части рук косыми штрихами-насечками показаны складки рукавов. Нижняя половина платья орнаментирована косыми, параллельными краям полосами (по три с каждой стороны). Пространство между наклонными полосами заполнено штрихами.

Верхняя часть скульптурки орнаментом не покрыта. Здесь лишь рельефно показаны груди с углубленным круглым соском и в ложбинке между ними диск зеркала. Создается впечатление, что верхняя половина туловища обнажена. Терракота выполнена грубовато, боковые и тыльные грани ее подрезаны ножом. Пальцы рук, держащие зеркало, показаны чрезвычайно схематично.

От второй статуэтки (рис. 2), найденной в нижнем горизонте, сохранилась лишь ее нижняя часть. Фигурка была изготовлена в той же форме, что и предыдущая. Фактура, цвет и ангоб черепка у них также одинаковые. Однако на второй статуэтке в отличие от первой, после извлечения из формы на лицевой стороне (если судить по сохранившейся части) не производилась дополнительная проработка деталей орнамента.

Третья фигурка (рис. 3) (без головы) найдена недалеко от раскопа. Она также изображает стоящую во весь рост женщину с зеркалом, поддерживаемым у груди обеими руками, но диск зеркала сломан. Высота фигурки — 9, ширина по низу — 5, талия — 3, плечи — 5, толщина фигурки — 1,7 см. Отличия от предыдущих статуэток следующие: талия находится ниже, соответственно ниже опущены согнутые руки. На талии — широкий рельефный пояс (две горизонтальные полосы, углубленное пространство между которыми заполнено равнобедренными треугольниками с вершиной, направленной вниз). По-иному трактована и нижняя половина фигурки. Раструбообразность сохранена, но боковые грани не прямые, а вогнутые. Нижняя, вогнутая часть в горизонтальном сечении образует по краям нечто напоминающее валики. Создается впечатление, что это слабо моделированные ноги. Эта часть статуэтки орнаментирована по центру четырьмя вертикальными желобками. От них под углом, параллельно краю, — две широкие полосы, заполненные редкими косыми штрихами. К этим полосам примыкают изнутри две суживающиеся полосы. Рукава украшены косыми штрихами. Виден браслет. Кисти рук переданы очень схематично, грудь, по-видимому, была обнажена. По сравнению с первой и второй фигурками, третья скульптурка более реалистична и пластична.

Женская статуэтка с зеркалом в руках в Средней Азии впервые была найдена при работах экспедиции Р. Пампелли на Гяуркале и опубликована в 1908 г. Г. Шмидтом³. Сравнительно большая группа фигурок такого типа обнаружена на территории Маргианы. На эти статуэтки впервые обратил внимание Л. И. Ремпель. Он рассматривал их как воспроизведение образа мервской богини, необходимым атрибутом которой было зеркало⁴. Г. А. Пугаченкова, которой принадлежит детальный и разносторонний анализ коропластического искусства древней Маргианы, связала появление данного иконографического образа с определенным влиянием культа эллинистической Исиды⁵. Зеркало имеется и у статуэтки из Согда. По мнению А. М. Хазанова, на многих статуэтках кушанского времени из Афрасиаба (данные о которых опубликованы Ф. А. Заславской) также имеются изображения зеркал⁶. В Хорезме статуэтки с зеркалом найдены в слоях IV—III вв. до н. э. Основываясь на этих материалах, М. Г. Воробьева приходит к выводу о том, что хорезмийская «богиня с зеркалом» — это местная богиня, связанная с культом плодоносящих сил природы⁷. Терракотовая статуэтка подобной иконографической схемы найдена в Тепаи Зергаран (Южная Бактрия) и датируется кушанским временем⁸. Статуэтка определена как «дама с зеркалом». Не исключено, что она изображает ту же богиню, образ которой широко был распространен в Северной Бактрии, Парфии и Хорезме.

Среди среднеазиатских женских статуэток с зеркалом можно выделить несколько иконографических типов. Маргианские статуэтки II—I вв. до н. э. изображают женщину с правильными чертами лица, одетую в

³ H. Schmidt, *Archaeological excavations in Anau and Old Merv*, in: R. Pampelly, *Exploration in Turkestan, Expedition of 1904*, I, Washington, 1908, p. 200, pl. 55, 4.

⁴ Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции» (далее «Труды ЮТАКЭ»), т. I, Ашхабад, 1949, стр. 339; е е же, Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении, «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1951, стр. 178—182.

⁵ Г. А. Пугаченкова, Маргианская богиня, «Сов. археология», т. XXIX—XXX, М., 1959, стр. 128; е е же, Коропластика Мерва, «Труды ЮТАКЭ», т. XI, Ашхабад, 1966, стр. 130; е е же, Искусство Туркменистана, М., 1967, стр. 77.

⁶ А. М. Хазанов, Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов, «Сов. этнография», 1964, № 3, стр. 93; Ф. А. Заславская, Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба, сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, — особенно на зеркало похож предмет в руках статуэтки 47 (стр. 39).

⁷ «Кой-Крыглан-кала», М., 1967, стр. 182.

⁸ J. C. Gardin, *Céramiques de Bactres*, Paris, 1957, p. 54.

облегающее платье, поверх которого наброшен драпирующийся мягкими складками гиматий. В правой руке, согнутой традиционным образом, — небольшое круглое зеркало на длинной рукоятке; левая рука придерживает гиматий у бедра. Встречаются также фигурки, у которых в левой руке, прижатой к животу, есть зеркало⁹. В основании некоторых статуэток есть специальное приспособление (развилка) для закрепления на какой-либо подставке.

Традиционный вид статуэтки сохраняют до II—III вв. Часты в этот период статуэтки с зеркалом в каждой руке.

В Хорезме подобные статуэтки существовали в IV—III вв. до н. э. Однако иконография их несколько отличается от иконографии маргианских скульптурок. Хорезмская скульптурка изображает женщину, одетую в длинное платье, поверх которого накинута покрывало, левая рука опущена, в правой зеркало.

Таким образом, в Туркмении и Хорезме существовали сходные иконографические образы «Богини с зеркалом». Если отвлечься от отличий в costume, то можно сказать, что они восходят к единой иконографической основе, не похожей, однако, на иконографию саксонохурских статуэток.

Безусловно, зеркало у мервских, хорезмийских и саксонохурских терракот является важным атрибутом. Известно, что зеркало, обладающее магическо-охранительной функцией, играло важную роль в религиозных верованиях сарматов¹⁰. Такова же была его роль и в верованиях древних ферганцев и других народов Средней Азии, где оно было атрибутом женского божества земли и плодородия¹¹.

Вышеприведенные материалы свидетельствуют о том, что возникновение образа богини с зеркалом восходит к доэллинистическому периоду. На саксонохурских изображениях этой богини четко выступают локальные элементы. Такова одежда, украшенная растительным рисунком. Иконография богини не находит прямых параллелей в синхронном коропластическом материале из Средней Азии, ни за ее пределами. Саксонохурские статуэтки «богини с зеркалом», видимо, изображают богиню, связанную с древними религиозными образами обитателей этих мест. Находки статуэток подобного типа в районах, прямо или косвенно связанных с Амударьей, свидетельствуют о том, что наибольшее распространение этот образ получил в древнеземледельческих оазисах, связанных с этой могучей рекой.

В саксонохурских статуэтках в большей степени, чем в мервских и хорезмийских, отразились местные черты образа. В фигурках из Мерва чувствуется влияние эллинистической иконографии, что дает основание предположить связь местной богини с эллино-римской Исидой, культ которой был чрезвычайно распространен в античное время¹². Однако вряд ли иконография Исиды могла существенно повлиять на формирование образа маргианской богини с зеркалом, а также на возникновение подобного образа в других среднеазиатских областях. Более вероятно, что мервские статуэтки изображают местную богиню в греческой одежде. Атрибут этого божества — зеркало — неизвестен в изображениях Исиды.

⁹ Г. А. Пугаченкова, Корoplastика Мерва, стр. 128.

¹⁰ А. М. Хазанов, Указ. раб., стр. 89—95.

¹¹ Б. А. Литвинский, Зеркало в верованиях древних ферганцев, «Сов. этнография», 1964, № 3, стр. 103.

¹² А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 322, 323; Р. В. Кинжалов, Статуэтка Исиды-Фортуны (к вопросу о позднеэллинистическом синкретизме), Сб. «Культура и искусство античного мира и Востока», «Труды Государственного Эрмитажа», т. II, Л.—М., 1958; Ф. Ф. Зелинский, Религия эллинизма, т. II, 1922, стр. 46; В. И. Авдиев, Предисловие к кн. Тренчени-Вальдапфель Имре. Мифология (пер. с венгерского), М., 1959, стр. 13.

В греческом мире также известны женские изображения с зеркалом, но в некоторых из них зеркало играет роль бытового атрибута. Например, в позднеклассический и эллинистический периоды широкое распространение получил культ Афродиты¹³.

Статуэтки, обнаруженные при раскопках Хан-Шейхуна, изображают обнаженную богиню, которая обеими руками держит у груди зеркало с боковой ручкой, причем ее поза очень близка к позе саксонохурских статуэток. Данный тип статуэток датируется IV в. до н. э.¹⁴

Позднее, под сильным воздействием римской культуры, этот тип статуэток вытесняется другим — задрапированной в длинную одежду фигуркой Юноны, богини любви и брака. Появляются также фигурки, изображающие богиню Деметру, атрибутом которой также являлось зеркало¹⁵.

Следовательно, культ божества с зеркалом был распространен за пределами Средней Азии, что говорит о типологической близости (в этом отношении) определенных религиозных образов и верований.

Статуэтки с зеркалом известны и в более раннее время, еще в эпоху бронзы. Например, у статуэток Ура (конец III тысячелетия до н. э.) на уровне груди — круглый диск, напоминающий зеркало¹⁶, причем диск придерживается обеими руками. Ко II тысячелетию до н. э. относятся изображения из Нузи: женское божество, держащее в вытянутых и поднятых вверх руках по зеркалу¹⁷. О том, что этот образ существовал у древнейших иранских племен, может свидетельствовать зеркало из частной коллекции Тегеранского музея, происходящее из Хурвина (IX—VIII вв. до н. э.). Оно имеет ручку в виде женской фигурки, держащей двумя руками диск зеркала над головой¹⁸. Аналогичное зеркало имеется среди бронзовых изделий Луристана¹⁹. В древней Греции изготовлялись круглые металлические зеркала с изящными ручками, в качестве которых служили статуэтки богини красоты²⁰.

На переднеазиатских терракотах (со II тысячелетия до н. э. и до времени селевкидов и парфянской эпохи) пропорции более вытянуты, руки сложены на животе или прижаты к груди.

В Средней Азии одним из наиболее ранних примеров такой иконографической схемы является статуэтка из Намазга-Тепе. Материалы о ней были опубликованы Д. Д. Букиничем и переизданы Л. И. Ремпелем. Судя по результатам раскопок, она скорее всего относится ко II тысячелетию до н. э.²¹

Сейчас мы подошли к очень сложной проблеме генезиса иконографических особенностей саксонохурских статуэток. Эти статуэтки, особенно две первые, довольно плоские, с треугольной растругообразной и несколько

¹³ Н. Н. Бритова, Греческая терракота, М., 1969, стр. 78—87, 90; Н. Кондаков, Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту, «Записки Одесского общества истории и древности», т. XI, Одесса, 1879, стр. 156.

¹⁴ Du Mensil du Bulsson, Une Compagne de fouilles a Khan-Seikhoun, «Syria», XII, 1932.

¹⁵ H. Seyrig, Antiquité Syriennes, «Syria», XV, 1933, pl. XXXVIII, 1.

¹⁶ E. D. van Buren, Clay figurines of Babylonia and Assyria, London, 1930, p. 23, pl. XXV, 23, 24.

¹⁷ M.-Th. Barrelet, Les déesses armées et alliés, «Syria», XXX, 3—4, Paris, 1955, p. 243, 2.

¹⁸ A. Chirshman, Persia from the origins to Alexander the Great, Thames and Hudson, 1964, p. 23.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ф. Баумгартен, Ф. Поланд, Р. Вагнер, Эллинская культура, СПб., 1906, стр. 105 и 283, рис. 173.

²¹ Б. А. Литвинский, Намазга-Тепе по данным раскопок 1949—1950 гг. «Сов. этнография», 1952, № 4; Б. А. Куфтин, Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземельческих поселений эпохи бронзы в 1952 г., «Труды ЮТАКЭ», т. VII, Ашхабад, 1956; В. М. Массон, Расцвет и упадок культур земледельцев Юго-Запада, в сб.: «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966.

выступающей вперед у основания нижней частью. На все скульптурки нанесен «растительный» орнамент. Все эти особенности находят неожиданно близкие параллели в некоторых южнотуркменских статуэтках эпохи бронзы — конца III—II тысячелетия до н. э.²² Конечно, можно говорить лишь о возможных исходных точках генезиса данного иконографического образа. Автор вполне отдает себе отчет в том, что это предположение может встретить резонные возражения; промежуточных звеньев нет. Однако открытие памятников поздней бронзы на территории Северной Бактрии, типологически близких южнотуркменским, вселяет надежду, что имеющиеся в настоящее время лакуны в дальнейшем будут заполнены.

Перейдем к рассмотрению вопроса о значении зеркала как атрибута. У многих народов, в том числе близких или родственных среднеазиатским, зеркало занимало важное место в верованиях²³.

Представление об особой магической силе зеркал и связанный с ними культ женского божества были широко распространены не только у народов, населявших Среднюю Азию, и у сарматов, но также и у скифов. В этом отношении любопытно изображение на золотых бляшках из Куль-Обы и Чертомлыка. На них в различных вариантах представлена широко распространенная в скифо-меотской среде сцена передачи власти или приобщения к ней. Молодой скиф с поднесенным ко рту ритуальным стоит перед сидящей на кресле богиней, держащей в левой руке зеркало.

Вышеприведенный пример показывает, что женские изображения с зеркалом связаны со сходными религиозными представлениями иранских народов. А. М. Хазанов отмечает двоякую роль зеркал: это и атрибут божественной власти, олицетворяющий жизненное начало и источник магических сил²⁴. Подобное двоякое значение имеют и зеркала саксонохурских статуэток. Женское божество с зеркалом почиталось не только оседлым населением Средней Азии, связанным с крупнейшими водными артериями, но и всеми ираноязычными народами древнеземледельческих регионов и их соседями, близкими по языку и обычаям, обитателями широких степных просторов, где сохранилась «верность религии древних арийцев»²⁵.

Все вышеуказанное не оставляет сомнения, что зеркало на наших статуэтках не бытовой, а культовый предмет и, следовательно, оно является важным аргументом в пользу мнения исследователей, изучавших такие статуэтки из других областей и приходивших к выводу, что это изображение женского божества. Но какого именно божества?

Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложен. В. А. Лившиц указал нам, что в письменных источниках не сохранилось упоминаний о наличии в древнеиранском пантеоне каких-либо женских божеств, атрибутом которых являлось бы зеркало. Однако лишь незначительная часть письменных источников, связанных с древнеиранской религией, сохранилась до наших дней. Культовое же значение зеркала и связь его с женским образом датируется археологическими памятниками с территории древнего расселения иранских племен (см. выше).

Б. А. Литвинский высказал идею о связи этих статуэток с культом солнечного божества. В самом деле, этнография дает множество примеров такой связи.

²² См., например, В. М. Массон, В. И. Сарияниди, О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы, «Вестник древней истории», 1969, № 1, рис. 1, стр. 87.

²³ Детальное рассмотрение этого вопроса и ссылки на источники и литературу см.: Б. А. Литвинский, Зеркало в верованиях древних ферганцев; А. М. Хазанов, Указ. раб., Р. Ш. Джарылгасинова, Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии, Сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 346.

²⁴ А. М. Хазанов, Указ. раб., стр. 94.

²⁵ В. И. Абаев, Культ «семи богов у скифов», в сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 447.

Многочисленные элементы обрядности культа этой богини сохранились до сих пор в традициях и фольклоре таджиков. Отдельные черты женского божества с зеркалом, видимо, были включены в существовавшие у таджиков до недавнего времени представления о Бибимушкилкушо и Биби Чершанбе, в честь которых каждую среду (Мать-Среда) совершался пышный обряд, в котором зеркало играло важную роль наряду с мукой, водой, сушеным и черным виноградом, свечами. Этот культ (культ «отворительницы» ворот счастья, благополучия и т. д.) широко распространен среди долинных таджиков — таджиков Бухары, Самарканда, Ходжента, где зеркало, мука, вода — атрибуты светлого счастья, благополучия, победы добра над злом²⁶.

Согласно фольклорным произведениям таджиков, зеркало ограждает героя от злых духов и дивов. Зеркалу всегда сопутствует вода. Например, когда герой бросает зеркало, то на этом месте образуется озеро, река, пруд²⁷. Кроме того, зеркало выполняет магически-охранительную функцию (его кладут, например, под голову ребенка в колыбель) и является предметом, приносящим счастье. Разбитое зеркало, напротив, знаменует несчастье. До сих пор сохранился обычай заходить в новый дом с зеркалом. Его обязательно должна нести женщина, причем такая женщина, которая имеет много детей, прожила счастливую жизнь и пользуется уважением. Зеркало вносят в дом завернутым, и только на пороге его разворачивают.

Жених и невеста в первую брачную ночь впервые вместе смотрятся в зеркало. В это время их угощают шербетом, что также связано с представлением о «сладкой жизни». Здесь зеркало выступает как символ светлости, благополучия и сладости супружеской жизни²⁸.

Зеркало является одним из основных предметов в инвентаре среднеазиатских гадалок, которые гадают, заглядывая в воду и зеркало²⁹.

В таджикском фольклоре также сохранились материалы, которые подкрепляют мысль о связи зеркала с астральным культом³⁰. Чрезвычайно богатый таджикский фольклор донес до нас некоторые обрядовые песни, с которыми обращались к солнцу как к живому существу, прося хорошей погоды в ненастье.

В Бухаре, Самарканде, Сурхандарье молодые люди — сыновья-первенцы, при непогоде обращаясь к солнцу или в сторону Киблы, пели следующую песенку.

Анджило, Манджило,
Ради господина луноликого,
Ради господина ангела,
Ради купола золотого,
Госпожа солнце, отступись
(Хуршед ханим фирор кун).
Пусть уходят тучи в твой город,
Пусть солнце приходит в наши края³¹.

²⁶ «Дастурамал оид ба чамъ кардани эҷодиёти даханакии халк» (руководство по сбору фольклора), Сталинабад, 1960, стр. 66. О культе покровительницы женщин-пряж см.: М. С. Андреев, По Таджикистану, Ташкент, 1927, стр. 60—76.

²⁷ См.: сб. «Афсонаҳои халқи тоҷик», Сталинабад, 1957, стр. 99, 172.

²⁸ «Дастурамал оид ба чамъ кардани...», стр. 28.

²⁹ За эти сведения автор приносит благодарность сотрудникам сектора фольклора Института языка и литературы АН ТаджССР Р. Амонову, Р. Ахмедову, Ф. Зехни и Т. Израиловой.

³⁰ По сведениям, полученным от Ф. Зехни, при потере родственника или мужа женщина в полнолуние, направляя лицевую часть зеркала в сторону луны, долго и внимательно смотрит в него, надеясь увидеть там изображение пропавшего.

³¹ Эти сведения сообщены фольклористом Р. Ахмедовым.

В кишлаках Аспи Духтар (Девичий конь), Шут и Матман Кашкадарьинской области женщины, стремясь предотвратить непогоду, лепили глиняные круги-лепешки и сушили их на солнце. Этот обычай также связан с культом солнца.

В кишлаке Каратаг Гиссарского района до настоящего времени в непогоду женщины с помощью зеркала пытаются отогнать тучи и вызвать солнце, при этом они, показывая небу зеркало, произносят слова, обращенные к солнцу. Эти слова очень близки вышеприведенной песенке.

Итак, в древнейших верованиях, связанных с зеркалом, прослеживается его связь с солнцем, а также счастьем и благоденствием.

Божеством солнца в древнеиранской религии был Митра. По свидетельству Геродота (I, 131), женское божество, аналогичное греческой Афродите, персы называют Митра³². Л. А. Ельницкий недавно высказал мнение, что это «не является ошибкой, как думали некоторые историки митраизма, и не исключает одновременно существования также и одноименной мужской ипостаси»³³. Однако такое решение вопроса не является общепринятым. Большинство наиболее компетентных исследователей религии иранских народов (в частности, Э. Бенвенист, И. Гершевич, Х. Нюберг)³⁴ считают, что Геродот допустил ошибку, спутав Митру с Анахитой.

Вместе с тем среди иранистов высказывались и другие взгляды. Г. Виденгрэн полагает, что ошибка Геродота связана с тем, что половая принадлежность иранских божеств не всегда была вполне определенной. В этой связи он приводит текст Диогена Лаэрта, писавшего о том, что магами могли быть как мужчины, так и женщины. Г. Виденгрэн утверждает также, что именно в Восточном Иране (куда включает и Среднюю Азию) пол Митры был неопределенным³⁵.

Как пишет Э. А. Грантовский, придерживающийся такой же точки зрения, «для собственно иранской среды известны парные божества, представляющие тесное объединение мужского и женского начал, причем, выступая отдельно, и бог и богиня могли называться одним именем... Вместе с тем существовали иранские культы андрогинных божеств (что, очевидно, связано с указанным представлением о парных божествах)... Андрогинным (или парным, с женским соответствием) божеством мог считаться и Митра». Э. А. Грантовский в отличие от Виденгрэна подчеркивает андрогинные черты в западноиранских представлениях о Митре³⁶. Как андрогинное божество рассматривал Митру и В. В. Струве, полагая, что Геродот не ошибся, а лишь обратил внимание на женское начало в образе Митры³⁷.

Представляется возможным и другое решение вопроса.

Сестрой Митры являлась (согласно Яшту, 17, 16) Аши — дочь Ахура Мазды и Армаити. Другое женское божество, Паранди (Щедрость), часто сопровождает Митру и Аши³⁸. По Г. Виденгрэну, Паранди — божество изобилия, плодородия³⁹. То, что божество с такими функциями

³² Геродот, История в девяти книгах, т. I, М., 1888, стр. 71.

³³ Л. А. Ельницкий, Скифские легенды как культурно-исторический материал, «Сов. археология», 1970, № 2, стр. 65.

³⁴ E. Benveniste, The Persian religion according to the chief Greek Texts, Paris, 1939, p. 27 sq.; I. Gershevitch, The Avestan hymn to Mithra, Cambridge, 1959; H. S. Nyberg, Die Religionen des alten Iran, Leipzig, 1938, S. 370.

³⁵ G. Widengren, Hochgottglaube im Alten Iran, Uppsala, 1938, S. 127; его же, Die Religionen Irans, Stuttgart, 1965, S. 121.

³⁶ Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, стр. 303—305.

³⁷ В. В. Струве, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л., 1968, стр. 118, 123—124.

³⁸ I. Gershevitch, Указ. раб., стр. 195, 215.

³⁹ G. Widengren, Die Religionen Irans, S. 15, 16.

известно и в древнеиндийской религии (там оно называется Пурамдхи) ⁴⁰ показывает, что оно имелось еще во время индо-иранской общности. Древней «дозороастрийской» считается и Аши ⁴¹, божество судьбы, правопорядка, благоденствия и плодородия, в частности, покровительница брака и беременности, подательница половой силы и т. д. Многие проявления культа зеркала, пережиточно сохранившиеся в быту таджиков, соответствуют этим представлениям.

Уместно также вспомнить, что в Индии символом и атрибутом женского солнечного божества Сурьи являлся солнечный диск ⁴².

В религии среднеазиатских иранских племен почитание Митры существовало еще в дозораастрийские времена.

Б. А. Литвинский на основе сопоставления и анализа сведений античных источников, древнеперсидских надписей и археологических данных приходит к заключению, что саки северо-западной части Средней Азии поклонялись солнцу. Исходя из сообщения Геродота, он считает, что и у массагетов культ верховного божества имел ярко выраженную солярную окраску.

«Возможно,—пишет он,—это был Ахура-Мазда, или Митра, или, быть может, Митра-Ахура, причем у разных сакских племен могли выступать на передний план разные ипостаси этого божества. С почитанием этого божества были непосредственно связаны культ огня в самых различных его проявлениях и культ коня» ⁴³. Культ же солнца в доарабское время был широко распространен и среди оседлых народов Средней Азии. Посвященные солнцу храмы возвышались в Индии и в разных местах Средней Азии, в том числе в Мерве и Фергане ⁴⁴.

Итак, можно (разумеется, в качестве предварительной рабочей гипотезы) связывать рассматриваемые статуэтки с Митрой, вернее, с его проблематической женской ипостасью или, скорее, с женским божеством круга Митры. Воплощенное в этих статуэтках женское божество должно было быть связано с культом плодородия и вместе с тем принадлежать к кругу солярных божеств.

⁴⁰ I. G o n d a, Die Religionen Indiens, Stuttgart, B. I, 1960, S. 98.

⁴¹ Крупнейший лингвист Г. В. Бейли высказал мысль, что ее имя должно быть сопоставлено с встречающимся на кушанских монетах наименованием женского божества Ардохшо; см.: W. B. Bailey, Zoroastrian problems in ninth century books, Oxford, 1943, p. 65. Однако Дж. Харматта подверг эту точку зрения очень серьезной критике: J. Harmatta, Cusanica, «Acta orientalis Hungaricae». Другие критические замечания см.: M. G. Widengren, Die Religionen Irans, S. 335, Anm.

⁴² M. A. Banerjea, The development of Hindu Iconography, 2nd ed. University of Calcutta, 1955, p. 139, 140; I. G o n d a, Указ. раб., стр. 230.

⁴³ Б. А. Литвинский, Древние кочевники «крыши мира», М., 1972, стр. 145.

⁴⁴ Б. А. Литвинский, Кангюско-сарматский фарн (к историко-культурной связи племен Южной России и Средней Азии), Душанбе, 1968, стр. 43.

Н. А. Баскаков

ДУША В ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЯХ ТЮРКОВ АЛТАЯ

(ТЕРМИНЫ, ИХ ЗНАЧЕНИЕ И ЭТИМОЛОГИЯ)

В древних анимистических верованиях тюрков Горного Алтая существовали (а кое-где в пережитках до настоящего времени сохранились) представления о душе, как о реально существующей субстанции, присущей природе человека.

Многие этнографы, и в первую очередь известные исследователи духовной культуры алтайцев В. И. Вербицкий¹ и А. В. Анохин², подробно описали шаманизм у тюрков Горного Алтая и их представления о душе. Однако до настоящего времени не существует анализа самих названий души и не определена система обозначения понятий души.

Исследователи обычно приводят семь основных названий для души, встречающихся у алтайцев Горного Алтая: *süne, tyn, qut, djula, sür, djel-salqyn, üzüt*, которые обозначают различные ипостаси и метаморфозы души человека. Кроме того, существуют еще названия для души умерших людей — *aruu körmös* и *djatan körmös*.

Атрибуты, характеризующие то или иное понятие души у алтайцев, и структурно-типологический подход к их рассмотрению позволяют с большей точностью определить значение тех названий групп, которые сохранились как пережитки в современном языке алтайцев.

Прежде чем перейти к анализу всех названий души, остановимся на значении термина для обобщающего понятия души *süne*, имеющего общее значение «душа человека». Это обозначение в одинаковой степени применимо к душе и живого и умершего человека. Этот термин встречается главным образом в тюркских языках Сибири и монгольских языках. Исследователи отметили ряд его значений³: «душа, свойственная только человеку, живущая и по смерти человека», в отсутствие ее человек лишается памяти, сознания, и если она долго не возвращается, то человек умирает (В. Вербицкий); «душа, жизненная сила людей, призраки, душа отделившаяся от тела умершего»: *sünäzäng* — «душа», (В. Радлов).

¹ В. И. Вербицкий, Алтайские инородцы, «Сборник этнографических статей и исследований», М., 1893; его же, Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка, Казань, 1884.

² А. В. Анохин, Материалы по шаманству у алтайцев, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. IV, Л., 1924; его же, Душа и ее свойства по представлению телеутов, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. VIII, Л., 1929.

³ Сведения по лексике различных тюркских языков даны по словарям: В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, I—IV, СПб., 1893—1911; Л. Будагов, Сравнительный словарь тюркско-татарских наречий, СПб., 1869—1871; В. Вербицкий, Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка; Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул, Хакасско-русский словарь, М., 1953; Н. А. Баскаков, Т. М. Тошкова, Ойротско-русский словарь, М., 1947; Ш. Ч. Сати др., Тувинско-русский словарь под ред. А. А. Пальмбаха, М., 1955; А. Лувсандэндэв (ред.), Монгольско-русский словарь, М., 1957; «Древнетюркский словарь», Л., 1969.

Хакасск. *süne* — «душа человека, выходящая в момент смерти, призрак умершего»; тувинск. *sünezin* — «душа, дух»; монгольск. *süns (en)* — «душа, дух; истинный смысл чего-либо».

Все остальные названия для души, встречающиеся в языке алтайцев Горного Алтая, обозначают ее конкретные преобразования и представлены двумя основными группами — для прижизненных и посмертных субстанций души.

Группу прижизненных названий души составляют термины: *tyн*, *qut*, *djula*, *sür*.

1. *Tyn*. Это слово в алтайском языке имеет два основных значения: «дыхание, дух»; «душа, которая является нематериальной субстанцией⁴, неотторжимой при жизни человека; при лишении ее человек умирает»; ср.: *tyнy čyqty* — «душа его вышла, он умер», *tyн üzüldi* — «душа его оборвалась, он умер». Слово *tyн* широко распространено во многих современных и древних тюркских языках.

Древнетюркск. *tyн* — «дыхание, дух»; «дышать», *tyнygly* — «живой, живущий»; *tyнlyg* — «живое существо»; *tyнsyз* — «не живой»; тувинск. *tyн* — «жизнь»; «дышать», *tyнnyg* — «живой, одушевленный». Хакасск. *tyн*: 1 — «душа», 2 — «дыхание»; *tyнy syxtы* — «он умер»; *tyн* — «дышать».

Таким образом, этимология этого слова тесно связана с понятием «дух, дышать, дыхание, душа», т. е. это слово является прямым аналогом русского слова «душа». Что касается самого корня *tyн*, то М. Рясянен, приводя варианты среднетюркск. *tyн*, якутск. *tyн*, чувашск. *čät*, туркм. *dyyn-č*, ограничивается лишь указанием на то, что данное слово в производной форме *čin-ar* также перешло из тюркского в монгольские языки⁵.

2. *Qut*. Это слово означает «эмбрион, жизненная сила», «дух, душа» и противопоставляется понятию нематериальной души *tyн* как материальное ее воплощение, как жизненная сила, ниспосланная *anam djaıcy*, т. е. матерью-творцом, и появляющаяся в утробе матери в виде красного червяка *quzyl qurt*⁶. Душа *qut*, так же как и душа *tyн*, — неотторжимая субстанция души живого человека. Утрата *qut*, так же как и *tyн*, приводит к смерти. *Qut* иногда отождествляется алтайцами с понятием *djula*, хотя *djula* — это только метаморфоза *qut* и *tyн*, их нематериальное отражение, получающее материальную реализацию в виде *sür*. *Kiži qorqup, qudy čyqty* — «человек испугался, и *qut* у него вышел»; под понятием *qut* в данном выражении подразумевается его метаморфоза *djula*, так как лишение *qut*, по древним верованиям, влечет за собой немедленную смерть.

Qut является общетюркским словом; ср. древнетюркск. *qut* в значениях: 1 — «душа, жизненная сила, дух»; *qutumny beremen* — «я отдаю душу, я умираю»; 2 — «счастье, благо, благодать, благополучие, удача, успех, состояние блаженства»; 3 — «достоинство, величие»; а также производные: *quta* < *qutla* — «становиться счастливым»; *qutad* < *qutlat* — «делать счастливым»; *qutadgu bilik* — «знание о том, как быть счастливым»; *qutlu* — «счастливый, обладающий жизненной силой»; казахск., каракалпакск. *qut*: 1 — «жизненная сила, дух»; 2 — «амулет, охраняющий скот»; 3 — «счастье», *qutum qašty* — «мне не везет»; тувинск. *qut* — «душа, животворная сила»; хакасск. *xut* — «душа, дух, жизненная сила»; монгольск. *xutag* — «счастье, благополучие»; маньчжурск. *xutu* — «счастье». тунгусск. *qutu* — «счастье».

⁴ Термины «материальный» и «нематериальный» имеют здесь условные значения: «материальный» — воспринимаемый органами чувств человека; «нематериальный» — недоступный для ощущений человека образ души. Это соответствует понятиям «телесный», «бестелесный» или «телесные души» и «бестелесные души психе», по В. Вундту.

⁵ Martti Räsänen, Versuch eines ethymologischen Wörterbuchs der Türkischen, Helsinki, 1969.

⁶ А. В. Анохин, Душа и ее свойства..., стр. 253.

Этимология слова *qut*, общего и для монгольских и для тунгусо-маньчжурских языков, может быть связана с общеалтайским его происхождением.

3. *Djula*. Это слово в алтайском языке имеет значение «метаморфоза души *qut*, нематериальная, невидимая субстанция души, временно покинувшей живого человека». По суеверным представлениям алтайцев, отсутствие *djula* иногда не замечается человеком, а иногда определяется по его болезни; ср.: *ох! djulam djoq, qamga baryp djulam urduradym* — «ох! нет у меня *djula*, пойду к шаману, чтобы он возвратил мне душу *djula*»⁷. *Djula*, по поверью, возвращается к человеку после специального камлания шамана.

Душу *djula* древние алтайцы представляют нематериальной. В некоторых случаях она может принять тот или иной вещественный образ и тогда превращается в *sür*, т. е. становится иной метаморфозой души.

В подобных значениях это слово встречается, например, в хакасском *čula* — «душа, духовный двойник человека, который может покидать тело человека при жизни». В. Радлов приводит два значения слова *djula*: «экстракт, эссенция» и «душа умершего». Однако последнее толкование не соответствует истинному значению данного понятия в верованиях алтайцев. В действительности *djula* означает субстанцию души, которая может временно отторгаться от живого человека.

Этимология слова *djula* может быть связана с общетюркским глаголом *jul* — «вырывать, выдергивать, спасать, освобождать» или с монгольским *julex* — «переливать».

4. *Süg*. Это термин имеет значения: 1 — «образ, облик предмета, изображение предмета, человека»; 2 — «призрак, привидение»; 3 — «различные метаморфозы души человека, покинувшей его при жизни, чаще всего в виде человека-двойника»; ср.: *sen sürümdi körgön bolorzyn* — «ты, возможно, видел не меня, а мой *sün*»⁸, т. е. «мою душу — двойника, мой призрак». Существует несколько противоречивых сведений о значении этого термина. Так, А. В. Анохин не считает *sür* преобразованием *djula*, хотя и признает, что отделение *sür* от человека возможно, по поверьям алтайцев, только при жизни. Наши данные, полученные путем опроса, проведенного у северных и южных алтайцев, позволяют утверждать, что понятие *sür* по существу представляет вещественную материализацию *djula*. По древним верованиям алтайцев, *sür* — это различные образы или метаморфозы *djula*, т. е. отделившейся и длительно пребывающей вне тела души человека. Впрочем, и по А. В. Анохину, *sür* может покинуть человека за семь или десять лет до его кончины.

Таким образом, *sür* представляет собой материальную субстанцию души *djula*, принявшей тот или иной вещественный образ, чаще в виде двойника — человека — обладателя соответствующего *djula*.

Слово *sür* встречается в современных тюркских языках в следующих значениях: «образ, привидение» (Л. Будагов); «образ, изображение, лицо, призрак, привидение, величие, вид, душа, свойственная человеку и скоту». (В. Вербицкий).

Хакасск. *sürün* — «дух, призрак, который душит человека во время сна»; монгольск. *sür* — «величие; мощь, могущество»; *süürs* — «вдох»; *süürs alдах* — «вздохнуть».

Возможно, слово *sür* заимствовано из арабского *sūrat* < *sür* (*at*) — «вид, образ, изображение».

* * *

Группу посмертных названий души составляют термины *aruu körmös*, *djaman körmös*, *djel* — *salqyn*, *üzüt*.

1. *Aruu körmös*. 2. *Djaman körmös*. В загробной жизни, по древним верованиям алтайцев, душа всякого человека превращается в

⁷ А. В. Анохин, Душа и ее свойства..., стр. 255.

⁸ Там же, стр. 261.

körmös, причём душа праведного, добродетельного человека «живет на том свете». (*ol djerde turup djat*), а душа порочного человека буквально мучается в огне «идет в огонь» (*otqo paryp djat*)⁹.

Души добродетельных людей считаются *aruu körmös*, т. е. чистыми душами, которые становятся добрыми покровителями людей, стражами жилища (*alančyqtyng saqčyzy*) и посредниками между людьми и добрым божеством Ульгеном-Курбустаном (<др. иранск. *Ahuramazda* ~ Ормуздом), в то время как души порочных, грешных людей — *djaman körmös*, т. е. плохие души, становятся пособниками, слугами (*elči*) злого божества подземного нижнего мира (*altyngy oroon*) — Эрлика (<др. иранск. *Ahriman*), они обитают в подземном мире, а поэтому алтайцы употребляют для их названия термин *djerding neme* — «нечто земное, подземное».

Название *körmös* — (букв. «невидящий»), является стяженной формой *körünmes* — «невидимый». Для современного алтайского языка замена форм возвратного залога формами прямого залога — явление, довольно распространенное. Таким образом, этимология этого слова ясна. Значение же слова *kör(ün)mös* — «невидимый» указывает, что оно обозначает метаморфозы нематериальной субстанции души. В этом смысле понятия *aruu körmös* и *djaman körmös* противопоставлены *djel salqyn* и *üzüt*, которые представляют собой соответственные вещественные преобразования души.

3. *Djel-salqyn*. 4. *Üzüt*. Если понятия *aruu körmös* и *djaman körmös* — это метаморфозы нематериальных субстанций души, то понятия *djel-salqyn* и *üzüt* означают соответствующие материальные субстанции, которые приобретают образ человека.

Djel-salqyn — (букв. «легкий ветерок» или «ветер-прохлада») понимается как материализация души добродетельного человека *aruu körmös*. *Djel-salqyn*, по поверьям алтайцев, живут в раю. Их жизнь похожа на жизнь людей на земле.

Üzüt (букв. «рывок, обрыв») представляется алтайцам в виде вихря, порыва ветра, в котором материализуется душа злого человека, *djaman körmös*. *Üzüt* находятся в подземном царстве Эрлика и становятся его слугами. В виде вихря или злого духа они посещают живых людей, могут попасть внутрь человека и причинить ему болезнь, похитить *djula* — покинувшую человека жизненную силу. *Üzüt* прожорлив, случается, что он крадет из дома пищу и вино.

Слово *üzüt* встречается также главным образом в тюркских языках Сибири и в монгольских языках в следующих значениях: — «душа умершего человека» (В. Вербицкий, В. Радлов); хакасск. «болячка на губах», «дух умершего человека»: тувинск, «моль»; монгольск. *üzüütej: ada üzüütej* — «ненавистный, несносный, омерзительный, отвратительный».

Этимологически слово *üzüt* представляет собой именную форму от общетюркского глагола *üz-*, который имеет общее во многих тюркских языках значение «рвать, вырывать, прерывать»; ср. также производные формы и сочетания: хакасск. *üzik* — «обрывок, оборванный»; *üzil-* — «прерываться»; *tyny üzil pargan* — «он умер, скончался», букв. «его душа оборвалась»; казашск., каракалпакск. *üz-* — «рвать обрывать темнеть, меркнуть»; *žan üzildi* — «он умер, его душа оборвалась».

Любопытно, что основные названия метаморфоз души исторически имеют последовательную семантическую связь между собой. Так, коренные морфемы *qut-*, *djul-*, *üz-* связаны между собой общей глагольной семантикой — «лить, поливать, протекать»; ср. тюркск. *qut-*, *qud-*, *quj-* — «лить», *quduq* — «колодец», *qutul-* — «освобождаться, спастись» и пр.

⁹ А. В. Анохин, Материалы по шаманству алтайцев, стр. 21.

< qut; juul-djul; монгольск. *julex* — «переливать»; др. тюркск. *juul* *juulag* — «ручей, проток»; хакасск. койб — «ручей, горная речка»; хакасск. *čul* — «ручей» («освободиться, спастись») < *juul*; *üz-öz-* киргизск. *özön* — «река», алт. *özök* — «ручей, река»; алтайск., киргизск., монгольск. *üzük* — «пролив, река, соединяющая два озера» (*üzül* — «оторвать, освободиться от тела») < *us*.

Корневые морфемы *qut- ~ qyt-*, *jul- ~ djul-*, *üs- ~ üz-* имеют и другое общее значение — «рвать, вырывать, оторвать, отрезать»; ср., например, *qut- ~ qyt-* — чагатаиск. — «резать, отрезать» (В. Радлов); *jul- ~ čul- ~ džul- ~ zul-* в различных тюркских языках — «рвать, вырывать, нарвать»; монгольск. *cuulax* — «рвать надвое», *üz- ~ üs-* — «рвать, обрывать, срывать».

Корневые основы *tyн* и *sür* — ср. тюркск. *tyн* «душа», «дыхание» и монгольск. *süürs* — «вздых».

Корневые основы *sür* и *süne* — ср. тюркск. *sür* — «вид», «изображение» и монгольск. *sünö* — «картина».

Корневые основы *sün-, tyн-, üs-*, — ср. тюркск. *tyн-* — «умирать»; *sün-* — «гаснуть», «гибнуть, и *üş-* — «гаснуть, потухать».

Все эти семантические соотношения позволяют предположить, что различные наименования души возникли в связи с различного рода запретами, табу, например в женском языке, где то или иное запретное слово замещается другим с аналогичным синонимическим значением или заимствуется для каждого случая из другого диалекта или соседнего языка.

Итак, подводя итоги всему сказанному, мы можем установить следующую систему представлений о душе, существовавшую прежде и сохранившуюся в пережитках у современных тюрков Горного Алтая.

Прежде всего, по древним верованиям алтайцев, общее понятие души *süne* дифференцировалось в зависимости от того, принадлежит ли она живому человеку или существует самостоятельно после смерти человека. В первом случае употреблялось общее название *tyн* — букв. «дыхание», а во втором — общее название *körmös* (< *körünmes*) — букв. «невидимый». Таким образом, алтайцы верили, будто есть два самостоятельных мира существования души: *pu djer* — «эта земля, этот мир»; *pašqa djer* — «другой мир, посмертное существование». Каждому из этих миров соответствовала своя группа представлений о душе.

Для души живого человека алтайцы применяли названия *tyн*, *qut*, *djul*, *sür*, при помощи которых характеризовались четыре основных ее преобразования.

Понятия о душе живого человека дифференцировались по двум основным противопоставляемым друг другу признакам.

Отторгаемость и неотторгаемость.

а) Представление о душе как о субстанции, отторжение которой от тела связано с немедленной смертью человека, выражается терминами *tyн* и *qut*.

б) Представлению о душе как о субстанции, которая может отделиться от человека при сохранении его жизни, соответствуют термины *djula* и *sür*.

Материальность и нематериальность:

а) Представление о душе как о материальной субстанции, которая не воспринимается органами чувств человека, выражается в терминах *tyн* и *djula*.

б) Представлению о душе как о материальной субстанции, которая может восприниматься органами чувств человека, соответствуют названия *qut* и *sür*.

Противопоставление дифференциальных признаков в первой группе представлений о душе (*süne*) живого человека показано в таблице 1.

Таблица 1

Понятие	Свойства			
	Отторгаемость	Неотторгаемость	Материальность	Нематериальность
typ	—	+	—	+
qut	—	+	+	—
djula	+	—	—	+
sür	+	—	+	—

Представления о душе умершего человека характеризуются следующими основными терминами, обозначающими четыре преобразования души: *ariu körmös*, *djel — salqun*, *djaman körmös*, *üzüt*. Они также дифференцировались по противоположным друг другу признакам.

Добродетельность и порочность:

а) Душу добродетельного человека, которая живет в другом мире, в царстве Ульгения — Курбустана, называют *ariu körmös* и *djel-salqun*.

б) Душу злого, порочного человека, которая после его смерти «идет в огонь», в «нижний мир», в царство подземного владыки Эрлика, называют *djaman körmös* и *üzüt*.

Материальность и нематериальность:

а) Нематериальные субстанции души после смерти человека называются *ariu körmös* и *djaman körmös*.

б) Представлениям о материальной субстанции души, выходящей из тела человека после смерти якобы в виде ветра или пара, соответствуют термины *djel-salqun* и *üzüt*.

Противопоставление дифференциальных признаков во второй группе представлений о душе человека после его смерти показано в таблице 2.

Таблица 2

Понятие	Свойства			
	Добродетельность	Порочность	Материальность	Нематериальность
<i>ariu körmös</i>	+	—	—	+
<i>djel-salqun</i>	+	—	+	—
<i>djaman körmös</i>	—	+	—	+
<i>üzüt</i>	—	+	+	—

Такова система древних представлений о душе у алтайцев Горного Алтая, гипотетически реконструированная по тем пережиткам, которые сохранились до настоящего времени в преданиях, суевериях, а также в устном словесном творчестве народов Алтая.

Г. В. Цулая

ГРУЗИНСКАЯ КНИЖНАЯ ЛЕГЕНДА О ЧИНГИСХАНЕ

Сохранились две исторические хроники средневековой Грузии, которые содержат сведения о завоевании монголами Кавказа. Одна из них принадлежит анонимному историку, современнику царя Георгия IV Лаша (1213—1222 гг.), очевидцу первого вторжения монголов в Грузию¹; вторая — обширное анонимное историческое повествование, известное под названием «Хронограф XIV века»². Именно в нем приведены различные сведения историко-этнографического характера о монголах и подробно описаны взаимоотношения завоевателей с поработанным населением Грузии.

По свидетельству грузинского историка (что видно также из текстологического анализа Хронографа), он пользовался источниками различного характера, как письменными, так и устными³. Некоторые подробности описания быта и истории монголов в этой хронике согласуются с данными монгольских источников. Однако автор вряд ли пользовался ими непосредственно. На этот счет он делает вполне ясное заявление: «В древних книгах где-либо не найти повести о них» (монголах. — Г. Ц.). Выясняется, что аноним вращался в близких к монголам общественных кругах, где он и мог получать необходимые ему сведения.

Среди разнообразных исторических материалов, сообщаемых анонимом, особый интерес может вызвать зафиксированное им сказание о Чингисхане. Перевод и исследование этого сказания публикуются на русском языке впервые.

Повесть о Чингиз-каене, как явился он в стране Восточной

В стране Солнечной на Востоке, которую именуют Чинмачин, явились люди некие из местности дивной, именуемой Каркорум, чуждые ликом, нравами и внешностью. Ибо в древних книгах где-либо не найти повести о них, потому как суть они чужды по языку, чужды обличем, чужды бытом; не знали вкуса хлебного, но мясом и молоком бессловесных питались. Однако были телом совершенны, плотью дородны и мощны ногами, прекрасны и белолицы, с глазами узкими и карими, удлиненными и яркими; большеглавыя, с волосами темными и частыми, плосколобые, с носами настолько низкими, что щеки возвышались над носами и видны были лишь маленькие ноздри; губы малые, зубы ровные и белые; совершенно безбородые. Такие необычные имели они лица. Но не дивитесь никто тому, что все они — и мужчины и женщины — обладали какой-то удивительной внешностью. Вместе с тем обрели они мужество и были лучниками избран-

¹ См.: «Картлис цховреба» (составитель и автор комментариев С. Г. Каухчишвили), т. I, Тбилиси, 1955, стр. 365—371 (на древнегруз. яз.); И. А. Джавахишвили, Древнегрузинская историческая литература, Тбилиси, 1945, стр. 244—245 (на груз. яз.); К. С. Кекалдзе, Этюды по истории древнегрузинской литературы, т. I, Тбилиси, 1956, стр. 288—299 (на груз. яз.).

² См. «Картлис цховреба», т. II, Тбилиси, 1959, стр. 151—325.

³ Там же, стр. 182 и др.; И. А. Джавахишвили, Указ, раб., стр. 255—257.

ными, безупречно стреляющими из своих тугих луков тяжелыми стрелами, удара которых не выдерживали никакие доспехи. Особенно ловки они были на лошадях, ибо на лошадях они вырастали, не знали доспехов, кроме лука и стрел.

Так были дивны эти люди, что, глядя на них, можно было признать их безумными. Однако всякая мудрость обреталась среди них, и обладали они разумом полным, малоречивые, и слова лживого — не было промеж них нигде. Не было у них подобию страсти пред лицом человека: ни пред великим, ни пред малым даже на совете, ибо владели добрым порядком, сотворенным Чингиз-каеном, говорить о чем подробно стало бы долгой речью⁴.

Была в законе у них вера в единого бога бессмертного: [они] обращали лицо к солнцу на восток, трижды преклоняли колена, трижды кланялись, концом среднего пальца касались ладони и прищелкивали, и более ничего.

Уигуры же были служителями идола, которого называли Куджном. Обрели они письмо с малым [количеством] букв, ибо пишут они книги⁵ имея [в алфавите] шестнадцать букв, которые просты для изучения и легко понимаемы. Они же создали в виде короникона [цикл] двенадцать лет по названию двенадцати бессловесных животных и каждого бессловесного животного поставили во главе каждого года, как некогда в древности мудрые эллины [создали] двенадцать зодиаков, что суть звезды и созвездия солнца и луны. Каждому из этих созвездий отвели они по тридцать солнечных дней (и не суть они животные, но [знаки] зодиака), также во главе каждого года отвели место по одному животному и по истечении двенадцати [лет] животных начинали заново... Достигнув двенадцатого года, вновь начинают счисление лет, которые называют так: Кулгунджил, Укурджил, Парсинджил, Тавлаинджил, Луилджил, Могилджил, Моринджил, Кокинджил, Мечинджил, Таганджил, Нохинджил, Қакаинджил.

Таковы названия двенадцати животных, каждому из которых отвели главенство над каждым годом и первым из них сделали Колгуна, которое есть Мышь, затем идут Корова⁶, Леопард, Заяц, Дракон, Змея, Лошадь, Овца, Обезьяна, Курица, Собака и Свинья. Это имели они для счисления лет, как мы, грузины, короникон.

В обычае же было у них поклонение единому богу, которого на языке своем называли Тенгри. И начинали писать так: «Мангу Тенгри Кучундур», то есть: «Силою бессмертного бога».

Обходились они малым [количеством] пищи, ибо ели всякую тварь: плоть кошачью, собачью и всякую.

Племя их прежде, так же, как и ныне, делилось на множество родов, из которых упомяну лишь двенадцать названий: первейший род: Сакиры, [затем] Хинди, Каты, Джалир, Оирд, Сулдус, Нахимы, Конкард, Мангут, Тангуты, Каит и Угуры. Угуры же поклоняются идолу, которого называют Кунджитом. Они называют себя на языке своем мангол, грузины же — татарами, коих представляю единым миром.

Но из рода Каитов, одного из племен, выделился человек по имени Темурчи, который и есть Чингиз-каен. Был он доброликий и красивый, телом рослый, с волосами чуть рыжеватыми многосильный, храбрый, в бою отважный, искусный стрелок, глубокомысленный и в помыслах удачливый. Пошел он для получения даров и почестей к главнейшему их [рода] царю, именуемому ханом и которого называли Онханом. Как только узрел его [Темучина], возлюбил его за достоинства, возвел его в великую честь среди всех ему равных знатнейших вельмож. Вручил ему предводительство своим войском и всюду были сокрушены ослушники и отступники, и отовсюду возвращался он победителем к патрону своему, царю Онхану. Он же возвел его [Темучина] в великую честь.

Стали этому завидовать брат Онхана по имени Уткин, и его же сын Колак и донесли Онхану, а именно: «Замыслил захватить царство твое и называют его [уже] ханом, то есть каеном». Тогда решил [Онхан] убить его, но учуял Темурчи замысел сей, ибо

⁴ В другом месте своего произведения автор сообщает любопытную этнографическую деталь из быта древних монголов: «А для твердости клятвы трижды окунали чистое золото в воду и, проделав это, выпивали ее и, приняв доверившегося им, не преступали данную клятву» («Картлис цховреба», т. II, стр. 189—190).

⁵ Словом «книга» мы перевели грузинское «цигни», что в древнегрузинском языке означало одновременно и «книга» и «письмо».

⁶ В оригинале *зроха*, что по-древнегрузински значит и бык и корова,

сказали [об этом] ему два неких человека, которых звали: одного Колак и другого Бад, а именно: «Возжелал Онхан смерти твоей».

И он бежал, и с ним вместе двое тех людей. Пришел он в дом свой — юрту, поднял семью и шел один день и одну ночь. Затем бросив семью, вещи и имущество, подошел к берегу той самой реки, которую называют Бладжун, несколько удалил свою дружину и ушел в некое ущелье.

Но разведав Онхан о бегстве Темурчи, стремглав пустился за ним и нагнал семью и имущество его. Захватил пленных множество, и нагрузилось добычей войско его. Тогда нагрянул Темурчи на все войско Онхана. Произошла битва мощная и жестокая, было истреблено с обеих сторон неисчислимое [множество людей] и одолели Онхана, пустились в погону, схватили и убили Онхана. Стремглав нагрянул на семью Онхана, прибрал к рукам все богатства его, жену его и детей, кроме старшего сына Онхана Колака.

И воссел на престоле Онхана и нарекли Темурчи именем Чингиз-каен.

Вслед за этим начал воевать против царя конгардов Алтухана, одолел и убил его, и овладел царством его. Затем сын Онхана Колак пришел к некоему Горхану и (вместе с ним) воевал против Чингиз-каена. Он же [Темурчи] вступил в борьбу с Горханом, одолел его, убил Горхана и подчинил войска Горхановы.

Вслед за этим двинулся он на угуров, тех, что называли царя своего Едutom. В ту же пору эмуром [эмиром — ?] у угуров был некий Сарчук, дивные дела которого сказочны да и суть сказки и поганы, и потому говорить о них ныне не место. Но Чингиз-каен смилостивился над ним, держал его в уважении, прибрал множество татар и подчинил [их], подчинил он также каркиотов.

И как только он устроился над татарами, явился некий дивный человек, которого именовали родом из Тебтунов. Он предстал перед каеном и сказал следующее: «Я пойду на гору ту, что называют Балик: слышу глас божий. То велит бог: отдаю Темурчи и его воинам все земли и да будет ему именем Чингиз-каен».

Но было сказано и то, что Чингиз-каен взошел на гору высокую и явился ему владыка Иисус Христос, бог всех, и он научал [Чингиса] праву, вере, невинности и истине, отречению от лжи, воровства и всякого (прочего) зла и говорил: «Защити эти заповеди, и все земли и племена я вручаю тебе. Иди и забирай все земли, какие только тебе под силу».

Став каеном, пришел он в Хатаети и вошел в церкви, узрел в них образ Спасителя Иисуса Христа и тотчас же поклонился ему и сказал: «Вот тот человек, которого видел я на горе Чинетской, был он такого же лика и научал меня всем законам моим». Возлюбил его Чингиз-каен, благославлял его и все заповеди, данные им, твердо соблюдал. Затем воевал с хатаетским ханом Арслан-ханом и одолел его. Захватил двести тысяч его людей и казнил их. Узнав об этом, Арслан-хан вошел в дом свой с женой и детьми и повелел слугам своим поджечь тот дом. Они и совершили то. И сгорел в огне том Арслан-хан с семьей своей. Вошел Чингиз-каен и воссел на престоле его и покорил Хатаети. Так это и есть по сю пору».

Легенду о Чингисхане автор Хронографа начинает с этнографического экскурса о монголах. На фоне этого повествования выведен образ монгольского хана.

Грузинский летописец хорошо знаком с бытом и нравами монголов⁷. Даже отдельные детали, которые на первый взгляд могут показаться случайными, находят точную аналогию в монгольских источниках. Так, в Хронографе сказано: «Всякая мудрость обреталась среди них, и обладали они разумом полным, малоречивые, и слова лживого не было промеж них нигде..., ибо владели добрым порядком, сотворенным Чингиз-каеном». Все это соответствовало нормам общественного поведения, установленным «Ясаком» Чингисхана, и этическим предписаниям «Тайной истории монголов». Рашид-ад-дин сообщает специальное предписание монгольских правителей, требующее строжайшего соблюдения изданного ими закона. «Если кто-либо дерзнет,— говори-

⁷ См. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. III, Тбилиси, 1966, стр. 76—80, 335—336 и др. (на груз. яз.).

лось в законодательстве монголов,— и совершит деяние, не соответствующее законам и порядкам старым и новым, то его за это постигнет наказание и достойная вины расплата»⁸.

«„Джасак“⁹ Чингис-хана,— писал прекрасный знаток истории и быта монголов Б. Я. Владимирцов,— сыграл огромную роль в жизни созданной им империи и долгое время служил монголам основным кодексом права. Так как „Джасак“ действовал с неумолимой строгостью, то в империи Чингиса скоро установился образцовый порядок; убийства, ложь и прелюбодеяния сделались в среде самих монголов редким явлением»¹⁰. Известна монгольская поговорка, приписываемая Чингисхану: «Если много говорить станете, то много ли пользы будет от слов»¹¹. Но все это имело отношение к внутренней организации только монгольского общества. Строжайшая дисциплина способствовала планомерному разорению завоеванных стран. Народы, попавшие под иго монголов, на долгие века становились объектом грабежа, унижений и убийств. «Бедствия, которые постигли все страны,— писал один из армянских авторов XIII в. в связи с завоеванием монголами Кавказа,— превосходят все, что история может рассказать»¹². Само слово «татар» (т. е. «монгол») в армянском и грузинском языках стало синонимом опустошительного смерча. Монгольское иго, писал К. Маркс, «не только давило, оно оскорбляло и иссушало душу народа, ставшего его жертвой... Татары установили режим систематического террора, разорение и массовые убийства стали обычным явлением»¹³.

Автор грузинского Хронографа, тяжело переживавший постигшую его родину катастрофу, идеализировал порядки, существовавшие именно в среде самих монголов, противопоставляя их феодальной анархии современной ему Грузии. Характерно, что при описании внутривнутриполитического состояния своей страны накануне нашествия войск Чингисхана грузинский хронист употребляет термины, прямо противоположные тем, которые он использует для характеристики «монгольского порядка». «Цари и мтавары,— читаем мы в Хронографе,— отрешились от истины, милосердия, прямоты, покоя, справедливости, а взамен обрели высокомерие, насилие, убийство, хищения, разврат, безнравственность»¹⁴.

В древнегрузинский текст приводимого нами сказания составитель и автор комментариев С. Г. Каухчишвили внес ряд конъектур. Одна из них касается описания пищи монголов. В оригинале сказано: «обходились они малым (звучит *мцирета*) [количеством] пищи». С. Г. Каухчишвили предполагает, что это слово можно прочесть по-другому, если раскрыть имеющийся в рукописи титл: *мцирета мц(ена)рета* — «растительный»¹⁵. Такая конъектура вполне оправдана с точки зрения лингвистики. Кроме того, трудно себе представить, чтобы автор, лично знавший монгольских завоевателей, мог писать, что монголы довольствовались «малым количеством пищи». Как известно, в истории монгольских племен важную роль играли так называемые «лесные племена», к которым,

⁸ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. II, М.—Л., 1960, стр. 20; его же, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 259 и сл.; Н. Ц. Мункуев, Заметки о древних монголах, сб. «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970, стр. 365—366.

⁹ Распространенное в старой русской монголоведческой литературе название древнемонгольского свода законов.

¹⁰ Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, Пгр.—М.—Берлин, 1922, стр. 82—83; И. М. Майский, Чингис-хан, «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 79.

¹¹ Н. П. Шастина, Образ Чингисхана в средневековой монгольской литературе. Сб. «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970, стр. 446; С. А. Козин, Сокровенное сказание, М.—Л., 1941, стр. 179, и др. (далее в тексте: Тайная история монголов).

¹² «История монголов по армянским источникам» (перевод К. П. Патканова), вып. 2, СПб., 1874, стр. 12; см. также: И. М. Майский, Указ. раб., стр. 74 и сл.; И. П. Петрушевский, Поход монгольских войск в Среднюю Азию. Сб. «Татаро-монголы в Азии и Европе», стр. 100—126; Н. Ц. Мункуев, Указ. раб., стр. 360 и др.

¹³ К. Магх, Secret diplomatic history of the eighteenth century, London, 1969, p. 111.

¹⁴ «Картлис цховреба», т. II, стр. 178.

¹⁵ Там же, стр. 160, прим. 1.

кстати, принадлежал и сам Темучин¹⁶. А в быту «лесных» народов растительная пища должна была занимать заметное место. По свидетельству «Тайной истории», мать Темучина кормила своих детей кореньями, черемухой, дикими яблоками, луком и чесноком; питались монголы также древесным соком¹⁷. Еще и теперь монгольские скотоводы широко употребляют в пищу дикорастущие растения¹⁸ и вполне естественно, что и в средние века они занимали большое место в рационе монголов. «Несомненно, что кочевники монгольских степей, — пишет А. П. Окладников, — всегда собирали съедобные корни»¹⁹. Характерно, что летоисчисление у монголов до того, как они заимствовали животный цикл, по свидетельству источников, велось «по вырастанию травы»²⁰. Известно также, что земледельческие племена были активными участниками походов Чингисхана²¹. Таким образом, предположение С. Г. Каухчишвили исторически оправдано, а предложенная им конъектура дает возможность использовать данный текст как источник по этнографии древних монголов.

Несомненный интерес представляет перечисление автором 12 наиболее хорошо ему известных «монгольских» племен. Однако идентификация их связана с некоторыми трудностями. Значительная часть приведенных в Хронографе этнонимов искажена позднейшими переписчиками, которые один и тот же термин в разных местах нередко переписывали по-разному (угуры — уигуры и т. п.).

Так, неясно, какой этноним был искажен переписчиком, когда он в свою рукопись вписывал название племени *сакиры*. Можно лишь предполагать, что это были икиресы (при возможном наличии грузинского локативного префикса *са*), которых Чингисхан, по словам Рашид-ад-дина, в 1218 г. отправил на войну с Китаем²². Хинды — это, должно быть, индийцы. Но известно, что грузины, как и армяне, под термином «индийцы» (хинды) часто подразумевали различные неиндийские племена, в особенности жителей пустынь. Неясно, кто такие *каты*. *Джамир*, вероятно, означает *джалаилов*, которые в составе *икиресов* (сакиров — ?) и *кунгиратов* участвовали в походе против Китая. *Оирд* — это *ойраты* (самоназвание одного из западномонгольских племен). Впервые они упоминаются в XIII в., и, таким образом, грузинский Хронограф XIV в. содержит одно из ранних письменных свидетельств об ойратах. Конкретная этническая принадлежность племен *сулдус* и *нахим* неясна, но они, возможно, принадлежали к тюркоязычному населению и принимали активное участие в завоеваниях монголов. *Конкард*, вероятно, монгольское племя *кунгират*, совместно с *икиресами* (сакирами — ?) и *джалаирами* (джамирами — ?) посланное Чингисханом для завоевания Китая. *Мангуты* — так на Востоке называлось монгольское племя, известное на Западе как *ногайцы*. *Тангуты* — одно из тибетских племен. Они создали средневековое государство Си-Ся, которое было уничтожено Чингисханом в 1227 г. У тангутов была высоко развита культура земледелия. *Каиты* — это *киаты*, союз племен, выходцем из которого был сам Чингисхан. И наконец, *угуры* (или *уигуры*) — предки современных уйгуров, оказавшие большое культурное влияние на собственно монголов. Приводимые в Хронографе этнонимы требуют дальнейшей расшифровки, что можно сделать совместными усилиями языковедов,

¹⁶ См. В. В. Бартольд, Соч. т. I, М., 1963, стр. 459; т. V, М., 1967, стр. 256.

¹⁷ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 88—89; Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 34—40.

¹⁸ А. П. Окладников, О начале земледелия за Байкалом и в Монголии, «Древний мир. Сборник в честь акад. В. В. Струве», М., 1962, стр. 424—426.

¹⁹ Там же, стр. 425.

²⁰ В. П. Васильев, История древности восточной части средней Азии от X до XIII в., СПб., 1857, стр. 217.

²¹ См. В. В. Бартольд, Соч., т. V, стр. 469.

²² См. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 179.

историков, этнографов различных специальностей. Перечисленные анонимом племена указывают на этническую пестроту и неоднородность монгольских завоевателей в самой Грузии, повлиявшие на характер грузинских заимствований из монгольского языка. Эти заимствования до сих пор совершенно не изучены.

В одном из списков Хронографа вместо слов «плоть кошачью» («хорца катисаса») вписано «плоть человечесю» («хорца кацисаса») ²³. По нашему мнению, именно последний вариант должен быть аутентичным. При переписке летописи могла произойти ошибка, вызванная схожестью начертаний грузинских букв Т и Ц.

В монгольских летописях не раз упоминается «человеческое мясо» как «пища» богатырей. Эпические стихи «Тайной истории» повествуют о том, как мать Темучина «откормила одного своего сына человеческим мясом... Глотнет целого человека вместе с колчаном — в глотке не застрянет; съест целого мужика — не утолит сердца, осердится, пустит стрелу свою... через гору — десяток — другой людей на стрелу нанижет» и т. д. ²⁴ В монгольском источнике также немало аллегорически переданных эпизодов, в которых соратники Темучина называются «псами», откормленными «человеческим мясом», а побежденных неприятелей варят в котле. Кроме того, имеются сведения и о человеческих жертвоприношениях. Описывая пиршество Чингисхана в связи с восшествием его на престол, Рашид-ад-дин специально отметил: «Выбрали сорок красивых девушек из родов и семей находившихся при нем эмиров и в дорогих одеждах, украшенных золотом и драгоценными камнями, вместе с отборными конями принесли в жертву его духу» ²⁵. В свете этих фантастических рассказов грузинский историк мог создать себе представление о существовании каннибализма у древних монголов.

Особый интерес представляет описание монгольского 12-летнего животного цикла. Это одно из наиболее ранних сведений о древнемонгольском календаре. «Сообщая о 12-летнем цикле у монголов, — отмечал Б. Я. Владимирцов, — грузинский автор приводит монгольские названия циклических животных», они «те же, что и теперь у тибетцев, монголов и маньчжур» ²⁶.

В самой монгольской литературе сведения о Чингисхане сохранились в литературных памятниках XIII в. (близких ко времени жизни и деятельности самого героя и потому отличающихся сравнительной точностью), а также в литературных памятниках XVII в. От XIV—XVI вв. до нас не дошло произведений на монгольском языке, в которых говорилось бы о Чингисхане ²⁷. Это придает особую ценность грузинскому источнику.

Грузинская легенда, идеализирующая Чингисхана, могла быть в ходу у той части грузинских феодальных кругов, которая сотрудничала с монголами. Безупречность целого ряда приводимых летописцем монголь-

²³ «Картлис цховреба», т. II, стр. 160.

²⁴ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 149.

²⁵ Рашид-ад-дин, II, стр. 19; см. также С. А. Козин, Указ. раб., стр. 112, 147.

²⁶ Б. Я. Владимирцов, Анонимный грузинский историк XIV века о монгольском языке, «Известия Академии наук», 1917, № 17, серия 6, стр. 1488. См. также: М. Н. Тихомиров, Г. Г. Стратанович, О двенадцати монгольских месяцах в старинной русской письменности, «Сов. этнография», 1958, № 3, стр. 21—27. 12-летний животный цикл сравнительно недавно был обнаружен и у некоторых кавказских народов — абазин, черкесов, кабардинцев, которые, по мнению исследователей, заимствовали его у ногайцев (см.: Г. П. Сердюченко. Счет по животному циклу у кабардино-черкесов, абазин и ногайцев, «Уч. зап. Кабардинского научно-исследовательского ин-та», т. II, Нальчик, 1947; И. В. Захарова, Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. VIII, Алма-Ата, 1960, стр. 37; «Очерки истории Калмыцкой АССР», М., 1967, стр. 513).

²⁷ См. Н. П. Шастина, Указ. раб., стр. 435.

ских фраз и терминов, знание им уйгуро-монгольской письменности свидетельствуют о контактах грузинского автора с соответствующими его, очевидно, высокому социальному рангу представителями монгольского общества. Вместе с тем ни местные антимонгольские традиции, ни даже «Тайная история монголов», отголоски которой звучат в Хронографе, не могли дать повода для лестной характеристики личности «завоевателя мира». Не исключено, что грузинский автор отразил устные традиции монголов середины XIV в., основным мотивом которых была идеализация образа Чингисхана. Об использовании грузинским анонимом именно устных источников может свидетельствовать характер приводимых им монгольских слов и выражений²⁸.

Грузинская легенда о Чингисхане носила книжный характер и не получила распространения в народе. Более того, в грузинской народной речи слова «чингис», «чингискаен» до сих пор являются синонимами грубости.

Общеизвестно, что наиболее активными борцами против монгольского владычества в Закавказье, как и во всех завоеванных монголами странах, выступали именно народные низы. Автор Хронографа неоднократно говорит о той непримиримости, с которой относилось к монголам не только трудовое население Грузии, постоянно готовое к антимонгольским восстаниям, но и воины, вербовавшиеся завоевателями среди грузин и увлекаемые ими в свои походы²⁹.

Таким образом, не только тенденциозность, но и оригинальность грузинского сказания о Чингисхане несомненны. Многочисленные сведения о монгольском императоре имеются и в других средневековых источниках (персидских, армянских, арабских), но они не могли дать нашему автору тех материалов, какими он в данном случае пользовался. Выясняется, что единственным источником могла быть «Тайная история монголов». Но, как известно, по специальному предписанию властей, к нему имели доступ лишь избранные представители монгольской элиты. Следовательно, остается предположить, что грузинский летописец создал своеобразный текст сказания о Чингисхане, основываясь, вероятно, на устных рассказах близких ему представителей монгольского общества.

Начало политической деятельности Чингисхана грузинский аноним связывает с именем «царя» Онхана. Это иранская форма (иранская традиция в общем не была чужда нашему историку) имени Ван-хана — одного из сильных монгольских владык³⁰. Ванхан был другом отца и названным отцом Темучина. Он был первым союзником Темучина на его политическом поприще. Рассказ летописца о том, что Темучин пошел «для получения даров и почестей к главнейшему их (рода), царю их, именуемому ханом и которого звали Онханом», хорошо согласуется с историческими данными «Тайной истории монголов». Отправляясь к Ванхану для заключения с ним союза, молодой Темучин преподнес названному отцу единственную имеющуюся тогда у него драгоценность — «черного соболя доху», приданое своей жены. В «Тайной истории» говорится: «Эту доху Темучин... повез Ванхану... Приехав к Ванхану, Темучин сказал: „Когда-то вы с родителем моим побратались, а стало быть, вместо отца мне; в таком расуждении я и женился, поэтому я тебе привез свадебный подарок — одежду“. С этими словами он поднес ему соболю доху»³¹. Великая честь, которая, по словам грузинского автора, при этом была оказана Онханом Темурчи, и преданная служба последнего своему названному отцу и сюзерену также совпа-

²⁸ Подробнее об этом см. Б. Я. Владимирцов, Анонимный грузинский историк XIV в..., стр. 1495 и др.

²⁹ Ср. Ю. М. Сихарулидзе, Борьба грузинского народа за независимость в XIII—XIV вв., Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).

³⁰ См. Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, стр. 55.

³¹ В. А. Козин, Указ. раб., стр. 95—96.

дает с данными монгольского источника «Тайная история»: «Растроганный Ванхан дал такой ответ: „В благодарность за черную соболью доху объединю твой разъединенный улус. В благодарность за соболью доху соберу твой рассеянный улус“»³². Став верным сподвижником Ванхана, Темучин одержал ряд блестящих побед над его врагами. И, по словам грузинского историка, Темучин в качестве полководца Онхана одержал ряд побед над многочисленными народами, в результате чего были окончательно сокрушены все ослушники и отступники. Надо полагать, что в сообщаемом хронистом факте вручения Темурчи власти над армией звучат отголоски возведения его при покровительстве Ванхана в ханы³³.

Затем наступает разрыв между Темурчи и Онханом. Ход дальнейших событий по Хронографу также совпадает с сюжетной линией «Тайной истории». Точно передана позиция сына Онхана. По «Тайной истории», сын Ванхана Сангум именно из зависти к Темурчи стал настраивать против него своего отца. Когда Темурчи попросил у Ванхана руку его дочери, а Сангуму предложил в жены свою дочь, то Сангум отверг эти предложения из опасения потерять первенство в собственном роду³⁴. Эту позицию Сангума подтверждает и грузинский аноним.

Далее грузинский историк словно пересказывает «Тайную историю». Заговор против Чингисхана³⁵ был раскрыт двумя табуниками Ванхана — Кишлихом и Бадаем (у нашего историка — Колак и Бад). Короткая фраза анонима — «Возжелал Онхан смерти твоей» в «Тайной истории» передается подробно: «С позволения Чингисхана, тут нечего сомневаться и раздумывать: они порешили окружить и схватить»³⁶. Данное вслед за этим в Хронографе описание военных действий, отступления Чингисхана и т. д., также соответствует историческим свидетельствам «Тайной истории». Не обошлось, конечно, и без некоторых перемещений персонажей. Однако эти изменения вполне могли быть отражением своеобразного развития устных традиций монголов в XIV в.

Описание дружбы между Ванханом и Чингисханом, а затем разрыва между ними имеется и в сочинении Рашид-ад-дина³⁷. Но у него этот эпизод извлечен из другого источника, не имеющего ничего общего с «Тайной историей». В рассказе Рашид-ад-дина нет того искреннего пиетета, с которым, по словам грузинского источника, Чингисхан относился к Ванхану. Очевидно, персидский историк, выражая интересы своих непосредственных заказчиков, написал наиболее общепринятую на рубеже XIII—XIV вв. идеализированную биографию Чингисхана. Согласно этой версии, Чингисхан с самого же начала своей политической деятельности представлен фигурой абсолютно независимой, что, по свидетельству монгольских источников XIII в., не соответствовало правде. Из грузинского Хронографа следует, что в официальную версию жизнеописания Чингисхана, очевидно, уже с середины XIV в. включались отдельные сюжеты из «Тайной истории».

После победы над Онханом Чингис, по словам грузинского летописца, «одолеет и убил» некоего Гурхана. Гурхан — это Джамуга, вначале побратим, а впоследствии самый опасный враг Чингисхана. Хронисту он известен лишь по титулу, который Джамуга, согласно «Тайной истории», присвоил себе, подражая могучим владыкам своего времени³⁸.

³² Там же, стр. 96, 99.

³³ См. там же, стр. 111; Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, стр. 48.

³⁴ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 127; Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, стр. 56.

³⁵ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 127—129.

³⁶ Там же, стр. 129.

³⁷ См. Рашид-ад-дин, т. I, ч. 2, стр. 108—111, 249.

³⁸ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 116; В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 528.

О близости грузинской легенды к традициям «Тайной истории» могут свидетельствовать также сходные в обоих источниках описания покорения Чингисханом уйгуров. Согласно «Тайной истории», уйгурский правитель Идуут, знавший о победах Чингисхана, изъявил желание добровольно подчиниться ему. Монгольский владыка «великодушно» согласился на это и даже усыновил уйгурского правителя и выдал за него свою дочь³⁹. Аналогично эти события переданы и в грузинском источнике. «Вслед за этим,— читаем мы в Хронографе,— двинулся он [Чингисхан] на уйгуров, которые называли царя своего Едutom... Но Чингискаен смиростивился над ним и держал его в уважении». Грузинский источник, передавая монгольскую традицию своего времени, идеализирует образ Чингисхана, ибо ожесточенной борьбы монголов с уйгурами, о которой говорит хронист, в действительности не было.

Мы намеренно выпустили из приведенного текста слова о каком-то, вероятно уйгурском, «эмире» Сарчуке: о нем, кроме приведенного здесь сообщения, ничего не известно. Очевидно, это фольклорный персонаж. Поэтому на первый взгляд не совсем понятное в оригинале свидетельство, над кем именно «смиростивился» Чингискаен, мы решаем «в пользу» Едута-Идуута. Отметим, что у грузинского историка то же самое перечисление следовавших одна за другой побед Чингисхана, которое имеется и в «Тайной истории»⁴⁰. Это совпадение не случайно и еще раз может свидетельствовать об использовании грузинским летописцем бытовавших в его время среди близких ему монгольских кругов устных рассказов, задолго до того занесенных в монгольскую хронику.

О пристрастном отношении грузинского историка к Чингисхану свидетельствует также то, что он приобщает кагана к христианству. Средневековые рассказы о распространении христианства в Монгольской империи хоть и не были беспочвенны, но слухи значительно превосходили реальную действительность⁴¹. Грузинский летописец создал своеобразный текст по мотивам этих рассказов о христианском вероисповедании Чингисхана. Анонимный автор Хронографа, естественно, не мог дать каких-либо исторических сведений об «обращении» Чингисхана в христианство. Он лишь свидетельствует об ареале распространения этой легендарной версии.

³⁹ Рашид-ад-дин, стр. 174.

⁴⁰ Там же, стр. 171 и сл.

⁴¹ См.: Я. М. Свет, Запад и Восток на рубеже XIII—XIV веков (в кн.: «После Марко Поло», М., 1968), стр. 9—11 и др.

В. П. Левкович, Н. Г. Панкова

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ У ДЕТЕЙ В РАБОТАХ ЗА- РУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

В последнее время теоретическим проблемам этнического развития уделяется большое внимание как в нашей стране, так и за рубежом¹. Это вызвано прежде всего тем, что развитие техники, транспорта, средств массовой коммуникации оказывает непосредственное воздействие на этнические процессы, приводит к унификации в глобальных масштабах материальной и духовной культуры разных народов.

Кроме того, огромный размах национальных движений во всем мире заставил ученых обратить особое внимание на содержание таких понятий, как «нация», «этнос» и особенно «этническое самосознание». Формирование последнего нередко сопровождается усвоением национальных предрассудков, облегчающих в дальнейшем восприятие националистической идеологии. Поэтому со всей остротой стоит вопрос об относительности этнических определителей и о роли самосознания как одного из существенных этнических показателей на современном этапе².

Этническое самосознание как социально-психологическая категория отражает состояние и формы осознания общности этноса, его взаимоотношения с другими этническими группами, способы самовыделения этноса³. К сожалению, теоретические исследования этнического самосознания не всегда сочетаются с эмпирическими, хотя современная психологическая наука разработала ряд методик для выявления отдельных аспектов этой проблемы.

Цель данного сообщения — ознакомить читателей с экспериментальными методиками и результатами исследований зарубежных этнопсихологов⁴, посвященных вопросам формирования национальных и этнических представлений у детей.

Английские исследователи Густав Ягода и Сьюзен С. Томпсон провели эмпирическое исследование, в ходе которого решались следующие

¹ См.: «Сов. этнография», 1967, № 2, 4; 1968, № 1, 4; 1969, № 2, 5, 6; 1970, № 1, 3, 6; 1971, № 6; 1972, № 3. «Вопросы истории», 1966, № 1, 4, 12; 1967, № 4, 7; «Природа», 1970, № 1, 2; 1971, № 2 и др. «Children's views of foreign peoples: a cross-national study», N. Y., 1967; O. Klineberg, M. Zavalloni, Nationalism and tribalism among African students, Paris, 1969; L. S. Sengor, Politique, nation et developement moderne, Rufisque, 1969; S. Madariaga, Englishmen, Frenchmen, Spaniards, London, 1970; P. Grieger, La caracterologie ethnique, Paris, 1965; H. Tajfel, Social influence and the formation of national attitudes, «Interdisciplinary relationships in the social sciences», Chicago, 1969 и др.

² См.: К. В. Чистов, Этническая общность, этническое самосознание и некоторые проблемы духовной культуры, «Сов. этнография», 1972, № 3, стр. 73—76.

³ Там же, стр. 78.

⁴ Использованы материалы Конференции по проблемам этнического самосознания (ротапринт), состоявшейся в Каннах в сентябре 1969 г., и статьи зарубежных ученых.

задачи: выявление этапов осознания детьми их этнической принадлежности; изучение этнических предпочтений у детей, принадлежащих к этническому большинству и к группам национальных меньшинств.

Исследования проводились в начальных классах трех школ города Глазго, где 15—20% составляли дети пакистанских иммигрантов.

Группы были подобраны по этническому признаку (шотландцы и пакистанцы), по полу, и возрасту (6 лет и 10 лет); каждая подгруппа состояла из 20 человек. Всего было отобрано 160 человек. Объектом наблюдения служили только дети рабочих. Дети иммигрантов, не владеющие достаточно хорошо английским языком, не включались в исследуемую группу. За каждым ребенком велось наблюдение в течение 15—20 минут. После короткой личной беседы для установления контакта исследователь начинал серию «игр», разработанную в форме учебной процедуры.

Специально для данного исследования была разработана методика выявления знаний ребенка о его физических особенностях. Основная переменная состояла из трех элементов: темная кожа как признак ребенка иммигранта, светлая кожа и «кожа среднего оттенка» как признак шотландского ребенка. Кроме цвета кожи, учитывались три цвета глаз и волос, две формы лица, носа, рта. Ребенку предлагались карточки, манипулируя которыми можно было получить до 200 видов разных лиц.

После разъяснения правил обращения с карточками детей просили, подбирая разные формы лица, носа, рта и т. д., составить лицо, похожее на них самих. Чтобы избежать случайного подбора, детям последовательно предлагали подобрать два таких лица. Техника идентификации оказалась удачной, вызывала интерес у детей. Некоторые из них даже просили позволения скомпоновать еще одно лицо, сверх задания. Дети относились к эксперименту очень серьезно. Они постоянно ощупывали свои носы, рты, чтобы точнее найти похожие на карточках.

Результаты исследования приведены в табл. 1. Пара детей отбиралась по полу, возрасту, этнической группе при отсутствии какой-либо иной существенной разницы. В таблице фиксировалось количество детей, относящих себя к той или иной группе по признаку цвета кожи.

Предположив, что показатели «очень светлый» и «светлый» справедливы для шотландских детей, а остальные — для пакистанских детей, Густав Ягода и Сьюзен Томпсон обнаружили, что тенденция к неправильной самооценке более характерна для пакистанских детей младшего возраста, чем для шотландских. Старшие дети, как шотландцы, так и пакистанцы, дают в большинстве случаев правильную самооценку. Некоторые колебания в правильности самооценки обеих возрастных групп (см. табл. 1) авторы объясняют тем, что часть шотландских детей достаточно смугла, а часть пакистанских сравнительно слабо пигментирована.

К сожалению, авторы ограничиваются лишь констатацией фактов, не давая серьезного научного анализа причин обнаруженных ими тенденций. Гипотеза Г. Ягоды и С. Томпсона относительно слабого общения иммигрантов между собой не является единственно возможным объяснением большей неадекватности самооценки у детей младшей пакистанской группы. Не исключено, что одна из причин этого явления может быть связана со сложившимся у пакистанских детей этническим предпочтением к группе национального большинства, в данном случае к шотландцам, обладающим более светлой кожей.

В ходе экспериментального исследования выяснялись также представления о национальности ребенка при помощи прямого вопроса «кто ты такой»? В зависимости от ответа на этот вопрос оценивалась роль национальной принадлежности в самосознании ребенка.

Так как пакистанцы являются иммигрантской группой в Шотландии,

Таблица 1

Оценка детьми разного возраста своего цвета кожи

Пол и возраст испытуемых детей	Цвет кожи				
	очень светлый	светлый	средний	смуглый	темный
Шестилетние					
шотландец	25	8	6	1	—
пакистанец	6	6	9	8	11
Десятилетние					
шотландец	25	11	3	1	—
пакистанец	3	5	17	5	10

Таблица 2

Развитие этнического самосознания у детей разных этнических и возрастных групп

Характер ответов	Шотландцы		Пакистанцы	
	6 лет	10 лет	6 лет	10 лет
Осознание этнической принадлежности	3	8	23	26
Другие ответы	37	32	17	14

Таблица 3

Относительное значение антропологических и этнических признаков, выделяемых детьми разных этнических и возрастных групп

Определяющий признак	Шотландцы		Пакистанцы	
	6 лет	10 лет	6 лет	10 лет
Антропологический признак (пигментация)	5	21	11	20
Одежда	35	19	29	20

они получают представление об этнической принадлежности раньше, чем дети шотландцев, которые относятся к группе национального большинства. В то же время пакистанцы имеют слабое представление о своих физических особенностях. Поэтому не удивительно, что самоопределение на основе самосознания гораздо точнее в обеих пакистанских группах. Однако возрастная тенденция здесь не выявлена.

Для шотландцев отличительным признаком служат преимущественно не этнические, а фамильные, половые и прочие факторы, которые были сгруппированы в серию «другие ответы». Результаты исследования отражает табл. 2.

В другой группе экспериментов выявлялось наличие связи между этническими признаками, такими, как антропологический тип⁵, одежда,

⁵ Имеется в виду цвет волос, кожи, глаз, форма носа, т. е. признаки, зафиксированные на карточках.

жилище, и обобщающим представлением детей о национальности людей, имеющих эти признаки.

Материалом для задания служили четыре куклы с разным цветом лица, в разной одежде, разного пола и возраста. Дети должны были подобрать главной кукле пару из оставшихся трех в группе. Критерий, по которому дети подбирали пару, указывая на существенный, с точки зрения испытуемого, признак этнической группы (цвет кожи, например). Таблица 3 показывает, как часто дети подбирают кукол по антропологическому признаку (пигментации) или по одежде.

Налицо явная тенденция к возрастанию значения антропологических признаков по мере роста детей, особенно у шотландцев.

В рассмотренном выше исследовании, как и в предыдущих, авторы не показывают причин установленных ими интересных фактических данных. Однако результаты подтверждают, что пакистанские дети младших возрастных групп значительно раньше осознают этнические различия с группой национального большинства, в то время как шотландцы подчас только в школе сталкиваются с представителями другой национальности. Поэтому антропологический признак становится для пакистанцев одним из основных параметров этнического самосознания, а внимание шотландцев больше привлекает необычная для них одежда пакистанских детей.

К десяти годам оба отмеченных показателя (антропологические признаки и одежда) играют приблизительно одинаковую роль в осознании этнической принадлежности как у шотландских, так и у пакистанских детей.

И, наконец, Густав Ягода и Сьюзен Томпсон обратили внимание на такой аспект этнического самосознания детей иммигрантов, как их имена. В ходе исследования выяснялось, когда и как ребенок начинает осознавать связь между именем и принадлежностью к этнической группе.

Метод состоял в следующем: опрашиваемому показывали четырех кукол, изображающих «детей» одного с ним пола. Экспериментатор зачитывал испытуемому список имен и фамилий всех кукол, где, наряду с типично пакистанскими именами, имели место шотландские и французские имена, а также шотландские имена в сочетании с пакистанской фамилией. После чтения имен экспериментатор спрашивал, какое имя ребенок хотел бы дать каждой кукле. После того как выбор имен был сделан, процедура повторялась в целях контроля.

Результаты оказались очень четкими: связь между именем и этнической группой осознается уже к 6 годам. Этот факт был подтвержден повторными экспериментами.

Как и ожидалось, контрольная процедура не дала каких-либо значительных отклонений. Для многих детей даже самого младшего возраста это задание оказалось легким: не дожидаясь вопросов экспериментатора об имени куклы, дети указывали на темную куклу и говорили: «Это Хаспаллах».

Г. Ягода и С. Томпсон сделали следующие выводы из своих экспериментов. Этническая самооценка своей внешности, обследованная методом идентификации, показала, что пакистанские дети в возрасте 6 лет представляют себя несколько более неопределенно, чем шотландские дети того же возраста: в 10 лет между ними уже нет разницы в самооценке.

Этническая принадлежность отчетливее осознавалась пакистанскими детьми обоих возрастных уровней. Метод подбора кукол показал, что такой этнический признак, как пигментация, с возрастом становится важным критерием классификации. Установлено также, что имена как характерный признак этнической группы различаются уже в 6 лет, значение этого признака сохраняется с возрастом.

Во многих странах Запада отношения между людьми часто несут на себе груз этнических предрассудков, основа которых закладывается в детском возрасте. В последние годы выявлению генезиса этих явлений и

процессу складывания этнических предпочтений уделяется все более серьезное внимание.

Английский ученый Генри Ташфел провел следующий эксперимент по выявлению у детей предпочтения своей этнической группы⁶.

Английским детям показывали 20 фотографий молодых людей и просили их опустить фотографии в ящики с надписями: «он мне очень нравится», «он мне немного нравится», «он мне не очень нравится» и «он мне очень не нравится». Через несколько недель детям были показаны те же фотографии. При этом отмечалось, что некоторые из молодых людей на фотографиях — англичане, а другие — нет. Дети должны были опустить фотографии в два ящика, в один фотографии, изображавшие, по их мнению, англичан, в другой — неангличан.

Дети были разделены на две группы, и последовательность заданий была различной: одним сначала предлагалось отличить англичан от неангличан, а затем выбрать фотографии по симпатии и антипатии; у других задание строилось в обратном порядке.

Для выявления результатов указанного эксперимента составлялась корреляция, в которой одним из показателей была позиция «симпатии» для всей группы детей, а другим показателем — процент детей, которые выбрали ту же фотографию по категории «англичанин». Эта корреляция была очень высока (0,8), что указывает на значительную согласованность между частотой отнесения фотографии к категории «англичанин» и степенью ее «симпатичности».

В других странах — Дании, Бельгии, Австрии и т. д., где проводился аналогичный эксперимент с фотографиями, результаты примерно те же. Это свидетельствует о том, что дети, принадлежащие к национальному большинству, обнаруживают единодушное предпочтение к их собственной национальной группе.

В исследовании Г. Ягоды и С. Томпсона был проведен сравнительный анализ этнических предпочтений у детей, принадлежащих к национальному большинству, и у детей иммигрантов (на материале изучения шотландских и пакистанских детей).

Относительно этнических предпочтений национальных меньшинств высказывались две противоположные точки зрения. Р. И. Дж. Макдевид и Харри (США) на основании социологического анализа населения по его отношению к детским именам (1966 г.) подчеркивали склонность национальных меньшинств к именам, господствующим у национального большинства, а не к своим собственным именам, которые они считали социально нежелательными. Исследователи отмечали недовольство, испытываемое ребенком, который носил социально нежелательное имя.

С другой стороны, Р. М. С. Десай (Англия, 1963) отмечал противоположную тенденцию, а именно склонность иммигрантов к именам собственной этнической группы. Согласно наблюдениям Десая, английские имена ассоциируются с христианством и имеют нежелательный для иммигрантов оттенок⁷.

Точка зрения Г. Ягоды и С. Томпсона близка концепции Макдевида и Харри. Для выявления этнических предпочтений детей Г. Ягода и С. Томпсон использовали разнообразные методики: конструирования лиц, выбор имен и др.

В одном из исследований дети должны были конструировать лица, манипулируя различными карточками. После того как дети сконструировали по два лица, напоминающие их самих, экспериментатор говорил,

⁶ H. Tajfel, Cognitive aspects of prejudice, «Journal of biosocial science», Supplement 1, 1969, p. 173—191.

⁷ См. обзор материалов конференции: H. Tajfel, Aspects of national and ethnic loyalty, «Social science information», № 9(3), Oxford — Edinburgh, 1971.

Развитие этнических предпочтений на основе антропологических признаков у детей разных групп

Характер ответов	Шотландцы		Пакистанцы	
	6 лет	10 лет	6 лет	10 лет
Предпочитают свой цвет кожи	25	34	22	10
Предпочитают другой цвет кожи	15	6	18	30

что иногда люди бывают недовольны чертами своего лица и хотели бы изменить некоторые из них. Ребенка просили скомпоновать такое лицо, которое он хотел бы иметь. Результаты отражены в табл. 4.

Из таблицы ясно, что в возрасте 6 лет этнические предпочтения еще довольно неопределенны как у шотландских, так и у пакистанских детей. К 10 годам разница между шотландцами и пакистанцами становится весьма существенной. Как у шотландских так и у пакистанских детей формируется отчетливая тенденция в этнических предпочтениях. Дети иммигрантов испытывают отрицательные чувства к своим внешним физическим данным, эти отрицательные чувства с возрастом увеличиваются. Это проявляется, в частности, в выборе цвета глаз. Пакистанские дети постоянно выбирают те карточки, на которых изображены лица с голубыми глазами. Таким образом, исследование показало, что дети иммигрантов отдают предпочтение физическим признакам национального большинства, а не собственной этнической группы.

Затем детям предлагали выбрать имена, которые им нравятся больше всего. В возрасте 6 лет и шотландские и пакистанские дети, как правило, отдают явное предпочтение шотландским именам. К 10 годам наблюдается незначительный сдвиг в обеих группах, у шотландских детей — в сторону смешанных (французских и шотландских) и французских имен, у пакистанских — в сторону пакистанских и смешанных (шотландских и пакистанских) имен.

Но основная тенденция заключается в том, что пакистанские дети предпочитают шотландские имена в той же степени, в какой сами шотландцы предпочитают свои имена (см. табл. 5).

И наконец, была поставлена цель — выявить стереотипные суждения о своей группе, используя кукол со светлой и темной кожей. Сначала перед испытуемым ставились две куклы — мальчики. Нужно было дать ответы на ряд вопросов, например «какая кукла лучше?» и «какая чище»? А затем ставились две куклы — девочки⁸, и вопрос повторялся. Таким образом, каждый ребенок давал две серии суждений, что позволяло избежать случайности выбора при выявлении стереотипа. Если один из положительных ответов относился к светлой кукле, а другой к темной (смешанное суждение), то это служило свидетельством отсутствия сложившегося стереотипа (см. табл. 6).

Из таблицы ясно, что большинство детей, как шотландских, так и пакистанских, считают белых кукол «более красивыми».

⁸ Куклы-мальчики и куклы-девочки показывались отдельно с целью избежать влияния на суждение ребенка сложившихся ориентаций на пол (например, мальчики 10 лет могут иметь стереотипные представления — «все девочки уроды» или «женщины красивее мужчин» и т. д.).

Таблица 5

Выявление этнических предпочтений на основе выбора имени у детей разных групп

Любимое имя	Шотландцы		Пакистанцы	
	6 лет	10 лет	6 лет	10 лет
шотландское	29	15	28	20
пакистанское	2	—	5	11
смешанное	5	17	7	9
французское	4	8	—	—

Таблица 6

Выявление стереотипных суждений о своей группе у детей разных этнических и возрастных групп

Характер ответов	Шотландец		Пакистанец	
	6 лет	10 лет	6 лет	10 лет
Светлая кукла всегда «красивее»	36	33	36	31
Темная кукла всегда «красивее»	—	1	4	6
Смешанное суждение	4	3	—	3
Отказался ответить	—	3	—	—

Результаты этих экспериментов подтверждают предположение авторов о том, что дети иммигрантов отдают предпочтение не своей этнической группе, а национальному большинству, в то время как дети, принадлежащие к национальному большинству, единодушно предпочитают собственную национальную группу.

Ни своеобразные культурные предпосылки, ни традиции не могут предотвратить возникновение отрицательной этнической самооценки у детей пакистанских иммигрантов. Если отношение родителей к ассимиляции детей отрицательно, то неизбежен конфликт между поколениями. Кстати говоря, таких явлений почти нет среди детей западноиндийских иммигрантов, родители которых склонны поощрять освоение британских норм и ценностей.

Существует целый ряд работ, по преимуществу американских ученых, основанных на подобной методике и посвященных социально-психологическому аспекту ассимиляции. Например, Мэри Гудман (1964) в Новой Англии в 40-х годах изучала национальные предпочтения у детей негров и белых в возрасте от 3,5 до 5,5 лет: 92% белых детей оказали предпочтение своей группе, и лишь 26% негритянских детей предпочли свою. К. Б. Кларк (1947 г.) изучал негритянских детей, показывая им белых и темных кукол и спрашивая, какая из кукол им больше нравится: 66% детей выбирали темную куклу; среди белых детей почти такое же количество выбрало белую куклу. В ответ на вопрос «какая кукла лучше?» 59% белых детей ответили, что темная кукла «плохая»⁹.

Чувствительность детей к социальному окружению особенно ярко показал в своей работе Дж. Е. Морланд (1966 г.). Он изучал детей в детских садах северного штата Бостон и южного штата Виргиния, где до

⁹ См.: H. T a j f e l, Aspects of national and ethnic loyalty.

сих пор сильны расистские настроения. В Бостоне 46% негритянских детей оказало предпочтение своей группе; на юге, в Лингбурге, такие настроения проявились лишь у 20%. Среди белых детей свою группу предпочитали в Бостоне 68%, в Лингбурге — 80%.

Все эти эксперименты показывают большую чувствительность детей к окружающим социальным влияниям, даже когда эти влияния перекрещиваются с мощными силами, действующими в направлении идентификации детей с их собственной расовой или этнической группой. Прочная база для предрассудков и конфликтов в будущем закладывается именно в детстве. И — как и следует ожидать — эта чувствительность к социальному окружению сохраняется на всю жизнь, что было ясно показано исследованием Петтигрю (1958), работавшего в Южной Африке и США¹⁰.

Рассмотренные выше экспериментальные методики, получившие большую популярность за рубежом, нуждаются в доработке, так как не учитывают такую особенность детского сознания, как наличие в нем двух различных представлений о чужой нации, которые могут развиваться одновременно: одно — основанное на ежедневном конкретном опыте, другое — на коллективной синтезированной и абстрактной концепции данной нации в целом. Дети младшего возраста используют первое («дистрибутивное») представление о своей собственной нации, а второе («коллективное») — в своем понимании и представлении о других нациях; дети постарше способны пользоваться обеими трактовками нации, в зависимости от ситуации.

На эту двойственность обратила внимание польская исследовательница А. Клоковска. Она пришла к заключению, что во время интервью дети могут пользоваться «коллективной» концепцией, потому что «интервью» представляется им торжественной, важной, серьезной ситуацией¹¹.

Таким образом, А. Клоковска связывает используемую концепцию с характером социальной ситуации.

Важным аспектом в исследовании этнических представлений у детей зарубежные социальные психологи считают выявление механизма возникновения этнических предрассудков, последствием которых часто бывает «дегуманизация»¹² представлений о других нациях. Изучение возникновения национальных предрассудков ставится в прямую связь с задачей ликвидации их опасных последствий. Г. Ташфел пишет: «Межгрупповые предрассудки имеют самые разнообразные формы, и с ними трудно бороться, однако наиболее жесткие и бесчеловечные формы предрассудков рано или поздно можно хотя бы ослабить»¹³. Г. Ягода также указывает, что социальные последствия обычного конфликта между сознанием собственного группового членства и привилегированным положением другой господствующей группы могут быть ослаблены благодаря применению научно разработанных мероприятий в тех районах, где предрассудки своими корнями не уходят глубоко в прошлое и не достигают большой остроты.

Однако зарубежные ученые не учитывают, что национальная политика эффективна лишь в том случае, если она исходит из положения, что в основе национальных противоречий лежит социально-экономическое и культурное неравенство. Следовательно, основным условием исчезновения национальных предрассудков является социально-экономическое равноправие наций. Запрещение публичных форм дискриминации национальных меньшинств не приведет автоматически к исчезновению этнических предрассудков, поскольку они являются следствием социально-исторических противоречий, отраженных в общественном сознании.

¹⁰ H. T a j f e l, Aspects of national and ethnic loyalty.

¹¹ A. K ł o s k o w s k a, National concepts and attitudes of children in a middle-sized city in Polish western territories, «The Polish sociological bulletin», 1961.

¹² H. T a j f e l, Aspects of national and ethnic loyalty.

¹³ H. T a j f e l, Cognitive aspects of prejudice, p. 190.

Отвергая общеметодологические позиции зарубежных ученых по вопросам формирования этнического самосознания у детей, следует отметить, что им удалось успешно применить ряд методик и получить интересные данные об особенностях этнических предпочтений и осознании национальной принадлежности детей разных возрастных и этнических групп.

Знакомство с опытом зарубежных коллег может оказаться полезным в организации социально-психологических исследований этнического самосознания в нашей стране.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Е. Гусев

У ГУСЛЯРОВ БОСНИИ И ЧЕРНОГОРИИ

В сентябре-октябре 1972 г. я был в научной командировке в Югославию, где собирал материалы по истории песен народно-освободительной борьбы. Меня поразила устойчивость эпической традиции в этой стране, хотя, разумеется, речь идет об отдельных очагах народного песенного творчества, когда-то распространенного еще шире. Во многих местах, где мне привелось побывать (работал я в Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине, Далмации и Сербии), гуслеры хорошо помнят классические сюжеты, а события героической антифашистской борьбы вдохновили их на создание новых песен-хроник. В настоящих очерках я ограничусь рассказом о нескольких встречах с народными певцами Черногории и Боснии.

Эти две области Югославии издавна славятся на Балканах народным песенным искусством. Черногорию как край, где не иссякает новое эпическое творчество, выделял Вук Караджич, позднее о распространении гуслерского пения в Черногории писал П. А. Ровинский¹. Чешский фольклорист М. Мурко, неоднократно бывавший в Югославии (последний раз в 1932 г.), утверждал, что «в Черногории полнее всего сохраняется патриархальная жизнь, а с ней также и народная эпика»². Своеобразные условия быта населения Боснии, по свидетельству Мурко, способствовали сохранению гуслерского пения и здесь, особенно в горных районах, а отчасти и в городах³. Вместе с тем даже в этих местах Югославии исследователь заметил затухание эпической традиции в период между двумя мировыми войнами. Однако в годы народно-освободительной борьбы (1941—1945 гг.), особенно на освобожденной территории, эпическое творчество получило новые импульсы, наметились новые формы исполнения песен: гуслеры выступали на сборах партизан и бойцов народно-освободительной армии, в некоторых местах проводились состязания гуслеров⁴.

¹ Сусрети с Вуком, Избор и редакција Г. Добрашиновић, Б. Маринковић, Нови Сад, 1964, стр. 242; П. А. Ровинский, Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II, ч. I, СПб., 1897, стр. 762, 763.

² М. Мурко, Tragom srpsko-hrvatske narodne epike, Putovanja u godinama 1930—1932, I knjiga, Zagreb, 1951, str. 43.

³ М. Мурко, Указ. раб., стр. 41, 42. Ср. свидетельства Н. Шаулића, относящиеся к пограничии между Черногорией и Боснией области — Герцеговине: «Српске народне pjesme. Из збирки Н. Шаулића», књ. I, св. I, Београд, 1929. Предговор, стр. X—XII.

⁴ См.: В. Драшковић. О савременој народној поезији у области Никши — Жабљак — Плевла. «Српска Академија наука. Зборник радова», књ. IV, «Етнографски

В настоящее время в Черногории и Боснии сосуществуют и взаимодействуют две формы исполнения эпических песен — традиционная, в повседневном, особенно сельском, быту, и эстрадная, широко представленная на многочисленных фестивалях. Радио и телевидение в своих регулярных фольклорных передачах пропагандируют и ту и другую формы. Однострунный смычковый инструмент «гусле» и навыки гусларского пения распространены в самых различных группах населения — не только среди крестьян и пастухов, но и среди городских ремесленников, а также в среде интеллигенции, как сельской, так и городской. И в Черногории и в Боснии функционируют специальные самоуправляющиеся организации,

Рис. 1. Черногорский гуслар Бранко Перович (г. Никшич), занявший первое место на состязании гусларов Югославии

объединяющие исполнителей эпических песен. В Сараеве активно работает созданное в 1962 г. Общество гусларов, носящее имя прославленного певца начала XIX в. Филиппа Вишничича. В 1969 г. в Черногории (г. Никшич) создано общество имени Вука Караджича, насчитывающее 180 членов — гусларов и поэтов. По сообщению председателя Йована Чолаковича, общество дало свыше 150 вечеров, участвовало в международном смотре фольклора в Загребе.

Мне удалось познакомиться с деятельностью Сараевского общества и присутствовать на одной из традиционных встреч его членов. Председатель общества — учитель истории Мирко Добричанин — рассказал мне о структуре и об уставе возглавляемой им организации. Общество объединяет около 1000 человек, причем прием в него ограничен: наряду с профессиональным умением играть на гуслях и исполнять традиционные песни (способность создавать новые песни — желательное, но не обязательное условие) его члены должны обладать определенными гражданскими и моральными качествами, пользоваться уважением в производственных коллективах и в бытовой среде (это отражает те высокие требования, которые по традиции предъявляются гусларам — выразителям народных идеалов). Желающие вступить в общество проходят испытательный срок, в течение которого обязаны несколько раз продемонстрировать свое мастерство; в то же время выявляется общественный облик гуслара.

В общество входят люди разных профессий и возрастов, половину его составляют гуслары, имеющие среднее и высшее образование. Любопытно, что среди членов общества нет ни одной женщины⁵. Ежегодно прово-

институт», кн. I, Београд, 1950, стр. 280; П. Влаховић, Гусларске народне pjesme o nekim događajima iz Narodno-oslobodilačke borbe, Београд, 1955.

⁵ Это, несомненно, является следствием давней традиции, характерной для Боснии, а также Черногории, где, в отличие от Сербии, Хорватии и Адриатики, и в прежнее время женщины, игравшие на гуслях и исполнявшие эпические песни, составляли большую редкость. Так, П. А. Ровинский утверждал, что в Черногории женщины вообще не исполняют, хотя и знают, эпические песни (П. А. Ровинский, Указ. раб., т. II, ч. 1, стр. 767). М. Мурко пишет лишь о нескольких женщинах-гусларах в Черногории, а в Боснии называет только одну женщину «из высших кругов» (М. Мурко, Указ. раб., стр. 190, 194, 202).

дится общее собрание, на котором избирается правление общества из 7—11 человек, кассир и так называемый надзорный одбор, контролирующий всю деятельность общества и правления. Правление выявляет гусяров на территории Боснии и Герцеговины, оказывает нуждающимся материальную помощь, организует выступления гусяров в различных аудиториях Сараева и других городах республики, рекомендует лучших исполнителей для выступлений по радио и телевидению (такие передачи в Сараеве устраиваются регулярно, каждую субботу), организует запись выступлений на магнитофонную ленту, собирает и готовит к изданию новые произведения гусяров. В 1971 г. общество провело первый Всеюгославский фестиваль гусяров, на который съехалось свыше 1100 певцов, но к выступлениям было допущено 160 человек, а фактически выступило 122 гусяра. Эти цифры дают косвенное представление о степени распространенности народно-профессионального эпического пения и о строгости критериев, применяемых правлением общества «Филипп Вишнич». Характерно, что первую премию на фестивале получил черногорский гусяр Бранко Перович, вторую — Раде Ямина из Герцеговины, третью разделили Иован Вукичевич из Боснии и Миодраг Николич из Сербии. Песни победителей записаны на пластинки, которые изданы массовым тиражом (их было нелегко найти в продаже).

Но особенно интересны для фольклориста и этнографа традиционные встречи гусяров, проходящие в виде своеобразного неофициального состязания в мастерстве. Такие встречи приурочены к среде — дню, когда и в старом Сараеве гусяры обычно собирались и выступали по городским кофейням. М. Мурко писал в своей книге: «Недалеко от вокзала, в деревянной „кафане“ в 1931 году каждую среду пели 2—3 певца»⁶. Теперь на смену этому обычаю пришли еженедельные встречи в Обществе гусяров. Я присутствовал на одной из таких встреч в среду 27 сентября. О моем приходе Общество заранее не извещалось; пришел я не к началу собрания (оно всегда назначается на 6 часов вечера), а намеренно несколько позже, когда все шло по заведенному обычаю; никакого официального представления меня собравшимся не было. Я пишу об этом для того, чтобы читателю было ясно, что мои наблюдения отражают не специально подготовленный «показ» для гостя, а обычную, традиционную, «рабочую» встречу.

Помещение, куда я вошел, представляло собой большой зал с голыми стенами, уставленный деревянными столами, за одним из которых сидел председатель Общества с несколькими гусярами. Среди них оказался и мой знакомый — гусяр и поэт, фольклорист-любитель Томо Джукич, который и представил меня сидевшей за этим столом компании. В накуренном зале собралось человек 60. Как мне объяснили, некоторые приехали впервые из окрестных сел. Гусяры сидели небольшими компаниями, по 6—8 человек вокруг столов, курили, заказывали себе кто «ракию» (виноградная водка), кто черный кофе, сок или минеральную воду, вели негромкую беседу. От стола к столу передавали гусли, кто-нибудь брал их в руки и без всякого объяснения, оставаясь на своем месте, запевал песню. Разговор во время пения постепенно стихал, но не за всеми столиками, в зависимости от того, насколько привлекало внимание присутствующих пение. Никто к тишине не призывал. Иногда было очень шумно — это значило, что собравшимся гусярам пение не нравилось. Хороших же певцов все слушали молча. Это, собственно, и было знаком одобрения — никаких выступлений, реплик и даже аплодисментов не полагалось. Однако после каждой песни в течение нескольких минут за столиками оживленно обменивались мнениями, а исполнителю предоставлялось самому судить о восприятии слушателей. Лишь один раз за весь вечер, когда особенно всем понравилось пение одного сараевского студента, исполнившего традиционную эпическую песню о бое черногорцев

⁶ М. Мурко, Указ. раб., стр. 42.

с турками, раздалось несколько возгласов одобрения и хлопков. В такой обстановке трудно выступать, надо обладать и сильным голосом, чтобы перекрыть гул, и смелостью, поскольку собравшиеся слушали не «из вежливости», а, напротив, весьма придирчиво и даже ревниво. Это все были знатоки, на которых угодить было нелегко. Можно было ожидать, что желающих петь будет немного, между тем гусли не залеживались на коленях, а переходили из рук в руки, один певец сменял другого, и никто, даже удачливый студент, не бисировал, песня звучала за песней в течение всего вечера. Сюжеты песен были самыми различными, каждый пел то, что, очевидно, считал для себя самым выигрышным или интересным для слушателей, — и песни о Марке Краевиче и о других героях старых времен, и гайдуцкие песни, и песни о балканских войнах XIX — начала XX в., и так называемые мусульманские эпические песни, и песни из эпохи народно-освободительной борьбы, и песни-хроники о событиях послевоенного времени. Аудитория все время менялась: одни уходили, простившись не со всеми, а только со своей компанией, другие приходили, приветствуя знакомых и окликая девушку, разносившую напитки.

Большую часть собравшихся составляли давние члены общества, петь мог каждый, кто хотел, и в этот вечер выступило несколько старых, хорошо известных в Сараеве гусяров. Члены правления, слушая эти выступления и учитывая реакцию требовательной аудитории, потом уже определили, кого следует рекомендовать для очередной программы по радио или для выступления в рабочих клубах.

В течение всего долгого вечера помещение было заполнено и лишь после 10 часов постепенно опустело, причем никакого официального «закрытия» или подведения итогов встречи не было, хотя выступило и несколько новичков, кандидатов в члены Общества. Как объяснил мне Добричанин, по средам гусяры собираются главным образом для того, чтобы потолковать о своих повседневных делах, попеть самим и послушать других. Представление о новичках складывается у членов общества исподволь, в итоге нескольких таких встреч и неоднократных добровольных выступлений. Одна неудача или успех ничего еще не предрешают, гусяры не торопятся с выводами. Прием в общество осуществляется после того, как будет окончательно выяснено общественное мнение.

Атмосфера этой встречи, чувство собственного достоинства, какое отличало многих гусяров, самый внешний вид их (большинство пришло приодевшись, что было заметно даже по не модным, но опрятным костюмам крестьян) — все это внушает уверенность, что новая форма организации гусяров и исполнения эпических песен не мертворожденная, что она представляет собой органическое развитие некоторых традиций в новых общественных условиях современной Югославии.

Для характеристики эпической традиции в повседневном быту наибольший интерес представляют не столько эстрадные выступления гусяров, репертуар и манера исполнения победителей конкурсов, сколько знакомство с не известными широкой общественности певцами в условиях их обыденной жизни. С несколькими такими гусярами мне также довелось встретиться.

Один из характерных современных гусяров в Черногории — тридцатисемилетний Миловое (Мишо) Милянов Петрович. Он хранитель музея Марко Милянова в горном селе Медун, в 12 км на северо-восток от Титограда. С именем Марко Милянова, воеводы и писателя, связана одна из самых героических страниц в истории освободительной борьбы черногорского народа против турецкого ига — сражение на Фундини (1876). Весной 1972 г. в доме-крепости, когда-то принадлежавшем грозному воеводе, был открыт мемориальный музей. Мы познакомились с Мишо Петровичем во дворе музея. Отсюда открывается широкая панорама суровых безлесных гор с разбросанными по их отрогам белокаменными деревеньками. Под нами лежали развалины древней крепости, а над го-

Рис. 2. Гуслиар Миловое Петровиц (село Медун, Черногория)

лей! Мне не приходилось читать ни о чем подобном в исследованиях о сербско-хорватском эпосе. Мишо Петровиц любил еще в детстве слушать игру на гуслях и пение своего деда, а позже отца и других местных старых гуслиаров. Поет он серьезно, воодушевляясь все больше и больше, от напряжения лицо его краснеет. Вслед за песней о пире у князя Лазаря он исполняет знаменитую трагическую песню о Косовской битве, за ней — о женитьбе князя Лазаря... Я замечаю, что песни Косовского цикла он поет на один напев, впрочем, искусно изменяет темп, выделяя наиболее драматические места, прерывает иногда повествование и продолжает лишь играть на гуслях, как бы подогревая интерес слушателей. Спрашиваю у него, поет ли он вообще все песни на эту мелодию. «Нет, пою на два-три начина», — отвечает он. И сразу же, совсем по-иному, гораздо быстрее, динамичнее, с драматическими интонациями, запевает «Санак снила лијепа српкињ» — песню об одном из самых памятных событий в истории Черногории, о разорении турками Косора и Медуна (события относятся к 1774 г.). Эту песню сам гуслиар объявил так: «Прва поара Кучи» (первое разорение племени Кучи), — и сообщил, что узнал ее не от других певцов, а из книги Марка Милянова. Вернувшись в Титоград, я нашел текст песни в историческом сочинении Марка Милянова «Племя Кучи в народном предании и песне»; там же сам писатель употребляет и выражение «прва поара Кучи»⁷. Песня Петровица — сокращенная редакция текста, опубликованного писателем.

⁷ М. Милянов, Племя Кучи у народној причи и пјесми, «Сабрана дјела», т. 3, Титоград, 1967, стр. 189—209. Племя Кучи — одно из тех черногорских племен, которые дольше всего сохраняли свою независимость как в отношении Османской империи, так и по отношению к государственной власти в самой Черногории.

В том, что Петрович эту песню, как и некоторые другие, усвоил из книг, нет ничего необычного. И прежде, даже в XIX в., черногорские гуслеры охотно пользовались книжными источниками, в особенности популярными сборниками Петра Негоша «Огледало српско» (1845), Мирко Петровича «Јуначки споменик» (1864), Максима Шобанча «Освета косовска» (1879) и «Словенска слога» (1880)⁸. В песенной манере Петровича примечательно другое: текст песен из сочинений Марко Милянова, Петра Негоша и из других печатных изданий он воспроизводит довольно близко к подлиннику, и эти песни по облику оказываются более традиционными, нежели те, которые он воспринял у других гуслеров. В последних непременно соблюдается парная рифма, что и отличает новый импровизационный стиль гуслерского пения XX в.

Песенный репертуар М. Петровича очень разнообразен — наряду с древними эпическими сюжетами это и исторические песни XVIII—XIX вв., особенно песни о борьбе черногорцев с турками (самая любимая его песня — «Петар Бошкович и знаменосец Гарван»). Создает он и сам песни на новые сюжеты, о событиях послевоенного времени, поет песни других авторов (например, из сборника Р. Бећировића — Требишского «Нагоркиње», Никшић, 1969).

Пока Мишо Петрович пел одну за другой свои песни, во дворе появилось несколько человек, это, заслышав пение, пришли из села местные жители. Они молча рассаживались поодаль на камни и внимательно слушали Петровича. Их присутствие еще больше воодушевляло гуслера. В перерыве между песнями я задал ему несколько вопросов⁹.

— Скажите, пожалуйста, поете ли вы только для себя, или в компании, в семье, в кругу друзей?

— Пою на собраниях, в свободное время, в компании, для друзей.

— В каких случаях?

— В различных случаях.

— И многие ли слушают вас?

— Слушают, достаточно много людей.

— И как принимают ваши песни?

— Принимают прилично.

— Поете ли за деньги?

— Нет, бескорыстно!

В ответах, в интонациях голоса я уловил гордость молодого гуслера своей, как мы бы сказали, второй профессией, понимание общественной ценности пения гуслеров.

М. Петровича нельзя назвать прославленным певцом (хотя он и выступал на югославском смотре гуслеров 1971г.), но он вполне удовлетворен тем, что хорошо известен и признан в родных местах.

В Боснии мне посчастливилось побывать на легендарной Романии — горном массиве, где когда-то скрывались отважные гайдуки, а позже партизаны. Жители романийских деревень в большинстве своем переселенцы из Черногории. Как сообщил мне в Сараеве академик Цветко Рихтман, местные гуслеры усвоили напевы черногорских эпических песен и только кое-где здесь еще сохранились более архаические босанские напевы.

На Романию я ездил в обществе сараевской фольклористки Д. Рихтман и двух ветеранов народно-освободительной войны — Т. Джукича и Дж. Вучевича. В их рассказах оживали героические события тридцатилетней давности: оба партизанили в этих местах. К западным склонам

⁸ См.: М. Мигко, Указ. раб., стр. 286—289, 297—300 и др.

⁹ Диалог записан на пленку, он велся на сербско-хорватском языке. Записи песен, произведенные от М. Петровича и других гуслеров, о которых речь пойдет далее, хранятся в кабинете фольклора Ленинградского института театра, музыки и кинематографии.

Романии ведет пустынная грунтовая дорога через Пусто Поле, Сумбуловац и Мокро. Не задерживаясь в селениях, мы поднялись на гору, напоминающую неприступную древнюю крепость своими отвесными скалистыми стенами, каждая из которых имеет в народе свое название — Красная, Черная, Орлиная, Джева... На одной из них всегда развевается алое знамя — символ вечной славы партизан, создавших здесь облетевшую затем всю Югославию песню:

Црвени се бајрак вије,
Он нам дошао из Русије.
На бајраку златно слово,
То је слово Лјениново.

Развевается алый стяг,
Он пришел к нам из России.
На стяге золотое слово,
То ленинское слово.

С вершины Романии открывается волнообразная гористая даль, и только на юге возвышается еще большая громада — заснеженная Яхорина. Леса и автомобильная дорога остались под нами, и мы пешком поднимаемся еще выше по травянистым склонам, где, как и весной, зацвели синие подснежники — «качуны».

Семидесятилетнего пастуха Янко Черемидича из села Мокро и его жену мы нашли на «катуне» — летнем горном пастбище с загонами для скота, огороженными еловыми жердями. И сейчас еще под охраной надежных псов здесь паслись овцы и коровы, позванивая колокольцами. День стоял холодный, и в «брвнаре» (бревенчатая однокамерная хижина), куда нас пригласили хозяева, топилась небольшая чугунная печурка. Падавший из единственного узкого окошка свет позволял рассмотреть скромную обстановку: грубую деревянную кровать, покрытую домотканым покрывалом, изрезанный стол и широкие скамьи вдоль двух стен. Под потолком висела керосиновая лампа, на стене — гусли и кое-какая мужская одежда — куртка и «кабаница» (темный суконный плащ).

Нам не нужно было долго уговаривать хозяина спеть свои песни, хотя, как он признался, ему не приходилось еще выступать перед незнакомыми людьми. Янко Черемидич не из тех гусяров, которые демонстрируют свое мастерство на фестивалях и конкурсах или напевают свои песни на пластинки. Не приходилось ему выступать даже в большом обществе в своем селе, в кафане или в клубе. И жена его подтвердила, что поет он только здесь, на пастбище, или дома — для себя и для гостей, когда кто-нибудь из друзей придет навестить их. Перед нами был тип скромного, не помышлявшего о славе сельского гусяра, для которого игра и пение были повседневным занятием в свободное от работы время, в домашнем быту.

Он снял со стены очень простые, без всяких украшений, яворовые гусли, сделанные в его родном селе, лишь «глава» (верхняя часть) весьма условно изображала примитивно вырезанную голову не то дикой козы, не то лани с некруто загнутыми рогами. «Карлица» (долбленный корпус) — типично босанская, продолговатая; шесть «рупиц» (отверстий) на коже ягненка расположены в форме креста (на дне карлицы — одна рупица): В гусях соблюдена классическая пропорция — длина карлицы точно соответствует длине «дршки» (шейки). «Длака» (струна) состоит из 40—50 конских волос, длина ее около 60 см, струна на «гудале» (смычок) тоньше и короче (около 40 см)¹⁰ (см. рис. 4).

¹⁰ Названия частей гуслей, приводимые мною, употреблялись Я. Черемидичем. В других частях Боснии и Герцеговины наряду с этими встречаются и другие наименования: для «карлицы» — «вярляча», «кашика», «кусало», «кутла», «кутлица», «чанак», «таслица», «струхле» (в переводе на русский язык «карлица» означает «корыто», остальные названия — различные типы ложек, чашек и мисок); для «дршки» — «држал», «држач» (от глагола держать), «дивчик», «репач» и др.; для «рупиц» — «гласнице». В «гудале» Черемидич различает «кривую» (изогнутую часть смычка) и «ручку». Другие части гуслей, не перечисленные мной в тексте: «завртањ» («клин») — колышек, на который накручивается верхний конец струны, и «пуце» («пуговица») — выдаю-

Рис. 3. Победители 1 послевоенного состязания гусяров Югославии (Сараево, ноябрь, 1971)

Перед тем как заиграть, Черемидич перевернул гусли вверх дном (с этой стороны сбоку наклеплена еловая смола), натер о смолу длаку на гудале, а затем уже натертым гудалом — длаку на гусях. Так он делает всякий раз, когда собирается играть.

Мы сидели на широких деревянных скамьях, поставленных вдоль стен, за простым столом и слушали пение Черемидича. Гостеприимная хозяйка принесла со двора из «кóлибы» (низкая, без окон хижина, где готовят и хранят молочные продукты) и поставила перед нами большую глиняную миску со свежим «каймаком» (створоженная сметана) и стаканы для ракии, вынула из высокого деревянного ларя белый хлеб.

Голос Черемидича звучит глухо, но интонации очень выразительны, поет, не глядя на нас, целиком отдавшись песне, наклонив слегка голову, как бы вслушиваясь в наигрыш гуслей, аккомпанирует тремя несогнутыми пальцами (я не раз наблюдал, что такая манера свойственна только старым гусярам). Свои песни он усвоил от других гусяров. Так, любимую свою песню о Старом Новаке он услышал однажды в 1917 г. подростком от своего односельчанина Джордже Петковича и с тех пор поет ее чаще, чем какую-либо другую. Песню эту любят слушать и его гости, поскольку Новак — герой местных преданий, подвиги его связывают с Романией (одна из ее скал — Новаков верх)¹¹. Вообще выяснилось, что репертуар Черемидича состоит в основном из гайдуцких песен. Знает он также песни о Марке Кралевиче и князе Милоше. Мы не стали слишком утомлять не привыкшего к публичным выступлениям старого

щаяся нижняя часть «карлицы», за которую прикрепляется нижний конец струны в виде петли («опута»). Струна поддерживается над кожаной декой специальной подставкой, которую Черемидич называет «кони» а в других местах Боснии и Герцеговины она называется также «конь», «кемян», «кобила», «кобилина». О других названиях в разных местах Югославии см. в книге: W. Wunsch, Geigentechnik der Südslawischen Guslaren, Brühl, 1934. См. также: Н. Шаулић, Указ. раб., стр. XV—XVIII; М. Мурко, Указ. раб., стр. 324—335.

¹¹ Прототипом эпического Старого (или Старины) Новака, вероятно, был гайдуцкий «харамбаш» (атаман) XVI в. Баба-Новак (см.: Томо Марећ, Naša narodna epika, Beograd, 1966, стр. 213, 214).

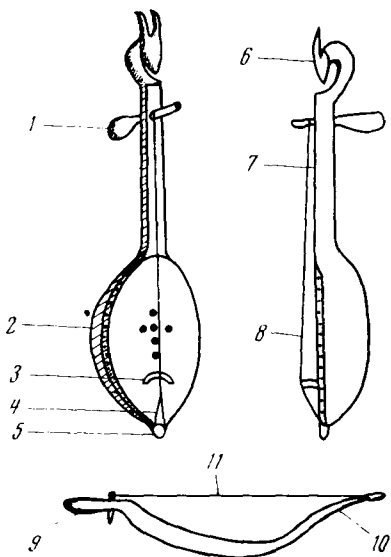
гусляра и, тепло простившись с ним и его женой (даже здесь, далеко от селений, нас не отпустили без чашечки традиционного крепкого кофе), покинули пастбище и спустились еловым лесом в долину...

Проходя улицей с. Сумбуловац, мы еще издали услышали звуки гуслей и чей-то сильный красивый голос. Мои спутники предположили, что где-то слушают радиопередачу из Сараева. Но когда мы пошли на звук и приблизились к сельской «продавнице», откуда он доносился, оказалось, что это поет местный сорокалетний гусляр Миловое Лопатич для небольшой компании, собравшейся у прилавка за бутылкой коньяка.

Это было для нас приятным сюрпризом, так как мы получили убедительное свидетельство еще живой, бытующей гуслярской традиции. В маленькой «продавнице» было слишком тесно, и все мы перешли в местную корчму, которая в это время дня была еще совсем пустой. Но стоило нам расположиться там, как просторное помещение тотчас же заполнилось до отказа крестьянами, рассеявшимися за большими — во всю длину корчмы — столами, на которых появились сыр и ракия.

Миловое Лопатич представляет собой уже совсем иной тип гусляра. Родился он в с. Еловци, на Романии, но живет в Сумбуловце. Одет по-городскому, белая сорочка повязана пестрым галстуком, на щеках — модные бачки. Гусли — новенькие, изукрашены резьбой, «глава» изображает поединок сокола со змеей, на «дршке» — портрет Негоша, а «завртань» (ручка) представляет собою копию... партизанской гранаты! Техника игры на гусях тоже иная, более свободная и виртуозная — четырьмя согнутыми пальцами.

Рис. 4. Гусли Янко Черемидича:
1 — завртань, 2 — карлица, 3 — конич, 4 — опута, 5 — пуце, 6 — глава, 7 — дршка, 8 — длака, 9 — ручка, 10 — кривуля, 11 — длака на гудале

Этот гусляр уже знает себе цену, играет с достоинством, держится прямо, молодецки, заметно, что он привык к публичным выступлениям. Он обводит глазами слушателей, следит за реакцией гостей. В репертуаре Лопатича не только услышанные от других гусляров песни, но и распетые тексты из книг. Знает он песню о пахоте Марка Краевича, о Поповиче из Ливна, и даже позднейшую знаменитую песню «Бой на Мишару», но чаще исполняет песни «средних времен» (о Сенянине, о старом Вуядине, о Джуре Сенковиче и аге из Рибника). Особенно же любимы певцом «борбени» — песни эпохи второй мировой войны. Это и местные партизанские песни, которые он исполнил нам без сопровождения на гусях вместе с братьями Вуковичами из села Синява (песни эти — двуступишия, отличаются широким тягучим распевом), это и «сједиалице» — более быстрые, озорные, шуточные песни, это и песни-хроники (в их числе эпическая песня, сочиненная Томо Джукичем, — «Восстание на Романии», которую Лопатич спел с особой охотой и с воодушевлением, кажется, не зная даже, что среди гостей присутствует ее автор). Все эпические песни исполняются на местный традиционный напев, и только «Восстание на Романии» — на мелодию, услышанную певцом где-то возле Сараева. Репертуар его очень разнообразен, он включает не только эпические и партизанские, но и сватовские песни, и «позиви чајо» — своеобразные речитативы организатора сельской свадьбы. Это, безус-

ловно, очень интересный и, вероятно, характерный тип современного сельского певца и гусляра среднего поколения.

Иово Лазаревич из с. Любогошт (1904 г. рожд.), по словам Томо Джукича, был когда-то лучшим певцом в округе. Живет он теперь с женой и младшим сыном в маленьком домике, приютившемся у самой дороги. Единственное помещение этого домика — и спальня, и столовая, и кухня — поражает сочетанием старины и новизны; потемневшие иконы и фотографии в ювелирных рамках соседствуют в красном углу, изрядно истертые грубые скамьи приставлены к сияющему лаком столу... Сам Иово Лазаревич собирался отдыхать, когда мы вошли, но тотчас же оживился, узнав, что мы хотим послушать его песни. И тут же, не одеваясь, сидя на старой деревянной кровати, свесив босые ноги, принимался налаживать гусли и петь песни одну за другой, обильно пересыпая их шутками и прибаутками. Гусли ему подарил знакомый черногорец в знак благодарности за искусное пение, на них вырезана дата «1957 год» и надпись «Јуначки разговори», глава — искусно вырезанная голова дикой козы. Натирает струны Лазаревич канифолью и играет, как и Черемидич, тремя несогнутыми пальцами. Но во всем остальном он совсем не похож на гусляра-пастуха. Это человек бывалый. Перенял песни он от отца-гусляра, который сделал ему первые гусельки из ивы. Начал учиться играть в 12 лет, а в 14 уже выступал перед людьми, ходил из села в село, зарабатывая на хлеб, пел в кафанах. Знает песни о Марке Кралевиче (в частности, «Марко Кралевич и Джемо Брджанин»), даже редко встречающуюся песню о князе Милутине. Он признался, что заучил эту песню из «песнарицы», которая хранится у него на чердаке. Тут же выяснилось, что речь идет о старой хрестоматии для VIII класса, но песни в ней не оказалось — то ли память подвела старого гусляра, то ли он захотел прослыть перед нами ученым человеком, книжником. В отличие от серьезного, тихого своего сверстника Черемидича, Иово Лазаревич не смог вспомнить ни одной гайдуцкой песни и все время охотно переходил от старых эпических песен к песням озорным, веселым, «шаливым», типа «Мене мајка једногима...». И, наконец, этот «веселяк» и балагур, то и дело потягивая ракию, совсем отложил гусли в сторону, хитро прищулив черные глаза, озорно отказался петь и, казалось, охотнее поехал бы с нами на машине в Сараево, чтобы беззаботно провести вечер в какой-нибудь городской кафане. Это совершенно особенный тип гусляра, чем-то напominвший мне тех веселых скоморохов, о которых рассказывают русские былины. Чувствуется, что песни и гусли для него — не собеседники в тихий час отдыха и раздумий наедине с собой и не слуги в ремесле, а веселые спутники в дороге, с которыми он может и расстаться ради другой, более веселой компании, ради веселой беседы, пляски и вина...

М. Мурко писал, что в Боснии эпические песни лучше всего сохранились «в горных краях, особенно на Гласинце (Соколац) и на Романи»¹². Но, как ни удивительно, среди многочисленных певцов, которых он называет и чей репертуар описывает в своей книге, нет ни одного романийского гусляра! Видимо, на самой Романи чешскому исследователю не удалось побывать. Наши наблюдения и собранные материалы могут служить иллюстрацией современного состояния местной гуслярской традиции.

Н. Шаулич в свое время горячо протестовал против «предрассудка», будто в народной энике «все изучено, все записано и все сказано», и призывал исследовать песню гусляров «в жизни..., в народе»¹³. После Н. Шаулича многое сделано в этом направлении, но думается, возможности исследования живой гуслярской традиции еще далеко не исчерпаны.

¹² М. Мурко, Указ. раб., стр. 41.

¹³ Н. Шаулич, Указ. раб., стр. XXI.

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1972 ГОДА

С 10 по 14 апреля 1973 г. в Самарканде проходила сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1972 г. Сессия была организована Отделением истории АН СССР, Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР, Институтом археологии АН СССР, Институтом археологии АН УзССР, Институтом этнографии АН СССР и Институтом истории АН УзССР.

С приветственным словом к собравшимся обратились академик-секретарь Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР М. К. Нурмухамедов, секретарь Самаркандского обкома КПСС М. У. Тагаев и академик В. А. Рыбаков.

На заседании объединенной сессии Отделения истории АН СССР и Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР были заслушаны доклады Ю. В. Бромлея и С. И. Вайнштейна «Этнос и культура», Т. А. Жданко «К проблеме традиций и инноваций в быту народов СССР», В. М. Массона «Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии», Г. А. Пугаченковой «Исследования и открытия Узбекской искусствоведческой экспедиции в 1972 г.», С. А. Плетневой «Половецкие каменные изваяния»¹.

В докладе Ю. В. Бромлея и С. И. Вайнштейна (Москва) были рассмотрены вопросы соотношения этноса и культуры, этноинтегрирующие и этноразграничительные функции культуры на разных этапах развития этносов, закономерности формирования этнической специфики культуры. Разные компоненты культуры, по мнению авторов доклада, несут далеко не одинаковую этническую нагрузку, причем последняя различается у отдельных народов и меняется на разных этапах развития этноса, подчиняясь определенным закономерностям. Этническая специфика наименее связана с утилитарно-производственными функциями материальной культуры и наиболее — с ее эстетическими свойствами. В культуре отдельных этносов авторы выделяют историко-генетические слои, образование которых идет двумя путями: спонтанным (эндогенным), обусловленным развитием производительных сил в определенной природной среде, и диффузным, имеющим несколько различных форм, каждая из которых была подробно охарактеризована. Наряду с историко-генетическим был рассмотрен пространственный аспект данной проблемы, проанализирован характер взаимодействия хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических общностей различного уровня в процессе формирования этнической специфики культуры. Кроме историко-этнографических провинций и областей, авторы выделили также более мелкие историко-этнографические районы и показали их основные особенности. Для выделения этнических общностей прошлого на основании изучения опредмеченных форм культуры, по мнению докладчиков, наиболее существенны те специфические черты культуры, которые наименьшим образом поддаются межэтнической диффузии, причем особенно важно разграничение передачи культуры на основе зрительной и устной традиции. Теоретические положения доклада были проиллюстрированы конкретными примерами из этнографии народов мира.

Т. А. Жданко (Москва) в своем докладе подчеркнула, что этнические традиции (в том числе национальные) изучаются этнографами в связи с этническими процессами консолидации, ассимиляции и сближения социалистических наций и народностей. Советские этнографы, в соответствии с разработанной В. И. Лениным проблемой неоднозначности социально-классового содержания традиций и их идейной направленности, различают две основные группы этнических традиций — консервативные и прогрессивные. Если первые, противоречащие основным условиям советского образа жизни, неизбежно обречены на исчезновение, то последние, представляющие лучшие сто-

¹ В настоящем сообщении мы остановимся на докладах по этнографии, фольклору и антропологии. См. также тезисы докладов: «Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г. Тезисы докладов и сообщений по этнографии», Ташкент, 1973; «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР», Ташкент, 1973.

роны культурного наследия народов СССР, вошли в фонд современной социалистической культуры. После Октябрьской революции возникают, кроме того, новые традиции, порожденные социалистическим строем, им принадлежит большая роль в развитии общесоветских черт культуры и быта народов СССР. Доклад был построен на этнографическом материале, охватывающем многие народы Средней Азии, Кавказа, Крайнего Севера, Сибири.

Далее археологи и этнографы работали раздельно. Заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР и Института истории АН УзССР началось с доклада С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова (Москва) о специфике этнических процессов в странах, освободившихся от колониальной зависимости. Авторы отметили, что в большинстве стран Азии и Африки процессы национальной консолидации усложнены пестротой этнического состава, многоукладностью хозяйства, своеобразием классовой структуры. Одна из важнейших проблем консолидации — проблема языка. Авторы отметили, что существуют несколько путей ее решения: либо развитие соответствующего литературного языка до уровня общенационального и общегосударственного, либо параллельное развитие как нескольких местных языков, так и временное использование европейского, унаследованного от колониального прошлого. Важное значение имеют государственно-политические и экономические факторы этнической консолидации.

Т. А. Трофимова (Москва) изложила предварительные выводы обследования краниологических материалов из могильника Тумек-Кичиджик (Северная Туркмения). Обнаруженный в могильнике палеоантропологический материал хронологически неоднороден. По мнению автора, неолитическое население имеет явно местное происхождение в отличие от пришлого населения Куясайской культуры (VII—VI вв. до н. э.). Череп эпохи античности (I в. до н. э.—I в. н. э.), имевшие незначительную монголоидную примесь, характеризуют другую этническую общность. Эти череп близки к черепам из могильника Туз-Гыр, предположительно определяемым как аланские.

В докладе Ф. А. Арипова (Ташкент) освещались вопросы этнографического изучения быта и культуры рабочих-узбеков. Подчеркнув большие успехи узбекских ученых в этом направлении, автор призвал этнографов уделять больше внимания этой важной проблеме.

Доклад А. В. Оськина (Москва) был посвящен наскальным изображениям, обнаруженным и изученным отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР в 1972 г. в горном массиве Букантау (внутренние Кызылкумы). Докладчик, сопровождая текст показом диапозитивов, охарактеризовал технику исполнения, техническую стилистику, характер рисунков, а также сюжеты петроглифов, отметив их хронологическую взаимозависимость. Основную массу изображений, особенно богато представленных в долине колодца Кырбукан, докладчик датировал второй половиной I тыс. до н. э.—началом (до середины) I тыс. н. э.

Р. Ф. Итс (Ленинград) выступил с докладом «Роль полевых исследований в университетской подготовке этнографических кадров». Он поставил вопрос о необходимости тесного сотрудничества кафедр этнографии с научно-исследовательскими учреждениями АН СССР и академий наук союзных республик для оказания материальной (прием студентов-практикантов в свои экспедиции) и научной (руководство практикой) помощи в подготовке студентов-этнографов.

Второе заседание Ученого совета открылось докладом О. А. Ганцкой и Л. Н. Терентьевой (Москва) «Проблемы исследования семьи в СССР». Отметив большой вклад, внесенный этнографами в изучение этой проблематики, авторы подчеркнули, что в условиях советского многонационального государства семья выступает одновременно объектом и субъектом этнических процессов: с одной стороны, как носитель своеобразных этнических определителей, а с другой,— как один из решающих факторов формирования личности.

С. И. Мирхасилов (Ташкент) сделал обзор основных направлений этнографических исследований в Узбекистане. Автор отметил, что за годы Советской власти было написано немало работ, посвященных этнографии Узбекистана, подготовлены высококвалифицированные национальные кадры этнографов. В 1973 г. сектор этнографии Института истории АН УзССР разделился на два сектора — исторической этнографии (досоветского периода) и этнографии Узбекистана советского периода. Это позволит, по мнению докладчика, расширить масштабы исследований как по этнической истории и традиционной культуре, так и по проблемам социалистического переустройства быта и культуры рабочего класса и колхозного крестьянства и по современным этническим процессам.

Х. Т. Ташев (Ташкент) в своем сообщении дал характеристику земледелия в низовьях Зеравшана в конце XIX — начале XX в. (этот район в то время входил в состав Бухарского ханства). Отметив ведущую роль зерновых культур, автор подчеркнул также большое значение хлопководства, садоводства, виноградарства и бахчеводства.

Л. И. Лавров (Ленинград) посвятил свой доклад исследованию этнических и культурных связей Кавказа со Средней Азией и Казахстаном. Он отметил, что в производственных навыках, материальной культуре, социальных институтах, фольклоре, народном искусстве и верованиях народов Кавказа прослеживается влияние Средней

Азии и Казахстана; без учета этих материалов нельзя заниматься этнографией многих народов Кавказа, в частности, тюркоязычных, а также осетин.

Во время сессии работали пять этнографических секций: «Проблемы этнографии народов Средней Азии», «Современные этнические процессы у народов СССР», «Этногенез и этническая история народов СССР», «Традиции и инновации в развитии материальной культуры и быта народов СССР», «Этнографические аспекты изучения духовной культуры народов СССР».

На трех заседаниях секции «Проблемы этнографии народов Средней Азии» было заслушано 23 доклада. Кроме того, одно заседание было отведено обсуждению работы над историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана, информация о котором содержалась в докладе Т. А. Жданко.

М. Г. Рабинович (Москва) посвятил свой доклад рассмотрению некоторых вопросов методики ареальных исследований в связи с работой над историко-этнографическими атласами. Автор подчеркнул особую эффективность введения методов количественных показателей, наложения ареалов, сопоставления ареалов во времени, метода динамических ареалов для выявления причин возникновения, развития и взаимодействия явлений материальной и духовной культуры.

К. Ниязклычев и А. Джикиев (Ашхабад) в докладе «К этнографии ранних туркмен Ахальского оазиса» привели сведения о сложении этнического состава Южного Туркменистана, в частности, о двух этнографических группах туркмен — ануаули и мехинди.

Доклад Н. О. Турсунова (Ленинабад) был посвящен характеристике этнического состава населения городов Северного Таджикистана в конце XIX — начале XX вв.

Анализ хозяйственно-культурных традиций населения восточной Бухары в конце XIX — начале XX вв. был дан в докладе Б. Х. Кармышевой (Москва), которая подчеркнула, что причины многообразия хозяйственных типов следует искать не только в разнообразии природных условий и традиций населения, но и в глубоком хозяйственно-культурном взаимовлиянии разных этнических групп.

В докладе Б. З. Гамбурга (Ленинград) на основании изучения литературного материала и коллекций центральных и местных музеев была дана классификация узбекских земледельческих орудий. Докладчик выделил два комплекса орудий — северо-восточный (ташкентско-ферганский) и северо-западный (хорезмский). Кроме того автор выделяет «южную» контактную зону, для которой характерно бытование орудий обоих комплексов. Докладчик предположил, что в названных комплексах проявляются традиции земледельческих культур древних этнических общностей, сложившиеся в определенной экологической среде.

В. П. Курылев (Ленинград) изложил опыт типологической классификации скотоводческого хозяйства у казахов в конце XIX — начале XX в., предпринятой в связи с подготовкой атласа народов Средней Азии и Казахстана. Отметив, что в исследуемый период у казахов сложились три основных типа скотоводства — кочевое, полукочевое и оседлое — докладчик выявил зависимость между типом скотоводства и такими факторами, как состав стада, тип жилища, характер пищи, распространение земледелия.

Результаты совместной работы сотрудников Института этнографии АН СССР и Института археологии АН УзССР по исследованию традиционных навыков орошения в бассейнах реки Кашкадарья и среднего течения р. Заравшан были доложены Б. В. Андриановым (Москва). Автор отметил большое разнообразие приемов орошения и гидротехнических сооружений. Проведенные аэровизуальные рекогносцировочные наблюдения существенно дополнили наземные исследования по ирригации этого района. И. Мухиддинов (Душанбе) в своем докладе отметил, что для поливного земледелия западного Памира было характерно сочетание крайних простых гидротехнических сооружений с высокоразвитой техникой полива, отражающей специфические этнографические особенности земледельческой культуры каждой из народностей Западного Памира.

В докладе Б. А. Калоева (Москва) прослежены некоторые параллели в горном земледелии у народов Северного Кавказа и Средней Азии. По мнению докладчика, сходные черты в горном земледелии исследуемых регионов (проявляющиеся в сельскохозяйственных процессах, орудиях, возделываемых культурах и т. д.) обусловлены не только сходством географических и социальных условий, но и древними культурными связями.

А. Оразов (Ашхабад) в докладе «Обработка молочных продуктов у туркмен в XIX в.» рассказал о традиционных способах производства, хранения и употребления молочных продуктов и коснулся обычаев и обрядов, связанных с ними. Докладчик отметил, что в XIX — начале XX в. у разных этнических групп туркмен не было существенных различий в приемах приготовления молочных продуктов.

В докладе Т. Ташбаевой (Ташкент) «Из истории аренды (ижора) и товарищества (ширкат) в сельском хозяйстве дореволюционного Узбекистана» разбирались вопросы денежной и натуральной аренды. Докладчица отметила, что зачастую ширкат являлся скрытой формой байской эксплуатации дехкан.

А. Н. Жилина (Москва) подтвердила существование в недавнем прошлом древних архаических черт в жилище оседлого населения Средней Азии. Автор сделала вывод о том, что широкое распространение архаического типа жилого дома свидетельств-

вует об общности этнических и хозяйственных процессов, происходивших среди земледельческого населения Средней Азии в течение длительного времени.

Одежде сельского населения Узбекистана (на примере Кашкардарьинской области) был посвящен доклад Х. Исмаилова (Ташкент). Подробно охарактеризовав традиционный костюм населения, докладчик остановился на новых явлениях: распространении унифицированных форм национальной одежды, одежды фабричного производства и т. д.

В сообщении М. В. Сазоновой (Ленинград) была прослежена связь между древними социальными институтами и некоторыми элементами мужской одежды узбеков Хорезма. Деление на возрастные группы, сохранявшееся до недавнего времени, нашло отражение в одежде, в частности в ношении пояса, форме и материале головного убора.

Л. М. Варданян (Ереван) в докладе «Сопоставительный анализ армянских и среднеазиатских мужских объединений» показала сходство между армянскими (и шире — кавказскими) мужскими союзами и их среднеазиатскими аналогами, а также различия между ними, вызванные конкретными историческими условиями.

Ф. А. Арипов (Ташкент) в своем докладе изложил результаты первого анкетного обследования структуры и численности семей рабочих-узбеков в Бухаре, Фергане и Бекабаде. Собранные данные позволили сделать выводы об интенсивном процессе раздела больших семей, преобладании малых семей, росте числа межнациональных браков.

Новый материал по свадьбе и свадебным обрядам узбеков-карамуртов приведен в докладе К. Тайжанова и Х. Исмаилова (Ташкент). Авторы выявили ряд специфических особенностей, характерных именно для этой этнографической группы узбеков, а также отметили формирование новых, советских свадебных обрядов.

М. Хамиджанова (Душанбе) посвятила свой доклад исследованию архаических форм погребальных обрядов таджиков верховьев Заравшана и Нурека. В погребальном обряде таджиков выявлены элементы древней, домусульманской обрядности.

Р. О. Варданян (Ереван) в докладе «Батман (ман) как основная единица веса (по материалам Закавказья и Средней Азии)» рассказал о своих исследованиях, в результате которых ему удалось установить, что «батман» был не только мерой веса, но и мерой объема сыпучих тел и единицей измерения поверхности земли. Автор выявил локальные различия в величине батмана, а также ареалы его распространения.

В докладе Н. С. Королевой (Москва) освещались основные направления современного развития народных художественных промыслов в республиках Средней Азии и Казахстана. Производство узорных войлоков, занимавшее значительное место в хозяйстве туркмен, посвятила свое сообщение Г. П. Васильева (Москва). Докладчица отметила глубоко национальный характер орнаментики, бытование локальных орнаментальных мотивов. Н. Н. Ершов (Душанбе) в своем докладе «Гиссарская алача» остановился на характеристике ныне угасающего ткацкого промысла таджикского селения Каратаг — изготовления шелковой ткани «алача». В докладе Т. И. Мезурновой (Душанбе) «Набойка Ура-Тюбе» характеризовалась технология одного из самобытнейших промыслов Северного Таджикистана — производства набивных хлопчатобумажных тканей.

На заседании секции «Современные этнические процессы у народов СССР» были заслушаны семь докладов. М. Н. Губогло (Москва) в докладе «Язык в коммуникациях многонационального общества» подчеркнул, что этнолингвистические процессы — составная часть этнических процессов. Докладчик выделил три направления в области дальнейших этнолингвистических исследований: синтаксическое, семантическое и прагматическое.

Т. В. Станюкович (Ленинград) рассказала, как на основе изменений в области экономики и культуры в советский период происходили изменения в расселении и материальной культуре (жилище, одежда, пища) у народов Средней Азии и Казахстана, каковы были их темпы и направленность, связь с урбанизацией населения, этническими процессами. Т. В. Станюкович сделала интересный вывод о перерастании национальных особенностей в зональные.

Л. Ф. Моногарова (Москва) на конкретном материале показала, что у памирских народов этнической межэтнические браки не играют существенной роли в процессах сближения их с таджиками и возникновения у них национального самосознания как «памирских таджиков». В данном случае определяющим фактором в консолидационных процессах являются социально-экономические условия.

В докладе А. М. Решетова (Ленинград) были показаны основные тенденции и направления этнических процессов у дунган — новой, сложившейся в советское время социалистической народности. Э. А. Керимов (Баку) нарисовал общую картину этнических процессов в Азербайджане по статистическим данным и полевым материалам. Он отметил сложный этнический состав народов, населяющих Азербайджан, и остановился на особенностях их этнического развития, уделяя особое внимание этнолингвистическим проблемам. В докладе Э. Р. Соболенко (Минск) «Влияние миграционных процессов на сельскую семью (по материалам Белоруссии)» были обобщены материалы анкетного обследования. Методике изучения современных этнических процессов у малых народов Крайнего Севера был посвящен доклад З. П. Соколовой (Москва). Отметив важность дальнейшего совершенствования методологии в области

изучения этнических процессов у народов этого региона, докладчица подчеркнула необходимость учитывать особенности расселения, численности, культуры и быта народов Севера.

Члены секции «Этногенез и этническая история народов СССР» прослушали 12 докладов. А. М. Хазанов (Москва) в докладе «Принципы периодизации истории кочевых обществ евразийских степей» остановился на различных точках зрения на эту проблему и предложил свою периодизацию, основанную на установленном этнографами (С. П. Толстов, Т. А. Жданко, Б. Х. Кармышева) факте постоянно существовавших тесных связей между кочевниками и земледельцами.

В докладе В. А. Никонова (Москва) «Этногенез народов Средней Азии и онастика» на широком фактическом материале было показано, что собственные имена могут служить ценным источником для решения проблемы этногенеза народов Средней Азии.

О древних этнокультурных связях Западного Кавказа и Малой Азии рассказал Ш. Д. Инал-Ипа (Сухуми). Он привлек широкий сравнительный материал по лингвистике, этнонимии, топонимии, антропологии, археологии и этнографии.

Доклад А. А. Лебедевой (Москва) был посвящен этническим связям русского населения южных районов Западной Сибири с соседствующими народами.

Л. С. Толстова (Москва) в докладе «Исторический фольклор узбеков и каракалпаков Хорезма как источник для изучения ранних этапов этногенеза этих народов» проанализировала данные фольклорных записей, сделанные ею в 1960-х — начале 1970-х гг. у узбеков-митаков Самаркандской обл. УзССР, узбеков Хорезмской обл. УзССР и каракалпаков отдельных районов Каракалпакской АССР. Она показала как в фольклоре этих народов отражаются их исторические судьбы.

Т. К. Ходжайов (Самарканд) и В. Н. Ягодина (Нукус) рассказали о начале палеодемографических исследований на территории Средней Азии. На примере археологического комплекса Миздахкан, расположенного близ Ходжейли, докладчики проследили палеодемографические изменения с III по XIV вв. н. э.

Ю. С. Гаглойти (Цхинвали) прочел доклад «Скифско-осетинские этнографические параллели». Он отметил, что в культуре осетин прослеживаются пережитки и отголоски скифских обычаев, верований и обрядов, сохранившиеся главным образом в нартном эпосе.

На материалах Всесоюзной переписи 1970 г. и этнографической экспедиции 1972 г. был построен доклад Н. В. Бикбулатова и С. Н. Шитовой (Уфа) «Особенности этнической истории, культуры и быта башкир Зауралья». Докладчики дали демографическую, социальную и этнокультурную характеристику своеобразной группы зауральских башкир, территориально обособившихся от основного массива этого народа еще в XVIII в. в связи со строительством горных заводов.

Х. А. Аллаяров (Ташкент) сделал доклад «Узбекская народная фониатрия». Докладчик продемонстрировал материалы, связанные с исследованиями среди узбекских народных врачей-лечителей, в том числе фониатров, занимавшихся как пением и игрой на одном из народных музыкальных инструментов, так и профилактикой заболеваний голосового аппарата певцов.

В докладе О. Исмагулова (Алма-Ата) были подведены итоги антропологических исследований среди родоплеменных групп Среднего жуза. Эти данные позволяют заключить, что по основным расово-диагностическим признакам между родоплеменными группами выявлено больше сходства, чем различий. В целом же казахи Среднего жуза относятся к южносибирскому расовому типу.

На основании сравнения новых палеоантропологических материалов из могильника Кобыстан с данными из других памятников этой территории Р. М. Касимова (Баку) сделала некоторые предварительные выводы, касающиеся этногенеза азербайджанского народа.

В докладе Т. П. Кияткиной (Душанбе) «Черепя эпохи бронзы Таджикистана» были приведены новые материалы, полученные во время полевых исследований.

На отчетно-экспедиционной сессии работала секция «Традиции и инновации в развитии материальной культуры и быта народов СССР». На ней были заслушаны 10 докладов, в которых затрагивались как теоретические, так и практические вопросы (о возрождении забытых промыслов, использовании традиционных производственных навыков и т. д.).

И. С. Гурвич (Москва) на материалах, собранных Северной экспедицией Института этнографии АН СССР, показал роль исконных и заимствованных элементов, а также соотношение новых и традиционных форм в современной культуре народов Крайнего Северо-Востока Сибири — чукчей, азиатских эскимосов и ксрыков.

В. П. Дарбакова (Элиста) посвятила свое выступление формированию социалистических традиций у калмыков. Докладчица отметила, что, наряду с изживанием отсталых обычаев и обрядов, происходит развитие наиболее прогрессивных национальных традиций, а также зарождение новой социалистической общности.

Об изменении быта современного армянского села говорил Ю. И. Мкртумян (Ереван). Его сообщение было основано на материалах, собранных этнографической экспедицией Ереванского университета в северо-восточной Армении. Б. Ж. Баялиева (Фрунзе) в своем сообщении подчеркнула активную роль новых социалистических традиций и обрядов киргизов в изживании пережитков прошлого.

О. И. Макарова (Ташкент) говорила о необходимости возрождения традиционных народных промыслов, в частности узбекского производства изделий из тыквы-горлянки.

С. А. Гаджиева (Махачкала) остановилась на характеристике разных форм калыма и приданого у ногайцев в конце XIX — начале XX в. и изживании архаических элементов в их свадебной обрядности. Д. А. Рухадзе (Тбилиси) охарактеризовала системы земледельческих орудий, традиционной агротехники, ассортимента сельскохозяйственных культур Западной Грузии (Колхида).

А. И. Робакидзе (Тбилиси) прочел доклад «Элементы военно-аристократического уклада в общественном быту народов горного Кавказа в прошлом». В докладе содержится интересный материал о постепенном изживании и переосмыслении в прошлом архаических элементов в социальной организации горских народов Кавказа.

Интересный сравнительный материал содержался в докладе Н. Л. Жуковской (Москва) «Взаимодействие кочевнических традиций и урбанистических инноваций в современном быту монголов (по материалам советско-монгольской историко-культурной экспедиции)».

Юбилейной экспозиции Государственного музея этнографии народов СССР был посвящен доклад Д. А. Сергеева (Ленинград). Докладчик подчеркнул, что юбилейная экспозиция отразила расцвет национальных культур народов СССР. Основные положения доклада были богато иллюстрированы.

На двух заседаниях секции «Этнографические аспекты изучения духовной культуры народов СССР» было прочитано 20 докладов.

В докладе «Об историко-этнографическом значении народной поэтической обрядности» В. К. Соколова (Москва) остановилась на вопросах, связанных с характером и особенностями происхождения наиболее древнего пласта народной поэтической обрядности, прежде всего символики. Она отметила, что традиционные устно-поэтические символы непосредственно связаны с обычаями, обрядами, первобытными социальными институтами.

О задачах изучения русского фольклора в национальных республиках говорила Э. В. Померанцева (Москва). Она отметила большую роль взаимодействия устно-поэтического творчества разных народов в условиях национальной консолидации, этнической ассимиляции и сближения наций Советского Союза, особенно в регионах со смешанным населением.

Н. И. Савушкина (Москва) прочитала доклад «Значение повторных экспедиций для изучения фольклорно-этнографических особенностей местностей». Материалы экспедиций МГУ 1970—1972 гг. на Пинеге и сопоставление их результатов с данными комплексной экспедиции П. С. Ефименко 1927 г. позволили автору проследить изменения в жанрах, выявить их взаимосвязь, местную специфику и традиции.

В докладе И. И. Шангиной (Ленинград) «Мотивы финноугорского фольклора в русской крестьянской вышивке XIX в.» были показаны тесные связи ряда мотивов русской вышивки архаического типа с мотивами русского фольклора, в частности, волшебной сказки (крылатые кони, люди, летящие на птицах, превращение коня в птицу и т. п.), а также с мотивами мифологии саамов, вепсов, карел.

Изучению музыкального народного искусства были посвящены два доклада. Б. Н. Путилов (Ленинград) охарактеризовал творчество черногорских гуслиров — хранителей и исполнителей эпоса. Л. С. Христюкова (Ижевск) построила доклад «Национальное музыкальное искусство в духовной культуре удмуртов» на материалах обследования (более двух тыс. человек городского и сельского населения), проведенного Институтом этнографии АН СССР совместно с Удмуртским научно-исследовательским институтом.

О традиционном хореографическом искусстве коренного населения Северо-Востока Сибири (по материалам экспедиции 1972 г.) рассказала М. Я. Жорницкая (Москва), проиллюстрировавшая доклад интересными диапозитивами. Докладчица рассматривала корякские, чукотские и эскимосские танцы и разделила их на два типа — игровые и обрядовые. М. Я. Жорницкая считает, что в целом хореография коренных народов Северо-Востока Сибири занимает четко очерченный регион (Чукотка, Камчатка, Северо-Восток Якутии), резко отличающийся от якутского региона, в котором господствуют круговые хороводные традиционные танцы.

Э. Е. Фрадкин (Ленинград) рассказал об изображениях на ручках бронзовых кувшинов с территории Средней Азии и Ирана, которые хранятся в отделе Востока Государственного Эрмитажа. Докладчик показал, какими техническими приемами достигается двойное изображение: на ручках кувшинов XVIII—XIX вв. (головы льва и человека, слона и человека). Он доказал, что это был определенный стилистический прием, свойственный искусству многих народов и отражавший пережитки первобытного мышления в области изобразительного искусства.

Доклад Р. К. Уразмановой (Казань) был посвящен весенне-летнему календарному циклу обрядов и праздников татар. Она доложила результаты работ, проводимых по программе «Этнографического атласа татар». Собранные за последние два года материалы показывают наличие общих черт в весенне-летних обрядах и праздниках различных групп татар.

М. А. Меретуков (Майкоп) в докладе «Брачное помещение у адыгов» остановился на обычаях выделять особые брачные помещения для молодоженов и некоторых

лиц, находящихся при невесте. Докладчик связывает эти обычаи с определенными социальными институтами. Т. А. Очаури (Тбилиси) прочитал доклад «Элементы культа воды в свадебном обряде у горцев Восточной Грузии».

П. В. Денисов (Чебоксары) прочел доклад «Культовый священный дерево — древа жизни в религии чувашского народа». Рассматривая вопрос о формировании культа священного дерева в религии чувашей, характерного для финно-угорских народов и пришлого тюркоязычного населения, докладчик показал, что большинство обрядов, связанных со священным деревом, восходит к культу растительного тотема, к эпохе материнского рода. В докладе В. Е. Владыкина (Ижевск) «Культовый семейно-родовых святынь в дохристианских религиозных верованиях удмуртов» был дан анализ культа «воршуда» у удмуртов, выявлены его истоки, место и роль в общем дохристианском комплексе верований. Докладчик показал также связь института воршуда с материнской родовой организацией.

Доклад Т. Х. Мамбетова (Нальчик) «Танец в честь великого бога (об одном языческом обряде адыгов)» содержал описание всенародного праздника с жертвоприношениями, обильным пижеством, песнями, танцами и состязаниями, существовавшего в VI—XVIII вв. (а в пережиточной форме и в XIX в.).

В докладе А. С. Давыдова (Душанбе) «Некоторые представления, связанные с кабаном, у таджиков» отмечалось двойственное отношение таджиков к этому животному. В докладе О. Муродова (Душанбе) «Духи „пэри“ и обряд „пэриталбон“ (приглашение пэри) у таджиков средней части долины Заравшана» было дано описание некоторых представлений таджиков, связанных с верой в добрых и злых духов, а также пережитков шаманизма и знахарства. Вере в духов был посвящен и доклад Х. Е. Есбергенова (Нукус) «Реликты демонологических представлений у каракалпак», в котором утверждалась генетическая связь культа пэри (злого духа) в образе женщины с культом богини-матери и культом змеев.

На данных археологии и этнографии был основан доклад О. В. Обельченко (Москва) «Проявления культа огня в курганных погребениях античного Согда», в котором сопоставлялись материалы курганных захоронений античного Согда, связанные с культом огня у народов Средней Азии и Казахстана.

Доклад И. А. Кремлевой (Москва) «Старообрядчество в Заволжской деревне в наши дни (на примере дер. Климово Уренского р-на Горьковской области)» был посвящен важной проблеме изучения современных религиозных верований. Этнографические сведения, собранные в Горьковском Заволжье, дали докладчице возможность показать наиболее характерные черты процесса разложения старообрядчества в одном из районов его традиционного распространения.

Доклад В. А. Маланчук (Киев) был посвящен изучению современного быта украинских колхозников.

Участники Сессии отметили большую ценность новых полевых материалов, собранных докладчиками, подчеркнули возросший теоретический уровень исследований, рекомендовали к скорейшей публикации заслушанные сообщения и доклады.

Для этнографов члены Узбекского Оргкомитета сессии организовали интересную поездку в колхоз «Узбекистан» Пост-Даргомского района. Участники конференции смогли ознакомиться с производственной деятельностью района и колхоза, бытом и культурой колхозников. С обстоятельными докладами о жизни района и деятельности колхоза выступили секретарь райкома А. Т. Кубаева и председатель колхоза С. Ибрагимов. В честь присутствующих был дан концерт узбекской народной музыки и танца, а вечером все были гостями на комсомольской свадьбе.

И. М. Семашко, З. П. Соколова

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЙНОГО ХРАНЕНИЯ, КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

С 27 ноября по 2 декабря 1972 г. в Москве проходил семинар, посвященный проблемам музейного хранения, консервации и реставрации произведений декоративно-прикладного искусства, организованный Министерством культуры СССР совместно с Академией художеств СССР.

В работе семинара приняли участие более 300 представителей различных музеев и учреждений страны, в том числе Государственного Эрмитажа, Московского Кремля, Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории консервации и реставрации музейных художественных цен-

ностей (ВЦНИЛКР), Государственной центральной художественной научно-реставрационной мастерской им. И. Э. Грабаря (ГЦХНРМ), музеев Каунаса, Тарту, Минска, Тбилиси и др.

И. П. Горин (ВЦНИЛКР) выступил с докладом «Место и значение декоративно-прикладного искусства в развитии художественной культуры и проблемы его сохранения». Докладчик подробно остановился на вопросах сохранения коллекций прикладного искусства в музеях страны, рассказал о подготовке специалистов-реставраторов. Он подчеркнул, что за последние 15 лет реставрационное дело в нашей стране достигло огромных успехов. КПСС и Советское правительство обращают серьезное внимание на дальнейшее пополнение музейных коллекций, на увеличение числа музеев, лучшее хранение и реставрацию произведений искусства.

Большое место в выступлении было уделено работе созданной в 1958 г. ВЦНИЛКР, в задачу которой входит разработка и внедрение современных методов консервации, реставрации и хранения музейных экспонатов, оказание практической помощи музеям и реставрационным организациям.

Сегодня советская школа реставрации и исследовательская работа по музейным коллекциям, сказал далее докладчик, имеет широкое международное признание. В 1972 г. на Международный конгресс реставраторов (Мадрид) советские реставраторы представили 15 докладов. Наши реставраторы принимали участие в спасении произведений искусства во Флоренции, пострадавших во время наводнения.

Отмечая недостатки реставрационного дела и хранения музейных коллекций, И. П. Горин сказал, что, несмотря на достигнутые успехи, реставрационная работа даже в крупнейших музеях нуждается в серьезном улучшении. Крайне необходимо организовать централизованную подготовку реставраторов.

Докладчик остановился и на вопросах научных исследований в области консервации, реставрации и хранения музейных экспонатов.

В. А. Пушкарев (Государственный Русский музей), выступивший с докладом «Хранение и реставрация произведений декоративно-прикладного искусства в художественных музеях (на материалах Государственного Русского музея)», сообщил, что в Русском музее хранится 72,5 тыс. экспонатов прикладного искусства, но музей не имеет специально построенного и оборудованного помещения. В отделах коллекции хранятся по видам искусства и материалам. Каждый отдел имеет свою систематизацию хранения, что связано с имеющейся площадью запасников, степенью изученности экспонатов и т. д. Далее докладчик подробно рассказал о способах хранения различных видов экспонатов и о работе специалистов-реставраторов музея и отметил, что в Русском музее, наряду с существующими, разрабатываются и применяются новые методы и материалы. В этой связи В. А. Пушкарев остановился на истории реставрации «Планицы» Старицких, уникального памятника древнерусского шитья XVI в.

С 1961 г. в музее действует и реставрационная мастерская деревянной скульптуры и резьбы. В коллекциях Русского музея имеется более 6000 экспонатов из дерева, выполненных самой разнообразной техникой.

В. С. Котляров (ВЦНИЛКР) выступил с докладами «О научных основах и теоретических принципах реставрации произведений прикладного искусства и скульптуры» и «О состоянии реставрации мебели в реставрационных мастерских и музеях Советского Союза».

Доклад Е. К. Кроллау (ВЦНИЛКР) был посвящен проблемам хранения произведений декоративно-прикладного искусства при экспонировании. По мнению докладчика, для защиты экспонатов нужно разработать и изготовить оборудование, обеспечивающее микроклимат, снабдить все музеи необходимыми светозмерительными приборами (мокаметрами), освоить производство защитных материалов (силикатных и органических стекол, защитных пленок и лаков), источников света, максимально безвредных для экспонатов. Многие предстоит сделать для очистки воздуха в музеях, для борьбы с грибами и т. п.

О хранении экспонатов литовского народного искусства в фондах Каунасского государственного художественного музея имени М. К. Чюрлениса рассказала хранитель музея К. И. Кайрюкштите-Галаунене.

Особое внимание ею было уделено методам реставрационной работы в музее. По мнению докладчицы, для улучшения хранения, консервации и реставрации музейных ценностей необходимо готовить реставраторов по видам экспонатов.

Выступление Д. М. Лихачёвой (ГЦХНРМ) было посвящено принципам реставрации художественной керамики, а также истории появления и развития терминов «консервация», «реставрация», «реконструкция».

И. А. Хазанова (ВЦНИЛКР) выступила с докладом «Хранение изделий из стекла в музеях». Стекло, как и другие материалы, постепенно подвергается разрушению под влиянием различных атмосферных воздействий (влажность воздуха, его температура, степень загрязненности, освещенность). Подробно рассмотрев каждый из этих факторов, докладчица подчеркнула, что стекло, изготовленное в различных районах, по-разному реагирует на атмосферные воздействия в одинаковых условиях хранения. И. А. Хазанова дала ряд рекомендаций по обеспечению сохранности изделий из стекла.

В. Л. Трофимов (ВЦНИЛКР) в сообщении «Реставрация и консервация скульптуры и предметов прикладного искусства из камня с применением пластмасс и

других синтетических материалов» указал на то, что уникальные произведения искусства, находящиеся ныне под открытым небом, должны храниться в музеях. Под открытым небом должны стоять копии, сделанные из так называемых доделочных масс, которые точно имитировали бы материалы подлинников. Такие эксперименты уже были предприняты в ГДР и Италии.

М. П. Рябова (ГЦХНРМ) выступила с докладом «О некоторых принципах и проблемах реставрации музейных тканей». Она рассказала о трех этапах истории реставрации древнерусского шитья и тканей. Говоря о принципах реставрации музейных тканей, М. П. Рябова привела примеры: а) раскрытия памятников от поздних наслоений; б) тонировок в сочетании с консервацией, т.е. укрепления фона шитья на тонированном газе; в) восполнений и доделок по аналогии с фрагментами, имеющимися на произведениях; г) реконструкции. По мнению докладчицы, надо создать межведомственные комиссии из специалистов, способных квалифицированно решать важнейшие вопросы реставрации на научной основе, учитывая при этом индивидуальный характер каждой вещи.

А. К. Елкина (ГЦХНРМ) в докладе «Безводная очистка музейных тканей органическими растворами» осветила некоторые проблемы, стоящие перед реставраторами при удалении загрязнений с плотных многослойных древних тканей, одежды, шпалер и древнерусского шитья.

Э. И. Валк-Фалк (Тартуский государственный университет) рассказал о консервации и реставрации кожаных переплетов книг XV—XVII вв. из университетской библиотеки, где с 1956 г. существует сектор гигиены и реставрации книги. В секторе в настоящее время работает 21 человек: специалисты-реставраторы, химики, биологи, художники по художественной обработке кожи. За время существования отдел разработал целый ряд теоретических проблем в области хранения и консервации.

И. К. Белая (Государственная библиотека им. В. И. Ленина) в докладе «О реставрации изделий из кожи» остановилась на методах и принципах реставрации и консервации кожаных предметов в лаборатории библиотеки.

«Реставрационная деятельность профессора Ф. Я. Мишукова в музеях Кремля» — такова была тема доклада И. А. Родимцевой (Музей Московского Кремля). Докладчица охарактеризовала Ф. Я. Мишукова как искусного мастера, художника-реставратора и отличного педагога, обладавшего глубокими знаниями исследователя-металлиста и ювелира-практика.

Доклад К. Ф. Никитиной (Государственный Эрмитаж) был посвящен проблемам консервации мокрого археологического дерева. В Эрмитаже проводятся экспериментальные работы с применением разных способов консервации, давшие положительные результаты. Докладчица коснулась и вопроса консервации в полевых условиях. Для предохранения мокрой археологической древесины от высыхания и удобства транспортировки рекомендуется в полевых условиях проводить предварительную консервацию, заворачивая предметы в марлю или бинты, смоченные в 5% водном растворе пентахлорфенолата натрия, и затем запаивать их в полиэтиленовые конверты. Это сохранит предметы во влажном состоянии в течение нескольких месяцев без опасности заплесневения.

С сообщением «Некоторые вопросы сохранения влажной, сильно деградированной древесины из археологических раскопок» выступили Ю. В. Вихров, В. А. Борисов и С. Ю. Казанская (Минский технологический институт им. С. М. Кирова). Проблема укрепления предметов из археологических раскопок до сих пор еще остается открытой. Под руководством проф. В. Е. Вихрова в проблемной лаборатории модификации древесины Белорусского технологического института проводятся работы по подбору синтетических смол и разработке методов консервации древесины. Лабораторные исследования и опыты по консервации показали, что наиболее эффективным методом является пропитка древесины синтетическим полимером — фенолспиртом.

О. В. Лелекова и А. В. Иванова (ВЦНИЛКР) посвятили свое сообщение проблеме укрепления резного позолоченного дерева и полихромной скульптуры. Они подробно рассказали о трудностях реставрации резных иконостасов, старинной мебели, позолоченной резьбы по дереву, лепнины и указали на то, что надо отказаться от практики удаления старого авторского грунта и позолоты и замены их новым. Это методически неверный путь. Реставраторы должны сохранить старый авторский грунт и позолоту путем укрепления, затем дополнить в местах утрат. Химиком ВЦНИЛКР А. В. Ивановой подобран и модифицирован новый водный синтетический материал, с помощью которого по разработанной системе укрепляется разрушенный грунт резьбы, в каком бы тяжелом состоянии он ни был.

Т. М. Соколова (Государственный Эрмитаж) сообщила о реставрации музейной мебели в Эрмитаже, где хранится около 15 тысяч предметов художественной мебели из различных пород древесины. К реставрации мебели привлечены столяры-краснодеревщики, реставраторы живописи и некоторые другие знатоки, работавшие под руководством реставрационной комиссии, в которую входят специалисты-искусствоведы. Докладчица рассказала о материалах и технике реставрации. На вопрос о том, следует ли, чтобы реставрированные вещи выглядели как новые, докладчица ответила, что практика Эрмитажа дает отрицательный ответ.

В сообщении реставратора Художественного музея Литовской ССР Б. Б. Пинкевичюте (Вильнюс) говорилось об опыте консервации мокрого археологического

дерева периода неолита. С 1966 г. в Швентойе ведутся раскопки стоянок III тысячелетия до н. э. За это время археологами найдено много деревянных изделий, детали циновок, фрагменты корзинок и остатки сетей. Большинство деревянных вещей содержит более 80% воды, некоторые раздавлены в земле, и вынуть их оттуда очень трудно. Литовские реставраторы начинают свои работы непосредственно на раскопках. При консервации пользовались методом шведских ученых Ральфа Морена и Бертила Сентерволла. Основным материалом служил полиэтиленгликоль. Предметы из липового лыка консервировались методом, предложенным химиком ВЦНИЛКР А. В. Ивановой, — с использованием фторопласта И-6.

Первые опыты прошли испытание временем. Законсервированные предметы не деформируются и не изменяются.

А. В. Иванова, А. Р. Марготьева и Ю. С. Финогенова (ВЦНИЛКР) рассказали о новых пастах, применяемых при удалении поздних наслоений со сложных поверхностей деревянной резьбы и скульптуры.

За время семинара участники подробно ознакомились с хранением произведений декоративно-прикладного искусства в Государственном музее-усадьбе «Кусково» и в Государственном Историческом музее, с мастерскими и лабораториями ГЦХНРМ им. И. Э. Грабаря и ВЦНИЛКР, с работой реставраторов отдела реставрации музеев Кремля, осмотрели выставку «Реставрация произведений искусства в государственных музеях Московского Кремля».

С. Б. Фараджев

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ЭТРУСКОВ

С 17 по 19 октября 1972 г. в Государственном Эрмитаже в Ленинграде проходила первая в нашей стране научная конференция, посвященная проблемам истории, языка, религии и искусства этрусков. В ней приняли участие ученые Советского Союза, а также специалисты из Венгрии, ГДР и Польши. Во вступительном докладе директора Эрмитажа Б. Б. Пиотровского были затронуты проблемы развития торговых и художественных связей Этрурии с Востоком. Касаясь этрусской государственности, докладчик отметил, что в Этрурии не был достигнут тот уровень развития производительных сил, при котором возникают необходимые условия для образования единого государства. Этрурия представляла собой союз городов-государств, власть правителя внутри которых была значительно ограничена. В экономике городов Этрурии основную роль играли обмен и захват, а в культуре — скрещение различных влияний.

Вопросы, поднятые в докладе Б. Б. Пиотровского, освещались и в нескольких специальных докладах¹. Так, А. И. Немировский (Воронеж) посвятил свой доклад «Проблемы этрусской урбанистики» современному состоянию изучения этрусского города. За последние десятилетия археологами достигнуты значительные успехи в исследовании планировки, культовой и гражданской архитектуры, крепостных сооружений городов Этрурии.

В. И. Козловская (Воронеж) в докладе «Этрусско-иберийские связи» подробно рассмотрела вопрос о связях этрусков с иберами, а также о взаимоотношениях этрусков с греками и пунийцами на торговых путях в Иберию.

Доклад Ю. Б. Циркина (Новгород) «Этрусско-фокейская война в 40—30 годах VI в. до н. э.» тематически был тесно связан с предыдущим докладом. Исследователь детально проанализировал данные письменных и археологических источников, освещающих взаимоотношения этрусков и фокейских колонистов в Западном Средиземноморье. Как полагает Ю. Б. Циркин, военные действия этрусков против фокейцев не ограничивались битвой при Алалии (535 г. до н. э.). Борьба проходила также на юге Галлии (Сен-Блез) и в устье Арно в Италии. Союзником фокейцев выступал Рим, противник этрусского города Церре. Результатом войны было установление этрусского господства на море.

В докладе В. Ф. Кузнецова (Куйбышев) «Порсенна и начало Римской республики» рассматривались взаимоотношения этрусского города Клузия с Римом. Докладчик обоснованно полагает, что этрусское господство в Риме продолжалось и после традиционной даты падения царской власти (509 г. до н. э.), до поражения при Киме (474 г. до н. э.).

В докладе Р. Е. Ляст (Уфа) «Некоторые аспекты экономического развития Этрурии в раннеимператорский период» доказывалось, что археологические открытия

¹ См. «Краткие тезисы докладов к научной конференции „История и культура этрусков“ (17—19 октября 1972 г.)», Л., 1972.

Рис. 1. Этрусские урны-пеплохранилища IV—II вв. до н. э.

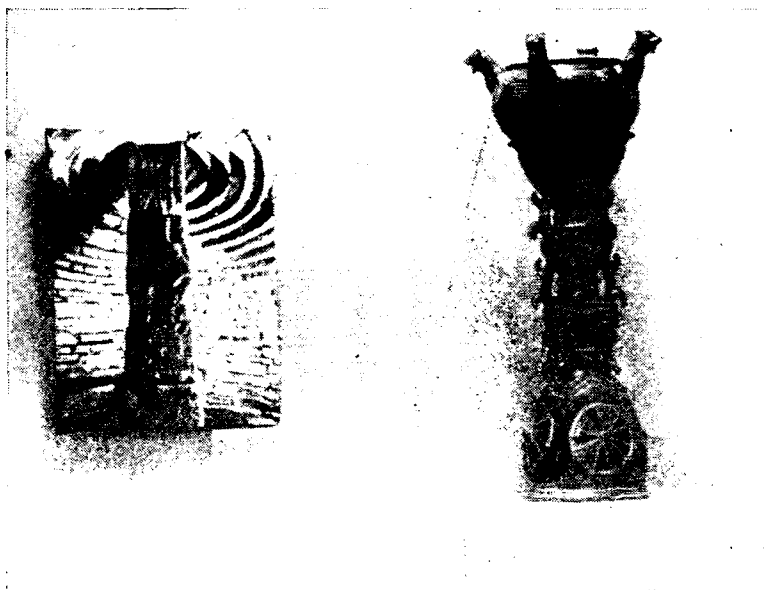

Рис. 2. Этрусская ваза VII в. до н. э.

последних десятилетий свидетельствуют о нормальном развитии, даже процветании многих этруских центров в I—II вв. н. э.

Вопросы этруского языкознания рассматривались в докладах А. И. Харсекина (Минск) «Нынешнее состояние интерпретации памятников этруского языка» и В. В. Шеворошкина (Москва) «К проблеме генетической принадлежности этруского языка». Оба исследователя приходят к выводу, что язык этрусков принадлежит к ностратической прасемье, вопреки утверждению болгарского ученого В. Георгиева, относящего его к хетто-лувийским языкам. А. И. Харсекин отметил, что современное состояние этруской эпиграфики не позволяет пока дать полную интерпретацию языка. Успех может быть достигнут только при комплексном использовании взаимно дополняющих друг друга исследовательских средств. Кроме того, А. И. Харсекин выступил с сообщением «Этруские надписи Государственного Эрмитажа», в котором подытожил ведущуюся более 10 лет работу по выявлению памятников этруской эпиграфики в музеях СССР.

Ряд докладов был посвящен этруской религии и мифологии. Л. А. Ельницкий (Москва) в докладе «Происхождение древнеэтруской космогонии-дивинации (из словаря Суды)» рассмотрел источники этруских космогонических представлений, связав их с древнегреческими и ближневосточными. О связях этруских религиозных представлений о «пишущих божествах» с египетскими и вавилонскими говорил также Е. В. Мавлеев (Ленинград) в докладе «„Книга жизни“ у этрусков». Проблема восточных заимствований в этруской религии посвятила свой доклад Н. К. Тимо-

феева (Новосибирск), которая проанализировала один из сюжетов, встречающихся во фресках этрусских гробниц VI в. до н. э. («Этрусский Ферсу и лидийский Кандаулес»). В докладе В. Добровольского (Варшава) «Знакомство этрусков с греческой мифологией в архаический и классический периоды» приведены доказательства того, что греческая мифология и литература не были чужды этрускам, хотя мы часто встречаемся с искажением и непониманием смысла греческих мифов, изображенных этрусскими мастерами на вазах, бронзовых зеркалах, резных камнях и т. д.

Этрусской археологии и искусству было посвящено четыре доклада. Я. Д. Силади (Будапешт), изложив историю развития одной из основных групп этрусской архаической керамики («Этрусско-коринфская вазовая живопись»), выдвинул интересные предположения о центрах, с которыми можно связать определенные стилистические группы этрусско-коринфских ваз конца VII—VI вв. до н. э.

С. П. Борисовская (Ленинград) в докладе «О центрах производства этрусского буккери» проанализировала другую, специфически этрусскую группу художественной керамики, осветила вопросы ее локализации на материалах из собрания Эрмитажа. В докладе О. Я. Неверова (Ленинград) «Памятники этрусского искусства в Северном Причерноморье» впервые поставлен вопрос о находках этрусских художественных изделий на юге нашей страны. Исследователь справедливо полагает, что находки этрусских резных камней и бронзовых изделий в Причерноморье и Приднепровье могут говорить лишь о посреднической торговле с этими районами. Г. Херес (Берлин, ГДР) в докладе «Подделки этрусских скарабеев» рассмотрел группу резных камней из собрания Государственных музеев в Берлине и сделал интересные выводы относительно характера фальсификации этрусских гемм.

Прения по докладом проходили в последний день конференции. Н. К. Тимофеева развила тему доклада Р. Е. Ляст, проанализировав развитие и преемственность традиций этрусской мифологии и искусства в эпоху итальянского Средневековья и Возрождения. В. Ф. Кузнецов, высоко оценив доклады, посвященные религии этрусков, отметил ее тесные связи с религиями Востока. Во многих выступлениях обсуждался вопрос о контактах этрусков с Востоком в связи с наиболее важными и животрепещущими проблемами происхождения и характера языка этрусков. А. Г. Бокшанин (Москва) высоко оценил выводы В. Георгиева о хеттском происхождении этрусского языка и подверг резкой критике теорию автохтонности этрусков. Однако А. И. Харсекин и В. В. Шеворошкин в своих выступлениях утверждали, что выводы В. Георгиева противоречат фактам, хотя нельзя отрицать, что в этрусском языке есть некоторые элементы, сближающие его с хеттским. Полемизируя с рядом участников конференции, критиковавших вышедшую в русском переводе книгу З. Майяни², Л. А. Ельницкий отметил, что она в какой-то степени отражает современное состояние этрусской лингвистики, носящей, по его мнению, схоластический характер.

В выступлении по докладу О. Я. Неверова А. П. Манцевич (Ленинград) выдвинула предположение о северобалканском происхождении некоторых гемм, найденных в Северном Причерноморье и названных в докладе этрусскими. Ю. Л. Дюков (Ленинград) предложил сопоставить стиль этрусских скарабеев с кельтскими монетами и варварскими подражаниями греческим монетам. В своем ответном слове О. Я. Неверов обосновал данные им в докладе атрибуции этрусских гемм.

В дискуссии приняли также участие Е. В. Мавлеев, С. П. Борисовская, Г. И. Писаревский (Воронеж), Е. Д. Савенкова (Ленинград), Ч. А. Мезенцева (Ленинград).

В дни работы конференции в библиотеке отдела античного мира была организована выставка новейших трудов советских этрускологов, а также фотовыставка этрусских памятников, хранящихся в Одесском археологическом музее.

В Растреллиевской галерее Зимнего дворца была открыта выставка «Культура и искусство Этрурии». На ней было представлено 350 экспонатов из фондов Эрмитажа, а также материалы, выделенные из постоянной экспозиции искусства древней Италии. Организации выставки предшествовала многолетняя работа по изучению и атрибуции этрусских памятников, хранящихся в богатой коллекции этого музея.

К открытию выставки был выпущен научный иллюстрированный каталог, в котором большая часть этрусских памятников Эрмитажа была опубликована впервые³.

С. П. Борисовская

² З. Майяни, Этруски начинают говорить, М., 1966.

³ «Культура и искусство Этрурии. Каталог выставки», Л., 1972 г.

В 1972 г. этносоциологический отряд Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР под руководством Е. И. Клементьева провела массовое обследование карельского городского населения.

Выявление закономерностей социального и этнического развития, влияния социальных факторов на направление, характер и темпы этнических процессов, соотношение традиционной и современной культуры, языковые процессы, проявление национальной психологии и национального самосознания — таков далеко не полный перечень вопросов, составляющих предмет исследования. В соответствии с выборкой, осуществленной на основе переписных листов Всесоюзной переписи 1970 г., экономических, демографических и других признаков по специально разработанной анкете в 8 городах и поселках городского типа, представляющих все основные типы городских поселений Карелии, опрошено 1180 чел. Подготовительный этап (проверка анкет, перенос данных с анкеты на шифровальные листы и т. д.) закончен, материалы переданы для дальнейшей обработки на ЭВМ в вычислительный центр Карельского филиала АН СССР.

Летом 1972 г. состоялся первый выезд комплексной фольклорно-этнографической экспедиции в западную часть Медвежьегорского района КАССР, населенную карелами (бывш. Сегозерский район). Целью экспедиционной работы был сбор материала для сборника «Сегозерские карелы»; в состав отряда входили этнограф Р. Ф. Никольская (Тароева), фольклорист У. С. Конкка, лаборантка З. М. Трофимчик, студентка Петрозаводского Государственного университета З. Соловьева и фотограф П. К. Гаврилов.

Поездка была рекогносцировочной. Работа велась в деревнях Паданы, Евгора, Сельга, Шалговара и Маслозеро. Производилась запись фольклорных произведений и этнографического материала (верования, обряды, календарные праздники, хозяйственная деятельность), а также фотографирование предметов материальной культуры. Собранный материал и наблюдения подтверждают ранее высказанные, но мало подкрепленные фактическим материалом предположения о длительном влиянии русской культуры Заонежья на культуру карел этого района, наиболее ярко проявляющемся в песенном фольклоре и прикладном искусстве. СобираТЕЛЬСКАЯ работа в Сегозере будет продолжаться.

Фольклорная экспедиция в составе А. С. Степановой и Н. А. Лавонен в июле месяце выезжала в Олонецкий район с целью более тщательного изучения традиционного фольклора, и в первую очередь, загадок и причитаний. Попутно члены экспедиции записывали и другие жанры фольклора — песни, сказки, былички, а также собирали

этнографический материал. Ими было записано на магнитофон 117 текстов.

В 1972 г. впервые была предпринята поездка к карелам, проживающим в Канда-лакшском районе Мурманской области. Обследованы д. Колвица и Княжая, куда карелы переселились в конце XIX в. из Кестеньгского и Калевальского районов.

В Колвице и Княжей до сих пор многие женщины помнят карельские свадебные песни; некоторые исполнительницы причитывают, исполняют ёйги (joiku). Наряду с произведениями фольклора, здесь собирался и этнографический материал — описания обрядов, приметы, различные запреты, поверья и т. д. Всего записано на пленку 144 текста.

В Кингисеппский район Ленинградской области выезжал Э. С. Кнуру для сбора материалов по ижорскому свадебному обряду и свадебной поэзии. У ижор Сойкинского и Кракольского и финнов Конновского сельсоветов записано свыше десяти описаний традиционного свадебного обряда, ижорские и финские свадебные песни, похоронные и свадебные причитания, а также различные обычаи и поверья. Кроме того, от выдающейся сказительницы Е. А. Александровой повторно записано 40 эпических, лирико-эпических, лирических и свадебных песен «калевальского стихотворного размера», сказки, пословицы, поговорки.

В Карельском Поморье (д. Ньюча, Коллежма, Сумский Посад) работала экспедиционная группа в составе музыковеда Т. А. Коски, ст. лаборантки Е. И. Русаковой и студентки ПГУ Е. М. Гин. Цель экспедиции — сбор дополнительных материалов для подготавливаемой А. П. Разумовой публикации по поморской свадьбе. За время поездки сделаны магнитофонные записи: 23 локальных варианта свадьбы, 30 свадебных песен в хоровом исполнении; 43 утушных, плясовых и колыбельных песни, 51 баллада, духовные стихи, сказки, а также приметы, заговоры, пословицы и другие жанры фольклора. Впервые производились записи детского фольклора (страшилки, скороговорки, дразнилки и т. п.).

Весь материал, собранный в 1972 г., сдан на хранение в рукописный архив Института.

Э. Кнуру

* * *

В июле 1972 г. фольклорная экспедиция афедры русского народного творчества филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова работала в Пинежском районе Архангельской области. Участники экс-

педии должны были выявить традиционный поэтический репертуар и исследовать современное состояние фольклорных жанров. Экспедиция работала в составе двух отрядов под руководством Н. И. Савушкиной и Н. М. Ведерниковой.

Отряд Н. И. Савушкиной обследовал в Нюхченском сельсовете деревни Нюхча (околы Заручей, Гора, Шилово, Осяткино), Занюхча (околы Запанівца, Стрелица), Кучкас; в Лавельском сельсовете деревни Лавела (околы Заёдовье, Репищо, Занаволок, Протівье), Явзора (околы Гора, Волость, Холм), Каскомень. Отряд Н. М. Ведерниковой обследовал в Покшенгском сельсовете деревни Большое и Малое Кротово, Земцово, Жабье, Красное, Кобелево, (околы Усть-Покшеньга, Околок, Холм), Лохново (околы Лохново, Шелья, Смоленец, Щербаково, Агафонов, Хитгора). Было записано 4273 фольклорных произведения, в том числе: 2 былины (книжные), 9 исторических песен, 12 скоморошин, 32 духовных стиха, 36 баллад, 167 сказок, 264 произведения несказочной прозы, 41 — календарной обрядовой поэзии, 497 — семейной обрядовой поэзии (287 причитаний и 210 песен), 125 заговоров, 399 протяжных и частых лирических песен, 150 игровых, плясовых и хороводных песен, 1565 частушек, 418 произведений малых жанров (пословиц, поговорок, загадок), 107 произведений детского фольклора. Описаны также различные народные обряды, развлечения и т. д.

Экспедицией отмечены активное бытование лирических песен и частушек, вечериночных припевок; хорошая сохранность свадебных песен и причитаний, хороводных и игровых песен; традиционность эпического репертуара (сказок, баллад, исторических песен), зафиксированного собирателями прошлого А. Д. Григорьевым, И. В. Карнауховой, А. И. Никифоровым.

Образцы произведений разных жанров в сольном и хоровом исполнении записаны на магнитофон. Материалы хранятся в архиве кафедры.

Н. М. Ведерникова, Н. И. Савушкина

* * *

В июле-августе 1970 г. фольклорно-этнографическая секция Новосибирского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры организовала первую комплексную экспедицию по Московскому тракту, на котором расположено большинство сел со старожильческим русским населением Сибири (чалдонами) и бывшие казачьи форпосты. Цель экспедиции — всестороннее изучение процессов развития народной культуры Сибири. В ее работе принимали участие филологи, музыковеды, этнографы и искусствоведы. Члены экспедиции, проехавшие по Московскому тракту 640 км, записали около 10 000 произведе-

ний фольклора, в том числе 508 песен; собрали многочисленные образцы прикладного искусства, а также предметов домашнего обихода и культа. Вопреки ожиданиям, экспедиция не обнаружила очагов самобытной «исконно сибирской» культуры русского народа.

В Западной Сибири рядом со старожильческим русским населением издавна селились выходцы из северных, центральных и южных губерний России, а также из Польши, поэтому для нее типичен населенный пункт со смешанным населением. В связи с этим обычные методы полевых наблюдений оказались малоэффективными и пришлось разрабатывать новую методику полевых наблюдений и исследований и новую систему научной паспортизации фольклорного и этнографического материала, позволяющую с максимальной точностью выявить местное своеобразие собранного материала.

В 1971—1972 гг. работа велась уже по новой программе. Основная задача фольклорных экспедиций в эти годы — изучение процессов взаимодействия национальных и областных устно-поэтических традиций в Сибири.

Летом 1971 г. экспедиция работала в составе трех отрядов. Отряд С. К. Суховеевой продолжил работу, начатую экспедицией 1970 г. в селах Барабы (Вознесенка, Ильинка, Урез); отряд Е. А. Кобыковой — в селах Кник, Коурак и др., расположенных вблизи Московского тракта, отряд Л. И. Болотской — в селах Искитимского и Сузунского районов.

Было записано 18 свадебных обрядов, 10 сказок, 502 песни и более 200 произведений малых жанров фольклора. Членами экспедиции отмечена определенная закономерность: в певческих группах, состоящих из потомков белорусов и украинцев, наблюдается русификация традиционных белорусских и украинских песен. В то же время среди исконно русского населения популярны белорусская календарная обрядовая поэзия, украинские лирические песни, заметно влияние белорусской и украинской свадьбы на русскую.

Все песни, записанные в 1970 и 1971 гг., расшифрованы (нотированы), и часть их уже используется Государственным русским сибирским хором, композиторами Сибири, а также фольклорными певческими группами, созданными для пропаганды народного песенного искусства.

В 1972 г. в Татарском, Северном и Кольванском районах Новосибирской области фольклорные экспедиции изучали процессы взаимодействия белорусско-русских фольклорных традиций (записано более 300 песен и другие произведения фольклора); в Куйбышевском и Барабинском районах выявляли своеобразие поэзии старожильческого русского населения Сибири и характер немецко-русских и польско-русских культурных связей.

Отряд под руководством члена Союза композиторов РСФСР А. М. Айзенштадта в ноябре 1972 г. собрал ценнейший материал по фольклору и этнографии кетов.

Материалы, полученные в 1972 г., расшивруются и изучаются в фольклорной лаборатории, созданной при Новосибирском государственном педагогическом институте и в музее истории музыки Новосибирской консерватории им. М. И. Глинки. Организуется единый фольклорный фонд с фонотекой.

М. Н. Мельников

* * *

В 1972 г. сотрудники Восточнославянского сектора Института этнографии АН СССР продолжили изучение материальной культуры русского населения Западной Сибири XIX — начала XX в. Впервые этнографы работали в Курганской области (бывш. Курганский уезд Тобольской губернии).

Экспедиционный отряд, возглавлявший-ся А. А. Лебедевой, состоял из научных сотрудников А. В. Сафьяновой (Ин-т этнографии АН СССР), В. М. Суринова (Ин-т славяноведения АН СССР), студентки исторического ф-та МГУ Т. А. Ворониной, художников Н. С. Комаровой и М. М. Мечева, фотографа С. Е. Рулевского.

Материалы собирались по следующим темам: история заселения, крестьянские промыслы и одежда (А. А. Лебедева), жилище и хозяйственные постройки (А. В. Сафьянова), сельскохозяйственные орудия (В. М. Суринов).

С 9 августа по 20 сентября члены экспедиции работали в старожильческих русских крестьянских и бывших казачьих селениях долины р. Тобол и ее притока Исети в районах Белозерском (села Белозерское, Першино и д. Бунтино), Шатровском

(села Шатрово, Спасское и дер. Дружинина), Куртамышском (дер. Белоногово), Притобольском (села Глядянское, Чернавское, Утятское, Камышное, дер. Раскатиха и бывш. станица Звериноголовская), Каргопольском (село Брылинка).

Участники экспедиции изучали также фонды музеев городов Кургана, Шадринска, Далматова и материалы школьных музеев, сел Шатрово, Спасское, Утятское, Звериноголовское.

Сотрудники отряда опрашивали старожилов селений, руководствуясь программами и вопросниками, разработанными в Восточнославянском секторе для сбора материалов о русском населении Сибири. Сфотографированы виды сельских улиц, жилые дома, хозяйственные постройки, сельскохозяйственные орудия, одежда, различные предметы крестьянского труда и быта.

По всем темам сделано 47 цветных и черно-белых рисунков: интерьеры жилых домов, детали наружного и внутреннего декора жилища, чертежи планов домов, предметы традиционной одежды (головные уборы, пояса, запоны, обувь и др.).

Намеченная программа работ полностью выполнена. Наши полевые исследования подтверждают известное положение, что традиционный уклад материального быта дольше сохраняется в селениях с более постоянным составом населения. Это в первую очередь деревни со старообрядческим населением в Шатровском, Куртамышском, Шадринском и Притобольском районах Курганской области. Вместе с тем Курганская область в этнографическом плане является интересным регионом, где на основе сложных процессов взаимосвязей разных групп русского и нерусского населения можно проследить складывание новых традиций в материальной культуре. Все собранные полевые материалы обработаны.

А. А. Лебедева

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВЫЕ ТРУДЫ ПО СЛОВАЦКОЙ КУЛЬТУРЕ

Серия научно-популярных трудов «Сокровищница словацкой народной культуры» («Klenotnica slovenskej ľudovej kultúry»), выпускается Этнографическим институтом Словацкой Академии наук в Братиславе с 1967 года. Издание рассчитано как на научных работников, специализирующихся в области этнографии, фольклора и искусствоведения, так и на широкий круг читателей, интересующихся народной культурой. В трудах серии рассмотрены отдельные вопросы народного творчества, материальной и духовной культуры словаков, содержится анализ рассматриваемых явлений, даются сведения об их генезисе и истории и показывается их связь с развитием культуры других народов. Проблемы народной культуры, освещаются в историческом аспекте.

В настоящее время вышло семь книг этой серии: Ján Podolák, «Pastierstvo v oblasti Vysokých Tatier», 1967, (206 s.); Soňa Burlasová «Ľudové balady na Horehroni», 1969, (262 s.); Elena Holíčzyová, «Výšivka v oblasti Trnavy, 1968, (170 s.); Ondrej Demo, Olga Hrbalová, «Zatevné a dožinkové písně», 1971, (290 s.); Ema Kaňounová «Ľudové vinohradnícke stavby a lisy» 1969 (290 s.); Pavol Michalides, «Ľudové hračky na slovensku», 1972 (388 s.); Rudolf Bednarik, «Cintoriny na Slovensku», 1972, (347 s.). Две из них — «Песни, связанные с уборочными работами и дожиночные» О. Демо и О. Храбаловой и «Народные баллады в Горегронье» С. Бурласовой — посвящены фольклору. Помимо исследовательских статей, они содержат публикацию фольклорных текстов и нотных записей мелодий (первая из них снабжена в виде приложения грампластинкой). В данной рецензии фольклорные работы не рассматриваются.

Остальные пять книг — этнографические исследования. Из них три освещают отдельные элементы народной культуры, характерные для определенных областей Словакии, две касаются Словакии в целом.

Основное внимание в данной рецензии уделяется проблемам народного искусства как части духовной и материальной культуры словаков.

Книга Яна Подолака посвящена пастушеству в области Высоких Татр. Автор описал праздники и обычаи, связанные с трудом и бытом пастухов, их жилище в горах, различные хозяйственные постройки и приспособления для пастьбы скота, способы выпаса, заготовки и перевозки кормов, обработки молочных продуктов. При описании деревянной пастушеской утвари Я. Подолак останавливается на ее скульптурной обработке, в частности, на художественном оформлении черпаков и ложек. При этом он показал локальные традиции мастерства резьбы по дереву. Одна из традиций — украшение черпаков реалистической скульптурой малых форм (фигурки птиц, зверей) помещаемой на ручке черпака; другая — сложный декор, включающий рельеф, объемную скульптуру и резной орнамент; третья, идущая издревле — это лаконичное завершение ручки черпака — обобщенно решенным изображением головы животного. Ручки ложек выполнены в виде стилизованной головы птицы. Как известно, зооморфные и антропоморфные мотивы — древнейшие в народном искусстве. Их сохранение до наших дней в оформлении утвари словацких пастухов, как и наличие в украшении пастушеских топориков и поясов традиционных элементов орнамента, — свидетельство преемственности способов декорирования предметов быта. В тщательно выполненном исследовании Я. Подолака не только отчетливо прослеживается органическая связь между отдельными элементами материальной и духовной культуры в традиционном культурно-бытовом комплексе, но и показано бытование отдельных элементов народной художественной традиции в наши дни. Представляется, однако, что автор мог уделить больше внимания перспективам развития народного искусства в современном обществе.

В работе Елены Холчевой исследована вышивка Трновской области. Подробно описана автором различная техника искусства вышивки, включая золотое шитье; рассмотрены мотивы, традиционные узоры, устойчивые композиции и цветовые решения. Подробно описана техника ажурной строчки, гладевых и стебельчатого швов, вышивки крестом. Тщательно рассмотрены сочетания различных приемов вышивки при исполнении единого узора, а также совмещение в изделиях вышитых орнаментальных полос с кружевами. Вышивка рассматривается в единстве с народным костюмом и декоративными элементами интерьера. Характеризуя устойчивые мотивы и композиции вышивки Трновской области, Е. Холчева подчеркивает наличие традиционных орнитоморфных и антропоморфных изображений и растительного орнамента. Книга дает полное представление об одном из видов народного декоративного искусства одной из областей Словакии и показывает место, роль и значение народной художественной традиции в современном прикладном искусстве. Думается, что работа выиграла бы, если бы автор сделал более широкие выводы о путях развития словацкой вышивки. Следовало, очевидно, также провести параллели с искусством вышивки других славянских народов.

Э. Кахоунова знакомит читателя с традиционными народными постройками и приспособлениями (давилками-прессами), связанными с виноделием, которые характерны для южных областей Словакии. В книге подробно (с приведением планов) рассмотрены разнообразные постройки от полумесяцных, до двухэтажных каменных сооружений, показан также специфический декор ряда строений. Например, двери одной постройки сколочены из досок таким образом, что верхняя их часть представляет два «полусолнца» — древний славянский мотив в декоративном искусстве. Над дверью — резной растительный орнамент, столь же традиционный. Автор обращает внимание и на наличие мотива виноградной лозы в декоре старого городского жилища (чеканка на водосточных трубах, лепнина, украшающая каменные здания). Скрупулезно рассматривая конструктивные особенности прессов, Э. Кахоунова фиксирует внимание и на их художественном оформлении. Скульптурная обработка стоек прессов, ритмичный узор, украшающий некоторые детали, обозначение дат их изготовления и инициалов владельцев свидетельствуют о единой традиции художественной обработки давилочных прессов, ткацких станков и прялок. Правда, два последних орудия украшались несравненно богаче. Это объясняется тем, что они изготовлялись для женщин. В своей работе Э. Кахоунова совершенно верно подчеркивает, что и до сегодняшнего дня в народной культуре сохранилось много эстетических представлений безвестных народных мастеров.

Работа Рудольфа Беднарика «Кладбища Словакии» написана на основе огромного, собранного им полевого материала, археологических и письменных источников. Р. Беднарик рассматривает в историко-сравнительном аспекте различные способы захоронения, отдельные похоронные обряды и обычаи, надгробные памятники и представления народа, связанные с погребальным культом. Убедителен большой материал о роли церкви, которая с самого начала боролась с народными верованиями и обрядами, запрещая одни традиционные элементы погребального ритуала и приспособляя другие к комплексу церковной обрядности. Под влиянием церкви символы древних верований заменились на надгробьях христианскими символами. В степени декорирования и качестве декора надгробий отражается классовая дифференциация.

Чрезвычайно интересен анализ надгробных памятников как произведений народного изобразительного искусства. Автор подчеркивает уникальность надгробий, несмотря на то, что каждое из них выполнено в локальной традиции и нередко одним и тем же мастером. Р. Беднарик рассмотрел отдельные элементы орнамента надгробных памятников, а также их сочетания, создающие устойчивые композиции. Растительный побег, ветвь винограда с гроздьями ягод, цветок крин, розетка (солнечный знак), характерные для традиционного орнамента, проанализированы во всех вариациях наряду с более поздними элементами, иногда натуралистическими, но решенными декоративно. В книге подчеркивается, что памятники украшаются в духе народной художественной традиции. На материале наиболее консервативной области народного творчества Р. Беднарик исследовал связь народных художественных традиций с различными сторонами социально-экономических процессов.

Исследование Павла Михалидеса — первая обобщающая работа о народной игрушке Словакии. Автор рассмотрел проблемы ее появления, развития, современного состояния, а также комплекс связанных с игрушкой вопросов воспитания детей. Книга основана на археологических данных и письменных источниках, свидетельствующих о производстве и распространении игрушек на территории Словакии в различные исторические периоды, на материале музейных и частных коллекций традиционной игрушки, а также на анализе современной игрушки, изготовляемой как в центрах народных промыслов, так и промышленным способом. Поставив своей задачей «заполнение пробела в этнографической, культурно-исторической и художественно-эстетической литературе», автор активно способствует тому, чтобы «сделать доступным специалистам и широкой общественности имеющийся материал, показать его воспитательную и художественную ценность» (стр. 323). Подробно описано П. Михалидесом производство игрушек из дерева, глины, текстиля, металла, лозы, кукурузного листа, теста и сыра. В книге показаны виды игрушек: миниатюрная посуда и мебель, модели орудий труда и музыкальных инструментов, куклы, фигурки птиц, животных и

людей. Автор подчеркивает, что традиционная игрушка сохраняется и в наши дни и является собой пример наиболее удачного решения эстетических задач, стоящих перед художниками и конструкторами современной игрушки, изготавливаемой промышленным способом. П. Михалидес на конкретном материале показал пути использования народных художественных традиций в наши дни.

В серии трудов «Сокровищница словацкой народной культуры» рассмотрены вопросы происхождения, развития и современного состояния отдельных элементов традиционной народной культуры словаков. Книги этой серии дают новый большой систематизированный материал, имеющий не только научное, но и практическое значение. Во всех работах показаны пути развития народной художественной традиции в современном обществе.

В серии выпущены на высоком полиграфическом уровне с большим количеством высококачественных иллюстраций, в том числе красочных.

Н. И. Моздыр, С. Б. Рождественская

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Circumpolar problems. Habitat, economy and social relations in the Arctic. A symposium for anthropological research in the North. September 1969. Oxford, 1973, 194 p.

В сентябре 1969 г. в Швеции и Норвегии состоялся организованный Северным советом этнографических исследований Международный симпозиум по циркумполярным проблемам. В нем приняли участие ученые из Скандинавских стран, Советского Союза, Канады и Соединенных Штатов Америки. Симпозиум был посвящен различным аспектам жизни человека на севере: экологии, экономике, социальным отношениям. При этом основное внимание было уделено рассмотрению всех этих вопросов применительно к национальным меньшинствам.

Географический охват симпозиума оказался столь же широким, как и его тематика. На нем были рассмотрены и проанализированы такие вопросы, как современное положение гренландцев и лопарей и их связи с датским и норвежским обществом, изменения в семейной структуре гренландцев в результате урбанизации и индустриализации острова в последние два десятилетия; вариации в типах расселения в Гренландии, современное положение и перспективы экономического и культурного развития индейцев кри Канады, формы ненецкой традиционной культуры, социально-экономические процессы и современное этническое развитие у коренного населения северо-востока Сибири, социальные и экономические эффекты развития новых отраслей хозяйства или новой техники ведения традиционным отраслей у гренландцев и лопарей, разные вопросы археологических исследований в Скандинавии и т. д.

Все эти и многие другие вопросы нашли свое отражение в сборнике докладов названного симпозиума, вышедшем в свет в этом году в издательстве «Пергамон пресс».

В короткой рецензии невозможно рассмотреть по отдельности каждый из докладов. Поэтому мы ограничимся некоторыми общими замечаниями. Подавляющая часть докладов посвящена современному положению коренного населения циркумполярной зоны. И при ознакомлении с этими докладами бросается в глаза серьезная озабоченность зарубежных ученых тем, что в ряде стран сохранились различные пережитки национальной дискриминации, крайне осложняющие повседневную жизнь коренных жителей Севера. При этом речь идет не о современной политике дискриминации коренного населения, а о том, что в силу многих исторически сложившихся социально-экономических условий малые народы зарубежного севера оказываются в чем-то ущемленными по сравнению с национальным большинством или экономически или психологически, несмотря на помощь, иногда оказываемую им со стороны государства. Так, Дания в последние 20 лет предпринимала большие усилия и потратила немало средств для развития хозяйства Гренландии и подъема жизненного уровня ее обитателей. Но самих гренландцев не привлекали к решению вопросов их будущего. И хотя гренландцы юридически являются полноправными датскими гражданами, фактически они часто остаются просто пассивными наблюдателями изменений, происходящих на острове. Как отмечает один из докладчиков, В. Оберт, они не принимают решений, не определяют направления развития хозяйства, не составляют планов, между тем, как справедливо отмечал автор, развитие народа может нормально совершаться только в том случае, если сами гренландцы станут хозяевами своей судьбы (стр. 6—7).

Н. Чанс в докладе об индейцах кри обращает внимание на то, что промышленное освоение природных ресурсов канадского севера одновременно сужает возможности применения традиционных навыков и умения индейцев и ведет этих людей к обнищанию и культурной деградации. Экономически обездоленные, не имея ни земли, ни денег, ни образования, не владея в достаточной степени языками евроканадцев,

индейцы теряют контроль над средой своего обитания и вынуждены соглашаться на любое занятие, диктуемое потребностями канадской экономики, будь то охота, рыболовство или неквалифицированная, низкооплачиваемая работа по найму. Государственные пособия индейцам не спасают положения (стр. 46—47). Н. Чанс настаивает на необходимости коренного изменения государственной политики в отношении индейцев с тем, чтобы обеспечить им как культурную автономию, так и равный с евроканадцами доступ к экономическому потенциалу севера (стр. 51).

Проблемы, на которые обратил внимание Н. Чанс, стоят не только перед аборигенами Канады, но и перед их собратьями на Аляске. О том, как эскимосы, алеуты и индейцы этого штата организуются в борьбе за свои экономические права, рассказывается в докладе М. Лантис.

Что касается некоторых более частных вопросов, привлечших наше внимание при знакомстве с рецензируемым сборником, то мы кратко коснемся только двух из них. Во-первых, это вопрос о влиянии процессов индустриализации и урбанизации на размеры семьи у гренландцев. Занимавшиеся этой темой А. Вейс Бентзон и Т. Аггерснап пришли к выводу, что в противоположность господствующим среди социологов взглядам, что индустриализация и урбанизация неизбежно должны сопровождаться распадом большой семьи и сменой ее малыми семьями, в Гренландии такая зависимость пока не прослеживается. Сохранение большой семьи связывается названными учеными с такими факторами, как кратковременность промышленного развития Гренландии, нехватка новых жилищ и большая экономическая обеспеченность людей, живущих в большой семье и образующих своего рода маленький производственный и потребительский кооператив.

Нам представляется, что подмеченное А. Вейс Бентзон и Т. Аггерснапом явление интересно и специфично не только для Гренландии. Например, совсем в другой части Америки — в тропиках — выявлено, что урбанизация у некоторых индейских племен, например *терена*, приводит к укреплению родственных связей и большой семьи, так как такие семьи обладают большей экономической стабильностью, чем малые, что особенно важно при отсутствии у переселившихся в город индейцев устойчивых постоянных заработков.

Второй вопрос, о котором хотелось бы сказать, относится совсем к другой области, к использованию новой техники в традиционных отраслях хозяйства — охоте и оленеводстве. Как следует из доклада М. Линкола, в Лапландии в оленеводстве широкое применение нашли снегоходы: на них передвигаются пастухи во время выпаса стад. Но треть доходов, получаемых владельцами этих стад от ежегодной продажи оленей на мясо, уходит на покупку снегоходов и эксплуатационные расходы. М. Линкола констатировал, что в последние годы снегоходы «начали угрожающим образом съедать капитал» оленеводов, воплощенный в их стадах (стр. 130). Проблема стоимости техники, все шире применяемой повсюду на севере, очень серьезна. И доклад М. Линкола еще раз привлекает внимание исследователей к этой сложной проблеме.

В целом рецензируемый сборник содержит много нового и интересного. Благодаря его опубликованию широкие круги ученых и практических работников-североведов из разных стран смогут познакомиться с результатами международного обмена мнениями и информацией по циркумполярным проблемам.

Л. А. Файнберг

НОВЫЕ СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПУТЕШЕСТВИЙ ДЖЕМСА КУКА

Первое кругосветное плавание Джеймса Кука. Плавание на «Индевре» в 1768—1771 гг., М., 1960, 503 стр., илл.; Второе кругосветное плавание капитана Джеймса Кука. Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг., М., 1964, 624 стр., илл.; Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг., М., 1971, 636 стр., илл.

В 1971 г. издательство «Мысль» завершило публикацию материалов трех плаваний выдающегося английского морехода Джеймса Кука. В основу изданий были положены публикации дневников участников этих экспедиций, осуществленные новозеландским географом и историком Дж. Биглехолом в период между 1955 и 1967 гг.¹

¹ «The Journals of Captain James Cook on his Voyages of Discovery. Edited from the original manuscripts by J. C. Beaglehole», vol. 1—«The Voyage of the "Endeavour", 1768—1771», Cambridge—Glasgow, 1955; vol. 2—«The Voyage of the "Resolution" and "Adventure", 1772—1775», Cambridge—Glasgow, 1961; vol. 3 (Parts 1, 2)—«The Voyage of the "Resolution" and "Discovery", 1776—1780», Cambridge—Glasgow, 1967. Репродукции оригинальных картографических материалов и зарисовок (всего 88 репродукций), выполненных в трех плаваниях, объединены в специальном выпуске (Portfolio, 1955). Вся серия издана Географическим обществом (Hakluyt Society). Дж. Биглехол незадолго до своей смерти в 1972 г. завершил работу над 4-м томом серии, посвященным жизни и путешествиям Дж. Кука («Cook's life and voyages: essays and lists»).

Дж. Биглехол в ходе многолетних исследований в британских, австралийских и новозеландских архивах разыскал и выпустил в свет более 40 дневников спутников Дж. Кука. Он проделал также огромную работу над записками самого руководителя трех экспедиций, очистив их текст от различных искажений и добавлений, внесенных издателями и редакторами первых изданий.

В итоге этой поистине титанической работы Дж. Биглехол выпустил в свет многотомное издание подлинных материалов, общим объемом около 260 печатных листов. Это издание ввело в историко-географическую литературу большое число ранее неизвестных данных географического, этнографического и исторического характера и позволило ознакомиться с подлинными дневниковыми записями Дж. Кука и его многочисленных соратников².

Еще в 1960 г. во Всесоюзном географическом обществе СССР было проведено заседание, на котором, по инициативе М. И. Белова, было принято решение осуществить на основе новых английских материалов Дж. Кука их русский перевод.

Для советского издания были отобраны лишь наиболее существенные разделы публикации Дж. Биглехола. Общий объем трех советских публикаций материалов путешествий Дж. Кука составил 120 печатных листов, что позволило целиком воспроизвести в русском переводе дневники руководителя морских экспедиций, но не дало возможности ввести в рамки изданий ряд важных документов. Думается, широкому кругу советских историков, этнографов и географов было бы интересно ознакомиться с ценными материалами второй экспедиции, касающимися антарктических морей, и с записями участников третьей экспедиции, проливающими свет на ход открытий в водах Аляски, Берингова моря и Северного Ледовитого океана.

Следует, однако, отдать должное научным редакторам советских изданий Дж. Кука. Они отобрали все наиболее ценное, и благодаря этому создается целостное представление о ходе трех экспедиций Дж. Кука и об их важнейших итогах.

Русское издание, посвященное первому плаванию, вышло в свет в 1960 г. Ранее материалы этого путешествия, в ходе которого были открыты восточные берега Австралии и завершено открытие Новой Зеландии, на русском языке не публиковались. Между тем для океанистов и австроловедов записи Дж. Кука и его спутников по первому плаванию имеют огромное значение. По существу именно эта экспедиция положила начало этнографическим исследованиям в обширном южнотихоокеанском регионе.

Широкий круг этнографов получил возможность ознакомиться с результатами наблюдений Дж. Кука в маорийских поселениях обоих островов Новой Зеландии и с описаниями аборигенов восточного побережья Австралии и острова Таити, открытого англичанами за два года до посещения его Дж. Куком. Неоценимое значение имеют и записи, касающиеся показаний раиатейца Тупии — островитянина, который стал участником экспедиции и сообщал Дж. Куку ряд очень важных сведений об островах и народах Центральной Океании.

Советское издание материалов первого плавания Дж. Кука вышло в свет под редакцией видного специалиста по истории географических открытий Я. М. Света, с его обстоятельными комментариями и предисловием, содержащим обзор открытий в Океании и оценку итогов первой экспедиции Дж. Кука. Как в этом, так и в последующих изданиях использовались весьма ценные материалы вводных статей и комментариев Дж. Биглехола. Морскую терминологию отредактировал контр-адмирал Н. Г. Морозовский.

В 1964 г. вышло в свет русское издание материалов второго — самого значительного — плавания Дж. Кука. Первые дневники этой экспедиции (в переводе с французского Л. И. Голенищева-Кутузова) были изданы в 1796—1880 гг.³, а в 1948 г. сокращенное издание этих дневников было опубликовано в переводе Я. М. Света⁴. Однако в основу публикаций были положены тексты дневников Дж. Кука, искаженных (как это впоследствии доказал Дж. Биглехол) редактором первого английского издания материалов второй экспедиции каноником Дж. Дугласом. Впервые с переводом подлинного текста дневников второй экспедиции Дж. Кука советские читатели ознакомились лишь по изданию 1964 г.

Как известно, помимо выдающихся открытий в Океании (острова Кука, Новая Каледония, Новые Гебриды, ряд островов в архипелаге Туамоту и Общества), Дж. Кук в ходе второй своей экспедиции провел очень важные наблюдения на Таити, острове Пасхи, в Новой Зеландии и первым из европейцев проник в воды Антарктики. Разоблачив миф о грандиозном южном материке, который до его плавания географы показывали на картах в умеренных и тропических широтах южного полушария, Дж. Кук высказал предположение о наличии обширного массива суши близ Южного полюса, но в то же время выдающийся мореплаватель выразил сомнение в возможности дойти до антарктического материка.

² Всесторонняя оценка изданий Дж. Биглехола была дана Я. М. Светом в его рецензии на английскую публикацию материалов третьего плавания Дж. Кука («Сов. этнография», 1968, № 5).

³ «Путешествие в южной половине земного шара и вокруг оно», ч. I—IV, СПб., 1796—1800.

⁴ Дж. Кук, Путешествие к Южному полюсу и вокруг света, М., 1948.

Таким образом, вторая экспедиция Дж. Кука оставила глубокий след в истории освоения южной половины земного шара и в этнографии народов южных морей.

В новом издании материалов этой экспедиции дневникам Дж. Кука предпослана обстоятельная вступительная статья В. Л. Лебедева и Я. М. Света, которые подвели итоги исследованиям Дж. Кука в Антарктике и Океании. Перевод осуществлен Я. М. Светом, он же — автор комментариев, относящихся к океанской части плавания. Антарктические разделы дневников Дж. Кука прокомментированы исследователем Антарктиды В. Л. Лебедевым, морские реалии — Н. Г. Морозовским.

К сожалению, в это издание не вошли ценные материалы из дневников спутников Дж. Кука — Ч. Клерка, У. Уолеса, И. и Г. Форстеров. Правда, и в публикации Дж. Биглехола записки натуралистов — отца и сына Форстеров — включены не были, хотя они представляют огромный интерес, особенно для этнографов, и очень досадно, что эти материалы остались неизданными.

Дневники самого Дж. Кука содержат многочисленные описания материальной культуры, быта и верований населения островов Общества, Новой Зеландии, Новых Гебрид, Маркизских островов, Новой Каледонии и острова Пасхи.

Если целью первого и второго плаваний Дж. Кука было исследование морей и земель южного полушария, то задача третьего плавания состояла в обследовании северной части Тихого океана и массивов суши, лежащих на стыке Азии и Америки. В ходе этой экспедиции Дж. Кук посетил моря, в которых до него неоднократно совершали выдающиеся открытия русские мореходы. Поэтому последняя экспедиция Дж. Кука представляет особенно большой интерес для советских географов, этнографов и историков.

В начале XIX в. Л. И. Голенищев-Кутузов выпустил в свет русский перевод дневников третьего плавания Дж. Кука⁵, который, однако, основывался на их фальсифицированной (тем же Дж. Дугласом) версии. Предпринятое в 1967 г. Дж. Биглехолом английское издание, кроме подлинных дневников Дж. Кука, включило еще 27 дневников участников третьего плавания, причем большая часть этих дневников ранее не была известна исследователям.

Русское издание материалов третьей экспедиции Дж. Кука, вышедшее в 1971 г. (перевод, вступительная статья и комментарии Я. М. Света), по объему значительно уступает публикации Дж. Биглехола. В это издание, однако, кроме дневников Дж. Кука, включены фрагменты из записок других участников экспедиции, касающиеся событий, связанных с посещением залива Аляска, Алеутских островов, Камчатки и Чукотки. Записки Д. Самвелла и Т. Эдгара позволяют составить более ясное представление о первом достоверно известном постоянном русском поселении на Уналашке. Записки того же Д. Самвелла и лейтенанта Дж. Кинга содержат очень важные и интересные сведения о Камчатке, которую экспедиция (уже после смерти Дж. Кука) дважды посетила в 1779 г. Важны и данные Ч. Клерка и Дж. Кинга о Гавайских островах, открытых Дж. Куком. В крайне сжатом виде представлены свидетельства спутников Дж. Кука, относящиеся к трагическим событиям на Гавайях, завершившихся гибелью Кука.

К сожалению, в русское издание не включены материалы о втором походе кораблей экспедиции в Северный Ледовитый океан, а также чрезвычайно интересные дневники У. Андерсона с описанием аборигенов островов Тонга и Общества.

Большой интерес представляет написанная Я. М. Светом вступительная статья, в которой проанализированы цели третьей экспедиции Дж. Кука и изложен ход открытий в северной части Тихого океана. В комментариях также особое внимание уделено северотихоокеанскому этапу плавания третьей экспедиции. Я. М. Свет провел исследования в ряде советских архивов и обнаружил интересные для исследователей данные, касающиеся посещения кораблями третьей экспедиции острова Уналашки, Чукотки и Камчатки. В приложениях впервые публикуются документы, в которых содержатся сведения о приеме участников третьей экспедиции главным командиром Камчатки премьер-майором М. Бемом. Эти документы были затем опубликованы в переводе на английский язык («Cook and the Russians». Hakluyt Society, London, 1973).

Кроме того, в приложениях к книге опубликовано описание этнографической коллекции третьей экспедиции Дж. Кука, подаренной в 1779 г. М. Бему Ч. Клерком на Камчатке и хранящейся ныне в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Автор описания — научный сотрудник Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР Л. Г. Розина.

Отличным оформлением серия обязана художнику С. Б. Телинатору.

В целом трехтомная серия изданий материалов путешествий Дж. Кука очень ценный труд, дающий всестороннее представление о ходе трех экспедиций великого английского мореплавателя и о том вкладе, который они внесли в географическую и этнографическую науку.

С. Г. Федорова

⁵ «Путешествие в Северный Тихий океан по повелению короля Георгия III, предпринятое... под начальством капитанов Кука, Клерка, и Горна на судах „Резолюция“ и „Дисковери“ в продолжение 1776—1780 гг.», СПб., ч. 1, 1805; ч. 2, 1810.

А. Булатова. Лакцы (XIX — начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971, 194 стр.

Рецензируемое издание представляет собой монографическое описание одного из народов многонационального Дагестана — лакцев. Книга написана главным образом на основе полевого этнографического материала, лично собранного автором. Используются также литературные и архивные источники, музейные коллекции. Монография состоит из введения, пяти глав и заключения.

В вводной части автор излагает задачи исследования, дает краткую характеристику природно-географической среды, знакомит читателя с историей расселения лакцев. Следует отметить, что многие вопросы истории и этнографии лакцев уже освещались в ряде работ¹. Однако ни в одной из них социально-экономические отношения, материальная и духовная культура, семейный и общественный быт лакцев не исследованы с достаточной полнотой. Это обстоятельство, как пишет автор, и побудило ее написать рецензируемую книгу.

Первая глава работы посвящена исследованию этногенеза и социальных отношений лакцев. На основе анализа археологических, антропологических, лингвистических исследований и своих полевых материалов автор приходит к выводу о единстве происхождения и этнического развития лакцев и большинства дагестанских народностей, их исконном обитании на занимаемой территории (стр. 18—23).

Значительное внимание уделено в работе социальной структуре лакского общества. Указывая на сложность социальных отношений у лаков Дагестана в XIX — начале XX в., автор привел убедительные факты, свидетельствующие о делении всего населения на два антагонистических класса: феодалов и зависимых, эксплуатируемых крестьян-узденов, райатов, лагов (стр. 24—43). Правильны и достаточно обоснованны выводы автора о многоукладности хозяйства лакцев в рассматриваемый период.

Весьма содержательна вторая глава, состоящая из пяти разделов: сельскохозяйственный календарь; земледелие; животноводство; домашние промыслы и ремесла; дороги, транспорт, торговля. Наибольший интерес представляют страницы, посвященные земледелию, скотоводству и ремеслу.

Каждый из этих разделов книги насыщен значительным фактическим материалом. Здесь мы находим интересные данные о формах землепользования, типах террасного земледелия, специфике содержания скота, о современных методах организации хозяйства, труде и быте лакских колхозников (стр. 47—59).

Большое познавательное и научное значение имеет раздел, посвященный домашним промыслам и ремеслам, в котором описаны технические приемы обработки шерсти, кожи и металлов; приведены любопытные материалы об изготовленных из золота, серебра и других металлов различных украшениях, расписной керамике, металлической посуде. Особыми художественными достоинствами, как справедливо пишет автор, отличались орнаментированные и украшенные чернью и гравировкой ювелирные изделия лакских мастеров (стр. 61—74). Однако, несмотря на тщательное их описание, из-за отсутствия иллюстраций читателю трудно представить себе даже основные, наиболее характерные для лакцев, ювелирные изделия.

В последние годы в нашей периодической печати много пишут о недооценке на местах кустарных промыслов. Эта недооценка, по-видимому, проявилась и в работе А. Булатовой, которая ограничилась лишь констатацией того, что в Дагестане, несмотря на большой спрос горячюк на украшения, домашние промыслы приходят в упадок.

В третьей главе книги, где рассматриваются поселения, жилища, одежда, дается описание двух основных типов лакских поселений *шар* (село) и *мащи* (отселок) в их историческом развитии. Правильным представляется утверждение автора о том, что формы и планировка поселений, группировка домов были обусловлены рельефом, и что большинство лакских селений имеет террасовое и кучевое расположение, хотя за годы Советской власти часть их реконструирована, появились также поселения новой планировки.

Одним из самых удачных и наиболее интересных в этой главе является раздел «Одежда». На основании многолетних личных наблюдений автор дает подробное описание традиционной мужской, женской и детской одежды лакцев и показывает ее этническую специфику и общность с одеждой соседних народов — аварцев, даргинцев, отчасти кумыков. В женской одежде, как справедливо замечает А. Булатова, более продолжительное время сохранялись традиционные особенности, но за послевоенные годы под влиянием подвижности населения, различных социально-экономических и

¹ А. К. Бакиханов, Происхождение племен, населяющих нынешние Закавказские провинции, газ. «Кавказ», 1848, № 1; А. Г. Гаджиев, Происхождение народов Дагестана, Махачкала, 1965, стр. 111—114; Х. О. Хашаев, Общественный строй в Дагестане в XIX веке, Махачкала, 1961; Л. И. Лавров, Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XII вв., М., 1966; История Дагестана, т. I, М., 1967, и др.

культурных факторов в ней появились заметные изменения. Они прослеживаются в покрое одежды, в отдельных частях костюма, его украшениях, головных уборах и обуви.

Очень интересно, с привлечением большого фактического материала написана глава «Семейный и общественный быт». В первом разделе — «Семья и семейный быт» — читатель найдет данные о старой лакской семье; в которой в прошлом господствовали патриархальные начала. Для семей с большим численным составом, состоящих из 3—4 поколений, автор употребляет термин «неразделившиеся семьи».

Рассматривая внутренний уклад семьи, автор отмечает, что обычно во главе неразделенной семьи стоит старший мужчина, реже — женщина-вдова. Малые же семьи колхозников, как правильно утверждает автор, возглавляются мужчинами, реже — женщинами среднего и молодого возраста, что, как нам представляется, свидетельствует до известной степени об изживании патриархального уклада и утверждении новых, прогрессивных взаимоотношений в семье.

Далее А. Булатова подробно осветила обязанности членов семьи в зависимости от пола и возраста.

Много места отведено вопросам брака и семейной обрядности, а также обрядам, связанным с рождением и воспитанием детей. Для современного брака характерна личная инициатива молодых людей в выборе супруга, исчезновение былого принуждения со стороны родителей.

С интересом читается раздел, посвященный общественному быту. В нем рассказывается о существовании в прошлом общественного самоуправления, связанного с хозяйственно-экономическими и бытовыми нуждами каждого поселения лакцев, о выполнении ими различных повинностей, о специфике лакских тухумов. Интересно описание праздников, игр и развлечений.

В годы социалистического строительства в общественном быту лакцев произошли коренные изменения. В их жизнь прочно вошли новые советские и международные праздники, новые прогрессивные традиции, обряды и обычаи, обусловленные новым социалистическим сознанием.

Широк круг вопросов, рассматриваемых в пятой главе, посвященной религиозным верованиям, обрядам, поверьям и народной медицине. На конкретном этнографическом материале показано, как постепенно преодолевались мусульманские верования и магические представления.

В заключение отметим некоторые недостатки работы. Наиболее существенным из них, на наш взгляд, является то, что в книге мало говорится о социалистических преобразованиях, происшедших у лакцев за годы Советской власти.

Книга написана неровно: в отдельных разделах материал излагается несколько упрощенно, схематично. Часто отсутствуют даже самые необходимые статистические сведения, например в разделах «Земледелие», «Скотоводство». В работе, к сожалению, очень мало иллюстраций; кроме того, часть их плохо выполнена (рис. 1—5, 9, 18, 24 и др.).

Явно ошибочно утверждение автора о том, что в некоторых лакских селениях обмолот зерновых культур производился на ледяных площадках (стр. 50—51). На самом деле обмолот производился на утрамбованной земляной площадке. Нельзя согласиться и с тем, что «еще задолго до XIX в. семейная община у лакцев, не обусловленная экономической необходимостью, изживает себя...» (стр. 136).

Мы считаем, что автору следовало хотя бы в краткой форме рассказать о развитии общественного хозяйства лакцев, их достижениях в земледелии и скотоводстве.

На наш взгляд, слабо освещены в книге духовная культура, вопрос о влиянии общности на формирование и развитие прогрессивных традиций и обрядов. Мало уделено внимания анализу состава современной семьи лакцев, ее численности, структуры, взаимоотношению ее членов. Еще одно замечание: книга хотя и имеет научный аппарат, но далеко не такой полный, как этого хотелось бы.

Тем не менее в целом книгу можно оценить положительно. Ряд выводов и обобщений автора представляют значительный научный интерес. Приводимые материалы лакцев дают для понимания тех глубоких изменений, которые произошли в жизни лакцев.

Нет сомнения, что книга А. Булатовой представляет собой серьезный вклад в изучение этнографии многонационального Дагестана. Она является важным источником при разработке историко-этнографического атласа Кавказа и привлечет внимание не только специалистов-этнографов, историков, краеведов республик Кавказа, но и всех тех, кто интересуется историей, этнографией, культурой и бытом народов Дагестана.

Я. Р. Винников

I тысячелетие до н. э.— время железного меча и плуга, героическая эпоха в жизни народов Европы.

На Северном Кавказе, частью которого является Центральный и Северо-Восточный Кавказ, это пора формирования первых этнических общностей — военных и племенных союзов, время сложения прославленного нартского эпоса.

Этнические и политические процессы, протекавшие в этот период в крае, во многом предопределили последующую историю региона.

По мнению крупнейшего советского археолога-кавказоведа Е. И. Крупнова, это подтверждается тем, что границы ареалов археологических культур эпохи железа и раннего средневековья и их локальных вариантов почти совпадают с границами расселения современных северокавказских народов — адыгов, осетин и вайнахов (чеченцев и ингушей). «Еще в процессе становления местных культур I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе (каякентско-хорочоевской в Дагестане и частично в Чечне, кобанской со всеми ее тремя вариантами в центральной части края и прикубанской на Северо-Западном Кавказе), после последовательного и неоднократного внедрения ираноязычных элементов, стали формироваться основы будущих народностей Северного Кавказа: дагестанских, чечено-ингушской, осетинской и адыго-черкесо-кабардинской». И далее: «Именно такой вырисовывается этнография или племенная карта Северного Кавказа эпохи V—XI вв. н. э. ...эта племенная карта средневековой эпохи почти совпадает с границами установленных нами трех локальных вариантов кобанской культуры. Еще важнее отметить, что эта локализация культурных вариантов древнего Кобана также почти совпадает с границами трех локальных районов бытования культур северокавказских алан, установленных для V—XI вв.»¹. Это положение Е. И. Крупнова получило дальнейшее обоснование в работах его учеников и последователей (В. А. Кузнецова, В. И. Козенковой и других). Казалось, в этом вопросе все уже ясно и неизбежно. Но вот, в только что вышедшей в свет капитальной монографии «Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время» В. Б. Виноградов поставил под сомнение правомерность тезиса Е. И. Крупнова: «Настораживают... слишком уж стабильные и едва ли не тождественные очертания на картах Северного Кавказа локальных вариантов местных культур и эпохи бронзы (В. И. Марковин), и начала раннего железа (Е. И. Крупнов), и раннего средневековья (В. А. Кузнецов), почти совпадающих к тому же с современным административно-политическим делением края» (стр. 298). И в другом месте: «...кажется просто невероятной возможность „почти полного совпадения“ карты средневековых народностей срединной части Северного Кавказа и даже современного деления края на автономные республики с границами всех предыдущих локальных вариантов местных культур вплоть до II тысячелетия до н. э. Если даже отвлечься от общеизвестной подвижности этнических границ и закономерных путей распада древних этнических общностей доклассовой эпохи, то такая трактовка очень плохо согласуется с тем, что обычно границы народностей не совпадали с рубежами владений предшествующих им племен и племенных объединений. Поэтому условной и требующей серьезных обоснований представляется картина стабильного и «непосредственного преемственного» толкования древних и средневековых этнических общностей Центрального и Северо-Восточного Кавказа» (стр. 299).

В свою очередь В. В. Виноградов, основываясь на различиях в погребальных обрядах аборигенного населения VII—IV вв. до н. э. и сопутствующих им вещевых комплексах приходит к заключению, что в пределах горной полосы, ограниченной с Запада верховьями Кубани, а с востока — бассейном реки Аргуна существовало лишь два локальных варианта. Третий ареал локальной культуры был расположен в предгорьях и ближайшей равнине. Эта культура от первых двух отличалась тем, что в ее памятниках сильнее ощущалось влияние соседних кочевых племен.

Выделение локальных вариантов в культуре поздних кобанцев (как условно можно именовать коренное население Северного Кавказа середины I тысячелетия до н. э.), — это лишь одна из задач, которые ставит и решает В. Б. Виноградов в рассматриваемой книге. Другая задача его исследования — освещение взаимоотношений коренного населения края с тогдашними кочевниками степей — скифами (гл. I). Нет нужды говорить о важности названной проблемы для исторической науки в самом широком смысле слова. Взаимоотношение кочевого и оседлого хозяйств на разных ступенях общественного развития народов волнует в равной степени археологов, этнографов и историков-античников и медиевистов. Однако для Северного Кавказа эта проблема имеет особое звучание, так как со скифами некоторые исследователи (Ю. С. Гаглойти, К. Г. Гаккаев, Б. А. Каюев) связывают начало иранизации местного населения, приведшей со временем к образованию осетинской нации.

Путем тщательного анализа письменных источников В. Б. Виноградов показывает, что скифы свои походы в Переднюю Азию совершали преимущественно восточным путем — через Дербент и привычные для скотоводов степи. Путь этот был безопаснее и легче, чем через горы, хотя и несколько длиннее. На этом пути скифы могли найти корм

¹ Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 395, 396.

для своих лошадей, а главное, сразу попадали в пределы древней Мидии, с которой вела борьбу союзница скифов Ассирийская держава (гл. I).

Свидетельства письменных источников автор подкрепляет археологическим материалом из погребений предгорной полосы и прилегающей к ней плоскости, показывая, что соотношение элементов кочевнической культуры и туземной не превышает пропорции 1:10 (гл. 3). «Много это или мало?» — спрашивает автор, и сам же отвечает: — «Я думаю, достаточно для того, чтобы придать особую окраску плоскостным кобанским памятникам на фоне горских, где степное влияние в обряде фактически отсутствует, а в инвентаре очень скромно. Но я убежден, что неизмеримо мало для суждений о завершении в скифское время языковой и любой иной ассимиляции даже только плоскостных кобанцев» (стр. 291).

Весьма ценным в работе В. Б. Виноградова является также и то, что, используя различные источники, он устанавливает неоднородность состава самих кочевнических племен, что прежде, если и допускали отдельные исследователи, то чисто декларативно. «Сегодня уже недостаточно, — пишет В. Б. Виноградов, — простого признания наличия в степях Северного Кавказа погребальных памятников кочевников «скифского» круга (в широком его понимании). Недостаточно и выделения их в массу сугубо местных памятников. Изучение политической истории, проблем этногенеза и эволюции культур населения Центрального и Северо-Восточного Кавказа не может мыслиться без попытки этнокультурной интерпретации каждого отдельного степного памятника, их территориальных групп, характерных разновидностей и всех их в целом» (гл. 2, стр. 39).

В рецензируемой книге рассматриваются и другие сюжеты из этнической истории, материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа, находящиеся на стыке интересов различных научных дисциплин, и в частности, археологии и этнографии. В числе их этногенез и ассимиляция одного этноса другим, взаимодействия разнородных культур, попытки дешифровки семантики орнаментальных мотивов и т. д. Именно поэтому, в своем исследовании автор весьма охотно пользуется данными полевой и теоретической этнографии, как впрочем и ряда других смежных наук. Этнограф-кавказовед (да и не только кавказовед) почерпнет в книге В. Б. Виноградова немало интересного, несмотря на возможную спорность решения отдельных затронутых в ней проблем. Книга написана прекрасным языком с хорошим полемическим задором, но в то же время с большим тактом и уважением к мнению оппонентов.

Подводя итог, скажем, что рассмотренная работа представляет собой значительный вклад в кавказоведение в широком смысле этого слова. Вопросы, поставленные и решаемые в книге В. Б. Виноградова, как-то: определение степени воздействия кочевой скифской культуры на местную кобанскую культуру, пересмотр границ локальных вариантов последней и ряд других, вносят существенные коррективы в установившиеся представления о характере этнокультурных процессов на Северном Кавказе, в частности в его Центральных и Северо-Восточных районах, в I тыс. до н. э.

В. П. Кобычев

Т. Д. Баялиева. Доисламские верования и пережитки у киргизов. Под редакцией С. М. Абрамзона. Фрунзе, 1972, 168 стр.

Автор поставил в своей книге две задачи. Первая из них — попытка выяснить место и значение доисламских верований (или их пережитков) в современной идеологии сельского киргизского населения и проанализировать причины их живучести. Это имеет актуальное значение, так как подобные верования играют тормозящую, отрицательную роль в формировании марксистско-ленинского мировоззрения трудящихся.

Вторая задача состоит в научной характеристике местных доисламских верований, у киргизов, которые впервые подверглись специальному изучению. Автор привлекает значительное число разнообразных источников, среди которых главное место занимают ее собственные многолетние полевые наблюдения и записи. Значение впервые введенных в научный оборот материалов велико: они не только служат ценным источником для этнической истории киргизов, для выявления их историко-генетических и этнокультурных связей в историческом прошлом, но и сыграют существенную роль при изучении ранних форм религии.

Пережитки доисламских верований Т. Д. Баялиева изучала в различных районах Киргизии у разных возрастных групп населения. Это позволило ей обосновать ряд существенных выводов.

Прежде всего установлено, что пережитки доисламских верований исчезают неравномерно. Некоторые из них исчезли совершенно (например, шаманский культ). Другие же оказались живучими: к ним относятся, например, верования, связанные с погребением умершего, с магическим воздействием на погоду и др. Отрицательную роль подобных пережитков автор справедливо видит не только в идейном, моральном ущербе, наносимом ими формированию и развитию научного мировоззрения среди широких слоев сельского населения, но и в материальном отношении. Моления о хорошей погоде (при засухе или наводнениях) сопровождаются жертвоприношением домашнего скота близ мусульманских

«святых», а погребальный обряд, с его пышными поминками, связан с большими материальными затратами. Такие обряды обычно отвлекают много людей от нормальной производственной работы, наносят материальные убытки общественному производству. Проведение этих обрядов привлекает много лиц из числа неверующих, в том числе и молодежи. Одни приходят из любопытства, другие из уважения к старшим или повидаться с родными и знакомыми, третьи — ради обильного угощения и т. д.

Социологическое обследование, проведенное автором в некоторых районах, позволило сделать ряд обобщений относительно большей религиозности старшего поколения, особенно среди женщин. Выводы и соображения Т. Д. Баялиевой по поводу борьбы с пережитками доисламских верований, на которые местная научно-атеистическая пропаганда обычно обращает мало внимания, несомненно полезны для практической работы по преодолению религиозно-бытовых пережитков у киргизов.

Обращаясь к предмету изучения Т. Д. Баялиевой следует коснуться самого термина «доисламские верования». Он очень расплывчат, так как включает в себя самые различные религиозные представления, предшествующие появлению ислама. В книге Т. Д. Баялиевой в эту категорию попали далеко не все религиозные верования, бытовавшие у предков современных киргизов и их ближайших соседей до появления ислама. Автор рассматривает только ранние формы «естественных» народных религиозных представлений, не касаясь вопроса о пережитках буддизма, зороастризма, манихейства, несторианства, которые в той или иной степени были распространены в Средней и Центральной Азии в доисламское время и коснулись киргизов. Однако и ранние формы религиозных верований не представляли собой единого целого, поэтому нельзя согласиться с тем, что автор пишет обобщенно о каком-то «доисламском религиозном мировоззрении и мировосприятии» (стр. 7).

Поскольку упоминаемая группа народных религиозных верований сохранилась в комплексе, то расчленив их по тем или иным признакам, в той или иной последовательности, конечно, необходимо. Автор дает свою классификацию этих явлений: тотемизм или его пережитки, культ природы, производственная магия, демонологические культы, культ предков, погребальный культ, шаманство. Надо сказать, что для ранних форм религиозных верований существует ряд отличающихся одна от другой классификаций¹. Общепринятой классификации этих явлений у нас еще нет. Поэтому едва ли стоит особенно критиковать классификацию, предложенную Т. Д. Баялиевой. Какова бы она не была с точки зрения истории религии, в данной книге ее звенья помогают группировке конкретного материала, без претензий на общую классификацию первобытных форм религии. Тем не менее отдельные высказывания автора относительно общих религиозных проблем и вопросов происхождения и классификации ранних форм религиозных представлений вызывают возражения. Так, погребальный обряд необоснованно отнесен к особой форме религии, да еще к одной из древнейших ее разновидностей (стр. 61). Некоторые высказывания явно ошибочны, например, утверждение об изначальном одушевлении природы, а затем уже ее олицетворении (стр. 33).

Однако, такого рода недостатки не могут заслонить достоинства работы, из которых главное — конкретная характеристика и анализ религиозных верований и культов. Научная ценность глав, посвященных этой проблеме, кроме уже отмеченного практического значения, состоит в том, что они заполняют существенный пробел в этнографии киргизов. Этнографы и религиоведы получили возможность составить представление о шаманстве киргизов в наиболее полном и систематизированном виде и уяснить конкретные различия и особенности шаманства у северных и южных киргизов и трансформацию шаманства под влиянием ислама. Автор неоднократно подчеркивает переплетение доисламских религиозных верований у киргизов с исламом, отмечая, таким образом, синкретический характер ряда религиозных пережитков у киргизов. Плодотворным оказалось и сравнение, которое автор проводит между киргизским шаманством и южносибирским. Оно позволило с достаточным основанием отнести ряд киргизских верований и культов, священных действий и молений именно к шаманским, а также раскрыть источниковедческое значение данного материала для этнической истории и этногенеза киргизского народа, в сопоставлении его с аналогичными фактами из верований других народов. Поэтому вполне обоснованно Т. Д. Баялиева обращает внимание на серию фактов, подтверждающих ранние этногенетические связи между киргизами, якутами, бурятами, уйгурами и алтайцами (стр. 139, 147). К этому можно добавить данные о таких же связях с тувинцами. Например, у киргизов духи-покровители диких горных животных именуются «эрен». Тот же самый термин (эрень) у тувинцев означает различные изображения (идолы) духов-покровителей (у бурят такие изображения называются *онгон*, у хакасов *түс*). Следовательно, историко-генетические связи предков киргизов с предками современных тувинцев, хорошо устанавливаемые по родоплеменным названиям, подтверждаются и материалами шаманства. Это можно сказать и по поводу киргизских верований, связанных со злым демоном «албасты», который в верованиях тувинцев выступает (также в женском облике) под тем же названием; или в отношении почитания киргизами филина, который весьма почитался также тувинскими и алтайскими шаманами.

¹ См. например: Г. П. Снегарева, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1960; С. М. Абрамзон, Киргизы и их этнические и историко-культурные связи, Л., 1971.

В киргизском материале хорошо выделяются некоторые религиозные верования и обряды, характерные для тюрков VI—VIII вв. Анализ и интерпретация их широко аргументированы в книге С. М. Абрамзона (см. сноску 1). Факты, опубликованные Т. Д. Баляевой, подтверждают этногенетические выводы и обобщения С. М. Абрамзона о наличии в этническом составе киргизов древних тюркских этнических элементов. Мимо этих материалов не пройдет, конечно, ни один тюрколог, этнограф или историк, занимающийся этнической историей и происхождением упомянутых народов.

Отдельные материалы по верованиям ценны и для истории общественного строя киргизов. Так, в погребальном обряде киргизов зафиксирован обычай хоронить умершего, где бы он не скончался, на его родовом кладбище. Это, в свою очередь, может указывать на то, что древний род у киргизов имел в прошлом собственную территорию. В таком плане, очевидно, можно толковать установленное С. М. Абрамзоном и др. почитание отдельными киргизскими родами своих «священных» гор, поскольку родовой культ гор, как показано на материале саяноалтайских народов, отражал родовую собственность на территорию².

Полевые материалы Т. Д. Баляевой содержат не только ссылку на имя и местожительство информаторов, но и указывают на их родоплеменную принадлежность в прошлом. Последнее обстоятельство весьма существенно для научного анализа исследуемого материала. Названия родоплеменных подразделений, еще не исчезнувшие из памяти многих представителей старшего поколения киргизов, весьма устойчивы. Они отражают собой целую область народных исторических знаний, которую можно назвать народной этногенетикой, с присущей ей особой систематикой этнического состава и генеалогии местного населения, передаваемой изустно. Как известно, родоплеменное деление сравнительно недавно было характерной структурой общества многих кочевников-скотоводов, отражавшей их кочевой и полукочевой образ жизни, при котором сколько-либо устойчивое территориальное разделение населения практически невозможно. Народные знания, связанные с номенклатурой родоплеменных делений, их генеалогиями, преданиями о происхождении и расселении и т. д. тех или иных групп, являются весьма ценным историческим источником для изучения этногенеза и этнической истории, для выяснения этнокультурных и этногенетических связей многих, кочевых в прошлом, народностей. Научное значение данного источника уже давно понято отдельными русскими учеными³. Однако более успешно и широко используют его, в комплексе с другими видами источников, советские ученые⁴.

Соотнесение в книге Т. Д. Баляевой некоторых верований с родоплеменной структурой киргизов, весьма показательно. Большинство аналогий и параллелей киргизского материала с южносибирским оказалось зафиксированным у представителей тех родоплеменных групп киргизов, исторические предки которых, как известно, обитали в период раннего средневековья в горах Саяно-Алтая и Хангая (Бугу, Сарыбагыш, Мундуз, и др.).

В работе Т. Д. Баляевой, написанной на полевом материале, использована довольно большая литература на русском языке как старая, так и советская. К сожалению, тираж этой нужной книги явно занижен (500 экз.), что, несомненно, снизит ее практическую пользу.

Л. П. Потапов

² С. М. Абрамзон, Указ. раб., стр. 301; Л. П. Потапов, Культ гор на Алтае, «Сов. этнография», 1946, № 2.

³ См. например, А. И. Левшин. Описание Киргиз-казацких и Киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I. СПб., 1832; Н. А. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов, «Живая старина», 1894, вып. III—IV, и др.

⁴ См. Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957; его же, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969; Н. А. Сердобов, История формирования тувинской нации, Кызыл, 1971; Р. Г. Кузев, Очерки исторической этнографии башкир, Уфа, 1957; его же, Башкирские щежере, Уфа, 1969; В. В. Восторов, М. С. Муканов, Родоплеменной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968; С. М. Абрамзон, Указ. раб. и многие другие работы.

А. П. Окладников, А. И. Мартынов. Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М., 1972, 249 стр., 38 табл.

Изучение наскальных изображений давно привлекает внимание широкого круга специалистов, занимающихся проблемами становления и развития духовной культуры. И это неудивительно, так как расположенные в глубине пещер или помещенные на отвесных скалах, прибрежных камнях рисунки эпохи позднего палеолита, неолита, эпохи бронзы и раннего железа являются подчас едва ли не самым убедительным свидетельством богатой духовной жизни первобытных людей. И если у большей части

населения Европы традиции реалистического изображения затухают уже к началу неолитического времени, то во многих областях севера Европы и Азии эта традиция продолжает существовать и в неолите, что делает особенно ценными наскальные изображения, обнаруживаемые на территории СССР. Уникальные палеолитические фрески Каповой пещеры исследованы О. Н. Бадером, наскальные изображения Урала изучены и опубликованы В. Н. Чернецовым; исследованы также наскальные изображения Юга СССР. В последние годы работы Ю. А. Савватеева значительно расширили наши представления о наскальных рисунках Карелии. А. П. Окладников и его сотрудники, в первую очередь В. Д. Запорожская, собрали и проанализировали богатый материал по петроглифам Сибири и Дальнего Востока.

Новая монография А. П. Окладникова и А. И. Мартынова знакомит нас с еще одним уникальным памятником, расположенным на скалистых берегах р. Томь в районе между Кемерово и Томском.

Открытый русскими землепроходцами еще в XVII в. и частично опубликованный в 1730 г. Страленбергом, этот памятник в течение трех веков постоянно привлекал к себе внимание специалистов. В советское время исследование древних культур Сибири приняло особенно широкий размах. Начиная с 1964 г. около Томских писаниц начала работу группа сибирских археологов, в числе которой были и авторы монографии. Это позволило не только уточнить уже имевшиеся публикации, но и значительно дополнить их, а также открыть новые районы с наскальными рисунками. Авторы рецензируемой монографии публикуют 360 рисунков, с большой тщательностью выполненных художником Э. И. Биглером по калкам. Широкое использование материалов археологических раскопок, проводившихся в Сибири, этнографические и исторические параллели позволяют дать строго научный анализ рассматриваемой группы петроглифов, установить их хронологию, исследовать стиль, интерпретировать содержание, определить место Томских писаниц в истории культуры.

В кратком предисловии авторы знакомят нас с историей исследования, рассказывают о тех трудностях, с которыми столкнулись в полевых условиях участники экспедиции. В главе I дан анализ предшествующего опыта исследования наскальных изображений, оцениваются проведенные работы и публикации, посвященные рассматриваемому памятнику. Эта глава представляет определенный историографический интерес. В главе II А. П. Окладников и А. И. Мартынов дают подробное описание всех обнаруженных рисунков. Таблицы с фотографиями, помещенные в конце книги, знакомят с естественным обликом писаниц. Авторы разделяют рисунки на три группы в соответствии с их местонахождением: 1) Томская писаница (274 рисунка), 2) впервые открытые экспедицией Новоромановские писанные камни (54 рисунка), 3) Тутальская писаница (32 рисунка).

Хронологический анализ и стилистическое описание Томских писаниц (глава III) авторы предваряют теоретико-методологическим введением, в котором определены принципы подхода к исследованию изображений и их интерпретации, а также указана связь данного памятника как с традициями палеолитического искусства, так и с традициями искусства неолитических племен северной Европы и Азии, занимавшихся охотничье-рыболовецким промыслом. Отвергая идеалистические концепции в объяснении природы и закономерности развития древнейшего искусства, А. П. Окладников и А. И. Мартынов справедливо указывают на неразрывную связь художественной культуры со всем строем жизни первобытных народов. Исследуемые памятники, отмечают они, «неразрывно были связаны с общественной деятельностью человека, развитием его мировоззрения, со сложившимися культурными традициями, явились итогом длительной подготовки в процессе творчества человека, результатом сотен тысячелетий развития человеческого труда, мысли и эстетических представлений» (стр. 167). В качестве главной социальной причины, породившей искусство, авторы выделяют «потребность в нем как в новой силе, позволившей человеку утвердить свое господство над природой, стать выше ее стихий» (стр. 168). Несомненно, сплочивая коллектив, объединяя чувства и эмоции людей, направляя их волю, искусство становилось могущественным социальным регулятором, усиливавшим дееспособность первобытного коллектива в его противоборстве с природой, благоприятно влияло на укрепление внутриколлективных связей.

Заслугой А. П. Окладникова и А. И. Мартынова является и выдвинутый ими тезис о различии «иррациональной фантастики», истоком которой являются мифологические и магические представления, определенным образом сказавшиеся на образной системе искусства палеолита и неолита, и «творческой фантазии», опирающейся на жизненную практику и позитивный опыт; последняя в большей степени определяет художественную ценность произведений. Отдельные положения А. П. Окладникова и А. И. Мартынова, связанные с данным тезисом, недостаточно точны. Так, на стр. 169 авторы характеризуют наскальные изображения Сибири, в том числе и Томские писаницы, как искусство «реалистическое по форме, но вместе с тем мифологическое по содержанию, магическое по своей направленности». Лучше, вероятно, в данном случае говорить о том, что искусство реалистично и по содержанию, и по форме, хотя и включено в систему мифологических представлений, а по своим функциям связано с магическими обрядами. Такая формулировка вполне сочеталась бы и с последующей характеристикой искусства «звериного стиля», о котором говорится, что оно «было монументально-реалистическим, живым и полнокровным» (стр. 172).

Авторы дают убедительное, основанное на строго материалистических принципах объяснение устойчивости палеолитических традиций в искусстве ряда районов Сибири, а также вскрывают закономерности изменения стилистического облика и содержания искусства в процессе его исторической эволюции, особенно при переходе от финопластической к идеопластической образности, что приводит к нарастанию условности, схематизма, символизма, столь характерных и для Томских писаниц, относимых к эпохе бронзы (основная часть рисунков включена в контекст художественной культуры неолита).

По стилистическим особенностям Томские писаницы разделяются авторами на три достаточно выразительные группы: изображения, нарисованные красной краской; рисунки, выбитые контуром; фигуры, глубоко прорезанные. Наиболее древним авторы считают частично сохранившееся изображение крупного животного, скорее всего лошади, нанесенное красной охрой на Тутальскую скалу. Об этом говорит и большой масштаб писаницы, и особенности ее местоположения среди других рисунков (писаница перекрыта более поздними изображениями), и сравнительно грубый характер контурной линии. Сопоставление этого памятника с изображениями лошадей в Каповой пещере, на Шишкинских скалах (р. Лена), а также в пещерах Франции и Испании позволяет обнаружить многие общие черты: особенности масштабов изображения, прорисовки контура, специфика объекта изображений и пр. Ряд убедительных признаков позволяет говорить о палеолитическом возрасте этой писаницы. Несомненно, нет оснований относить ее к периоду расцвета палеолитического искусства, т. е. ориньяко-солотрейскому или раннемадленскому времени. Как шишкинские наиболее древние изображения, так и Тутальская писаница «относятся, вероятно, к самому концу палеолита, когда пещерная живопись начала период ломки и упадка традиций. Поэтому в них явно чувствуется некоторое затухание искусства реалистически точных рисунков ориньяко-солотрейского и раннемадленского времени» (стр. 179). Но несмотря на это, техника изображения и стилистические особенности еще сохраняют вполне выраженный палеолитический облик.

Большая часть изображений Томских писаниц датируется неолитом. Ведущей темой этих наскальных рисунков являются лоси, а также медведи, птицы. Возраст рисунков помогают установить аналогии с неолитическими скульптурными изображениями лосей из Базахинского могильника, открытого еще в XIX в. И. Т. Савенковым, а также с резной деревянной скульптурой Шигирского и Горбуновского торфяников на Урале. Эти памятники сближает обобщенная манера изображения, отсутствие прорисовки деталей, интерес к внутреннему состоянию зверя, а также ряд других общих признаков. Параллели к изображениям медведя — хорошо датированные скульптурки из Самусьского могильника, из захоронения, обнаруженного А. П. Дульзоном в Томске, головка медведя из Васьяковского могильника (Кузбасс). Менее выразительны параллели к изображениям водопадающих птиц.

Все неолитические писаницы разделяются А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым на три хронологические группы: ранне-неолитические, относящиеся приблизительно к VI—V тыс. до н. э.; более поздние, относящиеся к расцвету неолита, т. е. приблизительно к IV—III тыс. до н. э.; конца неолита, в основном относящиеся к середине II тыс. до н. э.

Бронзовым веком датируются более обобщенно-схематические изображения — антропоморфные фигуры, личины, лодки и др., среди которых особенно выделяется рисунок мифического оленя с семью полосами наподобие лучей вместо рогов. Параллели к этим изображениям из могильника Тас-Хазза (Хакассия), Самусь IV (близ Томска) и др. убедительно подтверждают их датировку эпохой бронзы. Каждая из этих групп имеет свои особые стилистические признаки, и их последовательное рассмотрение помогает выявить эволюцию стилей в неолитическом наскальном искусстве.

Специальная глава (IV) посвящена семантике тематических циклов описанных в книге петроглифов. На основании мифов, сказаний, а также сведений об общем характере жизни племен в тот или иной исторический период авторы рисуют духовную жизнь древних людей. Наряду с изображениями зверя («хозяина тайги») в этой главе интерпретируются изображения птиц, антропоморфные фигурки и личины, образ оленя с лучами вокруг головы («олень — солнце»), изображения лодок. Широко привлекая этнографический материал, используя исторические параллели, А. П. Окладников и А. И. Мартынов устанавливают общие черты Томских писаниц с искусством северных племен Евразии. Причины такого сходства культуры справедливо объясняются не этническим родством (такого рода гипотеза неоднократно высказывались в литературе), а общим характером хозяйственной жизни, который обусловлен географическим фактором, материальной основой, определяющей весь строй духовной культуры. «Очевидно, — пишут авторы, — в основе общности основных элементов культуры лежит, конечно, не этническая однородность населения, а общая материальная культура, на которую оказали влияние одинаковые географические условия» (стр. 239). Иными словами, причины такой общности следует искать именно в особенностях хозяйственной жизни, «тех ее сторонах, которые формируют мировоззрение народа» (там же). Именно такой строго материалистический подход к расшифровке изображений позволяет говорить и о том, что охотничье-рыболовецкий промысел определял весь строй жизни у северных племен Азии и Европы вплоть до Скандинавии и послужил основой создания единого «звериного стиля» и близких по своему характеру и стилю «художественных школ» часто в далеко отстоящих друг от друга очагах куль-

туры. При этом в монографии отмечается и некоторое влияние на изобразительное творчество населения берегов Томи южных степных народов, уже перешедших к земледелию и скотоводству.

Рассмотрение писаниц с точки зрения их культурно-исторического места в древней истории Сибири (глава V) приводит исследователей к заключению, что Томские скалы с петроглифами стояли «на границе двух больших культурно-исторических зон, на перекрестке лесов и степей; они были как бы форпостами культуры лесных обитателей Сибири» (стр. 244). Отмечая специфику и неповторимый облик рисунков, авторы в то же время высказывают предположение, что они были оставлены группой племен, входивших в большую угорскую общность — предков маньси — вогулов или хантов — остяков.

Несомненно, одно только знакомство с Томскими писаницами, этим уникальным памятником древней сибирской культуры, может представлять значительный интерес. Но в монографии детально и всесторонне проанализированы наскальные рисунки в связи с другими памятниками в общем контексте древней художественной культуры. Прослеживаются общие закономерности в развитии древнейшего искусства и тем самым читателю открывается путь в многообразный и сложный мир представлений, эмоциональных переживаний и чувств, ценностных ориентаций древних людей, мир, не застывший, а находящийся в движении, развитии. Несомненно, монография «Сокровища Томских писаниц» заинтересует не только археологов. Ценные наблюдения и мысли, общий масштаб затронутых проблем, значимость выводов делают книгу весомым вкладом в изучение ранних форм становления и развития духовной культуры и искусства. Она несомненно привлечет внимание специалистов в разных областях знания, объединенных общей задачей изучения природы и законов развития древней культуры и художественной деятельности.

В. В. Селиванов

Древности Московского Кремля. М., 1971, 291 стр., илл.

Москва — один из наиболее изученных в археологическом отношении древнерусских городов. Свидетельство этому — рассматриваемый сборник, статьи которого освещают многие стороны истории русской культуры: домостроительство, ремесло, прикладное искусство, социальную топографию и т. д.

В самой большой по объему статье сборника «Культурный слой центральных районов Москвы» (стр. 5—115), написанной М. Г. Рабиновичем, определяется время существования 30 построек, распределенных по трем основным хронологическим этапам — XI — XIV, XIV — XVII, XVII — XX вв. Признавая важность этих наблюдений, мы, однако, отдаем предпочтение датировке отдельных сооружений Москвы, ибо этапы развития материальной культуры в различных районах Москвы не одинаковы, а закономерности возникновения разновременных горизонтов, содержащих дома, усадьбы и т. д., не объяснены историей города.

О владельце усадьбы 21 М. Г. Рабинович сообщает на стр. 65: он был «кричником, ювелиром и литейщиком». Подобное совмещение специальностей в XV в. представляется нереальным.

Керамика, обнаруженная в московских постройках, описана и классифицирована М. Г. Рабиновичем тщательно, разносторонне и превращена в надежную опору для датировки построек и культурного слоя. Однако, рассматривая белую керамику, следовало бы рассказать о ее бытовании не только в древней Руси, но и в других странах средневековой Европы, например, в Польше, Молдове и Валахии (стр. 104).

Работа М. Г. Рабиновича, не лишенная спорных мест, но содержащая систематизированные данные о стратиграфии древней Москвы, полезна не только историкам культуры. Она поможет будущим исследователям истории Москвы датировать вновь вскрытые сооружения и предметы.

В статье Н. С. Шеляпиной «Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг.» уточнены размеры площади, которую занимала домонгольская Москва (стр. 126).

Статья Д. А. Беленькой «Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г.» знакомит нас с довольно убедительной гипотезой о создании уже во второй половине XII в. в Кремле Успенского деревянного собора.

В сборник включена также статья крупного палеозоолога В. И. Цалкина «Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы», написанная на основании анализа костей 4,5 тыс. особей млекопитающих. В. И. Цалкин сделал остеологический материал чутким индикатором социальной топографии Москвы, показав, что роль охоты в хозяйстве рядовых москвичей, обитавших на посаде города, была ничтожной; у обитателей Кремля роль этого промысла возростала, что отражает их феодальные охотничьи привилегии. Обращаясь к характеристике роли скотоводства в Московской Руси, В. И. Цалкин пришел к убедительному выводу, что в северных и центральных районах Московской Руси основным рабочим животным была лошадь, а не вол.

Статья Е. А. Цепкина «Остатки рыб из раскопок древнего Кремля и Зарядья» дополняет данные, имеющиеся в предшествующей работе В. И. Цалкина, об источниках пищи у древних москвичей. Автор установил факт количественного преобладания в рыбной пище наиболее ценных осетровых пород (стр. 191). Наблюдения Е. А. Цалкина получили бы более глубокий смысл, если бы были сделаны сопоставления со сведениями о рыболовстве в других центрах древней Руси.

Работа А. Г. Векслера «Палаты Натальи Кирилловны в Московском Кремле» представляет собой опыт воссоздания по документам 1713 и 1722 гг., чертежам 1751 г. и археологическим данным облик не сохранившихся палат царицы Натальи Кирилловны. В этом здании, не запечатленном ни в одном старом рисунке, прошло детство Петра I до 1682 г. Автор статьи вместе с архитекторами С. С. Кравченко и И. В. Ильенко графически реконструировал восточный фасад палат — оригинального высокохудожественного произведения русского зодчества. Остроумно определены площади комнат Петра и Натальи Кирилловны по размерам сукон, устилавших в них пол. Размеры эти известны из архивных документов. К сожалению, в работе не сделан анализ художественного стиля реконструированных сооружений.

Исследование Г. П. Латышевой «Торговые связи Москвы XII—XIV вв.» построено на материалах раскопок Кремля 1959—60 гг. В этой работе характеризуются некоторые отрасли экономики Москвы того времени. Установлено, что часть стеклянных браслетов, бокалов и кубков XI—XIII вв. привезена в Москву из Киева для нужд феодальных верхов города (стр. 216). Из Киева же привозили зеленые поливные миски и кувшины, из Овруча — шиферные пряслица. Автор приходит к важному выводу, что связи между Киевом и Москвой, установленные в конце XI — начале XII вв., были систематическими и прочными. В начале XII — первой половине XIII вв. владельцами обитателям Кремля из Крыма доставляли в амфорах вино и оливковое масло. Свидетельством торговых связей Москвы с Закавказьем является гребень второй половины XIII в., сделанный из самшита (стр. 211). Непонятно, однако, на чем основывается автор, полагая, что в Москву привозили не готовые гребни, а сырье — древесину? Кроме того, правильно указывая, что до нашествия татаро-монголов доминировали торговые связи Москвы с Югом, автор не аргументирует своего утверждения, что «большинство товаров (в частности, хорезмийские и золотоордынские поливные чаши — Э. Р.) попадало в Москву по Волжскому торговому пути»... (стр. 221).

Автор показывает, что Москва торговала и с Западной Европой, откуда привозили изделия из стекла и сукна; с Прибалтикой — поставщиком янтарных изделий. Вопреки мнению Г. П. Латышевой, эти товары попадали в Москву не только по водным (стр. 221), но и по сухопутным дорогам, например, по тракту Москва — Тверь — Новгород.

Слабо подкреплено доказательствами положение о начале со второй половины XII в. нового этапа в развитии московской торговли (стр. 221). Заслуживает, однако, большого внимания мысль Г. П. Латышевой о том, что Москва в это время становится посредницей в торговле Византии и ряда городов Древней Руси с подмосковной деревней, но вряд ли купленные в Москве византийские ткани, парчевые ленты и серебряные височные колыда киевско-черниговского типа могли принадлежать, как это утверждает автор, богатой крестьянке. Скорее обладательницей этих вещей была обитавшая в селе представительница господствующего класса (стр. 222).

А. Л. Якобсон в статье «Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XV в.» рассказывает о влиянии на московское искусство декоративного творчества мастеров Армении, Грузии и Азербайджана. Автор приходит к такому выводу, прежде всего, в результате анализа стиля резных деревянных царских врат Боровского и Кирилло-Белозерского монастырей. Автор показал далее, что русские, как и закавказские, резчики стремились создать контраст ажурной и плоской резьбы, игру света и тени, воспроизводя ближневосточные орнаментальные мотивы из вьющихся спирально тонких стеблей с «глазком» в центре, возникшие в античную эпоху. Но ближневосточные образцы на Руси были переработаны и утратили связь с первоисточником, превратившись в геометризованное узорочье.

Автор удачно очертил тот стилистически единый круг архитектурного и ювелирного декора, в котором распространилась в XVI в. вышеописанная орнаментика. Этот стиль, как предполагает А. Л. Якобсон, проявился, прежде всего, в произведениях, созданных в художественной мастерской Оружейной палаты Кремля. Сомнительно, однако, отнесение (как это делает автор статьи) к упомянутой орнаментике фресковой росписи 1508 г. Благовещенского собора Кремля (рис. 10) и инкрустированного узора нижнего орнаментального пояса шлема Ивана Грозного (рис. 11), ибо в орнаментации этих двух объектов нет мотива «вьющихся спирально стеблей с ответвлениями». По своему построению и рисунку они также отличаются от стиля остальных рассмотренных произведений.

А. Л. Якобсон считает, что знакомство с ближневосточной орнаментикой могло произойти во время поездок русских мастеров в Закавказье. Их вдохновляли и те произведения, которые оттуда попадали в Москву, а также сделанные мастерами зарисовки закавказских произведений искусства. К сожалению, статья мало знакомит читателя с образцами закавказской орнаментики, послужившими, по мнению автора, прототипами русским мастерам: от этого несколько снижается убедительность выводов.

В целом, А. Л. Якобсон нарисовал яркую достоверную картину русско-закавказских художественных связей XVI в. К сожалению, в этой статье не убеждает читателя трактовка трех панагиаров из Румынии. Автор полагает, что стилистическое сходство румынских и московских панагиаров свидетельствует о московском происхождении первых, хотя отдельные их части, судя по отчетливо отличающейся орнаментике, сделаны в Румынии. Скорее всего,—пишет А. Л. Якобсон (стр. 237),—все три панагиара попали из Москвы в Румынию и Молдову и там были отчасти переделаны румынскими мастерами. Не соглашаясь с автором, напомним об активной деятельности армянских купцов и ремесленников в Молдавском княжестве в XIV—XVIII вв.¹ Эти люди распространяли в Молдове вместе с ювелирными изделиями закавказские художественные вкусы. Поэтому сходство московских и румынских панагиаров, видимо, возникло благодаря подражанию ювелиров единому закавказскому образцу художественного стиля.

В работе Р. Л. Розенфельда «Инструменты московских ремесленников» содержится тщательная характеристика и подробная классификация орудий труда плотников, столяров, токарей, слесарей, сапожников, портных, оружейников, кузнецов, металлургов, литейщиков и каменотесов. Досадно, что автор, характеризуя инструментарий, не обратился к данным естественных наук, в особенности — металлографии, благодаря которым стало бы известно внутреннее строение и технология производства металлических орудий труда.

Статья А. В. Никитина «К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933—1934)» анализирует материал, полученный Н. П. Милоновым². Автор статьи убедительно показал, что низкий уровень фиксации раскопанных объектов снижает научную значимость интересных и ценных произведений древней культуры.

Рассмотренный выше сборник, несмотря на некоторые недочеты, обогащает и расширяет конкретные представления о древней Москве, в особенности Кремле, и является ценным вкладом в разработку истории столицы нашей Родины.

Э. А. Рикман

¹ Н. А. Мохов, Молдавия эпохи феодализма, Кишинев, 1967, стр. 130, 131.

² Н. П. Милонов, Дмитровское городище, «Сов. археология», 1937, VI.

Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор. Составитель И. Д. Фридрих. Рига, 1972, 484 стр.

В рецензируемый сборник включены материалы, собранные как самим составителем (1920-е, 30-е и 60-е гг.), так и другими лицами: сотрудниками Института языка и литературы Академии наук Латвийской ССР (1947—1948 гг.), студентами кафедры русской литературы Латвийского государственного университета им. П. Стучки (1958, 1961, 1962, 1966 гг.) и студентами Даугавпилсского пединститута (1963, 1964, 1965 гг.).

Опубликованные в сборнике материалы были собраны на территории Латгалии, т. е. в Восточной Латвии — месте сосредоточения русского старожильского населения. Кроме того, отдельные записи сделаны в Риге, в кварталах так называемого Московского форштата и Красной Двины, а также в Курземе (окрестности Илуксте и Талси) и, наконец, в Видземе (окрестности Педедзе).

Материалы сборника отражают этническую историю Латгалии, определившую своеобразие фольклора и обрядов ее населения.

В общем потоке заселения Латгалии исследователи различают несколько крупных волн русских переселений. Каждая такая волна приносила с собой свои общественные и семейные традиции, обычаи и фольклор, сложившиеся в тех местах, откуда шла миграция. В новом месте эта культура попадала в окружение иных культурных традиций. В результате такого контакта происходило как взаимодействие различных культур, так и консервация отдельных традиций, объясняемая воздействием национальных, религиозных и отчасти политических традиций. Представленные в рецензируемом труде материалы широко документируют обе линии этого исторического процесса.

Книга открывается предисловием автора-составителя. В нем даны основные сведения о русском старожильском населении Латвии, общая характеристика своеобразия местного русского фольклора и различных обрядов, а также намечена приближительная схема распространения русских фольклорных традиций. Анализируя изменения, происходящие в бытовании фольклора начиная с 20-х годов, И. Д. Фридрих называет наиболее распространенные жанры, определяет среду, где эти жанры бытовали, приводит имена талантливых исполнителей. Он отмечает причины, пагубно влияющие на сохранение традиционного фольклора. Заключает предисловие краткая справка об истории собирания фольклора русского старожильского населения Латвии. Автор выделяет в ней два периода.

Первый период начинается в 20-е и заканчивается в середине 50-х годов нашего столетия. Это время деятельности любителей-энтузиастов, собиравших фольклор по

собственной инициативе. Именно в этот период, почти в одиночку, и начал свой большой труд составитель сборника И. Д. Фридрих.

Второй период начинается в послевоенные годы, когда в работу по изучению русского фольклора в Латгалии включаются сектор фольклора Института языка и литературы АН Латв. ССР, кафедра русской литературы Латвийского государственного университета и Даугавпилский педагогический институт, а с 1961 г. — Институт этнографии АН СССР.

За предисловием в сборнике помещена вводная статья М. И. Семеновской «О русских старожильческих говорах Латгалии», помогающая понять, каким ценным источником является материал настоящего сборника для изучения языковых процессов в русских островных говорах, находящихся в иноязычном окружении, а также для исследования этнической истории русского населения. В приложении к статье даны образцы русских старожильческих говоров Латвийской ССР из Балвского, Вилякского (Абренского), Резекненского, Вараклинского и Даугавпилского районов.

Сборник делится на три части: «Обрядовая поэзия», «Необрядовые песни», «Детский фольклор». Каждой части предпослана краткая аналитическая характеристика помещенных в ней материалов и даны необходимые пояснения. В заключающем сборник приложении напечатаны список информаторов, сопровождаемый краткими биографическими справками, нотация мелодий некоторых песен и алфавитный указатель фольклорных материалов сборника.

Первая часть состоит из трех разделов: 1) Календарно-обрядовая поэзия, 2) Свадебный обряд и 3) Причитания.

В разделе «Календарно-обрядовая поэзия» отражен весь цикл традиционных календарных праздников, записи которых были сделаны собирателями в 20—40 годы XX века. Поэтические тексты сопровождаются развернутыми описаниями обрядов и обычаев, соответствующих определенному празднику. Составитель обращает внимание читателя на особенности песенной и обрядовой традиций в различных районах Латгалии, отмечает влияние вероисповедания на бытование тех или иных жанров. Эти замечания представляют несомненную ценность для исследователя культуры и быта русского населения Латгалии.

Публикация материалов календарно-обрядового цикла традиционно начинается с описания «коляды». За ними следуют описания «свят-вечеров». Здесь помещены песни, исполняемые во время празднеств, игры, девичьи гадания, рассказывается о ряженье. Интересный материал о вечеринках и днях молодежи дан в подразделе, описывающем период от крещения до масленичной недели. В материалах, относящихся к празднованию масленичной недели, читатели познакомятся с древним, ныне почти совсем исчезнувшим праздником «Бабские брыксы», который, по мнению составителя, является отголоском «какого-то древнего ритуального праздника, связанного с празднованием зарождения новой жизни, праздниками в честь весны». В том же подразделе автор рассказывает о традиции масленичных катаний на лошадях, широко распространенной и очень популярной у русского населения Латгалии, особенно у местных старообрядцев. Разнообразны материалы сборника, относящиеся к различным формам гуляний молодежи. Интересные сведения для изучения взаимодействия народов дают, в частности, материалы о праздновании Иванова дня.

Несомненную художественную и научную ценность имеют материалы второго раздела «Свадебный обряд». Основу публикации составляют записи, сделанные в 1926—1932 гг. в бывшем Абренском уезде, выделявшемся среди других районов Латгалии богатством фольклорной и обрядовой традиций.

В разделе «Причитания», завершающем первую часть сборника, помещены похоронные причеты, причеты по рекрутам, причет девушки-батрачки, а также основные сведения о похоронных обрядах и обычаях.

Вторая часть книги — «Необрядовые песни» — состоит из восьми разделов: 1) любовные песни, 2) семейные, 3) шуточные и сатирические, 4) баллады, 5) хороводные, 6) тюремные песни, 7) рекрутские и солдатские, 8) песни военных лет. Классификация лирических необрядовых песен по темам всегда затруднительна. Некоторые неточности встречаются и в рецензируемой книге, особенно в разделах, посвященных песням «Любовным», «Семейным», «Шуточным и сатирическим», в которых не до конца выдерживается тематический принцип классификации. Жанровое единообразие в них соблюдается также не всегда. В названных разделах встречаются песни, не относящиеся к «Любовным», «Семейным», «Шуточным». Таковы песни хороводные и плясовые (234, 250, 314, 342), а также баллады (284, 336, 359) и яновская песня (326), распространенная среди местных белорусов. Поскольку для этих песен в сборнике предусмотрены специальные разделы, правильнее было бы поместить их туда. Не всегда ясен принцип расположения текстов внутри разделов. Следует заметить также, что ценность второй части возросла бы, если бы она была освобождена от некоторых малоинтересных и малохудожественных песен.

Наибольший интерес в рассматриваемой части книги представляют песни хороводные, игровые и плясовые. Песни этого жанра до сих пор известны среди русского старожильческого населения Латгалии, особенно в районах, где раньше жили старообрядцы. Правда, сейчас в этих местах почти не водят хороводы и не исполняют под песни старинные танцы. Песни хранятся лишь в памяти старых женщин. Поэтому особую ценность представляет материал, собранный составителем сборника в то время,

когда хороводы и танцы под песню еще были живой явью на вечеринках и праздниках. К текстам, большинство которых представлены в наиболее интересных и хорошо сохранившихся вариантах, И. Д. Фридрих дает развернутые пояснения — где, когда, как исполнялись эти песни и какие из них наиболее распространены. При этом характеризуются разные периоды бытования названных жанров и описываются различные виды хороводов.

Материал раздела «Рекрутские и солдатские песни» распределен по пяти подразделам: песни рекрутские, солдатские бытовые, военно-исторические, песни войны 1914 г., песни, бытовавшие среди русских, отбывавших воинскую службу в буржуазной Латвии. Опубликованные в этом разделе тексты не равноценны. Наряду с традиционными рекрутскими и солдатскими песнями, отличающимися высокими поэтическими достоинствами, попадаются малохудожественные тексты, имеющие лишь известную познавательную ценность (в основном это песни, бытовавшие среди русских, отбывавших воинскую повинность в буржуазной Латвии, и некоторые песни первой мировой войны).

Последний раздел второй части — «Песни военных лет» — включает песни, созданные в годы Великой Отечественной войны на фронте и в тылу, в партизанских отрядах, а также в фашистских концлагерях. Песни этого раздела собраны преимущественно в Резекненском и Даугавпилском районах в 40-е и 60-е гг. В художественном отношении материалы этой группы сравнительно слабы. Это и понятно — они не вынашивались и не шлифовались как произведения традиционного фольклора. Ценность их в непосредственности, эмоциональной передаче отраженных в них событий. Эти песни — своего рода документы времени, создавшего их.

Третья часть книги посвящена детскому фольклору и малым жанрам народно-поэтического творчества. Материалы этой части (126 текстов) размещены по рубрикам: напевки (колыбельные), потешки, прибаути (прибаутки), нескладіши (перевертыши), заклички, считалки, скороговорки. Только часть текстов записана, как сообщает составитель, «от взрослых», большинство же — непосредственно от детей — во время игр, разговоров и т. п. Многие материалы были записаны в 1926—1930 годы и сейчас не встречаются. В вводной статье к третьей части даны местные названия некоторых жанров детского фольклора, там же сообщаются краткие сведения о современном бытовании этих жанров.

Это небольшой, но ценный вклад в собрание детского фольклора, характеризующий традицию детского народного творчества одного из районов нашей страны.

Материалы книги — богатые и яркие — важны для специалиста и интересны для каждого, кто любит народную поэзию. Они помогают глубже проникнуть в историю, быт и духовную культуру русского населения Латвии, знакомят с уникальными текстами, имеющими большую художественную ценность.

Высоко оценивая книгу в целом, мы считаем необходимым сделать в адрес составителя несколько критических замечаний. На наш взгляд, им допущена некоторая пристрастность в подаче материалов, представляющих отдельные фольклорные традиции русских в Латгалии. Наиболее полно в книге представлен фольклор бывшего Абренского уезда, собранный И. Д. Фридрихом в 20—30-е годы, т. е. в то время, когда песни и обряды еще активно бытовали. Материалы из других районов представлены в меньшем объеме, к тому же, большинство их собрано позднее, в 40—60-е годы, и представляют собой скорее реконструкцию местного фольклора, чем фиксацию его живого бытования.

Та же пристрастность, увлеченность составителя в подборе материала сказывается и в предисловии к сборнику. Именно поэтому несколько упрощенной выглядит картина распространения фольклорных традиций у русских по всей Латгалии. Автор четко выделяет традицию фольклора северо-восточной Латгалии и окрестностей Педедзе, указывая на ее «ярко выраженный псковско-новгородский характер». Вместе с тем, говоря о традициях фольклора западной и юго-западной Латгалии и окрестностей Иллуксте, автор ограничивается лишь указаниями, что традиционные произведения устного народного творчества «отражают особенности тех местностей, откуда были принесены», и что «на них так же сказывается влияние близкого соседства с латышским и белорусским народами...» (стр. 4). Это слишком обобщенная картина создает, нам кажется, не совсем верное представление о фольклорных традициях этого сложного в этническом отношении района. Хотелось, чтобы И. Д. Фридрих более подробно и конкретно показал специфику местного фольклора.

Сделанные замечания не снижают, разумеется, ценности книги — первого наиболее полного свода песенного фольклора русских старожилов Латвии. Материалы по фольклору и обрядам, опубликованные в сборнике, являются ценным вкладом в исследование их культуры.

Хотелось пожелать составителю сборника продолжить работу по изданию фольклора русского населения Латвии, в частности обратиться к прозаическим жанрам, частушкам.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

М. М. Фрейденберг. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. Калинин, 1972, 252 стр.

М. М. Фрейденберг — автор многих статей по проблемам истории города и деревни в феодальной Далмации. В его докторской диссертации «Далматинский город и его сельская округа в XIII—XV вв.» основной упор сделан на изучение особенностей истории города, а история сельской округи служит лишь фоном. Книга же «Деревня и городская жизнь Далмации XIII—XV вв.» построена иначе: здесь автор обратился преимущественно к сельским проблемам, особенно к истории пригородной деревни, которая развивалась в непосредственной близости к городу.

Книга выросла из специального курса лекций, прочитанного на историческом факультете Калининского государственного университета. Но о таком происхождении работы свидетельствует совсем немногое: она разделена не на «главы», а на «лекции», вместо подстрочных примечаний — комментарии. В целом же работа гораздо шире, чем просто публикация спецкурса. Это солидная монография с полным научным аппаратом и ценными приложениями (публикация двух важных источников, картосхемы, метрологическая справка, библиография, резюме на английском языке).

Средневековая хорватская деревня уже не раз привлекала внимание советских историков. Вскоре после войны вышли в свет книги Б. Д. Грекова «Винодол» и «Полица», в которых анализировались самые известные памятники обычного хорватского права. Позднее деревню X—XI вв. изучали Е. А. Ефремов и Ю. В. Бромлей, исследовавшие ранний этап феодализации в Хорватии¹. Книга М. М. Фрейденберга позволяет увидеть более поздний этап социальной эволюции и строится на использовании не только сельских судебныхников, но и городских статутот (из Задара, Шибеника, Сплита, Трогира), нотариальных актов, судебных протоколов, в общем всего, что сохранили городские архивы.

Изучение автором сборников обычного права с адриатического побережья Хорватии не ограничивается Полициком и Винодолскими статутами; к работе привлекаются уставы из Истрии (Каставский, Мощеницкий и Вепринацкий) и из северной Далмации (Новиградский). Некоторые из них никогда не изучались в советской литературе, а между тем они являются превосходными историческими и историко-этнографическими источниками. Судебники содержат сведения о народных обычаях, внутрисемейных отношениях, общинных традициях, способах раздела задружного (т. е. большесемейного) имущества; особенно интересен в этом смысле Новиградский сборник 1551—1553 гг. (М. М. Фрейденберг начал изучать его еще в 1962 г.).

Работа ученого над судебниками проводилась в трех различных направлениях. Прежде всего исследователь прослеживает постепенное превращение судебныхников из собрания норм обычного права в записи феодальных повинностей (стр. 22), показывает, как постепенно убывают черты общинного быта и нарастают элементы вотчинного подчинения. Наиболее «общинным» судебником, по мысли автора, является Полицкий статут, а наиболее «вотчинным» — неизвестный до сих пор советской и зарубежной науке «Вранский законник», записанный по-итальянски в 1454 г. неподалеку от Задара. М. М. Фрейденберг обнаружил его списки в бумагах покойного задарского историка И. Грлича и публикует в итальянском оригинале и русском переводе. Вранский судебник, весьма любопытный сам по себе, важен еще и потому, что как бы восполняет недостающее звено в той цепи, в которую «выстраиваются» далматинские сельские сборники обычного права XIII—XV вв.

Второй ракурс анализа сельских судебныхников, который предлагает М. М. Фрейденберг, — это изучение общинных распорядков в приморской деревне (лекция «Общинные связи»). Внимание к этой теме совершенно закономерно: в южнославянских странах в течение столетий устойчиво сохранялись общинные традиции, и далматинское побережье не составляет в этом отношении исключения. Автор выделяет и отдельно рассматривает различные типы общины: большую семью, патронимию (рагептес, «верные братья»), наконец, соседскую общину — марку, которая здесь была велика, включая в себя целую округу — жупу (типа Полицкой жупы). Он обращает особое внимание на важный компонент соседской общины — наделную систему. Существование наделов («ждиеб», *sorgs*) уже отмечалось в литературе. Но М. М. Фрейденбергу удалось сделать здесь два принципиальных (притом весьма существенных) наблюдения. Во-первых, он находит следы наделов не только в XIII—XIV вв., как это принято было считать, но и в конце XI в. Во-вторых, он устанавливает, что зона

¹ Б. Д. Греков, Винодол, М.—Л., 1948; его же, Полица (опыт изучения общественных отношений в Полице), М., 1951; Е. А. Ефремов, Формирование феодальной собственности на землю в Далматинской Хорватии в X—XI вв., «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XX, 1960, стр. 159—195; Ю. В. Бромлей, Становление феодализма в Хорватии (к изучению процесса классовобразования у славян), М., 1964.

распространения общинных наделов обычно приближается к городу не ближе чем на полтора десятка километров, т. е. располагается как бы на городской периферии; одновременно она является и зоной распространения вотчинных отношений. В результате автор приходит к любопытному заключению, что система общинных наделов была здесь включена в систему вотчинной эксплуатации, послужила чуть ли не ее организационной основой. Разумеется, эта закономерность нуждается в серьезной проверке: пока она выведена лишь на материалах округа г. Задара.

Несомненный интерес представляет еще один общинный коллектив — «лига». Автор считает, что лига, не имевшая иных функций, кроме судебного-административных, была социальным органом, производным от соседской общины. Создается, однако, впечатление, что это слишком общее определение можно было бы уточнить: лига выглядит как модифицированный рудимент или, возможно, вторичная разновидность сельского схода. Члены лиги (только домохозяева!) регулярно устраивали сборы («збороро» — так лига называется в венецианских документах), где судили и наказывали пойманных преступников и договаривались о поддержании порядка в своей округе. Данные о лиге, таким образом, позволяють познакомиться с той стороной общественной жизни, которая чаще остается для исследователя в тени, — с внутренним, правопорядком и самоуправлением. Автор считает, что самоуправление достигает в Далмации наибольшего развития во второй половине XV в., и связывает это с вторжением турок, когда начинается полоса войн и разбоев, и Венеция стремится переложить на самих крестьян расходы и хлопоты, необходимые для поддержания порядка на селе. Рассмотрение «внутренней» стороны сельской жизни помогло автору показать влияние ситуационных факторов на сохранение и возрождение местных традиционных институтов.

В книге предложен и третий путь изучения обычного права: автор пытается проникнуть в духовный мир общинника и увидеть общину как бы его глазами. Этому посвящен раздел «Крестьянская свобода», появление которого стало возможным благодаря пристальному и во многом свежему прочтению судебных (главным образом Полицкого статута и Новиградского сборника). Внимание исследователя привлекает образ мышления средневекового далматинского крестьянина, сохранение в его воззрениях ряда архаических черт, его стремление к публичности, гласности совершаемых акций (особенно связанных с имущественными вопросами). Интересно и наблюдение об уважительном отношении местного права к труду за плату, что автор связывает с распространенным в далматинской деревне наемным трудом.

В книге дается обстоятельная характеристика присущей Далмации системы феодальной эксплуатации. Феодальной вотчине там обычно сопутствовало так называемое «кметство». Кметское держание было в известной степени подчинено вотчинной юрисдикции и аппарату вотчинной администрации, кмет был обязан полевой барщиной. Но эта форма крестьянской зависимости была распространена лишь на периферии приморской области, в далматинской «глубинке». В пригородных же зонах бытовала иная система поземельных отношений — колонат, составлявший важнейшую часть здешних правоотношений: местные крестьяне были колонами вплоть до нового времени.

Основной вывод сводится к тому, что колонат сформировался под воздействием не вотчины, а города. В доказательство приводятся особенности самого колонского держания: дробность владений, применение денежного аванса (когда перед разбивкой виноградника колон получал ссуду от землевладельца), товарные связи колоны с городским рынком. Автор специально подчеркивает, что колоны занимались по преимуществу садоводством и виноградарством и что, с другой стороны, колонатные отношения были распространены главным образом именно в виноградарстве и садоводстве (в частности, при разведении оливок). Однако справедливее было бы считать далматинский колонат с его особенностями следствием не одного только развития городов, но всей совокупности местных условий, прежде всего природных. В частности, известно, что культивирование винограда и оливок появляется здесь еще до расцвета городской жизни, в раннем средневековье, и продолжается во время упадка городов под властью венецианцев — это отмечает и сам автор.

Особого внимания заслуживает интересное заключение М. М. Фрейденберга о неоднородности общественной структуры средневековой Далмации, точнее, о существовании в ней двух укладов: господствующего феодального (в свою очередь отличавшегося внутренней неоднородностью) и подчиненного ему общинного. Вывод о том, что общинные отношения в тогдашней Далмации представляли собой не просто отдельные, пусть значительные, штрихи быта, но существовали в виде особого уклада, вполне закономерно вытекает из всей аргументации автора, касающейся общинных распорядков и занятия населения. К сожалению, автор тут же спешит оговориться, что этот общинный уклад в тогдашней Далмации был «инородным организмом» как в территориальном отношении («он значительно ближе к внутрибалканским распорядкам» с их архаикой), так и хронологически (поскольку «представляет осколок свободы в феодальном обществе»). Это замечание (стр. 206) слишком бегло, оно поверхностно аргументировано и небрежно сформулировано и никак не сочетается с главным тезисом книги.

Действительно, почему провинциальные, глубинные районы «с их примитивным бытом» и отгонным скотоводством (продукция которого, кстати, поступала на город-

ские рынки и ярмарки) «инородны» для Далмации? Почему общинные отношения, для всей этой территории столь характерные, лишь «осколок» чего-то иного (видимо, первобытного прошлого), а не органическая — хотя, возможно, и не преобладающая — часть средневековой жизни страны? Ведь не потому только, что истоки этих отношений и их полный расцвет остались в предшествующей формации? Наконец, как быть с положением о многоукладности далматинской общественной структуры, о которой со справедливой уверенностью говорит сам автор? А ведь такая многоукладность, как известно, была характерна как раз для общественных систем, не вполне сложившихся, причем их «недозрелость» — не стадийная, а типологическая черта.

Другое дело, что, говоря о различных укладах местной жизни, следовало бы точнее определить «удельный вес» каждого из них, и не только в порядке исторической перспективы, как это делает автор, но и применительно к изучаемому им времени.

Вместе с тем ясно, что здесь мы подходим к некоему более общему вопросу, который задает автором. Вопрос этот привлекает внимание не впервые: он присутствует во многих работах, особенно построенных на материале «неклассических» образцов развития феодализма. По существу это «проблема пережитков» предшествующей (или предшествующих) общественных систем. Сейчас уже стало совершенно очевидно, что пора вычленил этот сюжет, и прежде всего проблему социальных пережитков, в тему самостоятельного конкретно-исторического и типологического исследования. Необходимо вычленил и обобщать реликтовые социальные типы, анализировать их место, роль, формы их сочетания с господствующим строем, выявлять факторы их консервации и разложения.

Возвращаясь к книге «Деревня и городская жизнь в Далмации...», хочется сделать автору еще несколько упреков, непосредственно касающихся темы или манеры ее раскрытия. Так, один из наиболее обещающих разделов работы — о крестьянской зависимости — дает меньше ожидаемого, поскольку там почти отсутствует характеристика вотчины XIII—XV вв. Вероятнее всего, это вызвано скудостью материала, но такая же (или даже большая) скудость его не помешала ученому воссоздать облик более ранней вотчины — XI—XII вв. (стр. 130—139). В социально-психологическом этюде присутствует некоторое — кстати, для данного жанра довольно типичное — «смещение»: черты, присущие крестьянскому мировосприятию, расцениваются как особенности мышления именно далматинского крестьянина. Достаточно известные проявления архаизма в мышлении средневекового крестьянства иногда «напрямую» связываются с социальным и экономическим архаизмом местной жизни, иногда же без достаточных оснований выдаются за нечто «новое» (как, например, анимализм местного права). Автор использует этнографическую литературу, особенно для характеристики повседневного сельского быта (дома из грубо отесанного камня, земляные террасы, цистерны для воды и т. д.); не мешало бы, однако, показать, какие изменения произошли здесь за 500 лет. Мало материала приводится о деревенских рынках, даже о хорошо известных автору ярмарках (стр. 53—54; ср. стр. 23).

Особенно досадно, что в книге, задуманной как труд «о деревне и городской жизни», тема города оказалась нераскрытой. Мотивы включения раздела о городе понятны, без него исследователь не смог бы подтвердить один из центральных своих выводов — об особенностях развития товарных отношений в средневековой Далмации: «условно город и деревню в Далмации можно рассматривать не столько в качестве двух обособленных и включавшихся в обмен друг с другом производственных зон, сколько в качестве двух составных частей одной сферы товарного производства, ориентированного в значительной степени на внешний рынок» (стр. 187). Между тем очерк городской жизни гораздо суше остальных глав, он сделан настолько бегло, что лишь знакомство со статьями автора, посвященными городским сюжетам, может помочь читателю разобраться в поставленных очерком вопросах. В итоге раздел о городе оказался чужеродным книге, он нарушает цельность авторской манеры. И возникает естественное пожелание М. М. Фрейденбергу: оформить его многолетние исследования по истории средневекового далматинского города в особую работу, в новую монографию.

Список замечаний и пожеланий, как обычно, можно приумножить. Но главное совсем не в этом. Важно, что М. М. Фрейденберг написал интересную и содержательную монографию, которая уже нашла своего внимательного читателя среди исследователей разных специальностей. Главное в том, что книга помогает заполнить еще одну клетку в типологической таблице европейского средневековья.

А. А. Сванидзе

Советская наука понесла тяжелую утрату. 21 февраля 1973 г. на 71-м году жизни скончался видный историк и этнограф, член-корреспондент АН УССР, заслуженный деятель науки УССР, доктор исторических наук, профессор Константин Григорьевич Гуслистый.

К. Г. Гуслистый родился в г. Александровске (ныне Запорожье) 1 октября 1902 г. в семье рабочего. Окончив Запорожскую педагогическую школу и курсы подготовки учителей, в 1921—1922 гг. он начал свою педагогическую, а с 1928 г., после окончания Днепропетровского института народного образования, научную деятельность. С 1928 по 1931 г. К. Г. Гуслистый учился в аспирантуре: вначале в Днепропетровске при кафедре украиноведения Днепропетровского института народного образования, а затем в Научно-исследовательском институте истории украинской культуры в Харькове. По окончании аспирантуры он был оставлен для научной работы в Институте истории украинской культуры. В эти же годы К. Г. Гуслистый читал курсы истории СССР, УССР, ВКП(б) в высших учебных заведениях Харькова.

После окончания аспирантуры К. Г. Гуслистый работал старшим научным сотрудником и руководителем исторического сектора в Научно-исследовательском институте им. Т. Г. Шевченко (Харьков—Киев) и научным сотрудником в Институте истории Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских институтов (Киев). С 1936 по 1941 г. он исполнял обязанности профессора кафедры истории СССР в Киевском государственном педагогическом институте, а в 1940 г. был заведующим этой кафедрой.

С 1936 г. до последних дней К. Г. Гуслистый работал в Академии наук Украинской ССР, вначале старшим научным сотрудником и заведующим отделом истории феодализма Института истории, а с 1954 г.—заместителем директора и заведующим отделом этнографии (в последнее время—старшим научным сотрудником) Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рылеского.

За время своей многолетней научной деятельности К. Г. Гуслистый опубликовал свыше 200 работ, охватывающих широкий круг вопросов из области истории, этнографии и других смежных наук.

К. Г. Гуслистый принадлежит к тому поколению советских ученых, которые закладывали фундамент марксистской историографии на Украине, подчас в сложной борьбе с различными буржуазно-националистическими теориями. Его работы, посвященные освободительной борьбе украинского народа против польско-литовского феодального гнета, украинско-русским историческим связям, возникновению украинского казачества, крестьянско-казацким восстаниям XVII—XVIII вв., во многом способствовали утверждению украинской советской исторической науки, в особенности медиевистики, на позициях историзма и марксистско-ленинской методологии. Работы К. Г. Гуслистого, в частности написанная совместно с Ф. Я. Ястребовым книга о Киевской Руси («Очерки из истории Украины», вып. 1, 1937), способствовали утверждению и популяризации общепринятой ныне в советской науке концепции о Киевской Руси как колыбели трех братских народов: русского, украинского и белорусского.

Много сил и энергии отдал К. Г. Гуслистый развитию советской украинской этнографии. С 1954 г. он возглавлял авторский коллектив по подготовке первой в советской этнографической литературе обобщающей монографии об украинском народе — «Украинцы», в сокращенном варианте опубликованной в 1-м томе «Народов Европейской части СССР» серии «Народы мира. Этнографические очерки» (М., 1964). Он же возглавлял работу по созданию тома «Расцвет культуры» 5-томного издания «Украина в период развернутого строительства коммунизма» (Киев, 1967, на укр. яз.), а также сборника «Коммунизм и быт» (Киев, 1963, на укр. яз.). В 1964 г. под его руководством в институте началась работа над «Региональным историко-этнографическим атласом Украины, Белоруссии и Молдавии», выполняющимся совместно с Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, отделом этнографии и искусствоведения АН МССР, Музеем этнографии и художественного промысла АН УССР. Талантливый организатор, К. Г. Гуслистый внес большой вклад в развертывание этнографических исследований на Украине и способствовал возобновлению в послевоенные годы антропологических исследований.

К. Г. Гуслистый принимал активное участие в различного рода форумах — конгрессах, конференциях, ежегодных научных сессиях Института этнографии АН СССР и др. В 1960 г. в составе делегации ученых Советского Союза К. Г. Гуслистый принимал участие в работе VI Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Париже, где выступил по вопросу изучения культуры и быта рабочего класса Украины. Его доклады были заслушаны также на VII (Москва, 1964 г.) и VIII (Токио, 1968 г.) международных конгрессах антропологических и этнографических наук.

Большое место в научных интересах К. Г. Гуслистого занимали вопросы этногенеза и этнической истории украинского народа, проблемы формирования украинской народности и нации. Немало сделано им для того, чтобы обосновать положение о формировании русских, украинцев и белоруссов на общей базе единой древнерусской на-

родности. В своих работах К. Г. Гуслистый остро критиковал любые попытки буржуазно-националистических и расистских «теоретиков» исказить этническую историю украинского народа, опорочить братский союз с другими восточнославянскими народами.

Значительное внимание К. Г. Гуслистый уделял изучению и пропаганде ленинской методологии этнографических исследований, понимая ее важное теоретическое и практическое значение для дальнейшего развития советской этнографии. Он всемерно содействовал развертыванию в республике наиболее важных и актуальных исследований, таких, как изучение социалистических преобразований в культуре и быте рабочего класса и колхозного крестьянства, новых культурно-бытовых явлений, возникающих в процессе коммунистического строительства, этнокультурных взаимосвязей украинского народа и других народов СССР в связи с формированием новой исторической общности — советского народа.

К. Г. Гуслистый известен как научный редактор многих работ по истории, этнографии, фольклористике, искусствоведению. Он был членом редколлегии 17-томной «Украинской советской энциклопедии», 4-томной «Советской энциклопедии истории Украины», многотомных изданий «История Украинской ССР» и «Украинское народное творчество», журнала «Народна творчість та етнографія», редактором большого числа отдельных монографий. Несмотря на постоянную загруженность, Константин Григорьевич находил время и силы для работы с молодежью. Под его руководством только в послевоенный период около 40 историков и этнографов подготовили и защитили кандидатские диссертации.

За свою плодотворную общественную и научную деятельность К. Г. Гуслистый был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями и другими наградами.

К. Г. Гуслистый обладал высокими душевными качествами. Всех, кто работал с ним, поражали его творческий темперамент, энергия, искренняя отзывчивость, простота и человечность. Он охотно делился своим опытом и знаниями, своими творческими идеями и замыслами. Двери его кабинета и квартиры были открыты для всех.

Светлая память о Константине Григорьевиче Гуслистом, талантливом ученом-коммунисте, душевном и жизнерадостном человеке, навсегда останется в сердцах всех, кто знал его.

В. Ф. Горленко

Основные труды К. Г. Гуслистого

- З історії класової боротьби в Степовій Україні в 60—70 рр. XVIII ст. Харків, 1933.
- Київська Русь і феодальні князівства XII—XIII ст. Київ, 1937 (с соавторстве с Ф. Ястребовым).
- Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст. по 1539 р.). Київ, 1939.
- Визвольна боротьба українського народу проти шляхетської Польщі в другій половині XVI і в першій половині XVII ст. Київ, 1941.
- Коліїщина. Київ, 1947.
- Турбаївське повстання. Київ, 1947.
- Київська Русь — колиця трьох братніх народів — російського, українського і білоруського. Стенограма лекції, Київ, 1950.
- Исторические связи Украины с Россией до освободительной войны 1648—1654 гг. В кн. «Воссоединение Украины с Россией 1648—1654», М., 1954.
- Культура Украины. В кн. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», М., 1956.
- Велике національне свято українського народу (до 40-річчя УРСР). «Народна творчість та етнографія», 1957, № 4.
- Всесоюзна етнографічна нарада 1956 р. і питання розвитку української етнографії. «Народна творчість та етнографія», 1957, № 1.
- Жовтнева революція і розквіт раянської культури. «Народна творчість та етнографія», 1957, № 3.
- Етапи формування української буржуазної нації. «Наукові записки Інституту мистецтвознавства, фольклору та етнографії», 1958, т. 4.
- К вопросу о формировании украинской буржуазной нации. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», 1958, т. 29.
- К вопросу об исторических условиях возникновения украинских дум. В кн. «Основные проблемы эпоса восточных славян», М., 1958.
- Стан і завдання розвитку етнографічної науки в УРСР. «Народна творчість та етнографія», 1958, № 4.
- Про початок перетворення української народності в націю. «Народна творчість та етнографія», 1959, № 1.
- Утворення української народності. «Народна творчість та етнографія», 1960, № 1.
- Историко-етнический розвиток українського народу в другій половині XVII — першій половині XIX ст. «Народна творчість та етнографія», 1961, № 3.

- О периодизации истории украинской этнографии. «Сов. этнография», 1961, № 1 (в соавторстве с В. Ф. Горленко).
- Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа (период феодализма). Киев, 1963.
- К вопросу об этногенезе и начальном этапе этнического развития украинской народности. М., 1964 (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, август 1964 г.).
- До питання про утворення української нації. Київ, 1967.
- Українська радянська етнографія (Підсумки і перспективи розвитку). «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1.
- Работа над «Регіональним історико-етнографічним атласом України, Білорусії та Молдавії». «Народна творчість та етнографія», 1969, № 4 (в соавторстве с М. Рабиновичем).
- Формирование и развитие феодальных отношений у восточных славян. Древнерусское государство. Период феодальной раздробленности Руси (XII—XIV вв.). Феодально-крепостнические отношения и борьба народных масс против социальства и национального гнета в XV—XVI вв. Образование украинской народности (§ 1—8, 12). В кн. «История Украинской ССР». Киев, 1969.
- Ленин и вопросы этнической истории украинского народа. «Сов. этнография», 1970, № 5.
- Ленінська методологія етнографічних досліджень. «Народна творчість та етнографія», 1970, № 2.
- Розквіт української радянської культури і націоналістичні вигадки. «Народна творчість та етнографія», 1970, № 6 (в соавторстве с Л. Демиденко).
- Про буржуазно-націоналістичні перекопання у дослідженнях етногенезу українського народу. «Народна творчість та етнографія», 1971, № 1.
- Про розвиток української радянської етнографічної науки між XXIII і XXIV з'їздами КПРС. «Народна творчість та етнографія», 1971, № 1.

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

В целях обеспечения своевременной доставки нашего журнала, каждому подписчику присвоен постоянный цифровой код, который будет сообщен Вам Центральным подписным агентством «Союзпечать».

При возобновлении подписки на 1974 и последующие годы цифровой код следует проставлять на нижней строке абонемента, справа от фамилии, инициалов (наименования организации, выписывающей данное издание).

СОДЕРЖАНИЕ

И. С. Гурвич (Москва). Этнокультурное развитие береговых чукчей и азиатских эскимосов	3
М. С. Бутинова (Ленинград). Проблемы происхождения и ранних форм религии в музейных экспозициях	17
Г. П. Белорукова (Сыктывкар). Лесные рабочие Коми АССР (этнокультурные процессы)	29
Н. Н. Чебоксаров (Москва). К этнической антропологии Южного Китая (по материалам полевых исследований в провинции Гуандун)	40
Л. Уорнер (Халл, Великобритания). О фольклорном происхождении некоторых эпизодов русской народной драмы «Царь Максимилиан» и ее сходстве с народным театром Англии	51
Дискуссии и обсуждения	
М. К. Сапожникова (Москва). К вопросу о периодизации первобытнообщинного строя	60
Сообщения	
А. А. Сусоколов (Москва). Непосредственное межэтническое общение и установлики на межличностные контакты	73
Е. Н. Данилова (Москва). Семья и патронимия в системе сельской общины абазин во второй половине XIX века	79
З. А. Широкова (Душанбе). Туникообразные платья таджиков горного Таджикистана	88
Х. Ю. Мухитдинов (Душанбе). Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксонохура	99
Н. А. Баскаков (Москва). Душа в древних верованиях тюрков Алтая (термины, их значение и этимология)	108
Г. В. Цудая (Москва). Грузинская книжная легенда о Чингисхане	114
В. П. Левкович, Н. Г. Панкова (Москва). Проблемы формирования этнического самосознания у детей в работах зарубежных ученых	123
Поиски, факты, гипотезы	
В. Е. Гусев (Ленинград). У гусяров Боснии и Черногории	132
Научная жизнь	
И. М. Семашко, З. П. Соколова (Москва). Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1972 года	142
С. Б. Фараджев (Ленинград). Проблемы музейного хранения, консервации и реставрации произведений декоративно-прикладного искусства	148
С. П. Борисковская (Ленинград). Научная конференция, посвященная истории и культуре этрусков	151
Коротко об экспедициях	154
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
Н. И. Моздыр (Львов), С. Б. Рождественская (Москва). Новые труды по словацкой культуре	157
Общая этнография	
Л. А. Файнберг (Москва). <i>Circumpolar problems. Habitat, economy and social relations in the Arctic. A Symposium for anthropological research in the North, September, 1969</i>	159

С. Г. Федорова (Москва). Новые советские издания материалов путешествий Джемса Кука	160
Народы СССР	
Я. Р. Винников (Москва). А. Булатова. Лакцы (XIX — начало XX в.) Исто- рико-этнографические очерки	163
В. П. Кобычев (Москва). В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза)	165
Л. П. Потапов (Ленинград). Т. Д. Баялиева. Доисламские верования и пе- режитки у киргизов	166
В. В. Селиванов (Ленинград). А. П. Окладников, А. И. Мартынов. Сокрови- ща Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы	168
Э. А. Рикман (Москва). Древности Московского Кремля	171
Т. С. Макашина (Москва). Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор	173

Народы Зарубежной Европы

А. А. Сванидзе (Москва). М. М. Фрейденберг. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв.	176
---	-----

<u>Константин Григорьевич Гуслистый</u>	179
---	-----

На первой странице обложки: Чукотка. В гости к родным. Фото К. Мустафина.
Фотохроника ТАСС.

SOMMAIRE

I. S. Gourvitch (Moscou). Evolution ethnoculturelle des Tchouktchi et des Esquimaux asiatiques	3
M. S. Boutinova (Léningrad). Problèmes des origines et des premières formes de la religion aux expositions de musées	17
G. P. Bieloroukova (Syktyvkar). Ouvriers forestiers de la R. S. S. A. des Komi (processus ethnoculturels)	29
N. N. Tchéboksarov (Moscou). Contribution à l'anthropologie ethnique de la Chine du Sud (d'après les matériaux des recherches sur le terrain dans la pro- vince de Kwangtung)	40
L. Warner (Hull, Grande-Bretagne). Sur les origines folkloriques de certains épisodes du drame populaire russe dit «Tsar Maximilian» et de la ressemblance de celui-ci au théâtre populaire d'Angleterre	51

Discussions et délibérations

M. K. Sapojnikova (Moscou). Du problème de la périodisation de l'histoire du régime clanique primitif	60
--	----

Communications

A. A. Soussokolov (Moscou). Contact interpersonnel direct et les orienta- tions vers les rapports interethniques	73
Ye. N. Danilova (Moscou). Famille et patronymie dans le système de la com- munauté rurale des Abazines dans la 2-e moitié du XIXe siècle	79
Z. A. Chirokova (Douchanbé). Les robes en tunique des femmes tadjiques du Tadjikistan de montagnes	88
Kh. Yu. Moukhitdinov (Douchanbé). Les statuettes d'une divinité féminine au miroir provenant de Saksonokhour	99
N. A. Baskakov (Moscou). L'âme dans les anciennes croyances des Turks d'Al- taï (termes, leur signification et étymologie).	108
G. V. Tsulaïa (Moscou). Une légende géorgienne sur Tchénghiz-Khan	114
V. P. Lievkovitch, N. G. Parkova (Moscou). Problèmes de formation de la conscience ethnique chez les enfants (d'après les études des chercheurs étran- gers)	123

Recherches, faits, hypotheses

V. Ye. Goussiev (Léningrad). Chez les joueurs de gouzla en Bosnie et Monténégro	132
---	-----

Vie scientifique

I. M. Siemachko, Z. P. Sokolova (Moscou). Une session consacrée aux résultats des recherches archéologiques et ethnographiques sur le terrain en 1972	142
S. B. Faradjiv (Léningrad). Problèmes de la conservation aux musées et de la restauration des objets utilitaires de l'art décoratif	148
S. P. Boriskovskaïa (Léningrad). Conférence scientifique consacrée à l'histoire et la culture des Etrusques	151
Missions en bref	154

Critiques et bibliographie

Articles de critique et revues

N. I. Mozdyr (Lvov), S. B. Rojdiestvianskaïa (Moscou). Nouvelles études sur la culture des Slovaques	157
--	-----

Ethnographie générale

L. A. Faïnberg (Moscou). Circumpolar problems. Habitat, economy and social relations in the Arctic. A Symposium for anthropological research in the North, September, 1969	159
S. G. Fiodorova (Moscou). Nouvelles publications soviétiques des matériaux des voyages de James Cook	160

Peuples de l'U.R.S.S.

Ya. R. Vinnikov (Moscou). A. Boulatova. Les Laktsi (XIXe — début XXe siècles). Essais historico-ethnographiques	163
V. P. Kobytchév (Moscou). V. B. Vinogradov. Le Caucase Central et du Nord-Est à l'époque scythe (problèmes d'histoire politique, d'évolution culturelle et d'ethnogenèse).	165
L. P. Potapov (Léningrad). T. D. Baïaliéva. Croyances et survivances préislamiques chez les Kirghiz	166
V. V. Sielivanov (Léningrad). A. P. Okladnikov, A. I. Martynov. Les trésors des «pissanitsy» de Tomsk. Figurations rupestres des époques néolithique et de bronze	168
E. A. Rikman (Moscou). Les antiquités du Kremlin de Moscou	171
T. S. Makachina (Moscou). Le folklore russe en Lettonie. Chants, rites et folklore enfantin	173

Peuples de l'Europe hors l'U.R.S.S.

A. A. Svanidzé (Moscou). M. M. Freidenberg. La campagne et la vie urbaine en Dalmatie des XIII—XVe siècles	176
Konstantine Grigoriévitch Gouslisty	179

Sur la couverture: La péninsule Tchoukotski. En visite chez les parents (cliché K. Moustafine, TASS)

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 13/VII-1973 г.	T-16213.	Подписано к печати 2/X-1973 г.	Тираж 2420 экз.
Зак. 5554.	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Усл. печ. л. 16,1.	Бум. л. 5 ³ / ₄ .
			Уч.-изд. л. 18,9.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

1-1

ЛЕНИНГРАД Д 69

САДОВАЯ-18

ГОС ПУБЛ В-КА

70345

1-12

2 ЭКЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» Центральная контора «Академкнига»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. 1966. 251 стр. 1 р. 08 к.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. 1964. 128 стр. 52 к.

Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. 1964. 354 стр. 1 р 30 к

Антропологический сборник.

Т. 2. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 50. 1960. 232 стр. 1 р. 35 к.

Т. 3. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 71. 1961. 292 стр., 2 вкл. 1 р. 75 к.

Т. 4. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 82. 1963. 208 стр. 1 р. 28 к.

Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 гг. 1963. 328 стр. 1 р. 76 к.

Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. 1958. 152 стр., 20 табл. 40 к.

Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 гг. 1958. 158 стр., 19 табл. 40 к.

Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. № 81. 1960. 218 стр., 3 вкл. 50 к.

Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. 1969. 391 стр. 1 р. 41 к.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117463 Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепрпетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Менделеевская линия, 1; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.